ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича Гоголя.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15-го Января 1856 года.

Цензоръ *Фонъ-Крузе*.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича

ГОГОЛЯ,

СОСТАВЛЕННЫЯ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЕГО ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХЪ И ИЗЪ ЕГО СОБСТВЕННЫХЪ ПИСЕМЪ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ Н. В. Гоголя.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Юліуса Штауфа.
1856.

Ф. п. 5176

Bayerische
Staatsbibliothek
München

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича Гоголя.

XX.

Воспоминаніе А.О.С—ой о жизни Гоголя въ Римѣ и въ Ниццѣ.—Переписка съ С. Т. Аксаковымъ и съ Н. Н. Ш***.

Осенью 1842 года А.О.С—ва поѣхала въ Италію и остановилась, въ ноябрѣ, во Флоренціи. Неожиданно получила она отъ Гоголя письмо, въ которомъ онъ писалъ, что его удерживаетъ въ Римѣ больной Языковъ, и просилъ ее пріѣхать въ Римъ. »Увидѣть васъ (заключилъ онъ) у меня душевная потребность«. Черезъ нѣсколько времени она получила отъ него другое письмо, которое оканчивалось такъ: »Упросите себя ускорить пріѣздъ свой: увидите, какъ этимъ себя самихъ обяжете«.

Въ концѣ декабря братъ г-жи С—ой, А.О.Р***, поѣхалъ въ Римъ, для пріисканія ей тамъ жилья, а въ концѣ генваря 1843 года она отправилась туда сама и пріѣхала на Piazza Troiana, въ Palazzetto Valentini. Верхній этажъ былъ освѣщенъ. На лѣстницу выбѣжалъ Гоголь, съ протянутыми руками и съ лицомъ, сіяющимъ радостью.

— Все готово! сказалъ онъ. — Обѣдъ васъ ожидаетъ, и мы съ А.О. (имя брата г-жи С—ой) уже распорядились. Квартиру эту *я* нашелъ. Воздухъ будетъ хорошъ; Корсо подъ рукою, а что́ всего лучше—вы близко отъ Колизея и Fora Boario.

Поговоривъ немного, онъ отправился домой, съ обѣщаніемъ придти на другой день. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ пришелъ въ часъ, спросилъ карандашъ и лоскутокъ бумаги и началъ писать:

»Куда слѣдуетъ А.О. навѣдываться между дѣломъ и бездѣльемъ, между визитами, и проч. и проч.«

Въ этотъ день Гоголь былъ съ г-жей С—ой во многихъ мѣстахъ и кончилъ обозрѣніе Рима церковью св. Петра. Онъ возилъ съ собой бумажку и вездѣ что-нибудь отмѣчалъ; наконецъ написалъ:

»Петромъ осталась А.О. довольна«.

Такія прогулки продолжались ежедневно въ теченіе недѣли, и Гоголь направлялъ ихъ такъ, что онѣ кончались всякой разъ Петромъ.

— Это такъ слѣдуетъ, говоритъ онъ: — на Петра никакъ не наглядишься, хотя фасадъ у него и комодомъ.

Однажды онъ повезъ г-жу С—ву и ея брата въ San Pietro in Vinculi, гдѣ стоитъ статуя Моисея, работы Микель-Анджело. Онъ просилъ своихъ спутниковъ идти за собою и не смотрѣть въ правую сторону; потомъ привелъ ихъ къ одной колоннѣ и вдругъ велѣлъ обернуться. Они ахнули отъ удивленія и восторга, увидѣвъ передъ собой сидящаго Моисея, съ длинной бородой.

— Вотъ вамъ и Микель-Анджело! сказалъ Гоголь.—Каковъ?

Самъ онъ такъ радовался восторгу спутниковъ, какъ будто *онъ* сдѣлалъ эту статую. »Вообще (говоритъ А.О.С—ва) онъ хвасталъ передъ нами Римомъ такъ, какъ будто это его открытіе«.

Въ особенности онъ заглядывался на древнія статуи и на Рафаеля. Однажды, когда его спутница не столько восхищалась, сколько бы онъ желалъ, Рафаелевой Психеею въ Форнезинѣ, онъ очень серьезно на нее разсердился. Для него Рафаель-архитекторъ былъ столь же великъ, какъ и Рафаель-живописецъ, и, чтобъ доказать это, онъ возилъ своихъ гостей на виллу Madama, построенную по рисункамъ Рафаеля. А.О.С—ва всходила съ Гоголемъ на Петра, и когда сказала ему, что ни за что́ не рѣшилась бы идти по внутреннему

карнизу церкви (который такъ широкъ, что по немъ могла бы проѣхать карета въ четыре лошади), онъ отвѣчалъ:

— Теперь и я не рѣшился бы, потому что нервы у меня разстроены; но прежде я по цѣлымъ часамъ лежалъ на этомъ карнизѣ, и верхній слой Петра мнѣ такъ извѣстенъ, какъ едва ли кому другому. Когда вглядишься въ Петра и въ пропорціи его частей, нельзя надивиться довольно генію Микель-Анджело.

Гоголь ѣздилъ съ А.О.С—ой и въ Альбано. Тамъ онъ сначала казался очень веселъ, потомъ вдругъ почувствовалъ скуку и томленіе. Вечеромъ всѣ спутники Гоголя собрались вмѣстѣ, и одинъ изъ нихъ началъ читать Lettres d'un Voyageur, par George Sand. Гоголь былъ необыкновенно тревоженъ, ломалъ руки, не говоря ни слова, когда другіе восхищались нѣкоторыми мѣстами, и смотрѣлъ какъ-то пасмурно; наконецъ ушелъ къ себѣ. Все небольшое общество его спутниковъ ночевало въ Альбано. На другой день, когда А. О.С—ова спрашивала, зачѣмъ онъ ушелъ, онъ сказалъ:

— Любите ли вы скрипку?

— Да, отвѣчали ему.

— А любите ли вы, когда на скрипкѣ фальшиво играютъ?

— Да что́ же это значитъ?

— Такъ ваша Жоржъ Зандъ видитъ и изображаетъ природу. Я не могъ видѣть, какъ вы ею восхищаетесь. Я удивляюсь, какъ вамъ вообще нравится все это растрепанное.

Въ тонѣ, которымъ онъ говорилъ эти слова, выражалось искреннее сожалѣніе, что люди ему близкіе могутъ восхищаться подобными произведеніями. Во весь тотъ день онъ былъ пасмуренъ и казался озабоченнымъ. Онъ условился провести въ Альбано вмѣстѣ съ г-жею С—ой и ея спутниками трое сутокъ; но, возвратясь вечеромъ изъ гулянья, она съ удивленіемъ узнала, что онъ уѣхалъ въ Римъ. Въ оправданіе этого страннаго поступка онъ приводилъ потомъ такія причины, которыя показывали, что онъ желалъ только отдѣлаться отъ дальнѣйшихъ объясненій.

Во время прогулокъ по Риму, его особенно забавляли ослы, на которыхъ онъ ѣхалъ съ своими спутниками. Онъ находилъ ихъ очень умными и пріятными животными и увѣрялъ, что они ни на

*

какомъ языкѣ не называются такъ пріятно, какъ на итальянскомъ (і сіuесі). Послѣ ословъ его занимали растенія, которыхъ обращики онъ срывалъ и привозилъ домой. Подъ весну, когда уже въ полѣ сдѣлалось веселѣе, онъ выѣзжалъ для прогулокъ въ Кампанію. Особенно любилъ онъ Ponte Numentano и Aqua Accittosa. Тамъ онъ ложился на спинѣ и не говорилъ ни слова. Когда его спрашивали, отчего онъ молчитъ, онъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ говорить? тутъ надобно дышать, дышать, втягивать носомъ этотъ живительный воздухъ и благодарить Бога, что столько прекраснаго на свѣтѣ.

На страстной недѣлѣ Гоголь говѣлъ, и тутъ А.О.С—ва замѣтила уже его религіозное расположеніе. Онъ становился обыкновенно поотдаль отъ другихъ и до такой степени бывалъ погруженъ въ молитву, что, казалось, не замѣчалъ никого вокругъ себя.

А.О.С—ва уѣхала изъ Рима въ маѣ и до іюля не имѣла никакого извѣстія о Гоголѣ; наконецъ узнала, что онъ въ Эмсѣ у Жуковскаго, къ которому она намѣревалась ѣхать. Пріѣхавъ туда изъ Бадена, она узнала, что Гоголь выѣхалъ въ Баденъ къ ней навстрѣчу, и скоро получила отъ него шутливое письмо, которое начиналось такъ:

»Каша безъ масла гораздо вкуснѣе, нежели Баденъ безъ васъ. Кашу безъ масла всё-таки можно какъ-нибудь ѣсть, хоть на голодные зубы, а Баденъ безъ васъ просто не йдетъ въ горло«.

Проведя въ Эмсѣ три дня, она выѣхала въ Баденъ и нашла тамъ Гоголя. Онъ почти всякой день у нея обѣдалъ, исключая тѣхъ дней, когда онъ говорилъ:

— Пойду полюбоваться, чтó тамъ Русскіе дѣлаютъ за табльдотомъ.

Онъ ходилъ въ гостинницы и другія публичныя мѣста, какъ ходятъ въ кунсткамеру. Не будучи почти ни съ кѣмъ знакомъ, Гоголь зналъ почти всѣ отношенія между пріѣзжими и угадывалъ многое очень вѣрно. Всякій день послѣ обѣда онъ читалъ г-жѣ См—ой »Иліаду«, въ переводѣ Гнѣдича, и когда она говорила, что эта книга ей надоѣдаетъ, онъ оскорблялся, сердился и писалъ къ Жуковскому, что А.О. »и на Иліаду топаетъ ногами«. Въ это время онъ ужъ былъ очень извѣстенъ русской заграничной публикѣ по своимъ сочи-

ненiямъ, и князь Д*** просилъ А.О.С—ву показать ему автора »Мертвыхъ душъ«. Гоголь уже простился тогда съ нею и долженъ былъ черезъ минуту проѣхать мимо въ дилижансѣ. Но сколько она ни звала его, чтобъ обернулся къ ней, Гоголь, замѣтивши, видно, съ нею князя, сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, и такимъ образомъ проѣхалъ мимо нея и уѣхалъ во Франкфуртъ къ Жуковскому.

Она не условилась съ нимъ, гдѣ имъ увидѣться въ будущую зиму, и просила его письменно прiѣхать въ Ниццу. Онъ отвѣчалъ, что онъ чувствуетъ, что слишкомъ привязывается къ семейству графа С*** и къ ней, а ему не слѣдуетъ этого дѣлать, чтобъ не связывать своихъ дѣйствiй никакими узами. Живя въ Ниццѣ, А.О. С—ва долго не получала отъ него писемъ, какъ однажды, въ декабрѣ мѣсяцѣ, возвратясь изъ прогулки, нашла въ своей квартирѣ Гоголя.

— Вотъ видите, сказалъ онъ,—вотъ и я теперь съ вами, и поселился очень близко къ вамъ. Я распоряжусь такъ, что буду дѣлить свое время между вами и В—ми.

Квартира его, однакожъ, оказалась неудобною, и онъ переѣхалъ къ В—мъ, въ домъ г-жи Паради.

Въ Ниццѣ Гоголь также почти ежедневно обѣдалъ у А.О.С—ой, но ужъ не читалъ больше послѣ обѣда »Илiады«, а вытаскивалъ вмѣсто нея изъ кармана толстую тетрадь выписокъ изъ Святыхъ Отцовъ. Иногда онъ читалъ сочиненiя Марка-Аврелiя и съ умиленiемъ говорилъ:

— Божусь Богомъ, что ему недостаетъ только быть христiяниномъ!

О своихъ обстоятельствахъ онъ говорилъ очень мало; но такъ какъ было извѣстно, что его способы существованiя очень скудны, то его собесѣдница желала хотя шуткой выпытать, что́ у него есть. Одинъ разъ она начала его экзаменовать, сколько у него бѣлья и платья, и старалась отгадать, чего у него больше.

— Я вижу, что вы просто совсѣмъ не умѣете отгадывать, отвѣчалъ онъ.—Я большой франтъ на галстухи и жилеты. У меня три галстуха: одинъ парадный, другой повседневный, а третiй дорожнiй, потеплѣе.

Изъ распросовъ оказалось, что у него было только необходимое для того, чтобъ быть чистымъ.

— Это мнѣ такъ слѣдуетъ, говорилъ онъ.—Всѣмъ такъ слѣдуетъ, и вы будете жить, какъ я, и, можетъ быть, я увижу то время,

когда у васъ будетъ только двѣ пары платья: одно для праздниковъ, другое для будней. А лишняя мебель и всякіе комфорты въ комнатѣ вамъ такъ надоѣдятъ, что вы сами понемногу станете избавляться отъ нихъ. Я вижу, что это время придетъ для васъ. Вотъ я замѣтилъ, что у меня въ чемоданѣ завелась ненужная вещь; я вамъ ее подарю.

И на другой день принесъ А.О.С—ой рисунокъ Иванова.

Въ то время на нее иногда находила непонятная тоска. Гоголь списалъ собственноручно четырнадцать псалмовъ и заставлялъ ее учить ихъ наизусть. Послѣ обѣда онъ спрашивалъ у нея урокъ, какъ спрашиваютъ у дѣтей, и лишь только она хоть немножко запиналась на словѣ, онъ говорилъ: »Не твердо!« и отсрочивалъ урокъ до другого дня.

Все утро онъ обыкновенно работалъ у себя въ комнатѣ и только въ три часа выходилъ гулять, или одинъ, или съ графомъ М. М. В***. Г-жа С—ва часто встрѣчала его на берегу моря. Если его внезапно поражало какое-нибудь освѣщеніе на утесахъ или на зелени, онъ не говорилъ ни слова, а только останавливался, указывалъ и улыбался. Въ Ниццѣ онъ былъ по большей части очень веселъ, представлялъ своихъ гимназическихъ учителей, разсказывалъ анекдоты и между прочимъ прочиталъ своему небольшому обществу »Тараса Бульбу«. Здоровье его, однакожъ, не было въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ разсказывалъ, что, ѣдучи въ Ниццу, заболѣлъ въ Марсели ночью такъ ужасно, что не надѣялся дожить до утра и съ покорностью ожидалъ смерти. Онъ чувствовалъ, какъ смерть къ нему приближалась, и встрѣчалъ ее молитвами. Утромъ онъ чувствовалъ большую слабость, однакожъ сѣлъ въ дилижансъ и пріѣхалъ въ Ниццу.

Весною 1844 года А.О.С—ва уѣхала говѣть въ Парижъ, а Гоголь въ Штутгардтъ, но вмѣсто Штутгардта попалъ въ Дармштадтъ. Въ іюнѣ она пріѣхала во Франкфуртъ и нашла Гоголя въ Hôtel de Russie. Она провела тамъ двѣ недѣли, видаясь каждый день съ Гоголемъ и Жуковскимъ. Гоголь былъ беззаботно веселъ и не жаловался на свое здоровье.

Въ томъ же году она возвратилась въ Россію и вела съ Гоголемъ дѣятельную переписку, о которой мнѣ извѣстно только, что она была нравственно-религіознаго содержанія.

Слѣдующія письма Гоголя могутъ служить продолженіемъ переданнаго мною разсказа А.О.С—ой.

Къ С. Т. Аксакову.

»1844 г. Ницца. Февраля 10, 30 генв.

»Я очень поздно отвѣчаю на письмо ваше, милый другъ мой. Причин(ою) этого было отчасти физическое болѣзненное расположеніе, содержавшее духъ мой въ какомъ-то безчувственно-сонномъ положеніи, съ которымъ я боролся безпрестанно, желая побѣдить его, и которое отнимало у меня даже охоту и силу писать письма. Меня успокоивала съ этой стороны увѣренность, что друзья мои, то есть тѣ, которые вѣрятъ душѣ моей, не припишутъ моего молчанія забвенію о нихъ. Все, что́ ни разсудили вы на счетъ моего письма къ N*. N*., я нахожу совершенно благоразумнымъ, такъ же какъ и ваши собственныя мысли обо всемъ, къ тому относящіяся. Одно мнѣ было только грустно читать, это то, что ваше собственное душевное расположеніе не спокойно и тревожно. Я придумывалъ всѣ средства, какія могли только внушить мнѣ небольшое познаніе и нѣкоторые внутренніе душевные опыты — — «

*Къ Н. Н. Ш***.*

»Ницца. Марта, 1844.

»Хотя до праздника Воскресенья Христова остается еще три съ половиною недѣли, но я заранѣе васъ поздравляю, добрый и почтенный другъ мой Надежда Николаевна. На дняхъ я ѣду отсюда въ Штутгардтъ, съ тѣмъ чтобъ тамъ въ русской церквѣ нашей говѣть и встрѣтить Пасху. Вы можете быть увѣрены, что я буду молиться и за васъ, какъ, безъ сомнѣнія, вы будете молиться обо мнѣ, и что послѣ провозглашенія »Христосъ воскресе« пошлемъ взаимно другъ другу наши душевныя и братскія лобзанія. Я получилъ отъ васъ два письма съ того времени, какъ писалъ къ вамъ въ послѣдній разъ: одно назадъ тому мѣсяцъ [писанное вамъ отъ 20 генваря], другое гораздо прежде. Не сердитесь на меня за большіе промежут-

ки. Писать письма вообще мнѣ всегда было очень трудно; я это говорилъ впередъ всякому, съ кѣмъ только мнѣ предстояла продолжительная переписка. Теперь же писать мнѣ еще труднѣй, чѣмъ когда либо прежде, потому что всякій разъ возникаетъ въ душѣ вопросъ: будетъ ли отъ письма моего какая-нибудь существенная польза и что-нибудь спасительное для брата? не обратится ли оно въ болтовню или въ повтореніе того, что̀ уже было сказано? Вамъ дѣло другое: вы имѣете болѣе времени, и притомъ вы можете болѣе сказать полезнаго. А мнѣ иногда дорога̀ всякая минута, мнѣ слишкомъ еще много предстоитъ узнать и научиться самому, для того, чтобы сказать потомъ что-нибудь полезное другому. Не забывайте, что кромѣ того мнѣ иногда предстоитъ страшная переписка и отвѣчать приходится на всѣ стороны, и почти всегда такими письмами, которыя требуютъ долгаго обдуманія. И потому я уже давно положилъ писать только въ случаѣ самой сильной душевной нужды. Все это я считаю нужнымъ сказать вамъ, потому что вы уже, какъ мнѣ показалось изъ письма вашего, начали было приписывать другую причину моему рѣдкописанію. Прежде я бы на васъ посердился за такое обо мнѣ заключеніе, какъ сердился нѣкогда на друзей моихъ, толковавшихъ во мнѣ иное превратно. Но теперь не сержусь ни на что и скажу вамъ вмѣсто того вотъ что: друзьямъ моимъ случалось перемѣнять обо мнѣ мнѣніе, но мнѣ еще ни разу не случилось перемѣнить мнѣніе ни объ одномъ близкомъ мнѣ человѣкѣ. Меня не смутятъ не только какіе-нибудь слухи и толки, но даже, еслибы самъ человѣкъ, уже извѣстный мнѣ по душѣ своей, сталъ бы клеветать на себя, я бы и этому не повѣрилъ, ибо *я умѣю вѣрить душѣ человѣка.* Отсюда перейдемъ весьма кстати къ толкамъ обо мнѣ. Сказавши вамъ въ письмѣ, что нѣкоторые толки дошли до меня, я, признаюсь, разумѣю толки, возникшіе вслѣдствіе литературныхъ отношеній и нѣкоторыхъ недоразумѣній, произшедшихъ еще въ пребываніе мое въ Москвѣ. Но какіе могутъ (быть) обо мнѣ теперь толки такого рода, которые могли бы опечалить друзей моихъ — этого я не могу понять. Вы говорите, что васъ смущалъ одинъ слухъ, и не сказываете даже, какой слухъ. Какъ же я могу и оправдаться, еслибы захотѣлъ, когда даже не знаю, въ чемъ

меня обвиняютъ? Зачѣмъ вы, почтенный другъ, употребляете такую загадочность со мною? Неужели опасаетесь тронуть во мнѣ какую либо щекотливую или чувствительную струну? Но на эту-то именно струну и слѣдуетъ нападать. Я почиталъ, что вы хотя въ этомъ отношенiи знаете меня лучше. Вы разсудите сами: стремлюсь я къ тому, къ чему и вы стремитесь и къ чему всякой изъ насъ долженъ стремиться, именно: *быть лучше, чѣмъ есть.* Какъ же вы скрываете и не говорите, когда, можетъ быть, во мнѣ есть дурное съ такой стороны, съ какой я еще и не подозрѣвалъ? Сами знаете также, что съ тѣмъ, который хочетъ быть лучше, не слѣдуетъ употреблять никакой осторожности. Еслибы вы, вмѣсто того, чтобы напрасно смущаться въ душѣ вашей, написали бы просто: »Вотъ какой слухъ до меня дошелъ; нужно ли ему вѣрить?« я бы вамъ тогда прямо, какъ самому Богу, сказалъ бы, правда ли это, или нѣтъ. И такъ впередъ поступайте со мной справедливѣй и притомъ достойнѣй и васъ, и меня. Еще одно слово скажу вамъ о вашихъ письмахъ. Какъ они ни прiятны были мнѣ всегда, но когда я соображался, что̀ вамъ стояла почта, то я желалъ, чтобъ они были рѣже, и отчасти въ этомъ смыслѣ сказалъ вамъ, что, по причинѣ частыхъ разъѣздовъ, переписка частая бываетъ невозможна. Я очень хорошо знаю, что вы помогаете многимъ бѣднымъ, и что у васъ всякая копѣйка пристроена. Зачѣмъ же вы не хотите быть экономны и не поступаете такъ, какъ я васъ просилъ? то есть, отдавайте половину писемъ Аксакову и Языкову. Они мнѣ пишутъ очень мало, иногда я просто получаю одинъ пустой пакетъ; стало быть они и за свое, и за ваше письмо заплатятъ то же самое, что̀ за одно свое.

»Вотъ вамъ все, почтенный другъ мой, что̀ хотѣлъ сказать вамъ. Благодарю васъ за присланную въ письмѣ выписочку, но еще болѣе благодарю, что вы обѣщаетесь послать съ Бабарыкиными молитвы св. Дм. Ростовскаго. Душѣ моей нужнѣй теперь то, что̀ писано Святителями нашей Церкви, чѣмъ то, что̀ можно читать на французскомъ языкѣ. Это я уже испыталъ. Пишите проще какъ можно и называйте всякую вещь своимъ именемъ безъ обиняковъ, не въ бровь, а прямо въ глазъ,—иначе я не пойму вашего письма.«

Къ ней же (1844).

»Благодарю васъ за письмецо и въ немъ особенно за желаніе, чтобъ Богъ благословилъ трудъ мой на пользу ближняго. Ничего бы такъ не хотѣлось, какъ этого. О, еслибы Богъ, не глядя на мерзость и недостоинство мое, но, внявъ единственно молитвамъ добрыхъ душъ, обо мнѣ молящихся, удостоилъ бы меня счастія этого и не отлучался бы отъ меня во все время моей жизни, не смотря на всю мою низость и неблагодарность!«

Къ ней же.

»Благодарю васъ, добрый, великодушный другъ мой Надежда Николаевна, за ваши письма́. Я ихъ часто перечитываю. Въ мои болѣзненныя минуты, въ минуты, когда падаетъ духъ мой, я всегда нахожу въ нихъ утѣшеніе и благодарю всякую минуту руку Промысла за встрѣчу мою съ вами. Не забывайте же меня, молитесь обо мнѣ, пишите ко мнѣ. Еще одна душевная просьба. Ваша жизнь такъ прекрасна, она отдана вся благодѣяніямъ, вы бываете часто свидѣтелемъ многихъ прекрасныхъ движеній человѣка: извѣщайте же меня обо всѣхъ христіянскихъ подвигахъ, высокихъ душевныхъ подвигахъ, кѣмъ бы они ни были произведены. Разсказъ о прекрасныхъ движеньяхъ нашего ближняго и брата вливаетъ всегда чудную силу и бодрость въ нашу душу и стремитъ ее новою освѣженною молитвою къ Богу.«

Къ С. Т. Аксакову (1).

»16 мая (1844). Франкфуртъ.

»Я получилъ ваше милое и откровенное письмо. Прочитавши его, я мысленно васъ обнялъ и поцаловалъ, а потомъ засмѣялся.— — —

»Все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего,

(1) Въ этомъ письмѣ Гоголь старался быть шутливымъ, съ цѣлью разсѣять грустное расположеніе души своего друга.

какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, именно чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья. Изъ чего вы вообразили, что вамъ нужно пробуждаться или повести другую жизнь? Ваша жизнь, слава Богу, такъ безукоризненна, прекрасна и благородна, какъ дай Богъ всѣмъ подобную. — — —

»Одинъ упрекъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать—въ излишествѣ страстнаго увлеченія во всемъ: какъ въ самой дружеской привязанности и сношеніяхъ вашихъ, такъ и во всемъ благородномъ и прекрасномъ, чтó ни исходитъ отъ васъ. Итакъ глядите твердо впередъ и не смущайтесь тѣмъ, если въ жизни вашей есть пустые и бездѣйственные годы. Отдохновеніе намъ нужно. Такіе годы бываютъ въ жизни всѣхъ людей, хоть бы они были самые святые. А если вы отыскиваете въ себѣ какія-нибудь гадости, то этимъ слѣдуетъ не то чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что они въ насъ есть. Не будь въ насъ этихъ гадостей, мы бы занеслись Богъ знаетъ какъ, и гордость наша заставила бы насъ надѣлать множество гадостей, несравненно важнѣйшихъ. — — —

»Итакъ ваше волненіе есть просто дѣло чорта. Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ—точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ, раскричится. Стóитъ только немножко струсить и податься назадъ—тутъ-то онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ-то дѣлѣ онъ *чортъ знаетъ что*. Пословица не бываетъ даромъ, а пословица говоритъ: *Хвалился чортъ всѣмъ міромъ овладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти*. Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ и потомъ подъѣдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя ли какъ-нибудь привести въ уныніе; шепчетъ: »*Смотри, какъ у тебя много мерзостей,—пробуждайся*!« когда не зачѣмъ и пробуждаться, потому что не спишь, а просто не видишь его одного. Словомъ, пугать, надувать, приводить въ уныніе—это его дѣло. Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающій, пугающійся, словомъ, невѣрующій

въ Его небесную любовь и милость, вотъ и все. Вамъ бы слѣдовало просто, не глядя на него, выполнить буквально предписанье ([1]), руководствуясь только тѣмъ, что даренному коню въ зубы не глядятъ. Вы бы, можетъ быть, нашли тамъ только подтвержденіе тому, чему вы вѣруете и что́ въ васъ есть, и тогда остановилось бы все яснѣе и утвердительнѣй на своихъ мѣстахъ, воцаривъ чрезъ то строгій порядокъ въ самую душу.

»О себѣ скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая. Недоразумѣнья произошли отъ того, что я слишкомъ рано вздумалъ было заговорить о томъ, что́ слишкомъ ясно было мнѣ и чего я не въ силахъ былъ выразить глупыми и темными рѣчами ([2]), въ чемъ сильно раскаяваюсь, даже и за печатныя мѣста. Но внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колебаясь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое и, если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: »Объяснится потомъ«, шелъ далѣе своей дорогой; и точно Богъ помогалъ мнѣ, и все потомъ объяснялось само собой. И теперь я могу сказать, что въ существѣ своемъ все тотъ же, хотя, можетъ быть, избавился только отъ многаго мѣшавшаго мнѣ на моемъ пути и стало быть чрезъ то сдѣлался нѣсколько умнѣй, вижу яснѣй многія вещи и называю ихъ прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортомъ, не даю ему великолѣпнаго костюма à la Байронъ и знаю, что онъ ходитъ во фракѣ — —

»Спросите у Языкова, послалъ ли онъ книги мнѣ и съ кѣмъ именно. Я еще не получилъ, а между тѣмъ онъ мнѣ обѣщалъ слѣдующія: 1) »Добротолюбіе«, 2) Лѣтописи, 3) Иннокентія и 4) Сочиненія Святыхъ Отцевъ. Теперь, безъ сомнѣнія, удобно послать, потому что изъ Москвы весной подымется много за границу. Да попрошу

([1]) Это относится къ книгѣ, которую Гоголь подарилъ своему другу и совѣтовалъ читать. *Н. М.*

([2]) Относится къ письмамъ религіознаго настроенія, которыя Гоголь писалъ къ С. Т. Аксакову, Погодину и Шевыреву. *Н. М.*

васъ, если нельзя прислать »Москвитянина« всего за прошлый годъ 1843, то хотя критики Шевырева; а Михаилу Семеновичу скажите, что онъ *надуватель*, а дѣткамъ его скажите, что *яблоко отъ яблони недалеко падаетъ*. Онъ самъ вызвался доставить мнѣ критики Сенковскаго и невинныя замѣчанія, напечатанныя въ »Сынѣ Отечества«. Времени было довольно, а случая и оказіи для пересылки не нужно, потому что, писавши на тонкой бумагѣ, можно было легко послать во всякое время, раздѣливъ на два или на три письма, какъ я сдѣлалъ съ моими статьями, гораздо побольшими, которыя ему же пригодились въ бенефисъ. Онъ меня привелъ въ непріятное и затруднительное положеніе писать къ Сенковскому и просить его о присылкѣ статей, потому что во многихъ вещахъ на близкихъ людей никакъ нельзя полагаться и лучше писать къ первому незнакомому лицу. Незнакомому человѣку бываетъ иногда совѣстно показать себя въ первый разъ ненадежнымъ человѣкомъ, а пріятелямъ никогда не бываетъ совѣстно пустить дѣло въ затяжку.

»Прилагаемое письмо прошу васъ доставить Над. Ник. Въ немъ содержится объясненіе на счетъ одного слуха, распущеннаго обо мнѣ въ Москвѣ. Объясненія объ этомъ предметѣ я бъ не сдѣлалъ никому, потому что лѣнивъ на подобныя вещи; но, такъ какъ она прямо и безхитростно сдѣлала мнѣ запросъ, то мнѣ показалось совѣстно не дать ей отвѣта. А съ вами о семъ тратить словъ не слѣдуетъ. Вы *человѣкъ-небаба*. *Человѣкъ-небаба* вѣритъ болѣе самому *человѣку*, чѣмъ *слуху о человѣкѣ*; а *человѣкъ-баба* вѣритъ болѣе слуху о человѣкѣ, чѣмъ самому человѣку. Впрочемъ, вы не загордитесь тѣмъ, что вы *человѣкъ-небаба*. Тутъ вашей заслуги никакой нѣтъ, ниже пріобрѣтенія. Такъ Богъ велѣлъ, чтобъ вы были *человѣкъ-небаба*. Не унижайте также *человѣка-бабу*, потому что *человѣкъ-баба* можетъ быть, кромѣ этого свойства, даже совершеннѣйшимъ человѣкомъ и имѣть много такихъ свойствъ, которыхъ не удастся пріобрѣсти *человѣку-небаба* — — — К. С., напримѣръ... но объ этихъ господахъ не слѣдуетъ говорить: они совершенно въ *руцѣ будущаго*. Въ русской природѣ то по крайней мѣрѣ хорошо, что если Нѣмецъ, напримѣръ, *человѣкъ-баба*, то онъ останется *человѣкъ-баба* на вѣки вѣковъ. Но рус-

ской человѣкъ можетъ иногда вдругъ превратиться въ *человѣка-не-бабу*. Выходитъ онъ изъ бабства тогда, когда торжественно, въ виду всѣхъ, скажетъ, что онъ больше ничего, какъ *человѣкъ-баба*, и симъ только поступкомъ поступаетъ въ рыцарство, скидаетъ съ себя при всѣхъ бабью юбку и одѣвается въ панталоны.«

Къ нему же.

»Франкфуртъ, декабря 21. (1844)

»Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, добрый другъ мой. Между многими причинами вашего молчанія, съ которыми почти со всѣми я согласенъ, зная самъ, какъ трудно вдругъ заговорить, когда не знаешь даже, съ котораго конца прежде начать, одна мнѣ показалась такою, которую я бы никакъ не допустилъ въ дѣло и никакъ бы не уважилъ, — именно, что состояніе грустное души уже потому не должно быть передаваемо, что можетъ возмутить спокойствіе отсутствующаго друга. Но для чего же тогда и другъ? Онъ именно и дается намъ для трудныхъ минутъ, а въ минуты веселыя и всякой человѣкъ можетъ быть для насъ хорошъ. Богъ вѣсть, можетъ быть, именно въ такія минуты я бы и пригодился. Что я написалъ глуповатое письмо, это ничего не значитъ: письмо было писано въ сырую погоду, когда я и самъ былъ въ состояніи полухандры, въ сѣромъ расположеніи духа, что́, какъ извѣстно, еще глупѣе чернаго, и когда мнѣ показалось, что и вы тоже находитесь въ состояніи полухандры, желая ободрить и васъ и съ тѣмъ вмѣстѣ и себя, я попалъ въ фальшивую ноту, взялъ невѣрно и замѣтилъ это уже по отправленіи письма. Впрочемъ, вы не смущайтесь, еслибъ даже и 10 получили глуповатыхъ писемъ [на такія письма человѣкъ, какъ извѣстно, всегда гораздъ]: иногда между ними попадется и умное. Да и глупыя письма, даромъ, что они глупы, а ихъ иногда бываетъ полезно прочесть и другой и третій разъ, чтобы видѣть, какимъ образомъ человѣкъ, хотѣвши сдѣлать умную вещь, сдѣлалъ глупость. А потому о вашихъ грустныхъ минутахъ вы прежде всего мнѣ говорите, ставьте ихъ всегда впередъ всякихъ другихъ новостей и помните только, что никакъ нельзя сказать впередъ, что-

бы такой-то человѣкъ не могъ сказать утѣшительнаго слова, хотябы онъ былъ и вовсе не умный. Много уже значитъ хотѣть сказать утѣшительное слово. И, если съ подобнымъ искреннимъ желаніемъ сердца придетъ и глуповатый къ страждущему, то ему стоитъ только разинуть ротъ, а помогаетъ уже Богъ и превращаетъ тутъ же слово безсильное въ сильное.

»Вы меня извѣстили вдругъ о разныхъ утратахъ. Прежде утраты меня поражали больше; теперь, слава Богу, меньше. Во первыхъ потому, что я вижу со дня на день яснѣе, что смерть не можетъ отъ насъ оторвать человѣка, котораго мы любили, а во вторыхъ потому, что некогда и грустить: жизнь такъ коротка, работы вокругъ такъ много, что дай Богъ поскорѣй запастись сколько-нибудь тѣмъ въ этой жизни, безъ чего нельзя явиться въ будущую. А потому поблагодаримъ покойниковъ за жизнь и за добрый примѣръ, намъ данный, помолимся о нихъ и скажемъ Богу за все спасибо, а сами за дѣло. Извѣстіемъ о смерти Ел. В. П***ой я опечалился только въ началѣ, но потомъ возсвѣтлѣлъ духомъ, когда узналъ, что П*** перенесъ великодушно и твердо, какъ христіянинъ, такую утрату. Такой подвигъ есть краса человѣческихъ подвиговъ, и Богъ, вѣрно, наградилъ его за это такими высокими благами, какія рѣдко удается вкушать на землѣ человѣку.

»Обратимся же отъ П***, который подалъ намъ всѣмъ такой прекрасный примѣръ, и къ прочимъ живущимъ. Вы меня очень порадовали благопріятными извѣстіями о вашихъ сыновьяхъ. — — — Если К.С. сколько-нибудь вѣритъ тому, что я могу иногда слышать природу человѣка и знаю сколько-нибудь законъ состояній, переходовъ, перемѣнъ и движеній въ душѣ человѣческой, какъ наблюдавшій пристально даже за своей собственной душою, что вообще рѣдко дѣлается другими, то да послѣдуетъ онъ хотя разъ моему совѣту, и именно слѣдующему: не думать хотя два-три года о полнотѣ, цѣлости и постепенномъ логическомъ развитіи идей въ статьяхъ своихъ большихъ, какія случится писать ему. Повѣрьте, это не дается въ такіе годы и въ такой порѣ душевнаго состоянія. У него отразится повсюду только одно неясное стремленіе къ нимъ, а ихъ самихъ не будетъ.

»Живой ему примѣръ я. Я старѣе годами, умѣю болѣе себя обуздывать, а при всемъ—сколько я натворилъ глупостей въ моихъ сочиненіяхъ, именно стремясь къ той полнотѣ, которой во мнѣ самомъ еще не было, хотя мнѣ и казалось, что я очень уже созрѣлъ. И надъ многими мѣстами въ моихъ сочиненіяхъ, которыя даже были похвалены одними, другіе очень справедливо посмѣялись. Тамъ есть очень много того, что̀ похоже на короткую ногу въ большомъ сапогѣ; а всего смѣшнѣе въ нихъ претензія на то, чего въ нихъ покамѣстъ нѣтъ.

»Итакъ да прислушается К.С.къ моему совѣту. Это не совѣтъ, а скорѣе братское увѣщаніе человѣка, уже искусившагося и который хотѣлъ бы сколько-нибудь помочь своею собственною бѣдою, обративъ ее не въ бѣду, а въ пользу другому. — — К.С. можетъ множество приготовить прекрасныхъ филологическихъ статей. Онѣ будутъ интересны для всѣхъ. Это я могу сказать впередъ, потому что я самъ слушалъ съ большимъ удовольствіемъ, когда онъ изъяснялъ мнѣ производство многихъ словъ. Но нужно, чтобы онѣ писаны были слишкомъ просто и въ такомъ же порядкѣ, какъ у него выходили изустно въ разговорѣ, безъ всякой мысли о томъ, чтобы дать имъ цѣлость и полноту. То и другое выльется само собою гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ тогда, еслибы онъ о нихъ думалъ. Онъ долженъ только заботиться о томъ, чтобы статья была какъ можно короче. Русской умъ не любитъ, когда ему изъясняютъ что нибудь слишкомъ долго. Статья его чѣмъ короче и сжатѣй, тѣмъ будетъ занимательнѣй. Не брать въ началѣ большихъ филологическихъ вопросовъ, то есть такихъ, въ которыхъ бы было развѣтвленіе на многіе другіе, но раздробить ихъ на отдѣльные вопросы, которые бы имѣли въ себѣ нераздѣляемую цѣлость, и заняться каждымъ отдѣльно, взявъ его въ предметъ статьи; словомъ, какъ дѣлалъ Пушкинъ, который, нарѣзавши изъ бумаги ярлыковъ, писалъ на каждомъ по заглавію, о чемъ когда-либо потомъ ему хотѣлось припомнить. На одномъ писалъ: »Русская изба«, на другомъ: »Державинъ«, на третьемъ имя тоже какого-нибудь замѣчательнаго предмета, и такъ далѣе. Всѣ эти ярлыки накладывалъ онъ цѣлою кучею въ вазу, которая стояла на его рабочемъ столѣ, и потомъ, когда

случалось ему свободное время, онъ вынималъ на удачу первый билетъ; при имени, на немъ написанномъ, онъ вспоминалъ вдругъ все, что́ у него соединялось въ памяти съ этимъ именемъ, и записывалъ о немъ тутъ же, на томъ же билетѣ, все, что́ зналъ. Изъ этого составились тѣ статьи, которыя напечатались потомъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій и которыя такъ интересны именно тѣмъ, что всякая мысль его тамъ осталась живьемъ, какъ вышла изъ головы. [Изъ этихъ записокъ многія, еще интереснѣйшія, не напечатаны потому, что относились къ современнымъ лицамъ.] Такимъ образомъ и Конст. Сер. да напишетъ себѣ на бумажкѣ всякое русское замѣчательное слово и потомъ тутъ же кратко и ясно его производство — — —«

XXI.

Какимъ казался Гоголь для незнавшихъ и чѣмъ онъ былъ для знавшихъ его.— Переписка по поводу его желанія пожертвовать частью своихъ доходовъ для помощи бѣднымъ талантливымъ людямъ.

Здоровье Гоголя въ продолженіе 1844 года (кромѣ начала года) вообще находилось въ лучшемъ состояніи, и онъ дѣятельно трудился надъ вторымъ томомъ »Мертвыхъ Душъ«. По приведеннымъ здѣсь письмамъ, мы находимъ его весною въ Ниццѣ, потомъ во Франкфуртѣ и наконецъ, зимою, опять во Франкфуртѣ. Изъ писемъ къ нему разныхъ особъ видно, что онъ провелъ мѣсяцъ или больше въ Остенде, гдѣ купался въ морѣ. Одинъ изъ его друзей, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 6 ноября 1844 года, такъ вспоминалъ это время: »Письма ваши очень порадовали бы меня, еслибъ не замѣтно было въ нихъ отсутствія той бодрости, которою въ Остенде вы и *насъ* и *всѣхъ* оживляли«. Это показываетъ, что онъ провелъ время своего купанья въ морѣ не безъ друзей и знакомыхъ, и что только для людей, знавшихъ его издали, онъ казался въ Остенде несчастнымъ ипохиндрикомъ или мизантропомъ, вѣчно одинокимъ и задумчивымъ.

Дѣйствительно, онъ любилъ уединенныя прогулки, и его видали каждый день, въ извѣстные часы, въ черномъ пальто и въ сѣрой шляпѣ, бродящимъ взадъ и впередъ по морской плотинѣ, съ наружнымъ выраженіемъ глубокой грусти. Но что̀ наполняло тогда его душу, это было извѣстно только немногимъ друзьямъ его и открывается теперь изъ его переписки. Еще въ юности, онъ писалъ къ своей матери: »Вы знаете, какой я охотнихъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ и угрюмымъ, таилось желаніе веселости [разумѣется, не буйной], и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни«... Такъ и теперь, для постороннихъ онъ могъ казаться человѣкомъ, убѣгающимъ людского общества, а между тѣмъ его непосредственныя и письменныя сношенія съ людьми разносили вездѣ свѣтъ и утѣшеніе. Приведу отрывки изъ писемъ къ нему одной особы, чтобъ показать, какое вліяніе имѣли письма Гоголя на его корреспондентовъ.

»*** уже съ мѣсяцъ запирается, никого не принимаетъ, въ сильной тоскѣ и примѣтнымъ образомъ худѣетъ. Письмо же, о которомъ я вамъ говорила, которое меня такъ огорчило и встревожило, было отъ него. Вы должны вспомнить, что я въ Ниццѣ съ вами говорила, что онъ четыре раза сряду прочелъ Евангеліе и мнѣ дѣлалъ разные запросы. Въ письмѣ своемъ онъ мнѣ говоритъ: »Вся жизнь моя предстала теперь предъ моею совѣстью, какъ предъ судьею строгимъ и ужаснымъ, и душа моя содрогается при мысли, что, можетъ быть, уже поздно. Я бы далъ до послѣдней капли крови, чтобы искупить мое прошедшее«. Далѣе столько грустнаго, тяжкаго и вмѣстѣ раздраженнаго, и ни слова о Богѣ, такъ что я три дня плакала и писала ему, но чувствую, что слабо и дурно. На такой подвигъ надобна душа выше моей.——Спасите его. Вамъ надо сейчасъ, не медля, помолясь Богу, ему писать.«

Это было писано 14 апрѣля, 1844. Въ письмѣ той же особы

отъ 6 Мая сказано: »Благодарю васъ за письмо къ *** —— Ему лучше. Это я узнала чрезъ третье лицо. Онъ говѣлъ съ большимъ раскаяньемъ и успокоился, совершивъ этотъ подвигъ послѣ весьма долгаго забытья. Вы справедливо говорите, что нечего бояться тамъ, куда взошелъ Богъ. У *** все чисто духовное, а не умственное. *Совѣсть заговорила*: это его собственныя слова.«

Отъ 28 августа 1844 года, та же особа пишетъ о дѣйствіи Гоголева письма на нее самое:

»Сегодня я получила ваше письмо. Благодарю васъ за него. Оно мнѣ было очень, очень нужно и пришло какъ нельзя болѣе кстати. Въ душѣ моей разгорался уже извѣстный вамъ гнѣвъ, и гнѣвъ несправедливый. Да врядъ ли бываетъ когда-либо гнѣвъ справедливъ. Ваши слова успокоили и вразумили меня. Не скрою отъ васъ, что первое впечатлѣніе вашего письма было непріятное. Упреки не легко выносить, наипаче, когда чувствуется сильно, что гласъ народа справедливъ. Но нѣсколько минутъ размышленія уже заставили меня васъ благодарить чистосердечно.«

Сутей, въ »Жизнеописаніи Коупера« (Life of Cowper) справедливо замѣчаетъ, что часто характеръ человѣка мы можемъ узнать вѣрнѣе изъ писемъ, писанныхъ къ нему, нежели изъ его собственныхъ писемъ. На этомъ-то основаніи, я пользуюсь всякимъ случаемъ показать читателямъ отраженіе личности Гоголя въ сердцахъ и умахъ его друзей и знакомыхъ, посредствомъ извлеченій изъ ихъ писемъ къ нему. До сихъ поръ этотъ біографическій источникъ очень скуденъ у меня; но я надѣюсь, что придетъ время, когда для меня откроется теперь недоступное и устранятся препятствія къ тому, чтобы воспользоваться имъ.

Продолжаю выписки изъ писемъ (1844 года) той же особы, что̀ и прежнія.

Сентября 23-го »...Дай Богъ, чтобы я только такъ жила, какъ въ Ниццѣ; тогда я могла бы имъ и многимъ быть полезною. Но въ Ниццѣ были вы, были чтенія, была жизнь спокойная, регулярная, а здѣсь... о Боже! что̀ за разница!... Какая превратность, даже раз-

вращенность въ мысляхъ и понятіяхъ! Меня ужасаетъ то, что тому назадъ два года я точно такъ же чувствовала и говорила.«

Октября 1-го. »...Да услышитъ меня ваша душа и помолится о моей, ей братской и всегда открытой.«

Октября 7-го. »Что̀ значитъ иногда слово! На дняхъ сказалъ мнѣ ***, что вы меня любить не можете, что я вашей дружбы недостойна, что во мнѣ нѣтъ того элемента душевнаго, который могъ бы насъ сблизить, а что вы меня изучаете только, что я для васъ предметъ наблюденій, потому что вы артистъ. И я огорчилась, и я повѣрила этому, потому что должна была сознаться, что я точно недостойна вашей дружбы. А вы мнѣ такъ нужны и такъ благодѣтельно на меня дѣйствовали и будете еще дѣйствовать! На дняхъ прочла я слѣдующія слова и тотчасъ вспомнила объ васъ: Ayez beaucoup d'amis, qui vivent en paix avec vous; mais choisissez vous pour conseil un homme entre mille.—L'ami fidèle est un remède, qui procure la vie et l'immortalité; et ceux qui craignent le Seigneur honorent cet ami.«

Октября 22-го. »...Да благословитъ васъ Богъ! вы, любезный другъ, выискали мою душу, вы ей показали путь, этотъ путь такъ разукрасили, что другимъ идти не хочется и невозможно. На немъ ростутъ прекрасныя розы, благоуханныя, сладко душу успокоивающія.——Еслибы мы всѣ вполнѣ понимали, что душа сокровище, мы бы берегли ее больше глазъ, больше жизни; но не всякому дано почувствовать это самому, и не всякой такъ счастливо нападаетъ на друга, какъ я.«

Декабря 30-го. »...Вы одни мнѣ остались всегда вѣрными; вы одни меня полюбили не за то внѣшнее и блестящее, которое мнѣ причинило уже столько горя, а за искры души, едва замѣтныя, которыя вы же дружбой своей раздули и согрѣли. На васъ однихъ я могу положиться, тогда какъ вокругъ себя нахожу только расчетъ, обманъ или прекрасный призракъ любви и преданности. Къ вамъ теперь стремится страждущая душа моя.«

Сдѣлаю теперь нѣсколько извлеченій изъ писемъ другой особы, находившейся совсѣмъ въ иныхъ обстоятельствахъ, но для душевнаго спо-

койствія которой дружескія сношенія съ Гоголемъ сдѣлались необходимостью.

Сентября 27-го, 1844. »...Да благословитъ васъ Всевышній за все добро, сдѣланное мнѣ вами!«

Апрѣля 15-го, 1845. »...Я недостойна быть вашей сестрой, любезный Николай Васильевичъ, но я стремлюсь къ этой цѣли и надѣюсь на помощь Всевышняго.«

Августа 6-го, 1845. »...Что же, еслибы вы возвратились въ матушку Россію? вы здѣсь найдете три семейства, которыя соединятся въ одну мысль — разсѣять печальныя мысли ваши, въ одно чувство любви къ вамъ, которыя будутъ счастливы каждымъ веселымъ вашимъ взглядомъ, каждою веселою улыбкою вашею.«

Въ письмахъ третьей особы, опять отличайшейся отъ первыхъ двухъ, какъ характеромъ, такъ и житейскими обстоятельствами, я нашелъ слѣдующія выраженія, характеризующія Гоголя.

Марта 18-го, 1844. »...Мнѣ показалось, что я съ вами гдѣнибудь сижу, какъ случалось въ Остенде и Ниццѣ, и что вамъ говорю все, что́ въ голову приходитъ, и что вамъ разсказываю всякую всячину. Вы меня тогда слушали, тихонько улыбаясь и закручивая усы... Какъ я васъ вижу, Николай Васильевичъ! точно какъ-будтобы вы передо мной стояли! — Vous êtes une de nos gloires modernes: какъ же Русскому вами не гордиться? Видите, вотъ какъ я вамъ это объясню. Какъ Русская — вы для меня Гоголь, и я вами горжусь; а какъ N*N* — вы только для меня Николай Васильевичъ, то есть, христіянскій, любезнѣйшій, вѣрнѣйшій другъ.«

Марта 14-го, 1845. »Любезный Николай Васильевичъ! пожалуйста напишите N* N* (1). Она немножко унываетъ. Вотъ ея слова: »Il me faudrait deux ou trois bonnes conversations avec notre cher ami, pour me calmer et me remettre sur la bonne voie.«

Сентября 24-го, 1845. »N* N* также безпокоится на вашъ счетъ. — — — Все это лѣто она вела жизнь вялую, недѣятельную;

(1) Имя предшествовавшей корреспондентки Гоголя. *Н. М.*

не было у нея постоянныхъ часовъ для занятія — — — Я вамъ все это пишу потому, что, зная ваше вліяніе на N*N*, я увѣрена, что вы можете дать ей хорошій совѣтъ.«

Ноября 7-го, 1845. »...Мнѣ такъ часто хотѣлось бы puiser courage et de l'espoir dans votre inébranlable fois et dans votre manière consolante d'envisager l'avenir.«

Генваря 7-го, 1846. »...Любезный Николай Васильевичъ, браните меня пожалуйста. Ваши упреки для меня пріятны; я ихъ люблю.«

Я позволяю себѣ дѣлать небольшія отступленія отъ хронологическаго порядка, дабы цѣльнѣе показать значеніе Гоголя въ обыкновенной жизни для друзей его. Далѣе будутъ слѣдовать выписки изъ писемъ нѣсколькихъ его пріятелей, болѣе или менѣе къ нему близкихъ. Я отдѣлю ихъ одного отъ другого цифрами.

1.

Марта 20-го, 1845. »...Благодарю васъ тысячекратно за то, что вы наткнули меня на мысль—обратить вниманіе на наши православныя священнодѣйствія, которыя возвышаютъ мысль, услаждаютъ сердце, умиляютъ душу, и проч. и проч. Безъ васъ, я бы не былъ дѣятельнымъ въ подобномъ чтеніи, а, имѣя его только въ виду, всё бы откладывалъ, по моему обыкновенію, въ дальній ящикъ... Это чтеніе есть истинная манна, манна вышенебесная!«

2.

Іюля 18-го, 1844. »...Вы вызываете меня на исповѣдь. Я не отказался бы отъ нея изустно: такъ увѣренъ въ вашихъ чувствахъ, и особенно въ тѣхъ, кои побудили васъ обратиться ко мнѣ съ запросомъ; но исповѣдь заочная, письменная не только затруднительна, но и невозможна.«

3.

Декабря 12-го, 1844. »...Я, по вашимъ совѣтамъ, читаю «Подражаніе І. Х.« и буду постоянно продолжать, *хотя не дается мнѣ живой молитвы.*«

Мая 27-го, 1845. »... Между тѣмъ напалъ случайно на старинную фр. книгу Eloqnence des Auteurs Sacrés, въ которой многое какъ будто нарочно для моего положенія написано. Но, увы! никакія слова, самыя сильныя, не проникаютъ въ глубину прескверной моей души.«

4.

Февраля 12-го, 1845. »Горячими слезами облилъ я письмо твое, любезный другъ! Благодарю, благодарю тебя за твое благодѣяніе. И всякій разъ плачу, какъ его перечитываю...«

1844-й годъ Гоголь завершилъ прекраснымъ планомъ, которому, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться, по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ. Онъ опредѣлилъ, чтобы часть суммы, выручаемой отъ продажи его сочиненій, обращаема была для помощи молодымъ талантливымъ людямъ, воспитывающимся въ С. Петербургскомъ университетѣ. Объ этомъ онъ написалъ къ одному изъ петербургскихъ друзей своихъ, прося его взять на себя обязанность раздавать, по усмотрѣнію, деньги, но сохранить въ глубокой тайнѣ, отъ кого они жертвуются. Это письмо, покамѣстъ, еще не отыскано, но содержаніе его ясно изъ письма къ Гоголю (отъ 18-го декабря, 1844) отъ одной особы, которой сдѣлалось извѣстнымъ его порученіе. Вотъ оно.

»Вчера утромъ пришелъ ко мнѣ N* N* съ вашимъ письмомъ, и мнѣ открылась загадка вашего молчанія: на такое письмо надобно время, и вы хорошо сдѣлали, что сперва ему отвѣчали. Я говѣю, слѣдовательно очищаю душу отъ грѣховъ, готовлю ее на обновленіе, на преумноженіе, любви, страха Божія. Теперь я вижу уже глазами, болѣе свѣтлыми, нежели тому назадъ шесть мѣсяцевъ; знаю и то, что̀ совѣсть мнѣ гласитъ; знаю и то, что̀ искренняя дружба вынуждаетъ меня вамъ сказать, безъ всякихъ лишнихъ свѣтскихъ обиняковъ. На N* N* вы не пѣняйте за то, что онъ почувствовалъ нужду показать мнѣ ваше письмо. — — — Онъ не увѣренъ въ васъ, и при томъ, ему кажется, что въ васъ нѣтъ простоты. N* N* нужно было со мною переговорить, чтобы рѣшить недоумѣніе на многія слова ваши. По-

тому не сердитесь на него; а, напротивъ, сознайтесь, что онъ поступилъ благоразумно. — — Во-первыхъ онъ васъ упрекаетъ въ недостаткѣ простоты, и я съ нимъ тоже согласна. Этотъ недостатокъ для меня уже проявился въ Ниццѣ, когда съ такимъ упорствомъ вы отказывались жить у В*** и не хотѣли изъяснить мнѣ причинъ этого отклоненія. Проявился позже этотъ недостатокъ въ болѣе мелочныхъ вещахъ. — — — Вы же сами мнѣ говорили, что мы здѣсь тѣсно связаны другъ съ другомъ. Это правда не въ одномъ отношеніи отвлеченномъ, но и въ матеріальномъ. Такъ тѣсно связаны души наши съ тѣлами нашими, что это повторяется и въ общественности нашей. Мы, спасая души близкихъ намъ, не можемъ и не должны пренебречь и о ихъ тѣлѣ. Вѣдь *** умеръ бы съ голоду, если бы *** ему только Библію посылала. У васъ на рукахъ старая мать и сестры. — — — Знаете ли, что St. François de Sales говоритъ: »Nous nous amusons souvent à être tous anges, et nons oublions qu'il faut avant tout être bons hommes« ? Итакъ будьте проще, удобопонятнѣе всѣмъ тѣмъ, которые ниже васъ на ступени духовной; не скрывайтесь и не закрывайтесь безпрестанно. Зачѣмъ вы такъ тайно хотите помогать другимъ? Тутъ особенно должна быть большая простота; этому дѣлу не надобно придавать никакой важности. Не помогать— просто мерзость, когда есть на то способы; и когда помогаешь, то на это надобно смотрѣть такъ, какъ на всякое житейское дѣло. Чтобы избѣгнуть упрека, что одни фарисеи раздаютъ на перекресткахъ, и выполнить буквально предписаніе: *дабы лѣвая рука не вѣдала, что̀ дѣлаетъ правая* (1), вы забываете: *да свѣтятъ дѣла ваши добрыя предъ людьми во славу Божію* (2). Кто знаетъ? можетъ быть, узнавъ, что вы своей лептой помогаете брату, и у другихъ явится охота помогать. Такимъ образомъ, вы поможете большему числу людей. Конечно, ни N* N*, ни я объ этомъ публиковать не будемъ, а если оно узнается, то бѣда не большая, что васъ назовутъ. — — Мнѣ даже все равно, если скажутъ, что я ханжа. Богу одному извѣстно, что̀ въ глубинѣ души моей. Другое дѣло, еслибы

(1) Матѳ. VI, 3.
(2) Матѳ V, 16.

друзья мои меня начали упрекать въ лицемѣрствѣ. Имъ бы я открыла свою душу, а не запирала бы, какъ вы, ее на три замка. Признайтесь, что всѣ ваши недоразумѣнія произошли отъ вашей молчаливой гордости. Вотъ вамъ, кажется, упреки и правда,—т. е. правда по моимъ понятіямъ. Вы просили упрековъ, какъ живой воды. Вотъ вамъ и отъ меня посыпались...

»Теперь перейдемъ опять къ дѣлу положительному. Я человѣкъ практическій; меня Жуковскій всегда называлъ *честнымъ человѣкомъ,* платящимъ свои долги и считающимъ всякую копейку. Вотъ что. Прежде полученія еще вашего письма, мы — а кто именно, не нужно вамъ знать — имѣли обѣщаніе получить ихъ, и оставимъ ихъ у себя впредь до вашего приказанія. — — Когда Прокоповичъ отдастъ отчетъ и буде у него что-нибудь накопилось, оно также намъ не помѣшаетъ. Вы тогда должны себя и своихъ близкихъ обезпечить прежде всего. Такъ требуетъ благоразуміе, и вы не въ правѣ налагать на себя наказаніе за свои литературные грѣхи голодомъ. Эти грѣхи уже тѣмъ наказаны, что васъ препорядочно ругаютъ, и что вы сами чувствуете, сколько мерзостей вы перомъ написали. Во вторыхъ, вѣдь деньги только у васъ въ воображеніи: ихъ, можетъ быть, нѣтъ да и не будетъ [и вы мнѣ напомнили »Perrotte sur sa tête ayant un pot à lait«], а вы уже ими и пожертвовали, несообразно ни съ какимъ порядочнымъ понятіямъ о милостынѣ и подаяніи.

»Вотъ вамъ все, что́ для васъ придумала. Извините меня, если я слишкомъ рѣзко выразилась. У меня таки есть рѣзкость въ выраженіяхъ; да притомъ я порусски пишу съ трудомъ. Пофранцузски можно дѣлать упреки съ комплиментами, а порусски никакъ нельзя.«

На это письмо Гоголь отвѣчалъ уже въ 1845 году цѣлою тетрадью, изъ которой, по необходимости, я долженъ былъ сдѣлать большія исключенія; но и изъ того, что́ оставлено, читатель увидитъ философію дружбы и любви къ ближнему, по которой онъ дѣйствовалъ въ жизни и старался заставить дѣйствовать друзей своихъ. Между прочимъ, въ этомъ письмѣ Гоголь объясняетъ свои литературныя отношенія къ нѣкоторымъ друзьямъ своимъ, доселѣ бывшія для нихъ и для всѣхъ насъ загадкою.

»Письмо ваше, добрѣйшая N* N*, меня нѣсколько огорчило. N* N* поступилъ не хорошо, потому что разсказалъ то, въ чемъ требовалась тайна во имя дружбы; вы поступили не хорошо, потому что согласились выслушать то, что вамъ не слѣдовало, тогда, когда бы вамъ слѣдовало въ самомъ началѣ остановить его такими словами: »Хотя я и близка къ этому человѣку, но если онъ скрылъ отъ меня, то неблагоразумно будетъ съ моей стороны проникнуть въ это«. Вы могли бы прибавить, что этотъ человѣкъ достоинъ нѣсколько довѣрія: онъ не совсѣмъ способенъ на необдуманныя дѣла и даже, »сколько я могла замѣтить, онъ довольно осмотрителенъ относительно всякаго рода добрыхъ дѣлъ и не отваживается ни на что безъ какихъ нибудь своихъ соображеній. А потому окажемъ ему довѣріе, особливо когда онъ опирается на слова: »воля друга должна быть святою«. Но вы такъ не поступили, моя добрая N* N*. Напротивъ, вы взяли даже на себя отвагу перерѣшить все дѣло, объявить мнѣ, что я дѣлаю глупость, что дѣлу слѣдуетъ быть вотъ какъ, и что вы, не спрашивая даже согласія моего, даете ему другой оборотъ и приступаете по этому поводу къ нужнымъ распоряженіямъ, позабывши между прочимъ то, что это дѣло было послано не на усмотрѣніе, не на совѣщаніе, не на скрѣпленіе и подписаніе, но, какъ рѣшенное, послано было на исполненіе, и во имя всего святого, во имя дружбы, молили (васъ) его исполнить. Точно ли вы поступили справедливо и хорошо, и справедливо ли было съ вашей стороны такъ скоро причислить мой поступокъ къ *донкишотскимъ*? — — — Еще скажу вамъ, что мнѣ показалась слишкомъ рѣзкою увѣренность, когда вы твердо называете желаніе мое помочь бѣднымъ *студентамъ* безразсуднымъ. Не бѣднымъ студентамъ хочу помогать я, но *бѣднымъ талантамъ*, — не чужимъ, но роднымъ и кровнымъ. Я самъ терпѣлъ и знаю нѣкоторыя тѣ страданія, которыхъ не знаютъ другіе, и о которыхъ даже и не догадываются, а потому и помочь не въ состояніи. Несправедливъ также вашъ упрекъ и въ желаніи моемъ помочь тайно, а не явно. Повѣрьте, что дѣлающій добро долженъ соображаться съ тѣмъ, когда оно должно быть явно и когда тайно; а потому и сія тайная помощь бѣднымъ талантамъ основана на посильномъ знаніи моемъ человѣческаго сердца. Талантамъ дается слишкомъ нѣжная, слишкомъ

чуткая, тонкая природа; много, много ихъ можно оскорбить грубымъ прикосновеніемъ, какъ нѣжное растеніе, перенесенное съ юга въ суровый климатъ, можетъ погибнуть отъ неумѣлаго съ нимъ обхожденія непріобыкшаго къ нему садовника. Трудно бываетъ таланту, пока онъ молодъ, или еще справедливѣе, пока онъ не вполнѣ христіянинъ. Иногда и близкій другъ можетъ оскорбить и, оказавъ ему радушную помощь, можетъ потомъ попрекнуть въ неблагодарности, что̀ часто въ свѣтѣ дѣлается, иногда даже безъ строгаго размышленія, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ признакамъ. Но когда дающій скрылъ свое имя—значитъ онъ, вѣрно, не требуетъ никакой благодарности. Такая помощь пріемлется твердо и непоколебимо, и будьте увѣрены, что незримыя и прекрасныя моленья будутъ совершаться въ тишинѣ о душѣ незримаго благотворителя вѣчно, и сладко будетъ получившему даже и при концѣ дней вспомнить о помощи, присланной неизвѣстно откуда. Итакъ оставимте эти строгія взвѣшиванья благодѣтельныхъ дѣлъ нашихъ: мы не судьи. Если судить, то нужно собрать всѣ доказательства. Ни тяжело ли будетъ для васъ, еслибы я, увидя кого-нибудь изъ вашихъ братьевъ, нуждающагося и сидящаго безъ денегъ, сталъ бы укорять васъ въ томъ, что вы помогаете постороннимъ бѣднымъ, даже изъявляете готовность помочь мнѣ? Свѣтъ вѣдь обыкновенно такъ судитъ. Не будьте же похожи и вы на свѣтъ. Оставимъ эти деньги на то, на что они опредѣлены. Эти деньги *выстраданныя* и *святыя*, и грѣшно ихъ употреблять на что-либо другое. Еслибы добрая мать моя знала, съ какими душевными страданіями для ея сына соединилось все это дѣло, то не коснулась бы ея рука ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ; напротивъ, продала бы (что-нибудь) изъ своей собственности и приложила бы отъ себя еще къ нимъ; а потому и вы не касайтель къ нимъ съ намѣреніемъ употребить на другое дѣло, какъ бы оно вамъ благоразумно ни казалось. Да и что толковать объ этомъ дальше? Обѣтъ, который дается Богу, соединяется всегда съ пожертвованіемъ; ни самъ дающій, ни родные не возстаютъ противъ такого дѣла. А потому я не думаю, чтобы вы или N* N* вооружили бы себя уполномочіемъ разрѣшить меня отъ моего обѣта и взять на свою душу всю отвѣтственность. Итакъ оставимъ въ покоѣ дѣло рѣшенное и конченное. Назначенныя на благое

дѣло въ помощь тѣмъ, которымъ рѣдко помогаютъ, они не пропадутъ. Къ тому же, сами знаете, молодые люди съ дарованіями рѣдко появляются; а потому сумма успѣетъ накопиться, и что бы мнѣ приходилось бездѣлицами въ раздробѣ, то придетъ имъ цѣликомъ и въ значительной суммѣ. Притомъ сами распорядители, подвигнутые большимъ рвеніемъ и зная, что жертвуетъ не богачь, а бѣднякъ, который едва самъ имѣетъ чѣмъ существовать, употребятъ эти деньги такъ хорошо, какъ бы не употребили денегъ богача. Но довольно. Еще разъ прошу, молю и требую именемъ дружбы исполпить мою просьбу: нечестно разглашаемая тайна должна быть возстановлена. N* N* пусть пошлетъ двѣ тысячи моей матушкѣ; мы съ нимъ послѣ сочтемся. Всѣ объясненія по этому дѣлу со мной должны быть кончены. Вы также должны отступиться отъ этого дѣла; мнѣ непріятно, что вы въ него вмѣшались — — —

»О себѣ самомъ, относительно моего душевнаго внутренняго состоянія, не говорилъ я ни съ кѣмъ. Никто изъ нихъ меня не зналъ. По моимъ литературнымъ разговорамъ, всякой былъ увѣренъ, что меня занимаетъ одна только литература и что все прочее ровно не существуетъ для меня на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Россію, произошла во мнѣ великая перемѣна. Душа заняла меня всего, и я увидѣлъ ясно, что безъ устремленія моей души къ ея лучшему совершенству, не въ силахъ я былъ двинуться ни одной моей способностію, ни одной стороной моего ума во благо и въ пользу моимъ собратіямъ; а безъ этого воспитанія душевнаго, всякій трудъ мой будетъ только временно блестящій, но суетенъ въ существѣ своемъ. Какъ Богъ довелъ меня до этого, какъ воспитывалась незримо отъ всѣхъ душа моя, это извѣстно вполнѣ Богу; объ этомъ не разскажешь; для этого потребовались бы томы, а эти томы все бы не сказали всего. Скажу только то, что милосердіе Божіе помогло мнѣ въ стремленіи моемъ и что теперь, какимъ я ни есмь, хотя вижу ясно неизмѣримую бездну, отдѣляющую меня отъ совершенства, но вмѣстѣ вижу, что я далеко отъ того, какимъ былъ прежде. Но всего этого, что произошло во мнѣ, не могли узнать мои литературные пріятели. Въ продолженіи странствованія, моего внутренняго душевнаго воспитанія, я сходился и встрѣчался съ другими родственнѣе и бли-

же, потому что уже душа слышала душу, а потому и знакомство завязывалось прочнѣе прежняго. Доказательство этого вы можете видѣть на себѣ. Вы были знакомы со мной прежде и въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ, но какая разница между тѣмъ знакомствомъ и вторичнымъ въ Ниццѣ! Не кажется ли вамъ самимъ, что мы другъ друга какъ будто только теперь узнали? Въ послѣднее время у меня произошли такія знакомства, что съ одного, другаго разговора уже обоимъ казалось, какъ будто вѣкъ знали другъ друга; и уже отъ такихъ людей я не слыхалъ упрековъ въ недостаткѣ простоты или скрытности: все само собой казалось ясно, сама душа выказывалась, сами рѣчи говорили. Если что не обнаруживалось и почиталось ему до времени лучшимъ пребывать въ сокровенности, то уважалась даже и самая причина такой скрытности, и, съ полнымъ чувствомъ обоюднаго довѣрія другъ къ другу, каждый даже утверждаетъ другого хранить то, о чемъ собственной разумъ его и совѣсть считаетъ ненужнымъ говорить до времени, изгоняя великодушно изъ себя даже и тѣнь какого-либо подозрѣнія или пустого любопытства. Само собою разумѣется, что обо всемъ этомъ не могли знать мои прежніе пріятели. Не мудрено: они всѣ познакомились со мной тогда, когда я былъ инымъ человѣкомъ,—даже и тогда знали меня плохо. Въ пріѣздъ мой въ Россію они встрѣтили меня съ съ разверстыми объятіями. Всякой изъ нихъ, занятый литературнымъ дѣломъ, кто журналомъ, кто пристрастясь къ одной какой-нибудь любимой идеѣ и встрѣтивъ въ другихъ противниковъ своему мнѣнію, ждалъ меня въ увѣренности, что я раздѣлю его мысли, поддержу, защищу его противъ другихъ, считая это первымъ условіемъ и актомъ дружбы, не подозрѣвая, что требованія были даже безчеловѣчны. Жертвовать мнѣ временемъ и трудати своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во первыхъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мысли,—во вторыхъ, мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддержать бѣдное свое существованіе, и я не могъ пожертвовать имъ моими статьями, помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы, но долженъ былъ ихъ напечатать отдѣльно, какъ новыя и свѣжія, чтобы имѣть доходъ. Всѣ эти бездѣлицы ушли у нихъ изъ виду, какъ многое уходитъ изъ виду (у) людей, которые не любятъ разбирать въ тонкости об-

стоятельствъ и положенія другого, а любятъ быстро заключать о человѣкѣ, а потому на всякомъ шагу дѣлаютъ ошибки,—прекрасные душой дѣлаютъ дурныя вещи, великодушные сердцемъ поступаютъ безчеловѣчно, не вѣдая того сами. Холодность мою къ ихъ литературнымъ интересамъ они почли за холодность къ нимъ самимъ, не призадумавшись составили изъ меня эгоиста, которому общее благо не близко, а дорогà только своя собственная литературная слава. Притомъ каждый изъ нихъ былъ до того увѣренъ въ справедливости своихъ идей, что всякаго съ нимъ несоглашавшагося считалъ не иначе, какъ отступникомъ отъ истины. Предоставляю вамъ самимъ судить, каково было мое положеніе среди такого рода людей! Но врядъ ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутреннія страданія — — Скажу вамъ только, что между моими литературными пріятелями началось что-то въ родѣ ревности: всякой изъ нихъ сталъ подозрѣвать меня, что я промѣнялъ его на другого, и, слыша издали о моихъ новыхъ знакомыхъ и о томъ, что меня стали хвалить люди имъ неизвѣстные, усилилъ еще болѣе свои требованія, основываясь на давности своего знакомства. Я получалъ престранныя письма, въ которыхъ каждый выставлялъ впередъ себя и, увѣряя меня въ чистотѣ своихъ отношеній ко мнѣ, порочилъ и почти неблагородно клеветалъ на другихъ, увѣряя, что они меня не знаютъ вовсе, любятъ меня по моимъ сочиненіямъ, а не меня самого [всѣ жъ они до сихъ поръ еще увѣрены, что я люблю всякаго рода фиміамъ] и упрекая меня въ то же время такими вещами, обвиняя такими низкими обвиненіями, какія, клянусь, я бы не приписалъ никому, потому что это просто безумно! Однимъ словомъ, они наконецъ вовсе запутались и сбились со всякаго толку. Каждый изъ нихъ на мѣсто меня составилъ себѣ свой собственный идеалъ, имъ же сочиненный образъ и характеръ, и сражался съ собственнымъ своимъ сочиненіемъ, въ полной увѣренности, что сражается со мною. Теперь конечно все это смѣшно, и я могу сказать: »Дѣти, дѣти! обратитесь попрежнему къ своему дѣлу.« Но тогда мнѣ невозможно было того сдѣлать. Недоразумѣнія доходили до такихъ оскорбительныхъ подозрѣній, такіе грубые наносились удары и притомъ по такимъ тонкимъ и чувствительнымъ струнамъ, о существѣ которыхъ не могли даже и подозрѣвать наносившіе удары,

что изныла и изстрадалась вся моя душа, и мнѣ слишкомъ было трудно, что и оправдаться мнѣ не было возможности, потому что слишкомъ многому мнѣ надобно было вразумлять ихъ, слишкомъ во многомъ мнѣ нужно было раскрывать имъ мою внутреннюю исторію, а при мысли о такомъ трудѣ, и самая мысль моя приходила въ отчаяніе, видя предъ собою безконечныя страницы. Притомъ всякое оправданіе мое было бы имъ въ обвиненіе, а они еще не довольно созрѣли душою и не довольно христіяне, чтобы выслушать такія обвиненія. Мнѣ оставалось одно — обвинять до времени себя, чтобы какъ-нибудь до времени ихъ успокоить, и, выждавъ время, когда души ихъ будутъ болѣе размягчены, открывать имъ постепенно, исподоволь и понемногу настоящее дѣло. Вотъ легкое понятіе о моихъ соотношеніяхъ съ моими литературными пріятелями, изъ которыхъ вы сами можете вывести и соотношенія мои съ N* N* — — — Я избѣгалъ съ нимъ всякихъ рѣчей о подобныхъ предметахъ, что̀ повергало его въ совершенное недоумѣніе; ибо онъ считаетъ, что я живу и дышу литературою. Я очень хорошо зналъ и чувствовалъ, что онъ терялся обо мнѣ въ догадкахъ и путался въ предположеніяхъ. Онъ мнѣ не давалъ этого замѣтить и изрѣдка въ разговорахъ съ другими выражалъ неясно свое неудовольствіе на меня. Мнѣ хотѣлось узнать, въ какомъ состояніи онъ находится теперь относительно себя и меня, и съ этой цѣлью я наконецъ заставилъ его написать откровенное письмо. — — Письмо это мнѣ нужно было, потому что, кромѣ сужденія о мнѣ, показало отчасти его душевное состояніе. Но, при всемъ томъ, я былъ приведенъ въ совершенное недоумѣніе, какъ отвѣчать. — — Я ограничился тѣмъ, чтобъ сдѣлать ему сколько-нибудь яснымъ, что можно ошибиться въ человѣкѣ, что нужно быть смиреннѣе въ разсужденіи узнанія человѣка, не предаваться скорымъ заключеніямъ, — — не выводить по нѣкоторымъ поступкамъ, которыхъ даже и причинъ мы не знаемъ. Мнѣ хотѣлось сколько-нибудь возбудить въ немъ состраданіе къ положенію другого, который можетъ сильно страдать тогда, какъ другіе даже и не подозрѣваютъ. — — — Христіянинъ не станетъ такъ отыскивать дружества, стараясь такъ деспотически подчинить своего друга своимъ любимымъ идеямъ и называя его только потому своимъ

другомъ, что онъ раздѣляетъ наше мнѣніе и мысли. — — Христосъ не повелѣвалъ какъ быть друзьями, но повелѣвалъ быть братьями. Да и можно ли сравнить гордое дружество, подчиненное законамъ, которое начертываетъ самъ человѣкъ, съ тѣмъ небеснымъ братствомъ, котораго законы начертаны на небесахъ? Тѣ, которыхъ души уже загорѣлись такою любовью, сходятся сами между собою, ничего не требуя другъ отъ друга, никакихъ не произносятъ клятвъ и увѣреній, чувствуя, что связь такая уже вѣчная, что разсердиться они не могутъ, потому что все простится, и трудно бы имъ было выдумать, чѣмъ оскорбить другого. Есть много достойныхъ людей, которые думаютъ, что они христіяне; но (они) христіяне только *въ мысляхъ, но не въ жизни и не въ дѣлѣ*; они не внесли еще Христа въ самое сердце своей жизни, во всѣ дѣйствія свои и поступки. Есть также и такіе, которые потому только считаютъ себя христіянами, что отыскали въ евангельскихъ истинахъ кое-что такое, что показалось имъ подкрѣпляющимъ любимыя ихъ идеи. А потому вы испробуйте сами N* N*, заговорите съ нимъ о такихъ пунктахъ, на которыхъ узнается, какъ далеко ушелъ человѣкъ въ христіянствѣ, испробуйте его мнѣніе о другихъ христіянахъ: отзывается ли онъ о нихъ такъ, какъ христіянинъ; и, если, по словамъ вашимъ, *онъ въ васъ имѣетъ такую же нужду, какъ вы во мнѣ*, то сдѣлайте для него то, что предписываетъ вамъ истинная братская любовь, уврачуйте, что найдете въ болѣзненномъ состояніи; умягчите съ небесною кротостью, что зачерствѣло; не показывайте (моихъ писемъ) ни ему, никому. Повѣрьте, что они будутъ чужды для всякаго, ибо писаны на языкѣ того, къ кому относятся. — — —

»Сужденія (ваши) кромѣ того, что не впопадъ,—они лишены силы сердечнаго убѣжденія; въ нихъ отсутствіе того, что можетъ тронуть душу. Прежде, нежели писать, помолитесь Богу, чтобы Онъ вамъ далъ слово убѣжденія, взгляните также на самихъ себя; имѣйте для этого на столѣ духовное зеркало, т. е. какую-нибудь духовную книгу, въ которую можетъ смотрѣться душа ваша. Всѣ мы вообще слишкомъ привыкли къ рѣзкости и мало глядимъ на себя въ то время, когда даемъ другому упреки. Очень чувствую, что и я говорю вамъ въ этомъ письмѣ, можетъ быть, слишкомъ дерзко и самоу-

вѣренно. Такова природа человѣческая; повсюду перельетъ и все доведетъ до излишества; даже, защищая самое святое, она покажетъ въ словахъ своихъ увлеченіе человѣческое, стало быть, низкое и недостойное предмета. Другъ мой добрый, будсшъ смиренны въ упрекахъ относительно другихъ, но не относительно насъ съ вами. Мы люди свои.«

Въ то же время Гоголь сдѣлалъ такое же предложеніе одному изъ московскихъ своихъ друзей, и также встрѣтилъ представленія что невозможно исполнить—по крайней мѣрѣ до времени—его желанія. Въ Москвѣ, однакожъ, великодушное предпріятіе поэта осуществилось, и до сихъ поръ у одного его друга хранятся банковые билеты на 2,500 рублей серебромъ, положенныхъ въ ростъ для помощи бѣднымъ талантливымъ студентамъ Московскаго университета. Вотъ отрывки изъ письма Гоголя къ С.Т.Аксакову, написаннаго по этому поводу:

«Римъ. 25 ноября (1845).

« — — — Вы меня всё таки больше знаете, вы утвердили обо мнѣ свое мнѣніе не изъ дѣлъ моихъ и поступковъ, а благородно повѣрили мнѣ въ душѣ своей, почувствовали той же душой, что я не могу обмануть, не могу говорить одно, а дѣйствовать иначе. Словомъ, вы меня всё-таки больше знаете, а потому объясните N* N*, что все то, что̀ я уже положилъ и опредѣлилъ въ душѣ своей и произношу твердо, то уже не перемѣняется мною. Это не упрямство, но то рѣшеніе, которое дѣлается у меня вслѣдствіе многихъ обдумываній. Если же онъ найдетъ исполненіе моей просьбы несообразнымъ своимъ правиламъ, то пусть передастъ все въ ваши руки. А васъ прошу тогда выполнить, какъ святыню, мою просьбу. Не смущайтесь затруднительностью: Богъ вамъ поможетъ. Помните только, что деньги не для бѣдныхъ студентовъ, но для бѣдныхъ, слишкомъ хорошо учащихся студентовъ, для талантовъ. Имя дающаго должно быть навсегда скрыто, потому что у талантовъ чувствительнѣй и нѣжнѣй природа, чѣмъ у другихъ людей. Многое можетъ оскорбить ихъ, хотя и не кажется другимъ оскорбительнымъ. Когда

же дающій скрылъ свое имя — даръ его приметса твердо и смѣло; благословится, въ глубинѣ благодарной души, его неизвѣстное имя, ибо тотъ, кто скрылъ свое имя, вѣрно, не попрекнетъ никогда своимъ благодѣяніемъ и не напомнитъ о немъ. Не заботьтесь о томъ, что книга (1) идетъ тупо; не хлопочите о ея распространеніи и берегите только экземпляры. Она пойдетъ потомъ вдругъ. Деньги тоже пока ненужны: таланты рѣдки и не скоро одинъ послѣ другого появляются. Нужно только, чтобы ни одна копѣйка не издержалась на что-нибудь другое, а собиралась бы и хранилась бы, какъ святая: обѣтъ этотъ данъ Богу. — — —

«Здоровье мое, хотя и стало лучше, но все еще какъ-то не хочетъ совершенно устанавливаться; чувствую слабость и, что̀ всего непонятнѣе, до такой степени зябкость, что не имѣю времени сидѣть въ комнатѣ: долженъ ежеминутно бѣгать согрѣваться; едва же согрѣюсь и приду, какъ въ мигъ остываю, хотя комната и тепла, и долженъ вновь бѣжать согрѣваться. Въ такой бѣготнѣ проходитъ почти весь день, такъ что не имѣется времени даже написать письма, не только чего другого. Но о недугахъ не стоитъ, да и грѣхъ, говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь — — и всѣ, кто ни молитесь обо мнѣ, да помолятся вновь, да обратится все въ добро и да пошлетъ Господь Богъ попутный вѣтеръ моему дѣлу и труду.«

XXII.

Переписка съ поэтомъ Языковымъ и А.О.С—ой: шутка рядомъ съ высокими предметами;—взглядъ Гоголя на самаго себя;—актъ творчества, совершающійся посредствомъ молитвы;—опроверженіе обвиненій въ двуличности;—артистъ и христіянинъ;—отзывъ Гоголя на вопросъ: Русской онъ, или Малороссіянинъ?—общій смыслъ «Мертвыхъ Душъ.»

Съ 1842 года завязывается у Гоголя весьма интересная переписка съ поэтомъ Языковымъ и А.О.С**ой, выражающая самую

(1) «Сочиненія Николая Гоголя», въ 4 томахъ. *Н. М.*

нѣжную и искреннюю дружбу къ обоимъ этимъ лицамъ, и въ то же время—высшую степень его религіозной настроенности. Въ письмахъ къ Языкову онъ часто принимаетъ тонъ слѣдующихъ отрывковъ.

«Комната у меня великолѣпна, голубецъ неподдѣльный; но солнце тревожитъ меня все утро. Табльдотъ для нѣмецкихъ табльдотовъ королевскій, но кофій смотритъ подлецомъ. — — — Общество здѣсь почти то же, что́ и въ Гастейнѣ, но какъ-то не такъ обходительно. Полежаевъ, Храповицкій, Сопиковъ, хотя и принимаютъ, но не съ такимъ радушіемъ; нѣтъ той непринужденности въ оборотахъ и поступкахъ. Ходаковскій тоже, хотя и навѣдывается чаще, но есть въ немъ что-то черствое, городское: слишкомъ щеголеватъ, не такъ нараспашку, какъ въ Гастейнѣ, и еще бѣда: завелъ онъ дружбу страшную съ помѣщикомъ, котораго мы въ Гастейнѣ никогда не видали, и я самъ даже не помню хорошо его фамиліи. Пыляковъ кажется, или Пыльницкій. Подлецъ, какого только ты можешь себѣ представить. Подобнаго нахальства въ поступкахъ и наглости я не видалъ давно; лѣзетъ въ самый ротъ. Тепляковъ здѣсь тоже несносенъ: его бы слѣдовало назвать Допекаевымъ.«

Или: (¹)

»Выѣхавши изъ Ганау, мы на второй станціи подсадили къ себѣ въ коляску двухъ нащихъ земляковъ, русскихъ помѣщиковъ Сопикова и Храповицкаго, и провели съ ними время до зари. Петръ Михайловичъ даже и по зарѣ перекинулся двумя, тремя фразами съ Храповицкимъ.«

Въ томъ же самомъ письмѣ Гоголь мало-помалу переходитъ въ такой тонъ:

«Твердъ путь твой, и залогомъ словъ сихъ не даромъ оставленъ тебѣ посохъ. О, вѣрь словамъ моимъ!... Ничего не въ силахъ я тебѣ болѣе сказать, какъ только: вѣрь словамъ моимъ! Я самъ не

(¹) Изъ письма отъ 27-го сентября, 1842, изъ Дрездена.
(¹) Изъ письма отъ 5-го августа, 1842. изъ Мюнхена.

смѣю не вѣрить словамъ моимъ. Есть чудное и непостижимое... Но рыданія и слезы глубоко вдохновенной, благодарной души помѣшали бы мнѣ вѣчно досказать... и онѣмѣли бы уста мои. Никакая мысль человѣческая не въ силахъ себѣ представить сотой доли той необъятной любви, какую содержитъ Богъ къ человѣку!... Вотъ все. Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ. Для сего была наша встрѣча.«

Слѣдующая выписка (изъ письма отъ 10 февраля, 1842) показываетъ самымъ опредѣлительнымъ образомъ, какъ смотрѣлъ на себя Гоголь.

»Меня мучитъ свѣтъ и сжимаетъ тоска, и, какъ ни уединенно я здѣсь живу; но меня все тяготитъ — и здѣшніе пересуды, и толки, и сплетни. Я чувствую, что разорвались послѣднія узы, связывавшія меня со свѣтомъ. Мнѣ нужно уединеніе, рѣшительное уединеніе. О, какъ бы весело провели мы съ тобой дни вдвоемъ за нашимъ чуднымъ кофіемъ по утрамъ, расходясь на легкій тихій трудъ и сходясь на тихую бесѣду за трапезой и ввечеру! Я не рожденъ для треволненій и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха (').«

Взглядъ автора »Мертвыхъ Душъ« на вдохновеніе обнаруживаетъ отчасти актъ собственнаго его творчества. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ предметѣ къ Языкову (отъ 4-го ноября, кажется, 1843).

»... отъ тебя не такъ далеко время писанья и работы. Остается испросить вдохновенья. Какъ это сдѣлать? Нужно послать изъ души нашей къ Нему стремленіе. Чего не поищешь, того не найдешь, говоритъ пословица. Стремленіе есть молитва. Молитва не есть сло-

(') Вспомнимъ, что онъ писалъ около этого же времени (отъ 12 апрѣля, 1842) къ Н. Д. Бѣлозерскому:

»Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата; а главное— моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской.«

весное дѣло; она должна быть отъ всѣхъ силъ души и всѣми силами души; безъ того она не возьметъ. Молитва есть восторгъ. Если она дошла до степени восторга, то она уже проситъ о томъ, чего Богъ хочетъ, а не о томъ, чего мы хотимъ. Какъ узнать хотѣніе Божіе? Для этого нужно взглянуть разумными очами на себя и изслѣдовать себя: какія способности , данныя намъ отъ рожденія, выше и благороднѣе другихъ, тѣми способностями мы должны работать преимущественно, и въ сей работѣ заключено хотѣніе Бога: иначе — онѣ не были бы намъ даны. Итакъ, прося о пробужденіи ихъ, мы будемъ просить о томъ , что́ согласно съ Его волею. Стало быть, молитва наша прямо будетъ услышана. Но нужно, чтобы эта молитва была отъ всѣхъ силъ души нашей. Если такое постоянное напряженіе хотя па двѣ минуты въ день соблюсти въ продолженіе одной, или двухъ недѣль, то увидишь ея дѣйствіе непремѣнно. Къ концу этого времени въ молитвѣ окажутся прибавленія. Вотъ какія произойдутъ чудеса. Въ первый день еще ни ядра мысли нѣтъ въ головѣ твоей; ты просишь просто вдохновенія. На другой, или на третій день ты будешь говорить просто: »Дай произвести мнѣ въ *такомъ-то* духѣ.« Потомъ на четвертый, или пятый: »съ *такою-то* силою«. Потомъ окажутся въ душѣ вопросы: Какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія, и къ чему могутъ послужить? И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ, и къ концу какой-нибудь другой недѣли увидишь , что уже все составилось, что́ нужно: и предметъ, и значенье его, и сила, и глубокій внутренній смыслъ, словомъ—все; сто́итъ только взять въ руки перо да и писать. Но повторяю вновь: Молитва должна быть отъ всѣхъ силъ души. Естествоиспытатели скажутъ, что это не мудрено, что постоянное напряженіе можетъ разбудить силы человѣка. Но пусть будетъ по ихнему, пусть это произошло именно отъ того, что одна нерва толкнула другую, какъ оно впрочемъ и справедливо; но когда дойдетъ наконецъ до результата, тогда увидишь ясно, какъ и въ силу чего это возникло. А извѣстное дѣло, что теоріи тѣ только неложны, которыя возникли изъ опыта. Для меня удивительнѣе всего то, что тѣ именно люди, которые при-

знаютъ Бога только въ порядкѣ и гармоніи вселенной и отвергаютъ всякія внезапныя чудеса, хотятъ непремѣнно, чтобы тутъ совершилось чудо, чтобы Богъ вошелъ вдругъ въ нашу душу, какъ въ комнату, отворивши тѣлесною рукою дверь и произнесши слово во всеуслышанье всѣмъ. А позабыли то, что Богъ никуда не входитъ незаконно; всюду несетъ онъ съ собой гармонію и законъ. Нѣтъ и явленья безпричиннаго; все обмыслено и есть уже самая мысль. Чудеса, по видимому безпричинныя, не случались съ умными людьми. Они случались съ простыми людьми, съ тѣми людьми, у которыхъ сила вѣры перелетѣла черезъ всѣ границы и чрезъ всѣ ихъ невеликія способности. За такую вѣру низпосланы были и явленія имъ, перешедшія всѣ естественныя границы. Но и тутъ, всмотрѣвшись, можно толковать естественнымъ образомъ: тоже одна нерва толкнула другую и вызвала видѣніе. Но въ томъ-то и дѣло, что одно мановеніе сверху— и тысячи колесъ уже толкнули одно другое, и пришелъ въ движеніе весь безгранично-сложный механизмъ; а намъ видно одно мановеніе. Такъ, взглянувъ на часовой циферблятъ, видишь, что одна только стрѣлка едва примѣтно двинулась; но для того, чтобы произвести это едва примѣтное движеніе, нужно было нѣсколько разъ оборотиться колесамъ. Умный человѣкъ хочетъ, чтобы и съ нимъ такъ же случилось чудо, какъ съ другимъ; но уже за одно это безразсудное желаніе онъ достоинъ наказанія. Ему скажется: »Тебѣ данъ умъ. »Зачѣмъ онъ тебѣ данъ? Затѣмъ ли, чтобы ты съ нимъ вмѣстѣ дре- »малъ? Тотъ, какъ трудолюбивый крестьянинъ, работалъ отъ всѣхъ »силъ своихъ и выработалъ пòтомъ и слезами хлѣбъ свой, а ты, »могши наполнить ими цѣлые магазины, лежалъ на боку, и еще хочешь, »чтобы тебѣ бросилась такая же горсть, какая дана ему.« Чтó на это придется отвѣчать умному человѣку? Развѣ отвѣчать такими словами: »Но я былъ какъ въ лѣсу, я не зналъ даже, какъ и за чтó »приняться. Еслибы кто подалъ мнѣ руку, я бы пошелъ«. Но такіе отвѣты можетъ уничтожить одно слово: »А зачѣмъ существуетъ »молитва?« Еслибы и тутъ нашелся умный человѣкъ сказать: »Но »мнѣ не молилось; я не зналъ даже, какъ молиться«,—отвѣтъ будетъ одинъ и тотъ же: »А на чтò молитва? Молись о томъ, чтобы »умѣть молиться.« Но если умный человѣкъ былъ еще поэтъ—не-

вольный страхъ обнимаетъ душу, и я сейчасъ изъясню тебѣ, почему. Святые молчальники, которые уже все нашли для себя лишнимъ въ мірѣ и слѣдили только одни внутреннія явленія души, на глубокую науку будущему человѣчеству, говорятъ вотъ что: Приходъ Бога въ душу узнается потому, когда душа почувствуетъ иногда вдругъ умиленіе и сладкія слезы, безпричинныя слезы, произшедшія не отъ грусти или безпокойства, но которыхъ изъяснить не могутъ слова. До такого состоянія [говорятъ они же] дойти человѣку возможно только тогда, когда онъ освободится отъ всѣхъ страстей совершенно. Но есть, однакоже, такіе избранники, которыхъ Богъ возлюбилъ отъ дѣтства, для благихъ и великихъ своихъ намѣреній, и посѣщаетъ невидимо; доказательствомъ чего служитъ внезапно находящій на нихъ восторгъ и тихія слезы. Свидѣтельство это такого рода, что во всякую минуту жизни надъ нимъ задумаешься. Вопроси себя въ душѣ своей и добейся отъ нея, что́ она скажетъ на это. Мнѣ бы хотѣлось сильно знать это, потому что полезно было бы и для меня. А до того времени мнѣ кажется вотъ что. Если подвергнется сильному отвѣту тотъ, кто не искалъ Бога, то еще сильнѣйшему тотъ, кто убѣгалъ отъ Бога.

»Скажу тебѣ еще объ одномъ душевномъ открытіи, которое подтверждается болѣе и болѣе, чѣмъ болѣе живешь на свѣтѣ, хотя въ началѣ оно было просто предположеніе, или справедливѣе—предслышаніе. Это то, что въ душѣ у поэта силъ бездна. Ежели простой человѣкъ борется съ неслыханными несчастіями и побѣждаетъ ихъ, то поэтъ непремѣнно долженъ побѣждать большія и сильнѣйшія. Разсматривая въ существѣ тѣ орудія, которыми простые люди побѣждали несчастія, видишь съ трепетомъ, что такихъ орудій цѣлый арсеналъ вложилъ Богъ въ душу поэта. Но ихъ большею частію и не знаетъ поэтъ, и не прибѣгаетъ къ узнанію. Разбросанныхъ силъ никто не знаетъ и не видитъ, и никогда не можетъ сказать навѣрно, въ какомъ онѣ количествѣ. Когда они собраны вмѣстѣ, тогда только ихъ узнаешь. А собрать силы можетъ одна молитва.«

»Мертвыя Души« были читаны нѣсколькимъ лицамъ авторомъ, но никто не зналъ конца ихъ, который долженъ былъ увѣнчать дѣло и

всему дать смыслъ, таимый авторомъ про себя. Вотъ, однакоже, нѣсколько словъ, намекающихъ на то, чѣмъ должны были быть »Мертвыя Души«, — изъ письма къ Языкову отъ 5-го мая 1846 года.

»...крайне непріятно, что »Мертвыя Души« переведены (на нѣмецкій языкъ). Впрочемъ, что̀ случилось, то случилось не безъ воли Божіей. Дай только Богъ силы отработать и выпустить второй томъ. Узнаютъ они (Нѣмцы) тогда, что у насъ много того, о чемъ они никогда не догадывались и чего мы сами не хотимъ знать.«

Переходя къ извлеченіямъ изъ писемъ Гоголя къ А.О.С—ой, я считаю нужнымъ привести сперва мнѣніе его о ней, высказанное Языкову въ письмѣ отъ 5-го іюня 1845 года. Оно покажетъ, какъ велико должно было быть вліяніе на него этого друга, при всей его способности подчинять другихъ своему вліянію.

»Въ Москвѣ будетъ вѣроятно на дняхъ См**ва. Ты долженъ съ ней познакомиться непремѣнно. Это же посовѣтуй С. Т. Аксакову и Н. Н. Ш****ой. Это перлъ всѣхъ русскихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось изъ нихъ знать, прекрасныхъ по душѣ. Но врядъ ли кто имѣетъ въ себѣ достаточныя силы оцѣнить ее. И самъ я, какъ ни уважалъ ее всегда и какъ ни былъ друженъ съ ней, но только въ однѣ истинно страждущія минуты и ея, и мои узналъ ее. Она являлась истиннымъ моимъ утѣшителемъ, тогда какъ врядъ ли чье-либо слово могло меня утѣшить. И подобно двумъ близнецамъ-братьямъ бывали сходны наши души между собою.«

Письма Гоголя къ А.О.С—ой вообще отличаются догматическимъ характеромъ, но мѣстами исполнены глубокой грусти, сквозь которую прорывается не рѣдко врожденный ему юморъ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ мѣстѣ:

»Что̀ же касается до сплетней, то не позабывайте, что ихъ распускаетъ чортъ, а не люди, затѣмъ чтобы смутить и низвести съ того высокаго спокойствія, которое намъ необходимо для житія жизнью высшею, стало быть, той, какой слѣдуетъ жить человѣку. Эта длиннохвостая бестія какъ только примѣтитъ, что человѣкъ сталъ остороженъ и неподатливъ на большіе соблазны, тотчасъ спрячетъ свое

рыло и начинаетъ заѣзжать съ *мелочей*, очень хорошо зная, что и безстрашный левъ долженъ наконецъ взревѣть, когда нападутъ на него безсильные комары со всѣхъ сторонъ и кучею,« и т. д. ([1]).

Извѣстно, что при жизни Гоголя искренность его убѣжденій и прямота дѣйствій многими изъ его знакомыхъ были сильно заподозрѣны. Вотъ что́ пишетъ объ этомъ Гоголь къ А. О. С—ой (отъ 24-го октября, 1844).

»Это до сихъ поръ неразрѣшимая загадка, какъ для нихъ, такъ равно и для меня. Знаю только, что меня подозрѣваютъ въ двуличности, или какой-то макіавелевской штукѣ. Но настоящаго свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ не дала мнѣ до сихъ поръ ни одна живая душа. Вотъ уже два года я получаю такіе странные и неудовлетворительные намеки и такъ противорѣчащіе другъ другу, что у меня просто голова идетъ кругомъ. Всѣ точно боятся меня. Никто не имѣетъ духу сказать мнѣ, что я сдѣлалъ подлое дѣло, и въ чемъ состоитъ именно его подлость. А между тѣмъ мнѣ все, что́ ни есть худшаго, было бы легче понести этой странной неизвѣстности. Скажу вамъ только, что самое ядро этого дѣла, самое дѣтское, это — почти ребяческая безразсудность выведеннаго изъ терпѣнья человѣка; но около ядра этого накопилось то, о чемъ я только теперь въ догадкахъ, но чего на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ не знаю. Но скажу вамъ также, что съ этимъ дѣломъ соединялся большій грѣхъ, чѣмъ двуличность: все это дѣло есть дѣйствіе гнѣва и тѣхъ тонкихъ оскорбленій, которыя грубо были нанесены мнѣ добрымъ человѣкомъ, немогшимъ и въ половину понять великости нанесеннаго оскорбленія; но оно тронуло такія щекотливыя струны, что ихъ перенести развѣ могла бы одна душа истинно святого человѣка. Нѣсколько разъ мнѣ казалось, что гнѣвъ мой совершенно изчезъ, но потомъ однако же я чувствовалъ пробужденье его въ желаніи нестерпимомъ оправдаться. А оправдаться я не могъ, потому что не имѣлъ въ рукахъ обвиненій. Этотъ гнѣвъ стоилъ вашего гнѣва, хотя я за него сильно наказалъ себя. Теперь я положилъ [и уже давно] никакъ не оправдываться. Пусть все дѣло объ-

([1]) Отъ 6-го декабря, 1849.

яснится само собою. Но мнѣ теперь нужно знать во всей ясности обвиненія, для того чтобы обвинить лучше и справедливѣй себя, а не кого другого.———Души моей никто не можетъ знать; она доступна еще меньше вашей, потому что я даже и не говорливъ. Въ послѣднее время, когда я ни бывалъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, я избѣгалъ всякихъ объясненій и скорѣе отталкивалъ отъ себя пріятелей, чѣмъ привлекалъ. Мнѣ нуженъ былъ душевный монастырь. Вамъ это теперь понятно, потому что мы сошлись съ вами вслѣдствіе взаимной душевной нужды и помощи, и потому имѣли случай хотя съ нѣкоторыхъ сторонъ узнать другъ друга; но они этого не могли понять. Изъ нихъ — вы сами знаете — никто не воспитывается; стало быть, всякой поступокъ они могли истолковать посвоему. Отчужденіе мое отъ нихъ они приняли за нелюбовь и охладженье, тогда какъ любовь моя возрастала. Да и не могло быть иначе, потому что я, слава Богу, ихъ больше знаю, чѣмъ они меня; и еслибы они, вслѣдствіе превратности человѣческой, сдѣлали бы точно что-нибудь дурное, или измѣнились даже въ характерахъ, я бы всё не измѣнился въ любви, и, можетъ, Богъ бы помогъ мнѣ тогда-то именно и возчувствовать нѣжнѣйшую любовь, когда бы они очутились въ крайности запятнать или погубить свою душу. Это впрочемъ такъ и быть должно у всѣхъ насъ. Когда мы видимъ въ болѣзни, или даже при смерти намъ близкаго человѣка, тогда только оказывается, какъ велика любовь наша къ нему. Мы не жалѣемъ ни денегъ, ни собственнаго попеченія, готовы все, что̀ имѣемъ, отдать доктору и сильно молимся Богу о его выздоровленіи.«

Борьба артиста съ христіяниномъ въ Гоголѣ давно уже сдѣлалась очевидною для каждаго. Самъ Гоголь соглашалъ оба разнородныя стремленія свои такимъ образомъ (¹):

»Какъ умный человѣкъ, онъ (С—нъ) правъ тѣмъ, что взглянулъ на меня со стороны артиста, но онъ пропустилъ не бездѣлицу: онъ пропустилъ ту высшую любовь, которая гораздо выше всякихъ артистовъ и талантовъ, и можетъ быть равно доступна какъ умнѣйшему,

(¹) Въ письмѣ отъ 3-го ноября, 1844.

такъ и простѣйшему человѣку. Онъ не можетъ также знать того, что я уже давно гляжу на человѣка не какъ артистъ, но милосердіе Бога помогло мнѣ глядѣть на него иначе: я гляжу на него, какъ на брата, и это чувство въ нѣсколько разъ небеснѣе и лучше. Ремесло артиста мнѣ пригодилось теперь только въ помочь; имъ мнѣ доведется только доказать на дѣлѣ мою любовь, о чемъ молю Бога безпрестанно и о чемъ прошу васъ также помолиться.«

Вотъ еще интересный вопросъ, возникающій нерѣдко въ бесѣдахъ о Гоголѣ и рѣшенный имъ посвоему въ письмѣ къ А. О. С—ой, отъ 24-го Декабря 1844 года.

»Скажу вамъ одно слово на счетъ того, какая у меня душа, хохлацкая, или русская, потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая, или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни Малороссіянину передъ Русскимъ, ни Русскому передъ Малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой. Явный знакъ, что онѣ должны наполнить одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ слiявшись во едино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ. На сочиненіяхъ же моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они всѣ писаны давно, во времена глупой молодости, пользуются пока незаслуженными похвалами и даже несовсѣмъ заслуженными порицаньями, и въ нихъ видѣнъ покамѣсть писатель, еще неутвердившійся ни на чемъ твердомъ. Въ нихъ точно есть кое-гдѣ хвостики душевнаго состоянія моего тогдашняго, но, безъ моего собственнаго признанія, ихъ никто и не замѣтитъ и не увидитъ.«

Въ числѣ причинъ, удерживавшихъ Гоголя за границею, одна выражена имъ въ письмѣ къ искреннему его другу, А. О. С—ой, отъ 2-го апрѣля 1845 года.

»…. пріѣздъ мой мнѣ былъ бы не въ радость. Одинъ упрекъ только себѣ видѣлъ бы я на всемъ, какъ человѣкъ, посланный за дѣломъ и возвратившійся съ пустыми руками,—которому стыдно даже и заговорить, стыдно и лицо показать.«

Вотъ еще нѣсколько намековъ на общій смыслъ »Мертвыхъ Душъ« (въ письмѣ къ А. О. С—ой, отъ 25-го іюня, 1845).

»Вы коснулись »Мертвыхъ Душъ« и просите меня не сердиться за правду, говоря, что исполнились сожалѣніемъ къ тому, надъ чѣмъ прежде смѣялись. Другъ мой, я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно »Мертвыхъ Душъ«; но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ автора, принимая за каррикатуру, за насмѣшку надъ губерніями, такъ же, какъ были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губерніи и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что́ имъ приписываютъ, есть предметъ »Мертвыхъ Душъ«. Это покамѣсть еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ, [ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась] раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, еслибы Богу было угодно продлить жизнь мою м благословить будушій трудъ. Повторяю вамъ вновь, что это тайна, и ключъ отъ нея покамѣсть въ душѣ у одного только автора. Многое, многое даже изъ того, что́ по видимому, было обращено ко мнѣ самому, было принято вовсе въ другомъ смыслѣ. Была у меня точно гордость, но не моимъ *настоящилъ*, не тѣми свойствами, которыми владѣлъ я, гордость *будущимъ* шевелилась въ груди,—тѣмъ, что̀ представлялось мнѣ впереди, счастливымъ открытіемъ,—которымъ угодно было, вслѣдствіе Божіей милости, озарить мою душу,—открытіемъ, что можно быть далеко *лучше* того, чѣмъ есть человѣкъ, что есть средства и что для любви…. Но не кстати я заговорилъ о томъ, чего еще нѣтъ. Повѣрьте, что я хорошо знаю, что я слишкомъ дрянь, и всегда чувствовалъ болѣе или менѣе, что въ *настоящемъ* состояніи моемъ я дрянь и все дрянь, что́ ни дѣлается мною, кромѣ того, что̀ Богу угодно было внушить мнѣ сдѣлать, да и то было сдѣлано мною далеко не такъ, какъ слѣдуетъ.«

XXIII.

1845-й годъ.—Гоголь боленъ.—Письма о болѣзни къ Н. Н. Ш*** и С. Т. Аксакову. — Высочайшее пожалованіе Гоголю по 1000 рублей серебромъ на три года.—Письмо къ министру народнаго просвѣщенія.—Лѣченіе холодною водою въ Грефенбергѣ. — Гоголь въ Прагѣ. — Письма изъ Рима и изъ другихъ городовъ, выражающія физическое и душевное состояніе Гоголя, предшествовавшее появленію »Переписки съ Друзьями«.—Первое впечатлѣніе, произведенное »Перепискою«.

Въ началѣ 1845 года Гоголь сдѣлался очень боленъ. Слѣдующее письмо къ Н. Н. Ш***показываетъ, какъ онъ бросался въ разныя стороны, ища въ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое облегченія приступившихъ къ нему недуговъ тѣлесныхъ и, кажется, также душевныхъ.

»1845. Франкфуртъ, 14 февраля.

»Благодарю васъ, добрый другъ, за ваше письмо, писанное ко мнѣ. Въ Парижъ я ѣздилъ единственно затѣмъ, чтобы сдѣлать куданибудь дорогу, и покамѣсть былъ въ дорогѣ, по тѣхъ поръ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ во Франкфуртѣ. Пріѣхавши въ Парижъ, началъ опять прихварывать. Впрочемъ, я провелъ время хорошо, былъ почти каждый день въ нашей церкви, которая хороша и доставила мнѣ много утѣшенія, и видѣлся только съ одними близкими, немногими, но прекраснѣйшими душами. Дорогой изъ Парижа во Франкфуртъ я опять чувствовалъ себя хорошо, а пріѣхавши воФранкфуртъ—дурно. Другъ мой, помолитесь какъ обо мнѣ, такъ и о бѣдномъ моемъ здоровьи. Я же покамѣсть вывожу то заключеніе, что мнѣ нужна дальняя дорога, и не есть ли это знакъ, что пора наконецъ отправится въ тотъ путь, ради котораго я выѣхалъ изъ Москвы и простился съ вами, о которомъ и первоначальная мысль была, безъ сомнѣнія, Божьимъ внушеніемъ. А потому помолитесь прежде всего, другъ мой, о моемъ здоровьи, ибо, какъ только поможетъ Богъ мнѣ дотянуться до будущаго года, то въ началѣ его и не откладывая уже на дальнѣйшее время, отправлюсь въ Іерусалимъ. Съ нынѣшняго лѣта или осени, отправлюсь въ Италію, съ тѣмъ чтобы,

оттуда быть наготовѣ сѣсть на корабль. А вы молите Бога, чтобы ниспослалъ мнѣ силы совершить это путешествіе такъ, какъ слѣдуетъ, какъ долженъ совершить его истинный христіянинъ. Молитесь объ этомъ заранѣ, чтобы Богъ приготовилъ къ тому мою душу и чтобы не оставлялъ меня отнынѣ ни на мигъ. Такъ нужно мнѣ Его безпрерывное присутствіе — да и кому оно не нужно? И помолитесь о моемъ здоровьи, которое такъ плохо, какъ я давно не помню. А я за васъ молюсь, и молюсь о томъ, чтобы Богъ услышалъ всѣ ваши молитвы«.

Собственныя немощи до того занимали его вниманіе, что, получивъ отъ С. Т. Аксакова письмо съ горестнымъ извѣстіемъ, что онъ терялъ одинъ глазъ и опасался за другой, Гоголь отвѣчалъ ему холодными утѣшеніями, въ которыхъ, по видимому, мало участвовало сердце, — именно:

»Франкфуртъ. 2 мая (1845).

»И вы больны, и я боленъ. Покоримся же Тому, Кто лучше знаетъ, что̀ намъ нужно и что̀ для насъ лучше, и помолимся Ему о томъ, чтобы помогъ намъ умѣть Ему покориться. Вспомнимъ только одно то, что въ Его власти *все* и *все* Ему *возможно*. Возможно все отнять у насъ, что̀ считаемъ мы лучшимъ, и въ награду за то дать лучшее намъ всего того, чѣмъ мы дотолѣ владѣли. Отнимая мудрость *земную*, даетъ Онъ мудрость *небесную*; отнимая зрѣнье *чувственное*, даетъ зрѣнье *духовное*, съ которымъ видишь тѣ вещи, передъ которыми пыль всѣ вещи земныя; отнимая *временную*, ничтожную жизнь, даетъ намъ жизнь *вѣчную*, которая передъ временной то же, что *все* передъ *ничто*. Вотъ что̀ мы должны ежеминутно говорить другъ другу. Мы, еще доселѣ непривыкнувшіе къ вѣчному закону дѣйствій, который совершается для всѣхъ непреложно въ мірѣ, и желающіе для себя непрерывныхъ исключеній, мы, малодушные, способны позабывать на всякомъ шагу то, что̀ должны вѣчно помнить, наконецъ мы, неимѣющіе даже благородства духа ввѣриться Тому, Кто стоитъ того, чтобы на Него положиться. Простому человѣку мы даже ввѣряемся, который даже намъ не пока-

залъ и знаковъ достаточныхъ для довѣрія, а Тому, Кто окружилъ насъ вѣчными свидѣтельствами любви своей, Тому только не вѣримъ, взвѣшивая подозрительно всякое Его слово. Вотъ что мы должны говорить ежеминутно другъ другу, о чемъ я вамъ теперь напоминаю и о чемъ вы мнѣ напоминайте.

Вѣроятно къ этому же времени, если не къ самому началу года относится слѣдующее, полное воплей души письмо къ Н.Н.Ш***.

»5 Іюля.

»Молитесь, другъ мой, обо мнѣ. Ваши молитвы мнѣ были нужны всегда, а теперь нужнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснутъ, отъ врачей и отъ искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно; но отъ Бога все возможно. Молитесь, да поможетъ Онъ мнѣ умѣть терпѣть, переносить, умѣть покоряться, умѣть молить Его и умѣть благословлять Его въ самыхъ страданіяхъ. Я слишкомъ знаю, что нельзя зажечь уже свѣтильникъ, если не стало масла; но знаю, что есть Сила, Которая и въ мертвомъ воздвигнетъ духъ жизни, если восхочетъ, и что молитва угодныхъ Богу душъ велика предъ Богомъ. Молитесь, другъ мой, да не оставляетъ меня въ минутахъ невыносимой скорби и унынія, которыя я уже чувствую и которыхъ, можетъ быть, цѣлый рядъ предстоитъ мнѣ впередъ, въ степени сильнѣйшей. Молитесь, да укрѣпитъ меня и спасетъ меня.«

При такихъ обстоятельствахъ, для Гоголя было особешно пріятно получить извѣстіе о томъ, что́ для него было въ это время сдѣлано. Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, поощряя, съ свойственнымъ Ему великодушіемъ, труды каждаго высокаго таланта, благоволилъ пожаловать Гоголю по тысячѣ рублей серебромъ въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ (1).

(1) Эти деньги поручено было получать изъ Главнаго Казначейства П. А. Плетневу, для пересылки Гоголю.

На оффиціальное увѣдомленіе объ этомъ министра народнаго просвѣщенія (²), Гоголь отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ.

»Милостивый Государь
»Сергій Семеновичъ,

»Письмо ваше мною получено. Благодарю васъ много за ваше ходатайство и участіе. О благодарности Государю ничего не говорю: она въ душѣ моей; выразить же ее могу развѣ одной только молитвой о Немъ. Но мнѣ сдѣлалось въ то же время грустно. Грустно, вопервыхъ, потому, что все доселѣ мною сдѣланное не стоитъ большого вниманія. Хоть въ основаніи его и легла добрая мысль, но выражено все такъ дурно, ничтожно, незрѣло, и притомъ въ такой степени; *не такъ бы слѣдовало*: не даромъ большинство приписываетъ имъ скорѣе дурной смыслъ, чѣмъ хорошій, и соотечественники мои скорѣй извлекаютъ изъ нихъ извлеченье *не въ пользу* души своей, чѣмъ въ пользу. Во вторыхъ, грустно потому, что и за прежнее я въ неоплатномъ долгу предъ Государемъ. Клянусь, я и не помышлялъ даже просить о чемъ-либо у Государя! Въ тишинѣ только готовилъ я трудъ, который точно былъ бы полезнѣе моимъ соотечественникамъ моихъ прежнихъ мараній,—за который и вы сказали бы мнѣ, можетъ быть, спасибо, если будетъ выполненъ добросовѣстно, потому что предметъ его не чуждъ былъ и вашихъ собственныхъ помышленій. Меня утѣшала доселѣ мысль, что Государь, которому, какъ я знаю истинно, дорого благо душевное его подданныхъ, сказалъ бы, можетъ быть, о мнѣ со временемъ: »Этотъ человѣкъ умѣлъ быть благодарнымъ и зналъ, чѣмъ высказать Мнѣ свою признательность.« Теперь я обремененъ новымъ благодѣяніемъ. Въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ сдѣлано для меня, трудъ мой покажется беднѣй и незначительнѣй, чѣмъ прежде. Разстроенное здоровье можетъ отнять у меня возможность сдѣлать его и такимъ, какъ бы я хотѣлъ. И вотъ почему мнѣ грустно. Грустно вмѣстѣ съ этимъ и то, что нынѣшнимъ письмомъ вашимъ вы отняли у меня право сказать вамъ то, что̀ я хотѣлъ сказать. А я хотѣлъ васъ благодарить

(²) Отъ 27-го Марта, 1845, за № 449.

за многое сдѣланное вами въ пользу наукъ и отечественной старины, и еще болѣе — за пробужденіе, въ духѣ просвѣщенія нашего, твердаго русскаго начала. Благодарить васъ за это я имѣлъ право, какъ сынъ той же земли и какъ братъ того же чувства, въ которомъ мы всѣ должны быть братья, и какъ необязанный вамъ за личное добро. Теперь вы отняли у меня это право, и то, что̀ было тогда законнымъ дѣломъ, будетъ походить на комплиментъ. Примите жъ лучше, вмѣсто его, это искренное изложеніе моего состоянія душевнаго. Другого ничего не могу сказать вамъ; не прибавляю даже и почтительнаго окончанія, завершающаго свѣтскія письма, потому что, давно живя въ удаленіи отъ него, я позабылъ ихъ вовсе, а остаюсь просто

«Вамъ обязанный и признательный искренно

»*Н. Гоголь.*«

По совѣту своихъ друзей, извѣдавшихъ на себѣ пользу Присницева леченія холодною водою, Гоголь отправился въ Гефенбергъ, но не выдержалъ полнаго курса и уѣхалъ отъ Присница полувыздоровѣвшій. Во время послѣдняго своего пребыванія въ Москвѣ, увидя у О.М.Бодянскаго на стѣнѣ портретъ знаменитаго гидропата, онъ вспомнилъ о Грефенбергѣ.

— Почему же вы не кончили курса? спросилъ О.М.

— Холодно! отвѣчалъ однимъ словомъ Гоголь.

Вотъ его письма изъ Грефенберга.

Къ С. Т. Аксакову.

»Благодарю васъ, безцѣнный Сергѣй Тимофѣевичъ, за ваши два письма. Они мнѣ были очень пріятны. Здоровье мое, кажется, какъ будто немного лучше отъ купаній въ холодной водѣ, но не могу и не смѣю еще предаться вполнѣ надеждѣ. Пишите въ Римъ, куда я отправляюсь. Отъ Языкова узнаете подробнѣе. Не имѣю ни минуты свободной.«

*Къ Н.Н.Ш****

»Благодарю васъ, добрый другъ мой, за ваши письма, которыя

меня утѣшали въ моемъ болѣзненномъ состоянiи, и всегда утѣшали. Не могу сказать еще ничего рѣшительнаго о моемъ здоровьи. Твердо вѣрю, что, если милость Божiя захочетъ, то оно вдругъ воздвигнется. Нынѣшнее лѣченiе холодной водою по крайней мѣрѣ освѣжаетъ и прогоняетъ печальныя мысли. Я чувствую себя какъ будто крѣпче. Черезъ недѣлю, а можетъ и раньше, пущусь, перекрестившись и помолившись, въ дорогу: въ Римъ на всю зиму. Тамъ я чувствовалъ себя всегда хорошо; переѣздъ тоже мнѣ помогалъ и возстановлялъ. Богъ милостивъ и обратитъ, можетъ быть, то и другое въ мое излѣченiе. Знаю, что я самъ по себѣ далеко того недостоинъ, и не ради моихъ молитвъ, но ради молитвъ тѣхъ, которые объ мнѣ молятся, въ числѣ которыхъ одна изъ первыхъ вы, мнѣ ниспошлется облегченiе, а что̀ еще выше — умѣнье покоряться радостно Его святой волѣ. Итакъ не переставайте обо мнѣ молиться.«

Проѣзжая изъ Грефенберга черезъ чешскую Прагу, Гоголь обратилъ особенное вниманiе на нацiональный музей, завѣдываемый извѣстнымъ антикварiемъ Ганкою, приходилъ туда нѣсколько разъ и разсматривалъ хранящiяся въ немъ сокровища славянской старины. Ганка никакъ не хотѣлъ вѣрить, что передъ нимъ тотъ самый Гоголь, котораго сочиненiя онъ изучалъ съ такою любовью (такъ наружность Гоголя, его прiемы и разговоръ мало выказывали того, что̀ было заключено въ душѣ его); наконецъ спросилъ у самого поэта, не онъ ли авторъ такихъ-то сочиненiй.

— И, оставьте это! сказалъ ему въ отвѣтъ Гоголь.

— Ваши сочиненiя, продолжалъ Ганка,—составляютъ украшенiе славянскихъ литературъ (или что-нибудь въ этомъ родѣ).

— Оставьте, оставьте! повторялъ Гоголь, махая рукою, и ушелъ изъ музея.

Но Ганка не таковскiй человѣкъ, чтобъ разойтись съ подобнымъ путешественникомъ, не взявъ съ него контрибуцiи. Въ альманахѣ, изданномъ въ Прагѣ Павломъ Кларомъ, подъ заглавiемъ: »Libussa Taschenbuch für's Jahr 1852«, въ жизнеописанiи Ганки, гдѣ приведены выписки изъ его альбома, на стр. 368 мы читаемъ:

»Желаю (вамъ) еще сорокъ-шесть лѣтъ ровно здравствовать, рабо-

тать, печатать и издавать во славу Славянъ. Дня 5 [17] августа 1845. Гоголь.«

Не извѣстно, когда Гоголь возвратился въ Римъ; но отъ 29 октября онъ ужъ писалъ къ С. Т. Аксакову:

»Увѣдомляю васъ, добрый другъ мой Сергѣй Тимофѣевичъ, что я въ Римѣ. Переѣздъ и дорога значительно помогли; мнѣ лучше. Климатъ римскій подѣйствуетъ, если угодно Богу, такъ же благосклонно, какъ и прежде. А потому вы обо мнѣ не смущайтесь и молитесь. Увѣдомьте объ этомъ также и маменьку мою. Я хотя и написалъ письмо сей же часъ по пріѣздѣ въ Римъ къ ней первой, но вообще за письма мои къ ней я сильно безпокоюсь. Двухъ или трехъ писемъ моихъ *сряду* она не получила. Два изъ этихъ писемъ были очень *нужны*. Это для меня неизъяснимо. Пропасть на почтѣ, пожалуй, еще можетъ одно письмо, но *сряду* писанныя одно за другимъ—это странно. У маменьки есть неблагопріятели, которые уже не разъ ее смущали какими-нибудь глупыми слухами обо мнѣ, зная, что этимъ болѣе всего можно огорчить ее. Подозрѣвать кого бы то ни было грѣшно, но все не худо бы объ этомъ развѣдать какимъ-нибудь образомъ, дабы знать, какъ руководствоваться впередъ. Послѣднія письма я даже не смѣлъ адресовать прямо на имя маменьки, но адресовалъ на имя одной ея знакомой, С. В. К***. Письмо, однакоже, изъ Рима было послано на ея собственное имя. Оно отдано мною здѣсь на почту 25 октября здѣшняго штиля. Объ этомъ прошу васъ, другъ мой Сергѣй Тимофѣевичъ, увѣдомить маменьку немедленно, или поручить кому-нибудь изъ вашихъ, кто съ ней въ перепискѣ.

»О себѣ, относительно моего здоровья, скажу вамъ, что холодное лѣченье мнѣ помогло и заставило меня наконецъ увѣриться лучше всѣхъ докторовъ въ томъ, что главное дѣло въ моей болѣзни были нервы, которые, будучи приведены въ совершенное разстройство, обманули самихъ докторовъ и привели было меня въ самое опасное положеніе, заставившее не въ шутку опасаться за самую жизнь мою. Но Богъ спасъ. Послѣ Грефенберга, я съѣздилъ въ Берлинъ, нарочно съ тѣмъ, чтобы повидаться съ Шоплейномъ, съ которымъ прежде не удалось посовѣтоваться и который особенно талантливъ въ опре-

дѣленіи болѣзней. Шоплейнъ утвердилъ меня еще болѣе въ семъ мнѣніи, но дивился докторамъ, пославшимъ меня въ Карлсбадъ и Гастейнъ. По его мнѣнію, сильнѣй всего у меня поражены были нервы въ желудочной области, такъ называемой системѣ nervoso fascoloso, одобрилъ поѣздку въ Римъ, предписалъ вытиранье мокрою простыней всего тѣла по утрамъ, всякой вечеръ пилюлю, двѣ какія-то гомеопатическія капли поутру, а съ началомъ лѣта и даже весною—ѣхать непремѣнно на море, преимущественно сѣверное, и пробыть тамъ, купаясь и двигаясь на морскомъ воздухѣ, сколько возможно болѣе времени,—ни въ какомъ случаѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ.«

1845 годъ былъ замѣчателенъ въ жизни Гоголя по какимъ-то особеннымъ обстоятельствамъ, о которыхъ не совсѣмъ ясно упоминаетъ онъ въ короткомъ письмѣ къ г. Плетневу, написанномъ по выздоровленіи отъ опасной болѣзни. Вотъ это письмо:

»Римъ. 18 ноября (1845).

»Посылаю тебѣ свидѣтельство о моемъ существованіи на свѣтѣ. Существованіе мое точно было въ продолженіе нѣкотораго времени въ сомнительномъ состояніи. Я едва было не откланялся; но Богъ милостивъ: я вновь почти оправился, хотя остались слабость и какая-то странная зябкость, какой я не чувствовалъ доселѣ. Я зябну, и зябну до такой степени, что долженъ ежеминутно выбѣгать изъ комнаты на воздухъ, чтобы согрѣться. Но какъ только согрѣюсь и сяду отдохнуть, остываю въ нѣсколько минутъ, хотябы комната была тепла, и вновь принужденъ бѣжать согрѣваться. Положеніе тѣмъ болѣе непріятное, что я черезъ это не могу, или, лучше, мнѣ некогда ничѣмъ заняться, тогда какъ чувствую въ себѣ и голову, и мысли болѣе свѣжими и, кажется, могъ бы теперь засѣсть за трудъ, отъ котораго сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояніе. Скажу тебѣ только то, что много, много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна во вѣки воля пославшаго мнѣ скорби и все то, что̀ мы обыкновенно пріемлемъ за горькія непріятности и несчастія! Безъ нихъ не воспиталась бы душа моя какъ слѣдуетъ для труда моего; мертво и хо-

лодно было бы все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ сама *правда.*«

Въ слѣдующемъ письмѣ къ г. Плетневу Гоголь яснѣе раскрываетъ свое душевное состоянiе.

»Римъ. $^{20}/_{2}$ февраля, 1846.

»Я не отвѣчалъ тебѣ вдругъ на твое милое письмо [отъ $^{2}/_{11}$ Ноября 1845 г., С.-Петербургъ] потому, что, во первыхъ, тяжкое болѣзненное состоянiе овладѣло было мною съ новою силою и привело меня въ такое странное состоянiе, что тяжело было руку поднять и тяжело было какое-нибудь сказать о себѣ слово; во вторыхъ, я ожидалъ, не дождусь ли отвѣта на мое письмо, отправленное къ тебѣ еще въ прошломъ году, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о моемъ существованiи, которое я взялъ изъ здѣшней миссiи. Увѣдомь меня теперь объ этомъ поскорѣе и пришли всѣ деньги, какiя мнѣ слѣдуютъ. Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Съ С***ой уравняемся послѣ. Мнѣ нужно теперь сдѣлать ѣзды и путешествiя какъ можно больше. Изъ всѣхъ средствъ, какiя я ни предпринималъ для моей странной болѣни, донынѣ это одно мнѣ помогало. Тяжки и тяжки мнѣ были послѣднiя времена, и весь минувшiй годъ такъ былъ тяжелъ, что я дивлюсь теперь, какъ вынесъ его. Болѣзненныя состоянiя до такой степени [въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго] были невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченiе. А между тѣмъ Богъ такъ былъ милостивъ ко мнѣ въ это время, какъ никогда дотолѣ. Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была болѣзнь тѣлесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла ко мнѣ приближаться. И тѣ душевныя страданiя, которыхъ доселѣ я испыталъ много и много, замолкнули вовсе, и среди страданiй тѣлесныхъ выработались въ умѣ моемъ (?) ...такъ что во время дороги и предстоящаго путешествiя я примусь съ Божьимъ благословенiемъ писать, потому что духъ мой становится въ такое время свѣжимъ и расположен(нымъ) къ дѣлу. О, какъ премудръ въ Своихъ дѣлахъ Управляющiй нами! Когда я разскажу тебѣ потомъ всю чудную

судьбу мою и внутреннюю жизнь мою [когда мы встрѣтимся у родного очага] и всю открою тебѣ душу, все поймешь ты тогда до единаго во мнѣ движенья и не будешь изумляться ничему тому, что̀ теперь такъ тебя останавливаетъ и изумляетъ во мнѣ. Другъ мой, повторяю вновь тебѣ, люби меня, люби на вѣру. Вотъ тебѣ мое честное слово, что ты былъ во многомъ заблужденіи на счетъ многаго во мнѣ, и многое принято тобою въ превратномъ смыслѣ и вовсе въ другомъ значеніи, и горько мнѣ, горько было отъ того въ одно время, такъ горько, какъ ты даже и представить себѣ не можешь. Скажу также тебѣ, что не дѣло литературы и не слава меня занимала въ то время, какъ ты думалъ, что они только и составляютъ жизнь мою. Ты принялъ платье за то тѣло, которое должно было облекать платье. *Душа и дѣло душевное* меня занимали, и трудную задачу нужно было разрѣшить, предъ пользою которой ничтожны были тѣ пользы, которыя ты мнѣ поставлялъ на видъ. Богу угодно было послать мнѣ страданія душевныя и тѣлесныя и всякія горькія и трудныя минуты, и всякія недоразумѣнія тѣхъ людей, которыхъ любила душа моя, и все на то, чтобы разрѣшилась скорѣе во мнѣ та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во вѣки. Вотъ все, что̀ могу тебѣ сказать впередъ: остальное все договоритъ тебѣ мое же твореніе, если угодно будетъ святой волѣ ускорить его.«

Въ трехъ слѣдующихъ письмахъ Гоголя къ П. А. Плетневу, сквозь болѣзненные стоны немощной его физической природы, слышно торжество души, увѣренной, что близко время, когда она совершитъ нѣчто истинно полезное ближнимъ. Теперь понятны намъ всѣ намеки этихъ писемъ, но я помню, въ какое недоумѣніе поставлялъ Гоголь своего корреспондента своими загадочными обѣщаніями. Не было тогда и предчувствія, чтобы авторъ »Мертвыхъ Душъ« пожелалъ явиться передъ публикой безъ всякаго художественнаго покрова...

1.

«21 мая, 1846 г.

Пишу къ тебѣ на выѣздѣ изъ Рима и посылаю свидѣтельство о моей жизни. Деньги присылай во Франкфуртъ на имя Жуковскаго.

У него я пробуду съ недѣлю, можетъ быть, и потомъ вновь въ дорогу по сѣверной Европѣ. Перемежевываю сіи разъѣзды холоднымъ купаньемъ въ Грефенбергѣ и купаньемъ въ морѣ: два средства, которыя и по докторскому отзыву, и по моему собственному опыту, мнѣ можно только употреблять. Какъ я ни слабъ и хилъ, но чувствую, что въ дорогѣ буду лучше, и вѣрю, что Богъ воздвигнетъ мой духъ до надлежащей свѣжести совершить мою работу всюду, на всякомъ мѣстѣ и въ какомъ бы ни было тяжкомъ состояніи тѣла: лежа, сидя или даже не двигая руками. О комфортахъ не думаю. Жизнь наша—трактиръ и временная станція: это уже давно сказано. О всемъ прочемъ скоро увѣдомлю. Мнѣ настоитъ о многомъ съ тобою поговорить.«

2.

»Карлсбадъ. Іюля 4, 1846 г.

»Не знаю, получилъ ли ты мое послѣднее письмо изъ Рима со вложеніемъ свидѣтельства о моей жизни. По крайней мѣрѣ твоего отвѣта я еще не нашелъ, бывши во Франкфуртѣ назадъ тому мѣсяцъ. Теперь я заѣзжалъ въ Грефенбергъ, чтобы вновь нѣсколько освѣжиться холодною водою, но это лѣченіе уже не принесло той пользы, какъ въ прошломъ году. Дорога дѣйствуетъ лучше. Видно, на то воля Божія, и мнѣ нужно болѣе чѣмъ кому-либо считать свою жизнь безпрерывной дорогой и не останавливаться ни въ какомъ мѣстѣ иначе, какъ на временный ночлегъ и минутное отдохновеніе. Головѣ моей и мыслямъ лучше въ дорогѣ; даже я зябну меньше въ дорогѣ, и сердце мое слышитъ, что Богъ мнѣ поможетъ совершить въ дорогѣ все то, для чего орудія и силы во мнѣ доселѣ созрѣвали.

»Покамѣсть тебѣ маленькая просьба [предвѣстіе большой, которая послѣдуетъ въ слѣдующемъ письмѣ]. Жуковскому нужно, чтобы публика была нѣсколько приготовлена къ принятію »Одиссеи«. Въ прошломъ году я писалъ къ Языкову о томъ, чѣмъ именно нужна и полезна въ наше время »Одиссея« и что̀ такое переводъ Жуковскаго. Теперь я выправилъ это письмо и посылаю его для напечатанія въ началѣ въ твоемъ журналѣ, а потомъ во всѣхъ тѣхъ журналахъ, которые больше расходятся въ публикѣ, въ видѣ статьи, заим-

ствованной изъ »Современника«, съ оговоркой въ родѣ слѣдующей: »*Зная, какъ всѣмъ въ Россіи любопытно узнать что-либо о важномъ трудѣ Жуковскаго, выписываемъ письмо о ней Н. Гоголя, помѣщенное въ такомъ-то номерѣ Современника*«. Нужно особенно, чтобы въ провинціяхъ всякое простое читающее сословіе знало хоть что-нибудь объ этомъ и ждало бы съ повсемѣстнымъ нетерпѣніемъ; а потому сообщи немедленно потомъ и въ »Пчелу«, и въ »Инвалидъ«, и въ »О. З.« и даже въ «Б. для Ч.«, если примутъ. Въ Москву я самъ пошлю экземпляръ того же письма.

»Недѣли черезъ двѣ жди отъ меня просьбы другой, которую я знаю, что ты выполнишь охотно, а до того не негодуй на меня ни за что́ прежнее, что̀ приводило тебя въ недоумѣніе. Приходитъ уже то время, въ которое все объяснится. Обнимаю тебя впередъ, слыша сердцемъ, что ты меня обнимешь такъ, какъ еще не обнималъ дотолѣ.«

3.

»Іюля 20 (1846) Швальбахъ.

»Отъ Жуковскаго я получилъ вексель. Ожидалъ отъ тебя письма съ увѣдомленіемъ о томъ, останешься ли ты на лѣто въ Петербургѣ, или ѣдешь куда, что́ мнѣ было весьма нужно знать для моихъ соображеній; но письма не было. На мѣсто его записка къ Жуковскому, гдѣ, какъ мнѣ показалось, есть даже маленькое неудовольствіе на меня. По крайней мѣрѣ ты выразился такъ: »Гоголь не выставилъ даже, по обыкновенію своему, числа«. Другъ мой, у нѣкоторыхъ людей составилось обо мнѣ мнѣніе, какъ о какомъ-то вѣтренникѣ, или человѣкѣ, пребывающемъ гдѣ-то въ пустыхъ мечтахъ. Не стыдно ли и тебѣ туда же? Одинъ, можетъ быть, человѣкъ нашелся на всей Руси, который именно подумалъ болѣе всѣхъ о самомъ *существенномъ*, заставилъ себя серьезно подумать о томъ, чѣмъ прежде всего слѣдовало бы каждому заняться изъ насъ, и этому человѣку не хотятъ простить мелкой оплошности и пропуска въ пустякахъ, человѣку притомъ еще больному и страждущему, у котораго бываютъ такія минуты, что не въ силахъ и руки поднять, не только мысли,—не хотятъ извинить! Ну, что̀ тебѣ въ числѣ на верху письма, когда въ свидѣтельствѣ о жизни моей, при немъ приложенномъ, было выставлено число, и я сказалъ,

что, сейчасъ его получивши, сейчасъ спѣшу отправить на почту, а самъ отправиться съ дилижансомъ изъ Рима?

»Но отъ твоего увѣдомленія о мѣстѣ твоего пребыванія теперь у меня многое зависитъ. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, мои вопросы считаются за пустяки, считается ненужнымъ даже и отвѣчать на нихъ, а запросы, мнѣ дѣланные, считаются важными? скажешь: я не отвѣчалъ на многіе мнѣ дѣланные запросы? А что́ если я докажу, что отвѣчалъ, но отвѣта моего не съумѣли услышать? Другъ мой, тяжело! Знаешь ли, какъ трудно мнѣ писать къ тебѣ? Или ты думаешь, я не слышу духа недовѣрчивости ко мнѣ, думаешь, нечувствую того, что тебѣ всякое слово мое кажется неискреннимъ и чудится тебѣ, будто я играю какую-то комедію? Другъ мой, смотри, чтобы потомъ, какъ все объяснится, не разорвалось бы отъ жалости твое сердце. Я съ своей стороны употреблялъ по крайней мѣрѣ все, что́ могъ: просилъ повѣрить мнѣ на честное слово, но моему честному слову не повѣрили. Что̀ мнѣ было больше сказать? Что̀ другое могъ сказать тотъ, кто не могъ себя высказать? А говорилъ давно: »У меня другое дѣло, у меня душевное дѣло; не требуйте покуда »отъ меня ничего, не создавайте изъ меня своего идеала, не заставляйте меня работать по какимъ-нибудь планамъ, отъ васъ начертан- »нымъ. Жизнь моя другая, жизнь моя внутренняя, жизнь моя покуда »вамъ недовѣдомая. Потерпите, и все объяснится. Каплю терпѣнія...« Но терпѣнія никто не хотѣлъ взять, и всякъ слова мои считалъ за фантазіи. Другъ мой, не думай, чтобы здѣсь какой-нибудь былъ упрекъ тебѣ. Крѣпко, крѣпко тебя цѣлую! вотъ все, что̀ могу сказать, потому что ты обвинишь себя потомъ гораздо больше, чѣмъ ты виноватъ въ самомъ дѣлѣ. Вины твоей нѣтъ никакой. Великъ Богъ, все совершающій въ насъ для насъ же. Ты выполнишь какъ вѣрный другъ ту просьбу, которую я тебѣ изложу въ слѣдующемъ письмѣ, которую, я знаю, тебѣ будетъ пріятно выполнить, и послѣ ней все объяснится.

»Здоровье то тяжело, то вдругъ легко—душа слышитъ свѣтъ. Свѣтло будетъ и во всѣхъ душахъ, омрачаемыхъ сомнѣніями и недоразумѣніями!

»Недавно я встрѣтивъ одного петербургскаго моего знакомаго,

по фамиліи А***, который вмѣстѣ съ тѣмъ знакомъ и съ Прокоповичемъ. Онъ мнѣ объявилъ, что Прокоповичъ послалъ мнѣ въ началѣ прошлаго 1845 г. четыре тысячи руб. ассигн. во Франкфуртъ, на имя Жуковскаго. Этихъ денегъ я не видалъ и въ глаза (¹); но еслибы получилъ ихъ, то отправилъ бы немедленно къ тебѣ. Упоминаю объ этомъ вовсе не для того, чтобы тебя вновь чѣмъ-нибудь затруднить по этому дѣлу, но единственно затѣмъ, чтобы довести это къ твоему свѣдѣнію. Въ дѣлѣ этомъ судья и господинъ Богъ, а ты исполнилъ съ своей стороны все, что́ только можно было требовать отъ благороднаго человѣка.«

Для московскихъ друзей Гоголя изготовляемая имъ къ печати книга оставалась совершенною тайною. Въ письмахъ къ нимъ замѣтно было только ненормальное внутреннее состояніе его и самый почеркъ его обнаруживалъ какое-то волненіе. Вотъ одно изъ такихъ писемъ къ Т.С. Аксакову.

»1846. Римъ 23 марта.

»Письмо ваше отъ 23 генваря я получилъ. Благодарю васъ много за присылку стиховъ Ивана Сергѣевича. Въ нихъ много таланта, особенно въ первомъ, т. е. въ стихахъ, начинающихся такъ:

»Среди удобныхъ и лѣнивыхъ
Упорно медленныхъ работъ...

Я удивляюсь только, почему они лучше послѣднихъ, тогда какъ бы слѣдовало быть послѣднимъ лучше первыхъ: человѣкъ долженъ идти впередъ. Прежнихъ стиховъ, вами посланныхъ къ Жуковскому, я не получалъ. Жуковскій не упоминаетъ даже ни слова въ письмахъ своихъ, была ли какая-нибудь къ нему посылка на мое имя. Я послалъ, однакожъ, къ нему запросъ, на который доседѣ еще нѣтъ отвѣта. Благодарю также О*С* за сообщеніе прекрасной проповѣди Филарета, которую я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ.

(¹) Причина пропажи этихъ денегъ объяснится въ дальнѣйшихъ письмахъ. *Н.М.*

»На счетъ недуговъ нашихъ скажу вамъ только то, что, видно, они нужны и намъ всѣмъ необходимы. А потому, какъ ни тяжко переносить ихъ, но, скрѣпя сердце, возблагодаримъ за нихъ впередъ Бога. Никогда такъ трудно не приходилось мнѣ, какъ теперь, никогда такъ болѣзненно не было еще мое тѣло. Но Богъ милостивъ и даетъ мнѣ силу переносить, даетъ силу отгонять отъ души хандру, даетъ минуты, за которыя не знаю и не нахожу словъ, какъ благодарить. Итакъ все нужно терпѣть, все переносить и всякую минуту повторять: »Да будетъ и да со вершится Его святая воля надъ нами!

»Покамѣсть прощайте до слѣдующаго письма. Зябкость и усталость мѣшаютъ мнѣ продолжать, хотя и желалъ бы вамъ писать болѣе. Доселѣ изо всѣхъ средствъ, болѣе мнѣ помогавшихъ, была ѣзда и дорожная тряска; а потому весь этотъ годъ обрекаю себя на скитаніе, считая это необходимымъ и, видно, законнымъ опредѣленіемъ свыше. Лѣтомъ полагаю объѣздить мѣста, въ которыхъ не былъ въ Европѣ сѣверной, на осень въ южную, на зиму въ Палестину, а весной, если будетъ на то воля Божія, въ Москву; а потому слѣдующія письма адресуйте къ Жуковскому. А всѣхъ вообще просите молиться обо мнѣ, да путешествіе мое будетъ мнѣ во спасеніе душевное и тѣлесное и да успѣю хотя во время его, хотя въ дорогѣ, совершить тотъ трудъ, который лежитъ на душѣ. Пусть О*С* объ этомъ помолится и всѣ тѣ, которые любятъ молиться и находятъ усладу въ молитвахъ.«

Слѣдующее небольшое письмецо къ тому же другу, писанное въ концѣ 1846 года, показываетъ, въ какомъ торжествующемъ состояніи духа былъ Гоголь, ожидавшій появленія своей книги въ печати.

»Что̀ вы, добрый мой, замолчали, и никто изъ васъ не напишетъ мнѣ ни словечка? Я, однакожъ, знаю почти все, что̀ съ вами ни дѣлается; чего не дослышалъ слухомъ, дослышала душа. Принимайте покорно все, что̀ ни посылается намъ, помышляя только о томъ, что это посылается Тѣмъ, Который насъ создалъ и знаетъ лучше, что̀ намъ нужно. Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро! Не вслѣдствіе какой-либо системы говорю вамъ, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добылъ я, добылъ изъ скорбныхъ и трудныхъ моихъ минутъ, и ни за какія сокровища не захотѣлъ бы

я, чтобы не было въ моей жизни скорбныхъ и трудныхъ состояній, отъ которыхъ ныла вся душа и недоумѣвамъ умъ, (какъ) помочь. Ради самаго Христа, не пропустите безъ вниманія этихъ словъ моихъ.«

Въ 1846 года одинъ изъ петербургскихъ художниковъ просилъ у Гоголя, чрезъ посредство П. А. Плетнева, позволенія напечатать вторымъ изданіемъ первый томъ »Мертвыхъ Душъ«, съ политипажами, въ числѣ 3,600 экземпляровъ. Онъ желалъ пользоваться этимъ правомъ въ теченіе трехъ лѣтъ и предлагалъ за него Гоголю 1,500 рублей серебромъ наличными деньгами. Отвѣтъ Гоголя, въ письмѣ его изъ Рима, отъ 20 марта 1846 года, придаетъ новую черту его строго-художническому характеру. Вотъ это письмо:

»....Художнику Б*** объяви отказъ. Есть много причинъ, вслѣдствіе которыхъ не могу покамѣсть входить въ условія ни съ кѣмъ. Между прочимъ, во первыхъ, потому, что второе изданіе первой части будетъ только тогда, когда она выправится и явится въ такомъ видѣ, въ какомъ ей слѣдуетъ явиться; во вторыхъ, потому, что, по странной участи, постигавшей изданіе моихъ сочиненій, выходила всегда какая-нибудь путаница или безтолковщина, если я не самъ и не при моихъ глазахъ печаталъ. А въ третьихъ, я врагъ всякихъ политипажей и модныхъ выдумокъ. Товаръ долженъ продаваться лицомъ, и нечего его подслащивать этимъ кандитерствомъ. Можно было бы допустить излишество этихъ родовъ только въ такомъ случаѣ, когда оно слишкомъ художественно. Но художниковъ-геніевъ для такого дѣла не найдешь; да притомъ нужно, чтобы для того и самое сочиненіе было классическимъ, пріобрѣтшимъ полную извѣстность, вычищеннымъ, конченнымъ и ненаполненнымъ кучею такихъ грѣховъ, какъ мое.«

Выше было упомянуто, да и изъ самихъ писемъ видно, что Гоголь, въ 1845 году, былъ опасно боленъ. Однажды онъ ужъ касался черты, отдѣляющей человѣка отъ жизни съ ея очарованіями и заблужденіями, и въ это время все, что напечаталъ онъ, естественно, представилось ему слишкомъ ничтожнымъ, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ была полна душа его, проникнутая высшимъ безстрастіемъ и

великими предчувствіями иной жизни. Обозрѣвая съ духовной высоты своей все пройденное поприще, онъ находилъ только свои письма къ друзьямъ произведеніями, обѣщающими пользу ближнему, и потому составилъ завѣщаніе—издать выборъ изъ нихъ послѣ смерти. Но здоровье и употребленіе моральныхъ силъ возвратились къ нему еще одинъ разъ. Тогда, не теряя времени, онъ собралъ у своихъ друзей лучшія свои письма и выбралъ изъ нихъ то, что́, по его мнѣнію, должно было »искупить безполезность всего дотолѣ имъ напечатаннаго.«

Между тѣмъ въ обществѣ еще не было извѣстно, что́ произошло въ душѣ Гоголя, ибо онъ только изрѣдка, и то передъ ближайшими друзьями, приподнималъ покровъ съ души своей. Всѣ считали Гоголя еще прежнимъ Гоголемъ, всѣ ожидали отъ него втораго тома »Мертвыхъ Душъ«, въ мыслѣ произведенія юмористическаго, и, можетъ быть, немногіе только помнили его намекъ на »незримыя, невѣдомыя міру слезы«...

Въ это время вдругъ падаетъ на столъ къ г. Плетневу его рукопись, исполненная странныхъ признаній, воплей души, томящейся въ ея грѣховной тѣснотѣ, проповѣдей, облеченныхъ всею грозою краснорѣчія, указующаго прямо на болящія раны сердецъ, полу-дозрѣлыхъ убѣжденій и горькаго сарказма. То была извѣстная теперь каждому »Переписка съ Друзьями«. Она произвела на всѣхъ, кому показалъ ее повѣренный поэта, такое впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда его введутъ въ огромную фабрику, гдѣ отливаются изъ чугуна или бронзы колоссальныя созданія скульптуры. Множество народа мечется туда и сюда посреди таинственныхъ закоулковъ, дышащихъ жаромъ геенны; пламя хлещетъ въ гортань печей, утоляя неутолимую ихъ жажду пламени; металлы, подобно ломкому льду, превращаются въ жидкость и грозятъ огненнымъ, всепожигающимъ потопомъ. И вездѣ необъяснимый, незнакомый для слуха шумъ, клокотанье, свистъ и шипѣнье; вездѣ загадочное, по видимому, безпорядочное и зловѣщее движеніе. Кажется, что искусство ваятеля выступило изъ своихъ предѣловъ, потеряло свои правила и гибнетъ вмѣстѣ со всею его спутавшеюся фабрикою. Такъ именно — по крайней мѣрѣ на пишущаго эти строки — подѣйствовала »Переписка съ

Друзьями«. Это была распахнутая внезапно дверь во внутреннюю мастерскую Гоголя, въ тотъ моментъ, когда въ ней кипѣла самая жаркая работа и когда онъ находился въ напряженномъ, трепетномъ и вмѣстѣ энергически-восторженномъ состоянiи духа, подобно тому, какъ Бенвенуто Челлини при отлитiи колоссальной статуи Персея. Но тутъ работа была громаднѣе и опасность больше. Еслибы не направилъ Гоголь куда слѣдуетъ потоковъ души своей, расплавленной высшимъ поэтическимъ огнемъ, собственный пламень сжегъ бы его и собственный приливъ мыслей, чувствъ и глубокихъ душевныхъ сокрушенiй уничтожилъ бы его въ минуту высочайшихъ поэтическихъ предчувствiй. Вотъ почему такъ сжалось за него сердце у каждаго истиннаго цѣнителя его таланта, хотя никто не могъ тогда объяснить себѣ, чего именно надо опасаться. Книга вышла въ свѣтъ во всей странности новаго покроя своихъ мыслей, и всюду повторились разнообразно ощущенiя, испытанныя въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ Гоголева друга.

Прежде, однакожъ, нежели представлю, какъ эти ощущенiя выразились печатно и письменно и каковы были послѣдствiя того, считаю нужнымъ помѣстить письма Гоголя къ П. А. Плетневу по поводу изданiя «Переписки съ Друзьями.«

XXIV.

Письма къ П. А. Плетневу по поводу изданiя »Переписки съ Друзьями«: тайна, въ которой должно было быть сохранено дѣло;—расчеты на большой сбытъ экземпляровъ;—поправки;—высокое мнѣнiе автора о значенiи книги;—искренняя преданность къ Царствующему Дому;—о нуждающихся въ помощи;—кому послать экземпляры;—объ изданiи »Ревизора съ Развязкой«;—сожалѣнiе о перемѣнѣ редакцiи »Современника«;—о сообщенiи толковъ и критическихъ статей;—о второмъ изданiи »Переписки съ Друзъями«;—о малодушiи въ стремленiи къ добру;—взглядъ Гоголя на самого себя и на дружескiя связи съ знатными людьми;—отношенiе »Переписки съ Друзьями« къ »Мертвымъ Душамъ«.

1.

»Iюля 30 (1846). Швальбахъ.

»Наконецъ моя просьба! Ее ты долженъ выполнить, какъ наи-

вѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга. Всѣ свои дѣла въ сторону и займись печатаньемъ этой книги, подъ названіемъ: *Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями.* Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ—вотъ что̀ покамѣсть могу сказать; все прочее объяснитъ тебѣ сама книга. Къ концу ея печатанія, все станетъ ясно, и недоразумѣнія, тебя доселѣ тревожившія, изчезнутъ сами собою. Здѣсь посылается начало. Продолженіе будетъ посылаться немедленно. Жду возвратно нѣкоторыхъ писемъ еще, но за этимъ остановки не будетъ, потому что достаточно даже и тѣхъ, которыя мнѣ возвращены. Печатаніе должно происходить въ тишинѣ: нужно, чтобы, кромѣ цензора и тебя, никто не зналъ. —— Возьми съ него также слово никому не сказывать о томъ, что выйдетъ моя книга. Ее нужно отпечатать въ мѣсяцъ, чтобы къ половинѣ сентября она могла уже выйдти. Печатать на хорошей бумагѣ, въ 8 долю листа средн. формата, буквами четкими и легкими для чтенія; размѣщеніе строкъ такое, какъ нужно для того, чтобы книга наиудобнѣйшимъ образомъ читалась. Ни виньетокъ, ни бордюровъ никакихъ; сохранить во всемъ благородную простоту. Фальшивыхъ титуловъ передъ каждою статьею не нужно; достаточно, чтобы каждая начиналась на новой страницѣ, и былъ бы просторный пробѣлъ отъ заглавія до текста. Печатай два завода и готовь бумагу для второго изданія, которое, по моему соображенію, воспослѣдуетъ немедленно: эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга. Вслѣдъ за прилагаемою при семъ тетрадью будешь получать безостановочно другія. Надѣюсь на Бога, что онъ подкрѣпитъ меня въ сей работѣ. Прилагаемая тетрадь занумерована № 1; въ ней предисловіе и шесть статей, и того семь; да включая сюда еще статью объ »Одиссеѣ«, посланную мною къ тебѣ за мѣсяцъ передъ симъ, которая въ печатаніи должна слѣдовать непосредственно за ними,—всего восемь. Страницъ въ прилагаемой тетради двадцать.«

2.

»Остенде $^{13}/_{25}$ августа (1846).

»Посылаю тебѣ вторую тетрадь. Въ ней отдѣльно отъ первой

27 страницъ, а въ совокупности съ нею 47, что́ значится по выставленнымъ цифрамъ на каждой страницѣ. Статей же въ обѣихъ тетрадяхъ, вмѣстѣ съ прежде посланной отдѣльно объ »Одиссеѣ«, четырнадцать, а съ предисловіемъ пятнадцать. Это составитъ почти половину книги. Увѣдоми покамѣсть, на сколькихъ печатныхъ страницахъ все это размѣщается. Остальныя тетради будутъ высылаться немедленно; по крайней мѣрѣ со стороны моей лѣности не будетъ никакого помѣшательства. Работаю отъ всѣхъ силъ надъ перечисткой, передѣлкой и перепиской. Море, въ которомъ я теперь купаюсь, благодаря Бога, освѣжаетъ и даетъ силы меньше уставать и изнуряться. Молю и тебя не уставать и не пренебрегать наидобросовѣстнѣйшимъ исполненіемъ этого дѣла. Вновь повторяю просьбу, чтобы, до времени выпуска въ свѣтъ книги, никто о ней, кромѣ тебя и цензора Никитенка, свѣдѣнія не имѣлъ. Типографію избери менѣе шумную, въ которую вхожъ былъ бы ты одинъ и которую почти вовсе не посѣщали бы литераторы-щелкоперы. Въ прежнемъ письмѣ я уже просилъ о томъ, чтобы печатать не слишкомъ разгонисто, не слишкомъ тѣсно, но именно такъ, чтобы книга легко и удобно читалась. Бумагу поставить лучшаго сорта, но не до такой степени тонкую, чтобы строки сквозили насквозь. Это и скверно для глазъ, и неудобно для чтенія. О полученіи этой тетради увѣдоми немедленно, адресуя по прежнему на имя Жуковскаго. Я забылъ въ статьѣ: *О помощи Бѣднымъ* сдѣлать поправку, — именно: середина этой статьи послѣ словъ: *туда несите помощь*, слѣдуетъ поставить такъ: »но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно христіянскимъ образомъ; »если же она будетъ состоять въ одной только выдачѣ денегъ, она »ровно ничего не будетъ значить и не обратится въ добро.« И потомъ въ той же статьѣ, немного повыше, поставлено, кажется, неправильно слово *расхлестывается*. Лучше поставить: *расхлещется*. Впрочемъ, ты самъ не пренебреги исправить ошибки въ слогѣ, какія тебѣ ни попадутся. У меня и всегда слогъ бывалъ нещегольской, даже и въ болѣе обработанныхъ вещахъ, а тѣмъ пуще въ такихъ письмахъ, которыя въ началѣ вовсе не готовились для печати.«

3.

»Сентября 12 нов. ст. (1846) Остенде.

»Посылаю тебѣ третью тетрадь. Въ ней семь статей, а съ прежними 21; страницъ тридцать двѣ, а съ прежними 80. Не сердись, если не такъ скоро высылаю. Вины моей нѣтъ: тружусь отъ всѣхъ силъ. Нѣкоторыя письма нужно было совсѣмъ передѣлать: такъ они оказались неопрятны. Еще двѣ небольшія тетреди, и все будетъ кончено. Не лѣнюсь ни капли; даже черезъ это не выполняю какъ слѣдуетъ лѣченія на морскихъ водахъ, гдѣ до сихъ поръ еще пребываю. Прощай. Увѣдоми о полученіи этой тетради, адресуя къ Жуковскому. Въ мѣсяцъ, надѣюсь на Бога, все будетъ кончено. Книжка выйдетъ въ свѣтъ немного позднѣй, но зато дѣло будетъ прочнѣй. Не скучай за работой и будь бодръ.«

4.

»Остенде. Сентября 26 (1846).

»Посылаю тебѣ четвертую тетрадь. Еще маленькая тетрадка, и конецъ дѣлу. Она будетъ выслана уже изъ Франкфурта, куда теперь ѣду, и будетъ заключать двѣ заключительныя статейки о поэзіи, поэтахъ и еще кое-что, относящееся до собственной души изъ насъ каждаго, безъ чего книга была бы безъ хвоста. О полученіи же четвертой, нынѣ посылаемой тетради увѣдоми меня сей часъ же, адресуя по прежнему на имя Жуковскаго. Это необходимо для моего успокоенія. Въ ней 32 страницы, а считая съ прежними 112; статей 9, а считая съ прежними тридцать. Слогъ изравняй; гдѣ встрѣтишь грамматическія ошибки, поправь. Не скучай за работой. Мужествуй и гляди твердо впередъ. Все будетъ свѣтло. Говорю тебѣ это во имя Бога и обнимаю тебя крѣпко.«

5.

»Франкфуртъ. 3 окт. нов. ст. (1846).

»Письмо твое отъ 27 авг. стар. стиля получилъ. Ничего не успѣваю тебѣ на этотъ разъ сказать. Посылаю только предисловіе ко второму изданію »Мертв. Душъ«, которое дай Никитенкѣ под-

писать и отпрамь немедленно Шевыреву. О прочемъ въ слѣдующемъ. Спѣшу не опоздать съ почтой.

»Четвертую тетрадь, высланную на прошлой недѣлѣ изъ Остенде, ты, вѣроятно, получилъ. Занятъ пятою, которая будетъ готова съ небольшимъ черезъ недѣлю«.

»Переворотп страницу: тамъ есть поправки одного мѣста въ четвертой тетради.

»*Поправки въ статьѣ*: »*Занимающему важное Мѣсто.*«

»Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о дворянствѣ сказано такъ:

»Сословіе это въ своемъ ядрѣ прекрасно, не смотря на шелуху, его облекающую.«

»Нужно такъ:

»Сословіе это въ своемъ истинно русскомъ ядрѣ прекрасно, не смотря на временно наросшую чужеземную шелуху.«

»Въ серединѣ тогоже мѣста о дворянствѣ сказано такъ:

»Государь любитъ это сословіе больше всѣхъ другихъ, но любитъ въ его истинномъ видѣ.«

»Нужно такъ:

»Государь любитъ это сословіе больше всѣхъ другихъ, но любитъ въ его истинно русскомъ значеніи, — въ томъ прекрасномъ видѣ, въ какомъ оно должно быть по духу самой земли нашей.«

6.

»Окт. 16 (1846). Франкфуртъ.

»Тороплюсь отправить тебѣ пятую заключительную тетрадь. Такъ усталъ, что нѣтъ мочи: въ силу сладилъ, особенно со статьей о поэзіи, которую въ три эпохи мои писалъ и вновь сожигалъ, и наконецъ теперь написалъ, потому именно, что она необходима моей книгѣ въ объясненіе элементовъ русскаго человѣка. Безъ этого она бы никогда не написалась, такъ мнѣ трудно писать что-нибудь о литературѣ. Самъ я не вижу, какой стороной она можетъ быть близка къ тому дѣлу, которое есть мое кровное дѣло. Скорбно мнѣ слышать происшедшія неустройства отъ медленности Н****. Но чѣмъ же виноватъ я, добрый другъ мой? я выбралъ его потому, что зналъ его все-таки за лучшаго изъ другихъ — — Н **** лѣнивъ, даже до

невѣроятности: это я зналъ; но у него добрая душа, и на него особенно слѣдуетъ насѣдать лично. Говори ему безпрерывно то, о чемъ и я хочу съ своей стороны ему хорошенько растолковать: что съ книгой не нужно мѣшкать, потому что мнѣ нужно прежде новаго года собрать деньги за ея распродажу, съ тѣмъ чтобы пуститься въ дальнюю дорогу. Путешествіе на Востокъ не то, что по Европѣ. Удобствъ никакихъ, издержекъ множество; а мнѣ нужно сверхъ этого еще и помочь тѣмъ людямъ, которымъ кромѣ меня никто не поможетъ. — — — Извини, что такъ дурно пишу. Усталъ въ полномъ смыслѣ и разболѣлся вновь всѣмъ тѣломъ. Черезъ два дни получишь другое письмо, съ подробнѣйшимъ распоряженіомъ относительно книги, ея выпуска, продажи и прочаго. А между тѣмъ тутъ, въ этой тетради, найдешь вставку и перемѣну къ письму: *О Лиризмѣ нашихъ Поэтовъ.* Нужно выбросить все то мѣсто, гдѣ говорится о значеніи власти Монарха, въ какомъ она должна явиться въ мірѣ. Это не будетъ понятно и примется въ другомъ смыслѣ. Къ тому же сказано нѣсколько нелѣпо. О немъ послѣ когда-нибудь можно составить умную статью. Теперь выбросить нужно ее непремѣнно, хотя бы статья была и напечатана, и на мѣсто ея вставить то, что́ написано на послѣдней страницѣ тетради.

»Кусокъ, который слѣдуетъ выбросить, начинается словами: »Значеніе полномочной власти Монарха возвысится еще« и проч. и оканчивается словами: »Такое опредѣленіе не проходило еще европейскимъ правовѣдцамъ.«

7.

»Франкфуртъ, 20 окт. (1846.)

»Назадъ тому два дни, отправилъ къ тебѣ пятую и послѣднюю тетрадь. Отъ усталости и отъ возвращенія вновь многихъ болѣзненныхъ недуговъ, не въ силахъ былъ написать объ окончательныхъ распоряженіяхъ. Пишу теперь. Ради Бога, употреби всѣ силы и мѣры къ скорѣйшему отпечатанію книги. Это нужно, нужно и для меня, и для другихъ; словомъ—нужно для общаго добра. Мнѣ говоритъ (это) мое сердце и необыкновенная милость Божія, давшая мнѣ силы потрудиться тогда, когда я не смѣлъ уже и думать о томъ, не

смѣлъ и ожидать потребной для того свѣжести душевной. И все мнѣ далось вдругъ на то время: вдругъ остановились самые тяжкіе недуги, вдругъ отклонились всѣ помѣшательства въ работѣ, и продолжалось все это по тѣхъ поръ, покуда не кончилась послѣдняя строка труда. Это просто чудо и милость Божія, и мнѣ будетъ грѣхъ тяжкій, если стану жаловаться на возвращеніе трудныхъ болѣзненныхъ моихъ (припадковъ). Другъ мой, я дѣйствовалъ твердо во имя Бога, когда, составлялъ мою книгу; во славу Его святаго имени взялъ перо; а потому и разступились передо мною всѣ преграды и все останавливающее безсильнаго человѣка. Дѣйствуй же и ты во имя Бога, печатая книгу мою, какъ бы дѣлалъ симъ дѣло на прославленіе имени Его, позабывши всѣ свои личныя отношенія къ кому бы то ни было, имѣя въ виду одно только общее добро, — и передъ тобой разступятся также всѣ препятствія.

«Съ Н **** можно ладить, но съ нимъ необходимо нужно имѣть дѣло лично. Письмомъ и запиской ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Въ немъ не то главное, что онъ лѣнивъ, но то, что онъ не видитъ и не чувствуетъ самъ, что онъ лѣнивъ. Я это испыталъ въ бытность мою въ Петербургѣ. Я его заставилъ въ три дни прочесть то, чтó онъ не прочелъ бы самъ по себѣ (въ) два мѣсяца. А послѣ моего отъѣзда, всякая небольшая статья залеживалась у него по мѣсяцу. На него нужно серьезно насѣсть, и на всѣ приводимыя имъ причины отвѣчать одними и тѣми же словами: »Послушайте, все это, чтó вы »говорите, такъ, и могло бы имѣть мѣсто въ другомъ дѣлѣ, но вспом»ните, что всякая минута замедлѣнія разстроиваетъ совершенно всѣ »обстоятельства автора книги. Вы человѣкъ умный и можете видѣть »сами, что въ книгѣ содержится дѣло и предпринята она именно за»тѣмъ, чтобы возбудить благоговѣніе ко всему тому, чтò поставляет»ся намъ всѣмъ въ законъ нашей же Церковью и нашамъ Правитель»ствомъ«. — — Если же имъ одолѣютъ какія-нибудь нерѣшительности отъ всякаго рода нелѣпыхъ слуховъ, которые сопровождаютъ всякій разъ печатанье моей книги, какого бы ни была она рода, то обо всемъ переговори, какъ я уже писалъ въ первомъ письмѣ, съ Алекс. Осиповной и, наперекоръ всѣмъ помѣшательствамъ, ускори выходъ книги.

Какъ кремень, крѣпись, вѣрь въ Бога и двигайся впередъ, и все тебѣ уступитъ!

»По выходѣ книги приготовь экземпляры и поднеси всему Царскому Дому до единаго, не выключая и малолѣтнихъ: всѣмъ Великимъ Князьямъ, дѣтямъ Н***, дѣтямъ М*** Н***, всему семейству М*** П***. Ни отъ кого не бери подарковъ и постарайся отъ этого вывернуться: скажи, что поднесеніе этой книги есть выраженіе того чувства, котораго я самъ не умѣю себѣ объяснить, которое стало въ послѣднее (время) еще сильнѣе, чѣмъ было прежде, въ слѣдствіе котораго все относящееся къ ихъ Дому стало близко моей душѣ, даже со всѣмъ тѣмъ, что́ ни окружаетъ ихъ, и что поднесеніемъ этой книги имъ я уже доставляю удовольствіе себѣ совершенно полное и достаточное; что въ слѣдствіе и болѣзненнаго своего состоянія, и внутренняго состоянія душевнаго, меня не занимаетъ все то, что́ можетъ еще шевелить и занимать человѣка, живущаго въ свѣтѣ. Но если кто изъ нихъ предложитъ отъ себя деньги на вспомоществованіе многимъ тѣмъ, которыхъ я встрѣчу идущихъ на поклоненіе къ Святымъ Мѣстамъ, то эти деньги бери смѣло.

»Другъ, много есть людей, требующихъ помощи, о которыхъ мы и не знаемъ и не подозрѣваемъ, но которыхъ страдальческую повѣсть еслибы услышало какое сердце, хотябы самое безчувственное, заныло бы оно отъ скорби. Многимъ художникамъ, многимъ, многимъ талантамъ слѣдуетъ хотя нищенское вспомоществованіе, чтобы не погибнули съ голода, въ буквальномъ смыслѣ. Есть многіе, которые постигнули уже высшую тайну искусства и его высшее призваніе, и для нихъ такъ нужны Святыя Мѣста и евангелическая земля, какъ народу Еврейскому была нужна манна въ пустынѣ. Много есть также людей и на другихъ поприщахъ, которые принесутъ пользу истинную отечеству и все выплатятъ съ избыткомъ, на нихъ употребленное, и которые влекутся непостижимой душевной потребностью на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ, именно въ наступающемъ году; а потому, еслибы кто предложилъ изъ постороннихъ для этого деньги, бери и посылай ко мнѣ. Дамъ отчетъ во всякой копѣйкѣ и не брошу никому незаслуженно, если только Богъ не оставитъ вразумленіемъ умъ мой, какъ не оставлялъ доселѣ. Нужно слишкомъ собра-

жать и взвѣшивать положенie тѣхъ, которымъ стремишься подать помощь, а особливо если располагаешь не своими, но чужими деньгами.

»Шесть экземпляровъ отдай [тотъ же часъ по выходѣ книги, Софьѣ Мих. С*** съ присоединенiемъ прилагаемаго письма. Шесть экземпляровъ и седьмой, съ подписанiемъ цензора на второе изданiе, отправь немедленно въ Москву къ Шевыреву. Второе изданiе должно быть напечатано въ Москвѣ ради несравненно большей дешевизны и ради отдыха тебѣ. Шесть эклемпляровъ отправь моей матери, съ надписанiемъ: »Ея Высокоб. Марьи Ивановнѣ Гоголь, въ Полтаву.« Одинъ экземпляръ въ Харьковъ Иннокентiю, съ присоединенiемъ при семъ слѣдующаго письмеца. Два экземпляра въ Ржевъ Тверской губ. священнику Матвѣю Александровичу. Экземпляра же три, а если можно болѣе, отправь немедленно мнѣ съ курьеромъ. Попроси отъ меня лично графиню Н***, давши ей отъ имени моего экземпляръ, скажи ей, что она очень, очень большое сдѣлаетъ мнѣ одолженiе, если устроитъ такъ, что я получу эту книгу въ Неаполѣ найскорѣйшимъ порядкомъ, и попроси ее тоже отъ меня отправить немедленно въ Парижъ два экземпляра графу А.П.Т***. Но не забудь и Жуковскаго. Отдай еще Арк. Р*** три экземпляра съ письмомъ. Вотъ тебѣ все. Кажется, больше никому. Прочiе купятъ.

»Ты спрашивалъ, когда же я въ Россiю. Знаетъ это Тотъ, Кто правитъ всѣми нашими обстоятельствами. Чтó касается до меня, то скажу тебѣ, что еще никогда не было во мнѣ желанiя такого сильнаго ѣхать въ Россiю, и я думаю изъ Iерусалима послѣ свѣтлаго праздника первымъ весеннимъ путемъ на Константинополь и Одессу направить паруса къ берегамъ ея. Хочется очень обнять все близкое душѣ моей, а въ томъ числѣ и тебя «

7.

»Ницца. Ноября 2, 1846.

»Уже долженъ до сихъ поръ ты получить три письма моихъ изъ Франкфурта: одно съ присовокупленiемъ предисловiя ко второму изданiю »М. Д.«; другое со вложенiемъ пятой и окончательной тетради; третье съ приложенiемъ писемъ къ тѣмъ, которымъ должны быть

посланы экземпляры. Присовокупляю остальныя мои распоряженія. Во первыхъ, не позабудь внести въ книгу тѣ поправки, которыя мною сдѣланы, какъ въ письмѣ первомъ, относящіяся къ статьѣ »Занимающему важное Мѣсто«; такъ и во второмъ письмѣ большую вставку, написанную на послѣдней страницѣ пятой тетради, долженствующую замѣстить выброшенный мною кусокъ изъ статьи: »О Лиризмѣ нашихъ Поэтовъ«. Сверхъ того нужно будетъ выбросить въ статьѣ: »Русскій Помѣщикъ« выраженіе: »Выбрани Нѣмцемъ, если не хватитъ другаго слова.« Это примутъ еще въ смыслѣ моего личнаго нерасположенія къ Нѣмцамъ, а этого мнѣ бы не хотѣлось, потому что я въ самомъ дѣлѣ его не имѣю. По мнѣ, между нами есть гораздо болѣе Русскихъ такого рода, которыхъ бы слѣдовало назвать Нѣмцами и которые повели себя гораздо хуже Нѣмцевъ. Въ письмѣ »Къ близорукому Пріятелю«, не помню, вычеркнулъ ли я фразу въ началѣ письма, которая въ рукописномъ письмѣ могла остаться, но въ печати ни какъ не должна пребыть, а именно: »Сѣлъ верхомъ на коротконосьи.« Нужно начать это письмо просто словами: »Вооружился взглядомъ современной близорукости и думаешь, что вѣрно судишь о событіяхъ«, и т. д. Не сердись и не гнѣвайся на меня за всѣ эти поправки; онѣ послѣднія. Что же дѣлать? самъ видишь, какимъ образомъ составлялъ (я) эту книгу: среди лѣченій, среди разъѣздовъ, среди хлопотъ (и) дѣлъ, которыхъ затруднительности ты и не предполагаешь, среди отвѣтовъ на множество самыхъ разнородныхъ писемъ, требующихъ не пустыхъ, но обдуманныхъ отвѣтовъ. Я дивлюсь, какъ еще у меня, при такихъ обстоятельствахъ, не переворотилось все въ головѣ и не происходитъ гораздо большихъ оплошностей, промаховъ и пропусковъ, и какъ еще въ головѣ моей держится довольно точная память всего. Это Богъ такъ милостивъ ко мнѣ; ни чему другому не могу больше приписать.

«Теперь поговоримъ о цѣнѣ книги. Если въ ней окажется не болѣе 500 страницъ, то пустить ее по два руб. сер.; если же болѣе, то есть, приблизится до 600 и даже перевыситъ, то пустить по три руб. серебромъ. Это не будетъ дорого, соображая то, что ее будутъ болѣе покупать люди богатые и достаточные, а бѣдные получатъ даромъ отъ ихъ великодушныхъ раздачъ. Всѣ вырученныя

деньги присылай немедленно на имя посольства въ Неаполь. Жуковскій, вѣроятно послалъ тебѣ изъ Франкфурта свидѣтельство о жизни, вслѣдствіе котораго взявши изъ казначейства всѣ слѣдуемыя мнѣ по означенный день деньги, перешли въ Неаполь. Не позабудь переслать экземпляровъ книги ко всѣмъ тѣмъ, которые поименованы въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Напоминаю еще разъ, кому именно. Царскому Дому всему до единаго,—вели переплетчику переплести для того заблаговременно въ приличные переплеты; Софьѣ Михайловнѣ [прежде всѣхъ] 6 экземпляровъ; Шевыреву въ Москву [со включеніемъ процензурованнаго] 8 экз.; Марьи Ив. Гоголь въ Полтаву 6; Арк. Р*** 3; въ Харьковъ Иннокентію 1; въ Ржевъ священнику Матвѣю Алекс. 2; Жуковскому во Франкфуртъ 1; Гр. А.П.Т*** въ Парижъ 2; мнѣ въ Неаполь сколько можетъ взять курьеръ — отъ трехъ до пяти экз.

»Объ отправкѣ безостаноночной и поспѣшной за границу попроси отъ меня покрѣпче графиню Н***. Скажи, что этимъ она меня крѣпко обяжетъ. Ей дай отъ имени моего экземпляръ; всѣ прочіе купятъ. Вотъ, кажется, все, что относится до окончательныхъ распоряженій по дѣлу книги: »Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями«.

»Теперь другая просьба. Въ Петербургъ пріѣдетъ Щепкинъ хлопотать о постановкѣ »Ревизора« въ настоящемъ видѣ ко дню его бенефиса, съ присоединеніемъ доселѣ неиграннаго и неизвѣстнаго публикѣ окончанія піэсы, подъ именемъ »Развязки Ревизора«. Прими Щепкина какъ можно получше, потому что онъ стоитъ того во всѣхъ отношеніяхъ, и окажи ему покровительство и посредничество свое во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ сможешь, какъ относительно театральнаго цензора, такъ и прочаго. А »Ревизора«, вырвавши изъ собранія моихъ сочиненій, гдѣ онъ напечатанъ въ полнѣйшемъ видѣ противу двухъ прежнихъ отдѣльныхъ изданій, поднеси его на процензурованіе Н *** или другому цензору, какому найдешь приличнѣе, присоединивши къ тому и »Развязку Ревизора«, которая находится въ рукописи у Щепкина и которую, разумѣется, нужно переписать. Все это нужно произвести въ двухъ эклемплярахъ, потому что »Ревизоръ« долженъ выйти вдругъ разомъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, въ двухъ изданіяхъ [на московскомъ выставить *четвертое*, на петербургскомъ *пятое*].

Выйти онъ долженъ ко дню бенефисовъ обоихъ актеровъ: въ Петербургѣ Сосницкаго, въ Москвѣ Щепкина, такъ чтобы въ день самаго представленія могъ бы тутъ же въ большомъ количествѣ распродаться. Заглавіе ему: *Ревизоръ съ Развязкой, Комедія въ пяти Дѣйствіяхъ съ Заключеніемъ. Соч. Н. Гоголя. Изданіе пятое. Продается въ пользу бѣдныхъ*. Цѣна 1 р. сер. Корректуру его, мнѣ кажется, можно поручить Арк. Р***. Онъ человѣкъ степенный, надежный и дѣло это пойметъ, если ты не откажешься растолковать его и поучить. На его же можешь, я думаю, возложить многое, что̀ будетъ тебѣ тяжело и неудобно. Мнѣ становится уже и скорбно, что я на тебя вдругъ навьючилъ столько дѣлъ, но что̀ жъ дѣлать? мы всѣ труженики. Ты видишь, что я работаю тоже не для себя. Отъ Графини А.М. В*** ты получишь »Предувѣдомленіе къ Ревизору«, изъ котораго узнаешь, какимъ бѣднымъ собственно принадлежатъ деньги за »Ревизора« и какимъ образомъ должна быть имъ произведена раздача. Предувѣдомленіе это, въ двухъ экземплярахъ, поднеси на процензерованіе цензора и отправь одно въ Москву для напечатанія къ Шевыреву, который издастъ »Ревизора« въ Москвѣ. Въ Петербургѣ же долженъ взять это попеченіе на себя ты, Христа ради, а не ради меня. Прими хотя главный надсмотръ и дѣла съ книгопродавцами. Собравши отъ нихъ деньги, ты раздѣли эти деньги поровну между тѣми, на которыхъ возложилъ я обузу быть раздавателями вспомоществованій, какъ все это увидишь изложеннымъ въ предувѣдомленіи. Затѣмъ обнимаю тебя. Крѣпись и мужайся во всемъ и не негодуй на меня. Едва успѣваю писать. Руки мои коченѣютъ и леденѣютъ, хотя въ комнатѣ теплота юга.«

Прерываю рядъ писемъ Гоголя по поводу изданія »Переписки съ Друзьями«, чтобы дать мѣсто письму къ П. А. Плетневу же, которое, хотя трактуетъ о постороннемъ предмѣтѣ, но служитъ, однакожъ, какъ бы продолженіемъ 8-го письма.

»Неаполь. Декабря 8 (1846).

»Ревизора« надобно пріостановить, какъ печатанье, такъ и представленье. Судя по тѣмъ вѣстямъ, которыя имѣю и по нѣкоторымъ

препятствіямъ и наконецъ принимая къ свѣдѣнію нѣкоторыя замѣчанія Шевырева, изложенныя имъ въ письмѣ, которое я сей часъ получилъ, я вижу, что »Ревизоръ съ Развязкой« будетъ имѣть гораздо больше успѣха, если будетъ данъ чрезъ годъ отъ нынѣшняго времени. Къ тому времени я и самъ буду имѣть время получше оглянуть это дѣло, выправить піэсу и приспособить болѣе къ понятіямъ зрителей. Теперь же »Развязка Ревизора«, въ такомъ видѣ, какъ есть, можетъ произвести дѣйствіе противоположное и, при плохой игрѣ нашихъ актеровъ, можетъ выйдти просто смѣшной сценой. А потому, если, къ счастью, еще не отдана въ цензуру рукопись, то удержи ее подъ спудомъ у себя. Если же отдана, то, взявши ее немедленно какъ бы для нѣкоторой поспѣшной перемѣны, положи подъ спудъ, употребивъ елико возможныя мѣры къ тому, чтобы она не пошла во всеобщую огласку.

»Отъ Шевырева я, между прочимъ, узналъ новость, о которой ты меня совсѣмъ не извѣстилъ, а именно: что »Современникъ« уже не въ твоихъ рукахъ — — А я послалъ [ничего объ этомъ не вѣдая], на прошлой недѣлѣ, тебѣ статью *О Современникѣ*, которую ты, вѣроятно, имѣешь уже въ рукахъ и прочелъ. Не смѣю теперь никакихъ дѣлать тебѣ замѣчаній. Онѣ могутъ быть и ошибочны, и не кстати; скажу тебѣ только то, что мнѣ кажется, что теперь, именно въ нынѣшнее время, именно съ наступающаго 1847 года, твое участіе въ литературѣ гораздо нужнѣе, чѣмъ до этого времени; во все же минувшее время оно мнѣ казалось совершенно безплоднымъ; такъ что мнѣ кажется, еслибы ты даже вмѣсто »Современника« сталъ издавать »Сѣверные Цвѣты«, то и это было бы полезно. А впрочемъ да вразумитъ тебя во всемъ Богъ и наведетъ сдѣлать то, что̀ тебѣ слѣдуетъ, что̀, вѣроятно, тебѣ извѣстно лучше, чѣмъ кому другому, а въ томъ числѣ и мнѣ. Что̀ же касается до статьи моей, то поступи съ ней, какъ найдешь приличнѣй.«

9.

»Неаполь. Декабря 4 (1846).

»Долго, долго нѣтъ отъ тебя отвѣта. Дѣло, какъ видно, затянулось. Всё бы, однакоже, тебѣ слѣдовало меня увѣдомить хотя

двумя строчками объ исправномъ полученіи моихъ писемъ, съ приложеніями, какъ пятой тетради, такъ и поправокъ, посланныхъ вслѣдъ за нею, писемъ къ Щепкину, В**** и пр. Но не смѣю, впрочемъ, винить тебя, зная, какъ много зависитъ не отъ насъ. Даже не смущаюсь и не безпокоюсь долгимъ молчаніемъ твоимъ. Сердце мое вѣритъ, что все будетъ хорошо и будетъ такъ, какъ быть должно; стало быть, еще лучше, чѣмъ намъ хочется.

»Посылаю тебѣ при семъ прилагаемую статью, которую ты прочти внимательно и дай на нее чистосердечный и немедленный отвѣтъ. Я буду безпокоиться, если не получу его. Сверхъ означеннаго мною числа экземпляровъ книги для посылокъ кому слѣдуетъ, пришли мнѣ еще три, или четыре экземпляра. Къ тебѣ явится Л*** за ними. Ему можешь также поручить и другія присылки ко мнѣ посредствомъ курьеровъ, если тебѣ будетъ хлопотливо и скучно трактовать объ этомъ съ графиней Н***. Впрочемъ она добрая женщина, и я увѣренъ, что она постарается о томъ, чтобы все дошло поскорѣе въ мои руки. Не поскучай также немедленной отправкой ко мнѣ [также посредствомъ курьера] всѣхъ тѣхъ писемъ, которыя получились отъ разныхъ лицъ съ замѣчаніями на »М. Души«. Эти письма мнѣ очень, очень нужны,—однимъ словомъ, такъ нужны, какъ никто не можетъ знать, кромѣ развѣ одного меня.«

10.

»Неаполь. 1846 г. декабр. 12.

»Мнѣ пришло въ мысль: не пропадаютъ ли твои письма. Иначе ничѣмъ другимъ я не могу себѣ объяснить твоего молчанія. Во всякомъ стучаѣ вексель съ деньгами, слѣдуемый мнѣ изъ казначейства, долженъ бы быть уже здѣсь, по моему расчету, мѣсяцъ назадъ тому. Или Жуковскій позабылъ тебѣ послать свидѣтельство о моей жизни? Я взялъ здѣсь вновь свидѣтельство и посылаю его на всякій случай. Хорошо, что я здѣсь встрѣтилъ знакомыхъ и могъ занять у нихъ. Не то, была бы бѣда. Въ чужой землѣ, знаешь самъ, не весьма весело сидѣть безъ денегъ. Я безпокоюсь не шутя на счетъ пропажи. Зная тебя за человѣка акуратнаго, не могу никакъ допустить, чтобы ты могъ позабыть. Странно, что эти денежныя за-

медлѣнія случились именно въ это время, когда деньги, такъ сказать, лежатъ въ моемъ собственномъ сундукѣ, и нужно только протянуть руку, чтобы оттуда достать ихъ. Нужно теперь особенно такъ распорядиться намъ, чтобы этого не случалось въ наступающемъ году, которой доведется мнѣ изъѣздить по незнакомымъ землямъ, гдѣ не легко будетъ изворачиваться, не имѣя въ рукахъ наличныхъ денегъ. А потому ты присылай впередъ, не дожидаясь моихъ извѣщеній, въ неаполитанское посольство съ курьерами всякую тысячу рублей, по мѣрѣ того, какъ она накопится отъ продажи книги. Лучше мнѣ въ рукахъ имѣть лишнее, чѣмъ рисковать встрѣтить подобный случай, который, какъ ты самъ видишь, можетъ случиться всегда. Увѣдоми, чтó стало печатанье книги. Я полагалъ приблизительно около 3000 р. Не позабудь также прилагать записку, кому именно изъ книгопродавцевъ и сколько отпущено экземпляровъ, чтобы я могъ держать весь счетъ всегда въ головѣ и не могъ надѣлать, отъ невѣдѣнія его, глупостей и неосмотрительностей. Думаю, что тебѣ не слѣдуетъ говорить о томъ, чтобы не давать безъ денегъ никому изъ книгопродавцевъ. Это ты самъ знаешь, потому что и меня тому выучилъ. По твоей милости, я въ Петербургѣ такъ расторопно распоряжался съ печатаньемъ книгъ своихъ, какъ не знаю, распоряжается ли теперь кто изъ литераторовъ. Книгу мою я, бывало, отпечатаю въ мѣсяцъ тихомолкомъ, такъ что появленіе ея бывало сюрпризомъ даже и для самыхъ близкихъ знакомыхъ. Никогда у меня не бывало никакихъ непріятныхъ возней ни съ типографіями, ни съ книгопродавцами, какъ случилось у Прокоповича. Денежки мнѣ, бывало, принесутъ сполна всѣ напередъ; все это, бывало, у меня тотъ же часъ записано и занесено въ книгу, и сверхъ того весь мой книжный счетъ я носилъ всегда въ головѣ такъ обстоятельно, что могъ наизусть его разсказать весь. Не смотря на то, что я считаюсь, въ глазахъ многихъ, человѣкомъ безпутнымъ и то, чтó называется поэтомъ, живущимъ въ какомъ-то тридевятомъ государствѣ, я родился быть хозяиномъ и даже всегда чувствовалъ любовь къ хозяйству, и даже, невидимо отъ всѣхъ, пріобрѣталъ весьма многія качества хозяйственныя, и даже много кое-чего укралъ у тебя самаго, хотя этого и не показалъ въ себѣ. Мнѣ слѣдовало до времени, бросивши всю житейскую заботу,

поработать внутренно надъ тѣмъ хозяйствомъ, которое прежде всего долженъ устроить человѣкъ и безъ котораго не пойдутъ никакія житейскія заботы. Но теперь, слава Богу, самое трудное устрояется; теперь могу приняться и за житейскія заботы и, можетъ быть, съ такимъ успѣхомъ займусь ими, что даже изумишься, откуда взялся во мнѣ такой положительный и обстоятельный человѣкъ. Когда приведетъ насъ Богъ увидѣться, и усядемся мы въ уютной твоей комнаткѣ, другъ противъ друга, и поведемъ простыя рѣчи, понятныя ребенку, отъ которыхъ будетъ тепло душамъ нашимъ, ты подивишься и возблагоговѣешь передъ путями, которыми ведетъ Богъ человѣка, затѣмъ чтобы привести его къ нему же самому и сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ долженъ онъ быть, вслѣдствіе способностей и даровъ, выпавшихъ на его долю. Но это еще не близко. Обратимся къ дѣлу. Шевыреву ты можешь послать экземпляровъ, сколько онъ ни востребуетъ, для продажи въ Москвѣ. На этого человѣка можно положиться. У него точность, какъ у банкира. Онъ такъ выгодно выпродалъ всѣ мои находившіяся у него книги, такъ изворотливо выплатилъ всѣ мои долги, не оставивъ меня въ невѣдѣніи даже въ послѣдней копѣйкѣ моихъ денегъ, что наиакуратнѣйшій банкиръ ему бы подивился. Тысячу рублей отложи на уплату за письма ко мнѣ, на журналы и на книги, какія выйдутъ позамѣчательнѣй въ этомъ году. Я просилъ Аркадія Р*** заняться пересылкой ихъ, если это окажется тебѣ обременительнымъ и хлопотливымъ. Въ этомъ году мнѣ будетъ особенно нужно читать почти все, что̀ ни будетъ выходить у насъ,—особенно журналы и всякіе журнальные толки и мнѣнія. То, что̀ почти не имѣетъ никакой цѣны для литератора, какъ свидѣельство бездарности, безвкусія, или пристрастія и неблагородства человѣческаго, для меня имѣетъ цѣну, какъ свидѣтельство о состояніи умственномъ и душевномъ человѣка. Мнѣ нужно знать, съ кѣмъ я имѣю дуло; мнѣ всякая строка, какъ притворная, такъ и непритворная, открываетъ часть души человѣка; мнѣ нужно чувствовать и слышать тѣхъ, кому говорю; мнѣ нужно видѣть *личность* публики; а безъ того у меня все выходитъ глупо и непонятно. А потому все, на чемъ ни отпечаталось выраженіе современнаго духа русскаго въ прямыхъ и косыхъ его направленіяхъ, для меня равно нужно; то самое,

что̀ я прежде бросилъ бы съ отвращеніемъ, я теперь долженъ читатъ. А потому не изумляйся, если я потребую присылать ко мнѣ всѣ газеты и журналы литературные, въ которые тебя не влечетъ даже и заглянуть.«

11.

»Неаполь 1847 г., генв. 5, нов. ст.

»Письмо твое [отъ $\frac{\text{21 ноя.}}{\text{3 дек.}}$] получилъ; вексель полученъ за четыре дня прежде. Долгое молчаніе твое я приписывалъ именно не чему другому, какъ затяжкѣ дѣла и препятствіямъ —— Ты свое дѣло сдѣлалъ, хлопоталъ и старался изо всѣхъ силъ; но я своего дѣла не сдѣлалъ —— Если я, благословясь и молясь Богу, составлялъ книгу, взвѣшивая потребности современныя жаждущаго общества и многаго того, что̀ покамѣсть не видно поверхностнымъ и ничего нехотящимъ знать людямъ; если я до сихъ поръ нахожусь въ твердомъ убѣжденіи, что книга моя полезна: то будетъ малодушно съ моей стороны остановиться при началѣ и не употребить всѣхъ силъ для того, чтобы довести къ концу дѣло. Если у насъ не будетъ столько любви къ доброму дѣлу, чтобы умѣть бороться изза него съ препятствіями; если мы не станемъ употреблять хотя столько постоянства и настойчивости въ благихъ и добрыхъ подвигахъ, сколько человѣкъ низкій употребляетъ въ низкихъ, въ стремленіи къ своей своекорыстной и низкой цѣли: то гдѣ же тогда заслуга наша передъ добромъ? И чѣмъ же мы тогда доказали нашу любовь къ добру, когда изза него не выдержали даже столько битвъ, сколько выдерживаетъ гадкой человѣкъ изъ своей привязанности къ гадкому? Итакъ, повторяю тебѣ, ты все почти сдѣлалъ, что̀ тебѣ казалось очевидно возможно; но я долженъ сдѣлать также отъ себя, что̀ мнѣ кажется очевидно возможнымъ —— Если книга уже вышла въ свѣтъ безъ этихъ писемъ, это ничего не значитъ. Это даже еще лучше ——— Ка̀къ только же онѣ будутъ разрѣшены къ печатанію, ты ихъ тотчасъ же отправь въ Москву къ Шевыреву, чтобы онъ ихъ вмѣстилъ во *второе* изданіе, долженствующее печататься въ Москвѣ, прибавивъ къ слову »изданіе« *пополненное и умноженное* ——— По крайней мѣрѣ совѣсть моя тогда будетъ спокойна, и на душѣ моей не останется тогда упре-

ка, что я былъ лѣнивъ и недѣятеленъ въ дѣлѣ, требовавшемъ дѣятельности и благородной устойчивости характера; а безъ того я не могу успокоиться.

»Относительно »Ревизора« ты уже, вѣрно, знаешь мое рѣшеніе— отложить до слѣдующаго 1848 года — — — Я и прежде предполагалъ дать ее (¹) на театрѣ только въ такомъ разѣ, еслибы протекло значительное разстояніе времени отъ появленія въ свѣтъ моей »Переписки«, чтобы многія мысли успѣли обойтись въ свѣтѣ и въ публикѣ; иначе, все покажется дико и странно. Что̀ же касается до напечатанія, Ревизора« отдѣльно, то это имѣло бы смыслъ и расходъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ піэса возымѣла въ представленіи большой успѣхъ и произвела сильное впечатлѣніе, а безъ этого нечего объ этомъ и думать. »Развязку Ревизора« положи до времени подъ спудъ. Мнѣ нужно будетъ потомъ и самому ее хорошенько пересмотрѣть. Многое нужно будетъ сказать гораздо умнѣе и понятнѣй, чѣмъ тамъ сказано. Да и всего »Ревизора« нужно будетъ хорошенько пообчиститши, дать совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ онъ дается нынѣ на театрѣ. Теперь же на него гадко и противно глядѣть; изъ него актеры сдѣлали такую тривьяльность, что, я думаю, нѣтъ человѣка, которому бы пріятно было на него поглядѣть.

»На счетъ акуратности денежной не безпокойся. Счетъ векселямъ я веду и, кромѣ того, что у меня добрая память, не позабываю все записывать. Все приходится такъ, какъ слѣдуетъ; нигдѣ не проронено ни копѣйки: рубль въ рубль и копѣйка въ копѣйку.

»Не гнѣвайся на меня за то, что я послалъ тебя къ графинѣ Н***. Если найдешь другую скорую оказію переслать мнѣ книги,— конечно хорошо. А если не найдешь, почему не обратиться къ ней, хоть, положимъ, для того, чтобы попробовать? Вѣдь она же не съѣстъ тебя за это! А мнѣ простительно это покушеніе, потому что она исполнила уже одну коммиссію мою въ то время, когда еще не знала меня вовсе лично,—и сама даже вызвалась. Почему жъ мнѣ не подумать, что она и теперь можетъ для меня сдѣлать одолженіе,

(¹) »Развязку Ревизора«. *Н. М.*

уже узнавши меня лично? Вообще, я долженъ тебѣ замѣтить, что ты напрасно считаешь меня человѣкомъ, довѣрчиво предающимся людямъ и полагающимся на всякія сладкія обѣщанія. Въ твоихъ глазахъ, я какой-то прыткій юноша, довольно самолюбивый, котораго можно усластить похвалами и всякими вѣжливыми обхожденіями, со стороны всякаго рода значительныхъ людей; а мнѣ, говорю тебѣ не въ шутку, это приторно, и я чаще знакомлюсь даже съ такими людьми, отъ которыхъ надѣюсь получить именно черствый пріемъ. Мнѣ это нужно для многихъ, многихъ, слишкомъ многихъ причинъ, которыя я бы не умѣлъ даже и повѣдать, и которыхъ ты, можетъ быть, не понялъ бы даже и тогда, еслибы я умѣлъ повѣдать ихъ. Скажу тебѣ только, что настаетъ наконецъ такое время, когда упреки, жесткія слова и даже несправедливые поступки отъ другихъ становятся жизнью и потребностью душевною, и отъ нихъ удивительно уясняется глазъ, ростетъ умъ, силы и—словомъ—ростетъ все въ человѣкѣ... Но чувствую, что это не можетъ быть тебѣ понятно. Ты меня не знаешь. Я думалъ, что многое объяснитъ тебѣ моя книга; но, кажется, ты считаешь ее за маску, которую я только надѣлъ для публики. Иначе, ты не сдѣлалъ бы мнѣ напоминанія во второй разъ, въ концѣ письма твоего — — — Я бы этихъ словъ не сказалъ бы и тому, который еще недавно началъ узнавать людей. Изъ всего того, что́ мною написано, не смотря на все несовершенство написаннаго, можно, однако же, видѣть, что авторъ знаетъ, что́ такое люди, и умѣетъ слышать, что́ такое душа человѣка; а потому не можетъ такъ грубо ошибиться, какъ можетъ ошибиться иной; а потому можетъ даже лучше другого взвѣшивать и свѣтскія отношенія людей къ себѣ, и отношенія людей вообще между собою. Чтобы разъ навсегда было тебѣ, хотя отчасти, понятно, какого рода у меня нынѣшнія отношенія къ людямъ, скажу тебѣ, что не безъ воли Промысла высшаго опредѣлено было мнѣ въ послѣднее время сталкиваться съ человѣкомъ въ его трудныя минуты и въ самыя тяжелыя состоянія душевныя, въ какія только и обнажается передо мною душа человѣка. Вотъ почему мнѣ случилось узнать наскозь многихъ такихъ людей, которыхъ никогда не узнать свѣтскому человѣку со всѣхъ сторонъ. Еслибы случилось мнѣ познакомиться съ тобою

теперь, именно въ послѣднее время, а не прежде, между нами бы вдругъ завязалась дружба навсегда, между нами никогда не произошло бы никакихъ недоразумѣній. Но я не введенъ былъ никогда вполнѣ въ твою душу. Твоя душа не занемогла тогда никакою скорбью, а потому и не могла обнаружить себя передо мною, да и я не въ силахъ былъ бы тогда ее услышать. Вотъ почему мы, умѣя цѣнить другъ друга, однакоже не знали другъ друга, и не было между нами истинно родного голоса, по которому человѣкъ человѣку въ нѣсколько разъ ближе, чѣмъ братъ брату.

»Еще тебѣ скажу: не думай, что бы я когда либо обольщался словами человѣка даже и тогда, когда меньше зналъ свѣтъ и былъ далеко невоспитаннѣе теперешняго. Драгоцѣнный даръ слышать душу человѣка мнѣ уже былъ издавна дарованъ Богомъ, и въ неразвитомъ своемъ состояніи онъ уже руководилъ меня въ разговорахъ съ людьми, и передо мной сами собой отдѣлялись звуки истинные словъ отъ звуковъ фальшивыхъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Поэтому я весьма рано сталъ примѣчать, что́ есть дурного въ хорошемъ человѣкѣ и что́ есть хорошаго въ дурномъ человѣкѣ. Ко мнѣ становился человѣкъ вовсе не тою стороною, какою онъ самъ хотѣлъ стать предо мною; онъ становился противувольно той стороной своей, которую мнѣ любопытно было узнать въ немъ; такъ что онъ иногда, самъ не зная какъ, обнаруживалъ себя передо мною больше, чѣмъ онъ самъ себя зналъ. Итакъ слова твои и предостереженіе, изъявленныя тобою въ концѣ письма, которыя ты даже совѣтуешь мнѣ записать себѣ въ книгу, напрасны: ты ихъ сказалъ въ слѣдствіе того, что поторопился вывести заключеніе изъ дѣлъ, повидимому похожихъ на тѣ, изъ которыхъ выводятся подобныя заключенія, но въ самомъ дѣлѣ не тѣхъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться сдѣланнымъ мнѣ твоимъ замѣчаніемъ, я сдѣлаю тебѣ нѣсколько своихъ замѣчаній и попрошу ихъ записать себѣ разъ навсегда въ свою памятную книжку.

»1) Что люди знатные и вообще находящіеся въ высшихъ кругахъ имѣютъ горькія и скорбныя душевныя минуты и не находятъ даже и средства показать себя съ настоящей и съ лучшей стороны своей, и положенія ихъ, если разсмотришь внимательно всѣ обстана-

вливающія ихъ обстоятельства, такъ бываютъ трудны, что не бываетъ рѣшительно средствъ выйдти изъ необходимости быть въ черствыхъ и холодныхъ сношеніяхъ съ людьми.

»2) Что всѣ живущіе въ Петербургѣ, хорошіе и дурные безъ исключенія, болѣе или менѣе, покрываются, сами не слыша, наружною [очевидною для другихъ и незамѣтною для себя] обмазкою эгоизма,—и, повѣрь, она у всѣхъ насъ. Разсмотри себя построже: ты и въ себѣ отыщешь признаки того. Вопроси построже свою душу, не ближе ли къ ней свои собственныя дѣла и страданія, чѣмъ дѣла и страданія другихъ, не боишься ли (ты) во всякомъ, даже великодушномъ дѣлѣ компрометировать прежде себя, и не отказался ли ты изза этой причины уже отъ многихъ добрыхъ дѣлъ, полезныхъ другимъ?

»3) Что, если мы будемъ смотрѣть на холодный пріемъ, намъ оказанный, и остановимся какой-нибудь невнимательностью къ намъ, которая покажется намъ или пренебреженіемъ къ нашему званію, или неуваженіямъ къ нашимъ достоинствамъ, то никогда не сойдемся мы съ человѣкомъ и никогда не придемъ къ душѣ его, и будемъ вѣчно играть въ жмурки между собою. Но если, не смутясь никакимъ наружнымъ холодомъ, сдѣлаешь прямо приступъ къ душѣ его и скажешь ему открыто: »Я, мимо всѣхъ приличій, пришелъ къ вамъ, въ увѣрен»ности, что благородна душа ваша и свято вамъ чувство добра, и въ »слѣдствіе этого я твердо говорю вамъ: вы должны сдѣлать такое-то »дѣло!« Повѣрь, что тотъ же холодный человѣкъ окажется другимъ послѣ такихъ словъ. Я по крайней мѣрѣ уже испыталъ это.

»Скажу тебѣ, что есть у меня знакомства, которыя начались съ перваго раза даже упреками съ моей стороны, и отъ меня приняты были благодарно такія замѣчанія, которыя отъ другого не были бы приняты и за которыя бы даже на другихъ разсердились. И эти люди сдѣлались вдругъ мнѣ близкими людьми. Нѣтъ, напрасно ты думаешь, что ты знаешь людей, а я ихъ не знаю. Ты знаешь ихъ подъ свѣтской ихъ маской. Я очень понимаю, что на твоемъ мѣстѣ и при твоихъ отношеніяхъ съ ними, нельзя и узнать ихъ иначе. Даже тотъ человѣкъ, который изворотливѣй тебя и болѣе навыкся съ людьми и болѣе твоего одаренъ способностями слышать разнообразныя силы

и способности человѣка, какъ открытыя, такъ и сокровенныя, даже и тотъ по тѣхъ поръ не узнаетъ вполнѣ человѣка, покуда не загорится весь любовью къ человѣку и покуда человѣкъ не сдѣлается его наукою и единственнымъ занятіемъ, а душа человѣческая единственнымъ его помышленіемъ. Если хотя часть такой любви поселится въ душѣ, тогда все простишь человѣку, не оскорбишься никакимъ его пріемомъ; напротивъ, съ любопытствомъ ожидаешь отъ него всего, чтобы видѣть, въ какомъ состояніи душа его и какъ ему помочь потомъ освободиться отъ того, что́ мѣшаетъ оказаться его достоинствамъ въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Даже я, получившій теперь, можетъ быть, одну только песчинку этой любви, уже не могу теперь поссориться ни съ однимъ человѣкомъ, какъ бы онъ несправедливо ни поступалъ со мною. Несправедливый поступокъ мнѣ только даетъ новую власть надъ нимъ: я терпѣливъ, я дождусь своего времени и потомъ выставлю передъ нимъ такъ несправедливость его поступка, что онъ увидитъ самъ эту несправедливость [половина несправедливостей дѣлается отъ невѣдѣнія]; ему сдѣлается совѣстно и, желая загладить вину свою передо мною, онъ уже сдѣлаетъ тогда все, что́ ни прикажу ему, какъ послушный рабъ для господина.

»Другъ мой, не пропусти этихъ словъ. Прочитай письмо мое два, или три раза въ разныя расположенія духа твоего. Почему знать? можетъ быть, въ нихъ заключена правда, именно въ это время нужная душѣ твоей. Не мы управляемъ своими дѣйствіями; незримо правитъ ими Богъ; мы только орудія Его воли, и нами же Онъ говоритъ намъ; а потому не нужно пропускать ничьихъ словъ безъ того, чтобы не разсмотрѣть, что́ изъ нихъ нужно взять въ примѣненье къ самому себѣ.

»Но я заговорился; обращаюсь къ письму твоему. Ты говоришь, чтобы я издательскія распоряженія ограничилъ тобой и Шевыревымъ и не вмѣшивалъ сюда никого. Но я никого и не вмѣшивалъ: по поводу »Развязки Ревизора«, Шевыревъ написалъ безъ моего вѣдома письма къ В*** и В***; онъ позволилъ себѣ распорядиться такъ по случаю болѣзни Щепкина, которому поручено было лично хлопотать объ этомъ. Слово *лично* особенно подтвердилъ Шевыреву потому, что я боюсь переписки и хлопотъ письменныхъ, какъ огня: отъ нихъ

только безтолковщина и недоразумѣнія. А.М.В*** назначена была часть вовсе не издательская: ей поручалась просто раздача суммъ бѣднымъ, въ случаѣ еслибы былъ изданъ »Ревизоръ« и выпроданъ. Этого дѣла никто бы умнѣе ея не могъ произвесть. Я тебѣ особенно совѣтую съ ней познакомиться. У ней есть то, чего я не знаю ни у одной изъ женщинъ: не умъ, а разумъ; но ее не скоро узнаешь: она вся внутри. Р*** я тебѣ совѣтовалъ имѣть въ виду только въ такомъ случаѣ, когда не позволятъ твои собственныя дѣла заняться изданіемъ »Ревизора«, которыхъ я предполагалъ у тебя довольно; теперь же, какъ вижу изъ письма твоего, ихъ даже болѣе, чѣмъ я предполагалъ.

»Р*** я поручалъ еще заняться пересылкою и покупкою мнѣ нововыходящихъ жураловъ и книгъ тоже въ такомъ случаѣ, еслибы тебѣ невозможно и затруднительно было этимъ заняться. Я, признаюсь, думалъ, что ты не повѣришь, чтобы мнѣ такъ нужны были новыя книги, и особенно всякая журнальная дрянь, которая дѣйствительно для многихъ, и особенно для людей умныхъ, есть дрянь, но которая для меня теперь слишкомъ нужна, равно какъ всякое вообще литературное движеніе и голосъ, въ какомъ углу ни раздающійся, истинный, или притворный. Я думалъ, что ты все это примешь за одинъ капризъ и не уважишь такой моей просьбы, и вотъ почему я просилъ Р***, хорошенько узнавши отъ тебя, возможно ли, или невозможно, тебѣ затрудняться самому такими мелочами, взять часть этого дѣла на себя. Много уже моихъ просьбъ, слишкомъ для меня значительныхъ, и вопросовъ, слишкомъ для меня важныхъ, оставлено безъ отвѣта и удовлетворенія, именно потому, что они показались маловажными въ глазахъ тѣхъ людей, къ которымъ были обращены. Итакъ мнѣ извинительно питать въ этомъ отношеніи нѣкоторое недовѣріе вообще ко всѣмъ; мнѣ извинительно думать уже впередъ, что всякое мое слово будетъ принято за капризъ избалованнаго дитяти: такъ не похожи теперь надобности и потребности мои на потребности и надобности другихъ людей. Я очень знаю, что, еслибы я изъяснилъ свою надобность не отрывчатымъ требованіемъ, но изложеніемъ подробнымъ всѣхъ причинъ, было бы ясно какъ день, почему я прошу чего-нибудь; но для всего этого требуется исписывать

кругомъ листы, а для этого у меня нѣтъ времени. А потому я прошу тебя относительно всякаго рода просьбъ и требованій моихъ, поступать такимъ образомъ: всѣ тѣ, которыя покажутся въ твоихъ глазахъ важными, исполнять самому, прочія же передавать другимъ, по усмотрѣнію, кого найдешь изъ нихъ старательнѣй, добрѣй и готовѣй на услугу, сопровождая такими словами: »Не смотрите на то, что предметъ просьбы самъ по себѣ маловаженъ; исполненіемъ такой просьбы вы сдѣлаете большую услугу этому человѣку, которой онъ не позабудетъ во вѣкъ, и, если только вы терпѣливы и можете ожидать конца всякому дѣлу, увидите, что я не лгу и что онъ съумѣетъ потомъ отслужить вамъ.« На счетъ отправки мнѣ литературныхъ новостей, поручи и другимъ узнавать обо всѣхъ ѣдущихъ за границу, чтобы не пропускать никакихъ случаевъ пересылать мнѣ. Я бы совѣтовалъ тебѣ особенно посовѣтоваться съ кн. В*** и Р***, какимъ бы образомъ устроить такъ, чтобы курьеры могли брать мнѣ всѣ новые журналы. Кн. В**** очень хорошъ съ гр. Н***, а Р*** можетъ подвигнуть В.П*** похлопотать, который, по своему доброму расположенію ко мнѣ и вообще по своей доброй душѣ, сдѣлаетъ отъ себя, что́ сможетъ. Кн. В*** ты можешь дать, если онъ того пожелаетъ, просмотрѣть мои письма — — — Онъ человѣкъ умный, и его замѣчанія мнѣ будутъ особенно важны. Кромѣ того, что его умъ способенъ соображать многое и видѣть степень полезности у насъ многихъ вещей, онъ, я думаю, еще болѣе пополнѣлъ и сталъ многостороннѣй и осмотрительнѣй со времени разныхъ внутреннихъ событій и тяжелыхъ душевныхъ потрясеній, проясняющихъ взглядъ человѣка, которыя случились къ кн. В*** въ послѣднее время. Вообще я бы совѣтовалъ тебѣ сойтись съ нимъ теперь поближе; мнѣ кажется, вы теперь болѣе другъ друга оцѣните и поймете, и мое дѣло, или лучше дѣло моей книги, будетъ хорошимъ для того предлогомъ.«

12.

»Неаполь. Февраля 6 (1847).

»Я получилъ твое письмо, съ извѣстіемъ о выходѣ моей книги. Зачѣмъ ты называешь великимъ дѣломъ появленіе моей книги? Это

и неумѣренно, и несправедливо. Появленіе моей книги было бы дѣломъ не великимъ, но точно полезнымъ, еслибы все уладилось и устроилось, какъ слѣдуетъ. Теперь же — — — ужъ лучше было бы придержать книгу. На книгу мою ты глядишь, какъ литераторъ, съ литературной стороны; тебѣ важно дѣло собственно литературное. Мнѣ важно то дѣло, которое больше всего щемитъ и болитъ въ эту минуту. Ты не знаешь, что̀ дѣлается на Руси внутри, какой болѣзнью тамъ изнываетъ человѣкъ, гдѣ и какіе вопли раздаются и въ какихъ мѣстахъ. Тепло, живя въ Петербургѣ, наслаждаться съ друзьями разговорами объ искуствѣ и о всякихъ высшихъ наслажденіяхъ. Но когда узнаешь, что есть такія страданія человѣка, отъ которыхъ и безчувственная душа разорвется; когда узнаешь, что одна капля, одна росинка помощи въ силахъ пролить освѣженіе и воздвигнутъ духъ падшаго, тогда попробуй перенести равнодушно это — — — Ты не знаешь того, какой именно стороной были полезны мои письма тѣмъ, къ которымъ они писались; ты души человѣка не изслѣдовалъ, не разоблачалъ какъ слѣдуетъ ни другихъ, ни себя самаго передъ самимъ собою; а потому тебѣ и невозможно всего того почувствовать, что̀ чувствую я. Странны тебѣ покажутся и самыя слова эти. — — — Въ безтолковщинѣ этого дѣла — — — конечно я виноватъ, а не кто другой. Мнѣ бы слѣдовало ввести съ самаго начала въ подробное свѣдѣніе всего этого графа М.Ю.В****. — — Это добрая и великодушная душа; не говорю уже о томъ, что онъ мнѣ родственно близокъ по душевымъ отношеніямъ ко мнѣ всего семейства своего. Онъ, назадъ тому еще мѣсяцъ, изъяснилъ Государю такую мою просьбу, которой, вѣрно, никто бы другой не отважился представить; просьба эта была гораздо самонадѣяннѣе нынѣшней, и ее бы вправѣ былъ сдѣлать уже одинъ слишкомъ заслуженный государственный человѣкъ, а не я. И добрый Государь принялъ ее милостиво, распрашивалъ съ трогательнымъ участіемъ обо мнѣ и далъ повелѣніе канцлеру написать во всѣ мѣста, начальства и посольства за границей, чтобы оказывали мнѣ чрезвычайное и особенное покровительство повсюду, гдѣ буду ѣздить, или проходить въ моемъ путешествіи — — —

»Какія вдругъ два сильныя испытанія! Съ одной стороны нынѣшнее письмо отъ тебя; съ другой стороны письмо отъ Шевырева, съ

извѣстіемъ о смерти Языкова. И все это случилось именно въ то время, когда и безъ того изнурились мои силы вновь приступившими недугами и безсонницами въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ, которыхъ причинъ не могу постигнуть. Но велика милость Божія, поддерживающая меня даже и въ эти горькія минуты несомнѣнной надеждой въ томъ, что все устроится какъ ему слѣдуетъ быть. Какъ только статьи будутъ пропущены, тотчасъ же отправь ихъ къ Шевыреву для напечатанія во второмъ изданіи въ Москвѣ, которое, мнѣ кажется, удобнѣе произвести тамъ, какъ по причинѣ дешевизны бумаги и типографіи, такъ равно и потому, что онъ менѣе твоего загроможденъ всякаго рода дѣлами и изданіями. На это письмо дай немедленный отвѣтъ. Обнимаю тебя отъ всей души.

»Если же ты не будешь занять никакимъ другимъ дѣломъ и время у тебя будетъ совершенно свободное, и будетъ предстоять возможность отпечатать весьма скоро книгу хорошо и безъ большихъ издержекъ, тогда приступи самъ. Пожалуста ничего не пропусти и статьи — — вели лучше переписать всѣ цѣликомъ, а не вставками. Онѣ у меня писаны послѣдовательно и въ связи, и я помню мѣсто почти всякой мысли и фразѣ. Особенно чтобы статья о лиризмѣ нашихъ поэтовъ не была перепутана; разумѣю, чтобы большая вставка, присланная мною при пятой тетради, вставлена была какъ слѣдуетъ, намѣсто страницъ уничтоженныхъ. Порядокъ статей нужно, чтобы былъ именно такой, какой у меня.«

13.

»Неаполь. Февраля 11 (1847).

»Я пишу къ тебѣ эту маленькую записочку только затѣмъ, чтобы увѣдомить тебя, что письмо твое, со вложеніемъ векселя, мною получено. Книга до меня не дошла, чему я отчасти даже радъ, потому что, признаюся, мнѣ бы тяжело было на нее глядѣть. — — Ты, вѣроятно, теперь уже получилъ три письма мои, съ распоряженіями по части второго изданія ея въ полномъ видѣ, со включеніемъ всѣхъ мѣстъ и приведеніемъ всего въ полный порядокъ. Первое письмо, весьма длинное, писанное тотъ-часъ по извѣщеніи твоемъ о произ-

шедшей безтолковщинѣ; второе, посланное съ А***, съ приложеніемъ копіи съ письма къ Г***; третье отправленное, назадъ тому нѣсколько дней, въ отвѣтъ на увѣдомленіе о выпускѣ въ свѣтъ обгрызеннаго Н**** оглодка. Я предполагалъ прежде второе изданіе печатать въ Москвѣ, разсчитывая на меньшія издержки и на доставленіе отдыха тебѣ; но вижу, что весьма легко можетъ случиться отъ этого какая-нибудь новая безтолковщина и во всякомъ случаѣ замедленіе. А книгѣ слѣдуетъ быть выпущенной къ свѣтлому воскресенію, ибо послѣ этого времени, какъ самъ знаешь, все книжное останавливается. Возьми въ помощь Р***. Онъ человѣкъ весьма аккуратный, и, если его немножко введешь въ это дѣло, онъ съумѣетъ хорошо держать корректуру. Впрочемъ самъ смекни, какъ уладить. Если же прежде пропуска статей окажется сильная потребность второго изданія книги даже въ нынѣшнемъ ея видѣ, то отпечатай наскоро, елико возможно, еще заводъ, если не два, и печатай полное изданіе третіе, не заботясь о томъ, что не разошлось второе. Не позабудь того, что я прошу читателей покупать не только для себя, но и для тѣхъ, которые не въ силахъ сами купить; а для раздачи людямъ простымъ, я думаю, даже лучше придется книга въ ея нынѣшнемъ видѣ. Цѣну можешь положить меньшую; впрочемъ это зависитъ отъ твоего соображенія. Чтó касается до книги въ ея полномъ видѣ, то ей цѣна три руб. сер., не меньше. Какъ бы то ни было, но въ ней должно быть около 600 страницъ. Денегъ мнѣ больше не присылай, потому что поѣздка моя, вслѣдствіе этихъ смутъ и хлопотъ, равно какъ и самаго моего здоровья, нынѣ вновь ослабѣвшаго, равно какъ и неполученіе тоже до сихъ поръ пашпорта, отодвинута далѣе; а отправь покуда двѣ тысячи моей матери, если удосужишься и если деньги накопились. Не благодарю тебя покамѣсть еще ни за чтó,—ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по дѣламъ моимъ. Чтó же дѣлать? Есть дѣла, которыя должны быть впереди нашихъ личныхъ дѣлъ, а такимъ я почитаю пропускъ именно тѣхъ самыхъ статей, которыя не показались тебѣ важными и на счетъ которыхъ ты согласился, что ихъ лучше не печатать.«

14.

»22 Февраля. / 6 марта, н. с. 1847 г.

»Прости меня, добрый другъ, за тѣ большія непріятности, которыя я, можетъ быть, нанесъ тебѣ моими нескромными просьбами о возстановленіи моей книги въ ея прежнемъ видѣ. Прости меня, если уменя вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, въ томъ письмѣ моемъ, въ которомъ вложено было письмо къ доброй А.О. Ишимовой. Думаю такъ потому, что писалъ его въ тревожномъ состояніи, среди одолѣвшихъ меня недуговъ и печальныхъ извѣстій. Одолѣлъ меня также и страхъ за мою книгу, которая могла быть непонята отъ выпуска многихъ статей, потому что въ ней было все въ связи и послѣдовательности, въ которой, только опираясь на предыдущее, я позволялъ себѣ сказать послѣдующее. — — — Не ради достоинства самихъ статей, но ради важности самаго предмета, мнѣ хотѣлось, чтобы по поводу ихъ было сказано другими умнѣе и лучше моего и отъ этого распространилось бы у насъ большее знаніе земли своей и народа своего. Я былъ увѣренъ, и теперь въ этомъ увѣренъ, что статьи мои не могли напечататься отъ неприличія тона рѣчи, что, облегчивши и уничтоживши многое, онѣ придутъ въ такой видъ, въ какомъ могутъ быть пропущены. Я писалъ къ кн. В**** и Гр. М.Ю.В**** разсмотрѣть строго мою книгу. Кн. В**** писалъ потомъ еще письмо, умоляя уничтожить сначала заносчивыя выходки, неприличныя выраженія, всѣ мѣста, показывающія самонадѣянность, самоувѣренность и гордость того, кто писалъ ихъ, и попробовать прочитать всю книгу сплошь въ исправленномъ видѣ, чтобы увидѣть еще разъ, можно ли ее представить. Я не упрямъ. Я вѣрю, что они лучше знаютъ меня многія вещи и приличія, и если скажутъ, что и тогда нельзя, то ни слова не скажу и покорюсь. Но, другъ мой, мнѣ бы хотѣлось, чтобы хотя два-три человѣка прочли мою книгу въ связи, всю сплошь. Это мнѣ очень нужно потому, что этими статьями я хотѣлъ не столько учить другихъ, но самому многому учиться, потому что—говорю тебѣ не ложь—мнѣ нужно слишкомъ много набраться отъ умныхъ людей, чтобы написать какъ слѣдуетъ мои »Мертвыя Души«, которыя, право, могутъ быть очень нужная у насъ вещь, и притомъ дѣль-

ная вещь. Мнѣ нужно много практическихъ и положительныхъ свѣдѣній, которыя я думалъ вызвать этими статьями,—именно затѣмъ, чтобы быть также ясну и просту въ »М. Д.«, какъ неясенъ и загадоченъ въ этой книгѣ моей. Нужно взять изъ нашей же земли людей, изъ нашего же собственнаго тѣла, такъ чтобы читатель почувствовалъ, что это именно взято изъ того самаго матеріала, изъ котораго и онъ самъ состатленъ. Иначе не будутъ живы образы и не произведутъ благотворнаго дѣйствія. А потому, Богъ вѣсть, можетъ, по прочтеніи моей книги сплошь, придетъ кн. В**** благая мысль подарить и русскую литературу, и меня такими письмами, которыя, разумѣется, въ нѣсколько разъ будутъ лучше моихъ, прямѣй и ближе къ дѣлу, и могутъ быть напечатаны отдѣльной книгой. Можетъ быть, и дорбѣйшій гр. М.Ю.В*** снабдитъ меня такими закими замѣчаніями, за которыя всю жизнь мою буду ему благодаренъ. Я не знаю, какъ передъ нимъ извиняться, не смѣю даже и писать къ нему. Я думаю, что я его слишкомъ огорчилъ моими всѣми докуками. Покажи имъ лучше это письмо мое, то есть, и ему, и кн.В****. Можетъ быть, они, прочитавши его, сколько-нибудь извинятъ меня и простятъ меня. Мнѣ кажется, что все семейство его, мною нѣжно любимое, мною недовольно, потому что, съ появленія моей книги, никто изъ нихъ не писалъ ко мнѣ. Скажи, имъ, что всѣ мои проступки, въ которыхь видятъ и самонадѣянность, и самолюбіе, и самоослѣпленіе происходятъ просто отъ глупости, отъ нетерпѣнія переждать немного, пока придешь въ такое состояніе, что можешь заговорить просто и безъ напыщенности о томъ, что́ теперь выражается грубо, неотесанно и напыщенно. Такъ бываетъ со всякимъ юношей, который не созрѣлъ: онъ всегда хватитъ нотой ниже, или выше того, чѣмъ нужно. Итакъ желаніе мое, чтобы гр. М.Ю.В***, кн. В*** и даже В.А.П***, если захотятъ, были моими судьями, и для этого мнѣ бы хотѣлось, чтобы вся книга была переписана сплошь, со включеніемъ всего [кромѣ двухъ статей »Къ близорукому Пріятелю« и »Страхъ и Ужасъ«, которыя совсѣмъ не для печати и намѣсто которыхъ у меня готовились другія, подъ тѣмъ же заглавіемъ]. Скажи, что никакое рѣшеніе ихъ не огорчитъ меня, что увидать свѣтъ эти статьи должны были только затѣмъ, чтобы доставить мнѣ замѣча-

нія [если я вмѣстѣ съ тѣмъ и питалъ сокровенное желаніе доставить ими пользу]; что, если мнѣ сдѣлаютъ они замѣчанія и побранятъ меня, я тогда помирюсь совершенно съ судьбой моихъ писемъ. Другъ мой, не сердись на меня и ты ни за что̀ и употреби съ своей стороны все, чтобы подвигнуть ихъ къ сему послѣднему дѣлу. Дѣло это будетъ истинно христіянское, потому что обратится въ добро.

»Увѣдомляю тебя, что отъѣздъ мой на Востокъ, по случаю расклеившагося моего здоровья, поздняго полученія пашпорта [его получилъ только вчера, стало, я бы не поспѣлъ въ Іерусалимъ къ свѣтлому празднику, еслибы и могъ ѣхать] и наконецъ по случаю всякаго рода препятствій, случившихся съ тѣми моими пріятелями, которые должны были также ѣхать въ Іерусалимъ [я же одинъ, по немощи душевной и тѣлесной, не могъ пуститься въ такую дорогу],—итакъ, по случаю всего этаго и вмѣстѣ съ тѣмъ по случаю надобности ѣхать на желѣзныя воды и на морское купанье, отъѣздъ мой отодвинутъ. А потому мнѣ всякія письма слѣдуетъ, до мая первыхъ чиселъ, отправлять еще въ Неаполь, а отъ мая до сентября во Франкфуртъ, на имя Жуковскаго, и съ сентября вновь въ Неаполь, откуда, если Богъ благословитъ, на Востокъ, а съ Востока на нашу Русскую сторону.

»Увѣдомляю также тебя, что книгъ я до сихъ поръ не получилъ ни одной. Я полагаю, это отъ того, что, вѣроятно, онѣ были адреваны на мое имя; а такъ какъ самъ по себѣ я человѣкъ не великъ, не смотря на великую возню, которая идетъ обо мнѣ теперь въ литературѣ, то курьеръ ихъ и оставилъ въ какой-нибудь канцеляріи по дорогѣ. Всего бы лучше адресовать или на имя посланника, или по крайней мѣрѣ секретаря посольства. Что̀ касается до векселя Прокоповича, то онъ, вѣроятно, полученъ кѣмъ-нибудь другимъ. Надобно тебѣ знать, что во Франкфуртѣ, во время нашего пребыванія вмѣстѣ съ Жуковскимъ, завелся другой Жуковскій и другой Гоголь. Эти господа весьма часто получали наши письма. Какого бы рода ни былъ этотъ другой Гоголь, или не-Гоголь, воспользовавшійся деньгами, но онъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ безпутный и безденежный, стало быть, и теперь остался безпутнымъ и безденежнымъ; а потому взы-

скивать пришлось бы или съ несчастной семьи, или съ родственниковъ, чего Боже сохрани. Жуковскаго я просилъ разузнать, если можно, но не взыскивать. Ты видишь самъ: деньги эти были посланы противъ моего желанія, когда уже было сдѣлано имъ другое распоряженіе, а потому и не судьба была прійти имъ въ мои руки. Прокоповичу скажи, чтобы онъ объ этомъ не сокрушался: что́ случилось, то случилось. Скажи ему также, что у меня на душѣ не только нѣтъ противъ него какого-нибудь неудовольствія, но, напротивъ того, самое дружески-товарищественное расположеніе; потому грѣхъ будетъ ему, если онъ питаетъ противъ меня какое-нибудь неудовольствіе.

»Прошу тебя также сдѣлать мнѣ истинно дружескую услугу: посылать прямо по почтѣ въ письмѣ, вырвавши изъ журналовъ, листки, гдѣ говорится о моей книгѣ въ какомъ бы ни было смыслѣ и кѣмъ бы ни были они сказаны. Я хочу лучше заплатить подороже за пересылку, чѣмъ совсѣмъ не получить ихъ, или получить тогда, когда они не будутъ мнѣ нужны. Деньги, я полагаю, у тебя для этого будутъ отъ второго изданія, которое я просилъ [въ письмѣ, вѣроятно, доставленномъ уже тебѣ отъ Ар. Р***] напечатать, сходно съ первымъ, какъ можно поскорѣе, если настоятъ требованія отъ книгопродавцевъ. Жуковскій, который получилъ мою книгу, пишетъ, что въ ней множество опечатокъ. Пожалуйста похлопочи объ исправленія.«

15.

»Марта $^{15}/_{27}$ (1847). Неаполь.

»Давно не имѣю отъ тебя извѣстія, добрый другъ мой. [Я писалъ къ тебѣ еще не такъ давно, именно 6 марта.] Если тебя затруднили дѣла по моей книгѣ, то, повторяю тебѣ вновь, торопиться съ представленіемъ рукописныхъ статей не нужно, тѣмъ болѣе, что, во всякомъ случаѣ, полное изданіе книги не поспѣло бы прежде лѣта. Лучше получше выправить эти статьи, выбросить изъ нихъ все рѣзкое и оскорбляющее. Я просилъ кн. В**** въ письмѣ къ нему, которое, вѣроятно, вручилъ ему Р*** [оно было отъ 28 февр.], чтобы онъ, читая эти статьи, имѣлъ неотлучно въ своихъ мысляхъ то,

что писавшій ихъ есть не болѣе, какъ чиновникъ 8 класса, чтобы черезъ то видѣть лучше, гдѣ нужно облегчить жесткое выраженіе помѣщеніемъ необходимой оговорки, а гдѣ уничтожить вовсе иное заносчивое, ни въ какомъ случаѣ неприличное. Все можно сказать, что̀ есть правда, и тѣмъ болѣе та правда, которую я хочу сказать, но нужно созрѣть для того, чтобы умѣть ее сказать. И настоящей виной того, что̀ вооружаетъ противъ меня людей, есть не другое что̀, какъ незрѣлость моя.

»Я получилъ отъ Жуковскаго секунду векселя и въ то же время отъ нашего посланника изъ Франкфурта, Убриля, извѣстіе, что мнѣ будутъ выданы по немъ отъ здѣшняго банкира Ротшильда всѣ деньги, вслѣдствіе его переговоровъ съ его братомъ, франкфуртскимъ Ротшильдомъ. Но какъ странно и какъ видно, что мнѣ не судьба получить эти деньги! Ротшильдомъ здѣшнимъ овладѣло вдругъ сомнѣніе [хотя онъ уже приказалъ было мнѣ выдать деньги]. Всѣ справки, сдѣланныя во Франкфуртѣ и въ Гамбургѣ относительно незаплаты по первому векселю, показались ему недостаточны, и онъ попросилъ у меня времени вновь списаться съ Гамбургомъ: въ слѣдствіе чего я и просилъ его распорядиться такъ, чтобы этотъ вексель былъ изъ Гамбурга препровожденъ обратно къ Штиглицу, а Штиглицъ выдалъ бы деньги эти тебѣ. Ты ихъ держи у себя. У Прокопивича денегъ моихъ достаточно. Но объ этомъ дѣлѣ мы поговоримъ съ тобой потомъ.

»Дѣло, которое должно остаться между нами, совсѣмъ не такъ глупо, какъ кажется съ виду; но я надлежащимъ образомъ объяснилъ свою мысль.

»Не могу постигнуть, почему я до сихъ поръ не получилъ ни одной книги, ни моей, ни чужихъ, тогда какъ въ прошломъ году мнѣ случилось получить нѣсколько книгъ весьма скоро. Я помню, что получилъ чрезъ Л*** на имя А*** нѣсколько книжекъ въ полтора мѣсяца изворота. Теперь пишетъ Л*** А***ой, что онъ былъ у тебя именно съ тѣмъ, чтобы взять книги для меня, но я не получилъ ихъ. Видно, не судьба, мнѣ видѣть мою книгу и вообще читать вышедшія теперь у насъ книги. Пожалуйста посылай хотя въ письмѣ листки тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о чемъ-нибудь по поводу моей

книги. Не жалѣй на это денегъ: онѣ скоро должны у тебя вновь накопиться отъ второго изданія книги, которое я просилъ тебя произвести въ скорости по первому изданію, если проволочка по поводу включенныхъ и невключенныхъ статей окажется долгой, и которое просилъ тебя возложить на Р***, если тебѣ окажется невозможность заняться имъ самому. Но удивляетъ меня то, что ни отъ Р***, ни отъ всѣхъ тѣхъ людей и друзей, которые обѣщали мнѣ сообщать все, что̀ ни услышатъ изъ толковъ о моей книгѣ, не получилъ почти ни строки. Маршрутъ мой тебѣ уже извѣстенъ изъ письма моего отъ 6-го марта. Все, что̀ ни будетъ высылаться ко мнѣ съ первыхъ чиселъ мая, слѣдуетъ адресовать во Франкфуртъ на имя посольства, или Жуковскаго.

»Кстати: совѣтуй тѣмъ, которые страдаютъ нервами, ѣхать на морское купанье въ Остенде, которое рѣшительно лучшее изъ всѣхъ прочихъ и помогаетъ чудесно, а самая поѣздка туда необыкновенно легка. Изъ Петербурга можно прямо моремъ, не бравши съ собою экипажа, въ одну недѣлю достигнуть Остенде, или вплоть моремъ, или съ пересѣстомъ на желѣзную дорогу, что̀ не требуетъ тоже экипажа и хлопотъ. Изъ Остенде день ѣзды въ Парижъ по желѣзной дорогѣ и день ѣзды въ Лондонъ съ пароходомъ. А мнѣ бы хотѣлось очень переговорить, будучи въ Остенде, со многими изъ Русскихъ, и особенно съ тѣми, которые поумнѣй и могли бы мнѣ сообщить многое интересное. Прежняя моя дикость исчезла, и мнѣ теперь не трудно разговариваться.«

XXV.

Переписка Гоголя съ С.Т.Аксаковымъ по поводу »Переписки съ Друзьями«.— Суровый пріемъ книги.—Жалобы и оправданія Гоголя. — Письма къ критику.

Когда достигли слухи въ Москву о томъ, какая книга печатается въ Петербургѣ подъ именемъ автора »Мертвыхъ Душъ«, многіе

были изумлены, опечалены, раздражены въ высшей степени. Вотъ что́ разсказываетъ о себѣ С.Т.Аксаковъ:

»Въ концѣ 1846 года, во время жестокой моей болѣзнии, дошли до меня слухи, что въ Петербургѣ печатается »Переписка съ Друзьями«; мнѣ даже сообщили по нѣскольку строкъ изъ разныхъ ея мѣстъ. Я пришелъ въ ужасъ и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмое, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хоть на нѣсколько времени. На это письмо я получилъ отъ Гоголя отвѣтъ уже въ 1847 году. Вотъ онъ:

»Неаполь. 1847, генварь 20, нов. ст.

»Я получилъ ваше письмо, добрый другъ мой Сергѣй Тимофѣевичъ. Благодарю васъ за него. Все, что̀ нужно взять изъ него къ соображенiю, взято. Симъ бы слѣдовало и ограничиться, но, такъ какъ въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безпокойство обо мнѣ, то я считаю нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденiи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленiе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ неглупъ—вотъ и все. Причиной нынѣшнихъ вашихъ выводовъ и заключенiй обо мнѣ [сдѣланныхъ, какъ вами, такъ и другими] было то, что я, понадѣявшись на свои силы и на [будто бы] совершившуюся зрѣлость свою, отважился заговорить о томъ, о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придутъ въ такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вотъ вамъ вся исторiя моего мистицизма. Мнѣ слѣдовало еще нѣсколько времени поработать въ тишинѣ, еще жечь то, что̀ слѣдуетъ жечь, никому не говорить ни слова о внутреннемъ себѣ и не откликаться ни на что́, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ на счетъ сочиненiй моихъ. Отчасти неблагоразумныя подталкиванья со стороны ихъ, отчасти невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанья нахожусь, были причиной появленiя статей, такъ возмутившихъ духъ вашъ. Съ другой стороны, совершилось все это не безъ воли Божiей. Появленiе книги моей, содержащей переписку со многими замѣчательными людьми въ Рос-

сіи [съ которыми я бы, можетъ быть, никогда не встрѣтился, если-бы жилъ самъ въ Россіи и оставался въ Москвѣ] нужно будетъ многимъ, не смотря на всѣ непонятныя мѣста, во многихъ истинно существенныхъ отношеніяхъ. А еще болѣе будетъ нужно для меня самаго. На книгу мою нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Эти нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самаго* и покажутъ мнѣ въ то же время *васъ* то есть *моихъ читателей*. Не увидѣвши яснѣе, что́ такое въ настоящую минуту я самъ и что̀ такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло. Но это вамъ покуда не будетъ понятно; возьмите лучше это просто на вѣру: вы чрезъ то останетесь въ барышахъ. А чувствъ вашихъ отъ меня не скрывайте никакихъ. По прочтеніи книги, тотъ же часъ, покуда еще ничто не простыло, изливайте все наголо, какъ есть, на бумагу. Никакъ не смущайтесь тѣмъ, если у васъ будутъ вырываться жесткія слова: это совершенно ничего; я даже ихъ очень люблю. Чѣмъ вы будете со мной откровеннѣе и искреннѣе, тѣмъ въ большихъ останетесь барышахъ. Руку для того употребляйте первую, какая вамъ подвернется. Кто почетче и побойчѣе пишетъ, тому и диктуйте. Секретовъ у меня въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ— — —

»Другъ мой, вы не взвѣсили какъ слѣдуетъ вещи, и слова ваши вздумали подкрѣплять словами самаго Христа. Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во всѣ дѣла свои, помышленія и начинанія. Имъ осмыслилъ всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе— во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано.

»Но довольно съ васъ. Не позабудьте же: откровенность во всемъ, что́ ни относится въ мысляхъ вашихъ до меня.«

»Изъ этого отвѣта видно (говоритъ С.Т.Аксаковъ), что, если мое письмо и поколебало Гоголя, то онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться; а что онъ поколебался, это доказывается отмѣненіемъ нѣкоторыхъ распоряженій его, связанныхъ съ изданіемъ »Ревизора съ

Развязкой«. На нихъ я нападалъ всего болѣе, но объ этомъ говорить еще рано. Между тѣмъ мнѣ прочли кое-какъ два раза его книгу [я былъ еще боленъ и ужасно страдалъ]. Я пришелъ въ восторженное состояніе отъ негодованія и продиктовалъ къ Гоголю другое, небольшое, но жестокое письмо. Въ это время N*N*, въ письмѣ ко мнѣ, сдѣлалъ нѣсколько очень справедливыхъ замѣчаній. Я послалъ и его письмо вмѣстѣ съ своимъ къ Гоголю. Вотъ его отвѣтъ на оба письма:

»1847 г., 6 марта. Неаполь.

»Благодарю васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки; отъ нихъ хоть и чихнулось, по чихнулось во здравіе. Поблагодарите также добраго N*N* и скажите ему, что я всегда дорожу замѣчаньями умнаго человѣка, высказанными откровенно. Онъ правъ, что обратился къ вамъ, а не ко мнѣ. Въ письмѣ его есть точно нѣкоторая жесткость, которая была бы неприлична въ объясненіяхъ съ человѣкомъ, не очень коротко знакомымъ. Но этимъ самимъ письмомъ *къ вамъ* онъ открылъ себѣ теперь дорогу высказывать съ подобной откровенностью мнѣ самому все то, что̀ высказалъ вамъ. Поблагодарите также и милую супругу его за ея письмецо. Скажите имъ, что многое изъ ихъ словъ взято въ соображеніе и заставило меня лишній разъ построже взглянуть на самаго себя. Мы уже такъ странно устроены, что до тѣхъ поръ не увидимъ ничего въ себѣ, покуда другіе не наведутъ насъ на это. Замѣчу только, что одно обстоятельство не принято ими въ соображеніе, которое, можетъ быть, иное показало бы имъ въ другомъ видѣ; а именно: что человѣкъ, который съ такой жадностью ищетъ слышать все о себѣ, такъ ловитъ всѣ сужденія и такъ умѣетъ дорожить замѣчаніями умныхъ людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человѣкъ не можетъ находиться въ *полномъ* и *совершенномъ* самоослѣпленіи. А вамъ, другъ мой, сдѣлаю я маленькой упрекъ. Не сердитесь: уговоръ былъ принимать не сердясь взаимно другъ отъ друга упреки. Не слишкомъ ли вы уже положились на вашъ умъ и непогрѣшительность его выводовъ? Дѣлать *замѣчанія*—это другое дѣло; это имѣетъ право дѣлать всякой умной человѣкъ и даже просто вся-

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

кой человѣкъ. Но выводить изъ своихъ замѣчаній *заключеніе* обо всемъ человѣкѣ,—это есть уже нѣкотораго рода *самоувѣренность*. Это значитъ признать свой умъ вознесшимся на ту высоту, съ которой онъ можетъ обозрѣвать *со всѣхъ сторонъ* предметъ. Ну, что́ если я вамъ разскажу слѣдующую повѣсть?

»Поваръ вызвался угостить хорошимъ и даже необыкновеннымъ обѣдомъ тѣхъ людей, которые сами не бывали на кухнѣ, хотя и ѣли довольно вкусные обѣды. Поваръ самъ вызвался; ему никто не заказывалъ обѣда. Онъ сказалъ только впередъ, что обѣдъ его иначе будетъ сготовленъ, и потому потребуется больше времени. Что́ слѣдова́ло дѣлать тѣмъ, которымъ обѣщано угощеніе? Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ, давай кричать: »Подавай обѣдъ!« Поваръ говоритъ: »Это физически невозможно, потому что обѣдъ мой »совсѣмъ не такъ готовится, какъ другіе обѣды: для этого нужно »поднимать такую возню на кухнѣ, о которой вы и подумать не можете.« Ему въ отвѣтъ: »Врешь, братъ!« Поваръ видитъ, что нечего дѣлать, рѣшился наконецъ привести гостей своихъ на кухню, постаравшись, сколько можно было, разставить кастрюли и весь кухонный снарядъ въ такомъ видѣ, чтобъ изъ него хоть какое-нибудь могли вывести заключеніе объ обѣдѣ. Гости увидѣли множество такихъ странныхъ и необыкновенныхъ кастрюль и наконецъ такихъ орудій, о которыхъ и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались для пріуготовленія обѣда, что у нихъ закружилась голова.

»Ну, что́, если въ этой повѣсти есть маленькая частица правды? Другъ мой, вы видите, что дѣло покуда еще темно. Хорошо дѣлаетъ тотъ, кто снабжаетъ меня своими замѣчаніями, все доводитъ до ушей моихъ, упрекаетъ и склоняетъ другихъ упрекать, но самъ въ то же время не смущается обо мнѣ, а вмѣсто того тихо молится въ душѣ своей, да спасетъ меня Богъ отъ всѣхъ обольщеній и самоослѣпленій, погубляющихъ душу человѣка. Это лучше всего, что́ онъ можетъ для меня сдѣлать и, вѣрно, Богъ, за такія чистыя и жаркія молитвы, которыя суть лучшее благодѣяніе, какое можетъ сдѣлать на землѣ братъ брату, спасетъ мою душу даже и тогда, еслибъ невозвратно одолѣли ее всякія обольщенія.

»Но, покуда, прощайте. Передавайте мнѣ всѣ толки и сужденія,

какія откуда ни услышите — и свои, и чужіе — первыя, вторыя, третьи и четвертыя впечатлѣнія.«

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, послѣ этого письма, Гоголь получалъ ударъ за ударомъ отъ своихъ друзей и знакомыхъ. Долго онъ крѣпился и мужествовалъ; наконецъ силы его изнемогли, и вотъ одно изъ писемъ, выражающихъ крайнюю степень его изнеможенія. Оно было адресовано къ С. Т. Аксакову.

»1847. Франкфуртъ. Іюля 10-го.

»— — — Я къ вамъ не писалъ потому, что, во-первыхъ, вы сами не отвѣчали мнѣ на послѣднее письмо мое, а во-вторыхъ, потому, что вы, какъ я слышалъ, на меня за него разсердились. Ради самаго Христа, войдите въ мое положеніе, почувствуйте трудность его и скажите мнѣ сами, какъ мнѣ быть, какъ, о чемъ и что́ я могу теперь писать? Еслибъ я и въ силахъ былъ сказать слово искреннее—у меня языкъ не поворотится. Искреннимъ языкомъ можно говорить только съ тѣмъ, кто сколько-нибудь вѣритъ нашей искренности. Но если знаешь, что передъ тобою стоитъ человѣкъ, уже составившій о тебѣ свое понятіе и въ немъ утвердившійся, тутъ у найискреннѣйшаго человѣка онѣмѣетъ слово, не только у меня, человѣка, какъ вы знаете, скрытнаго, котораго и скрытность произошла отъ неумѣнья объясниться. Ради самаго Христа, прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострадущей душѣ,—изъ милосердія прошу васъ взойти въ мое положеніе, потому что душа моя изныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ. Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мною, не узнавши меня. Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съ ума отъ всей этой безтолковщины, этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями. Тутъ все изнеможетъ, что̀ ни есть въ тебѣ. Другъ мой, я изнемогъ,—вотъ все, что̀ могу

*

вамъ сказать теперь. Что́ же касается до неизмѣнности моихъ сердечныхъ отношеній, то скажу вамъ, что любовь, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, теперь доступнѣе душѣ. Если я люблю и хочу любить даже тѣхъ, которые меня не любятъ, то какъ я могу не любить тѣхъ, которые меня любятъ? Но я прошу васъ теперь не о любви. Не имѣйте ко мнѣ любви, но имѣйте хотя каплю милосердія, потому что положеніе мое, повторяю вамъ вновь, тяжело. Еслибы вы вошли въ него хорошенько, вы бы увидѣли, что мнѣ труднѣе, нежели всѣмъ тѣмъ, которыхъ я оскорбилъ. Другъ мой, я говорю вамъ правду.«

Что́ же касается до печатныхъ отзывовъ о »Перепискѣ съ Друзьями«, то ихъ появилось множество, и почти всѣ они строго осудили писателя, который до тѣхъ поръ былъ осыпаемъ самыми восторженными похвалами. Гоголь въ своей »Перепискѣ« такъ круто повернулъ въ сторону съ своей прежней литературной дороги, что всѣ считали себя вправѣ—хотя это очень странно—кричать ему изо всей силы, чтобъ онъ остановился и воротился на прежній путь. Неумѣренность тона критикъ глубоко оскорбила поэта, которому уже одинъ почти единодушный восторгъ, съ которымъ публика встрѣчала прежнія его сочиненія, давалъ право на почтительное съ нимъ обращеніе. Онъ горько на нихъ жаловался въ своей безыменной запискѣ 1847 года или—какъ она названа при изданіи—въ »Авторской Исповѣди,« и эти жалобы стоятъ того, чтобъ повторить ихъ.

»... предметомъ толковъ и критикъ стала не книга, а самъ авторъ. Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово, и всякъ наперерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ...... Меня изумило, когда люди умные стали дѣлать придирки къ словамъ, совершенно яснымъ, и, остановившись надъ двумя-тремя словами, стали выводить заключенія, совершенно противуположныя духу всего сочиненія. Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне земледѣльцы, озабоченные круглый годъ работой, вывести заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народ-

наго! Это показалось мнѣ странно,—тѣмъ болѣе, что я всю жизнь думалъ самъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что̀ прежде нужно подать народу. А покуда нѣтъ такихъ умныхъ книгъ, мнѣ казалось, что слово устное пастырей Церкви полезнѣй и нужнѣе для мужиковъ всего того, что́ можетъ сказать ему нашъ братъ, писатель. Сколько я себя ни помню, я всегда стоялъ за просвѣщеніе народное, но мнѣ казалось, что еще прежде, чѣмъ просвѣщеніе самаго народа, полезнѣй просвѣщеніе тѣхъ, которые имѣютъ ближайшее столкновеніе съ народомъ отъ которыхъ часто терпитъ народъ. Мнѣ казалось, наконецъ, гораздо болѣе требовавшимъ вниманія къ себѣ не сословіе земледѣльцевъ, но то мелкое сословіе, нынѣ увеличивающееся, которое вышло изъ земледѣльцевъ, которое занимаетъ разныя мелкія мѣста и, не имѣя никакой нравственности, не смотря на небольшую грамотность, вредитъ всѣмъ, затѣмъ чтобы жить на счетъ бѣдныхъ. Для этого-то сословія мнѣ казались наиболѣе необходимы книги умныхъ писателей, которые, почувствовавши сами ихъ долгъ, съумѣли бы имъ ихъ объяснить. А землепашецъ нашъ мнѣ всегда казался нравственнѣе всѣхъ другихъ и менѣе другихъ нуждающимся въ наставленіяхъ писателя. Тоже не менѣе страннымъ показалось мнѣ, когда изъ одного мѣста моей книги, гдѣ я говорю, что въ критикахъ, на меня нападавшихъ, есть много справедливаго, вывели заключеніе, что я отвергаю всѣ достоинства моихъ сочиненій и не согласенъ съ тѣми критиками, которые говорили въ мою пользу (¹) неловко же мнѣ самому говорить о своихъ достоинствахъ, да и съ какой стати? О недостаткахъ моихъ литературныхъ я заговорилъ потому, что пришлось кстати, по поводу психологическаго вопроса, который есть главный предметъ всей моей книги. Какъ же не соображать этихъ вещей? Не менѣе странно также изъ того, что я выставилъ ярко на видъ наши русскіе элементы, дѣлать выводъ,

(¹) »На »Завѣщаніе« не слѣдовало опираться. Въ немъ судишь себя строго, потому что готовишься предстать на судъ предъ Того, предъ Которымъ ни одинъ человѣкъ не бываетъ правъ.« *Прим. Гоголя.*

будто я отвергаю потребность просвѣщенія европейскаго и считаю ненужнымъ для Русскаго знать весь трудный путь совершенствованія человѣческаго. И прежде, и теперь мнѣ казалось, что русской гражданинъ долженъ знать дѣла Европы. Но я былъ убѣжденъ всегда, что, если, при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустимъ изъ виду свои русскія начала, то знанія эти не принесутъ добра, собьютъ, спутаютъ и разбросаютъ мысли, на мѣсто того, чтобы сосредоточить и собрать ихъ. И прежде и теперь я былъ увѣренъ въ томъ, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только съ помощію этого знанія можно почувствовать, что́ именно слѣдуетъ намъ брать и заимствовать изъ Европы, которая сама этого не говоритъ. Мнѣ казалось всегда, что прежде, чѣмъ вводить что-либо новое, нужно не какъ-нибудь, но въ корнѣ узнать старое; иначе—примѣненіе самаго благодѣтельнѣйшаго въ наукѣ открытія не будетъ успѣшно. Съ этой цѣлью я и заговорилъ преимущественно о старомъ.

»Словомъ — всѣ эти односторонніе выводы людей умныхъ и притомъ такихъ, которыхъ я вовсе не считалъ односторонними, всѣ эти придирки къ словамъ, а не къ смыслу и духу сочиненія, показываютъ мнѣ то, что никто не былъ въ спокойномъ расположеніи духа, когда читалъ мою книгу, что уже впередъ установилось какое-то предубѣжденіе, прежде чѣмъ она явилась въ свѣтъ, и всякой глядѣлъ на нее вслѣдствіе уже заготовленнаго впередъ взгляда, останавливаясь только надъ тѣмъ, что́ укрѣпляло его въ предубѣжденіи и проходя мимо все то, что̀ способно опровергнуть нредубѣжденія, а самаго читателя успокоить. Сила этого страннаго раздраженія была такъ велика, что даже разрушила всѣ тѣ приличія, которыя доселѣ еще сохранялись относительно писателя. Почти въ глаза автору стали говорить, что онъ сошелъ съ ума, и прописывали ему рецепты отъ умственнаго разстройства. Не могу скрыть, что меня еще болѣе опечалило, когда люди, также умные и притомъ нераздраженные, провозгласили печатно, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего новаго, что́ же и ново въ ней, то ложь, а не истина. Это показалось мнѣ жестоко. Какъ бы то ни было, но въ ней есть моя собственная исповѣдь, въ ней есть изліяніе и души, и сердца моего. Я еще не призналъ публично безчестнымъ

человѣкомъ, которому бы никакого довѣрія нельзя было оказывать. Я могу ошибаться, могу попасть въ заблужденіе, какъ и всякой человѣкъ; могу сказать ложь, въ томъ смыслѣ, какъ и всякъ человѣкъ есть ложь; но назвать все, что̀ излилось изъ души и сердца моего, ложью—это жестоко. Это несправедливо такъ же, какъ несправедливо и то, что въ книгѣ моей ничего нѣтъ новаго. Исповѣдь человѣка, который провелъ нѣсколько лѣтъ внутри себя, который воспитывалъ себя, какъ ученикъ, желая вознаградить хотя поздно за время, потерянное въ юности, и который притомъ не во всемъ похожъ на другихъ и имѣетъ нѣкоторыя свойства, ему одному принадлежащія, исповѣдь такого человѣка не можетъ не представить чего-нибудь новаго. Какъ бы то ни было, но въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшалась душа, нельзя такъ рѣшительно возвѣщать приговоръ. Тутъ и наиглубокомысленнѣйшій душевѣдецъ призадумается. Въ душевномъ дѣлѣ трудно и надъ человѣкомъ обыкновеннымъ произнести судъ свой. Есть такія вещи, которыя не подвластны холодному разсужденію, какъ бы уменъ ни былъ разсуждающій, — которыя постигаются только въ минуты тѣхъ душевныхъ настроеній, когда собственная душа наша расположена къ исповѣди, къ обращенію на себя, къ охужденію себя, а не другихъ. Словомъ, въ этой рѣшительности, съ какою былъ произнесенъ этотъ приговоръ, мнѣ показалась больше самоувѣренность судившаго — въ умѣ своемъ и въ верховности своей точки воззрѣнія.

»Въ заключеніе всего, я долженъ замѣтить, (что) сужденія большею частію были слишкомъ уже рѣшительны, слишкомъ рѣзки, и всякъ, укорявшій меня въ недостаткѣ смиренія истиннаго, не показалъ смиренія относительно самаго себя. Положимъ, я въ гордости своей, основавшись на многихъ достоинствахъ, мнѣ приписанныхъ всѣми, могъ подумать, что я стою выше всѣхъ и имѣю право произносить судъ надъ другими. Но, на чемъ основываясь, могъ судить меня рѣшительно тотъ, кто не почувствовалъ, что онъ стоитъ выше меня? Какъ бы это ни было, но, чтобы произнести полный судъ надъ кѣмъ бы то ни было, нужно быть ваше того, котораго судишь. Можно дѣлать замѣчанія по частямъ на то и на другое, можно давать и мнѣнія, и совѣты, но выводы основывать на этихъ мнѣніяхъ обо

всемъ человѣкѣ, объявлять его рѣшительно помѣшавшимся, сошедшимъ съ ума, называть лжецомъ и обманщикомъ, надѣвшимъ личину набожности, приписывать подлыя и низкія цѣли, — это такого рода обвиненія, которыхъ я бы не въ силахъ былъ взвести даже на отъявленнаго мерзавца, заклейменнаго клеймомъ всеобщаго презрѣнія. Мнѣ кажется, что прежде, чѣмъ произносить такія обвиненія, слѣдовало бы хотя сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о томъ, каково было бы намъ самимъ, еслибы такія обвиненія обрушились на насъ публично, въ виду всего свѣта. Не мѣшало бы подумать, прежде, чѣмъ произносить такія обвиненія: не ошибаюсь ли я самъ? вѣдь я тоже человѣкъ. Дѣло тутъ душевное. Душа человѣка — кладязь, не для всѣхъ доступный, и на видимомъ сходствѣ нѣкоторыхъ признаковъ нельзя основываться. Часто и найискуснѣйшіе врачи принимали одну болѣзнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрывали уже мертвый трупъ.....

Не могу не признаться, что вся эта путаница и недоразумѣнія были для меня очень тяжелы, — тѣмъ болѣе, что я думалъ, что въ книгѣ моей скорѣе зерно примиренія, а не раздора. Душа моя изнемогала отъ множества упрековъ: изъ нихъ многіе были такъ страшны, что не дай ихъ Богъ никому получать. Не могу не изъявить также и благодарности тѣмъ, которые могли бы также осыпать меня за многое упреками, но которые, почувствовавъ, что ихъ уже слишкомъ много для немощной натуры человѣка, рукой скорбящаго брата приподымали меня, повелѣвая ободриться. Богъ да вознаградитъ ихъ: я не знаю выше подвига, какъ подать руку изнемогшему духомъ.«

Такъ дорого обошлась Гоголю его »Переписка съ Друзьями», эта книга, въ которой онъ, изъ любви къ ближнимъ, рѣшился показать себя имъ безъ театральной одежды лиричечкаго и комическаго писателя! И кто, читая замогильныя жалобы Гоголя, не »содрогнется«, какъ онъ говорилъ, »душою«? Многіе ли изъ насъ, подобно издателю »Переписки съ Друзьями«, остались, при ея появленіи, въ почтительномъ молчаніи касательно внутреннѣйшаго ея смысла? Намъ теперь грустно за тогдашнее время, и, въ грусти своей, мы готовы по-

вторять то, что было высказано съ благородною искренностію С.Т. Аксаковымъ:

»Поразили меня эти двѣ статьи (»Предисловіе« и »Завѣщаніе« въ »Перепискѣ съ Друзьями«). Больно и тяжело вспомнить неумѣренность порицаній, возбужденныхъ ими во мнѣ и другихъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что онѣ рано были напечатаны. Вѣроятно, такое дѣйствіе произведутъ теперь обѣ статьи и на другихъ людей, которые такъ же, какъ и я, были недовольны этою книгою, и особенно печатнымъ завѣщаніемъ живого человѣка. Смерть все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе.« (1)

Живя за границею, Гоголь не могъ читать всѣхъ русскихъ газетъ и журналовъ; но онъ просилъ своихъ корреспондентовъ вырѣзывать изъ книгъ и газетныхъ листовъ все, что о немъ печатается, и высылать ему. Онъ не пренебрегалъ критикою и самаго ничтожнаго газетнаго щелкопера, особенно если она была направлена противъ него. Онъ говорилъ, что злость заставляетъ человѣка напрягать весь свой умъ, чтобъ отыскать въ сочиненіи какой-нибудь недостатокъ, и что по этому критика озлобленнаго человѣка бываетъ иногда для автора полезнѣе похвалъ. Въ чемоданѣ Гоголя, остававшемся за границей въ квартирѣ Жуковскаго, найдена цѣлая кипа рецензій, вырѣзанныхъ изъ разныхъ періодическихъ изданій. Онъ не только находилъ время читать ихъ, но нѣкоторыя даже списывалъ собственною рукою очень тщательно (2).

Одна журнальная рецензія на »Переписку съ Друзьями« заняла его умъ больше другихъ. Онъ, кажется, былъ знакомъ съ критикомъ лично, былъ даже съ нимъ нѣкоторое время въ перепискѣ; ему стало жаль, что человѣкъ, который могъ бы приносить пользу, занявшись своимъ прямымъ дѣломъ,—сбивается съ дороги отъ излиш-

(1) »Московскія Вѣдомости« 1852 года, № 32, »Письмо къ Друзьямъ Гоголя«.

(2) Такъ списанъ имъ разборъ »Мертвыхъ Душъ« П.А. Плетнева о которомъ онъ освѣдомлялся у него, въ письмѣ отъ 28-о ноября, 1842.

няго увлеченія идеями, невходившими въ область изящнаго, — и онъ написалъ къ нему слѣдующее письмо.

»Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ — — не потому, чтобы мнѣ прискорбно было униженіе, въ которое вы хотѣли меня поставить въ виду всѣхъ, но потому, что въ немъ слышенъ голосъ человѣка, на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить четовѣка, даже нелюбящаго меня, тѣмъ болѣе васъ, который — думалъ я—любилъ меня. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги. Какъ же вышло, что на меня разсердились всѣ до единаго въ Россіи? Этого, покуда, я еще не могу понять. Восточные, западные, нейтральные — всѣ огорчились. Это правда, я имѣлъ въ виду небольшой щелчокъ каждому изъ нихъ, считая это нужнымъ, испытавши надобность его на собственной кожѣ [всѣмъ намъ нужно побольше смиренія]; но я не думалъ, чтобъ щелчокъ мой вышелъ такъ грубо неловокъ и такъ оскорбителенъ. Я думалъ, что мнѣ великодушно простятъ все это и что въ книгѣ моей зародышъ примиренія всеобщаго, а не раздора. Вы взглянули на мою книгу глазами человѣка разсерженнаго, а потому почти все приняли въ другомъ видѣ. Оставьте всѣ тѣ мѣста, которыя, покамѣсть, еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ, и обратите вниманіе на тѣ мѣста, которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку, и вы увидите, что вы ошиблись во многомъ.

»Я не даромъ молилъ всѣхъ прочесть мою книгу нѣсколько разъ, предугадывая впередъ всѣ недоразумѣнія. Повѣрьте, что не легко судить о книгѣ, гдѣ замѣшалась собственная душевная исторія автора, скрытно и долго жившаго въ самомъ себѣ и страдавшаго неумѣньемъ выразиться. Не легко также было и рѣшиться на подвигъ выставить себя на всеобщій позоръ и посмѣяніе, выставивши часть той внутренней своей исторіи, настоящій смыслъ которой не скоро почувствуется. Уже одинъ такой подвигъ дожленъ былъ бы заставить мыслящаго человѣка задуматься и, не торопясь подачею своего голоса о ней, прочесть ее въ различные часы душевнаго расположенія, болѣе спокойнаго и болѣе настроеннаго къ собственной исповѣди, потому что только въ такія минуты душа способна понимать душу, а

въ книгѣ моей дѣло души. Вы бы не сдѣлали тогда тѣхъ оплошныхъ выводовъ, которыми наполнена ваша статья. Какъ можно, на примѣръ, изъ того, что я сказалъ, что въ критикахъ, говорившихъ о недостаткахъ моихъ, есть много справедливого, вывести заключенiе, что критики, говорившiя о достоинствахъ моихъ, несправедливы? Такая логика можетъ присутствовать только въ головѣ разсерженнаго человѣка, ищущаго только того, что́ способно раздражать его, а не оглядывающаго предметъ спокойно со всѣхъ сторонъ. Я долго носилъ въ головѣ, какъ заговорить о критикахъ, которые говорили о достоинствахъ моихъ и которые, по поводу моихъ сочиненiй, распространили много прекрасныхъ мыслей объ искуствѣ; я безпристрастно хотѣлъ опредѣлить достоинство каждаго и оттѣнки эстетическаго чутья, которымъ болѣе или менѣе одаренъ былъ каждый; я выжидалъ только времени, когда мнѣ можно будетъ сказать объ этомъ, или, справедливѣе, когда мнѣ прилично будетъ сказать объ этомъ, чтобы не говорили потомъ, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной цѣлью, а не чувствомъ безпристрастiя и справедливости. Пишите критики самыя жестокiя, прибирайте всѣ слова, какiя знаете, на то, чтобъ унизить человѣка, способствуйте къ осмѣянiю меня въ глазахъ вашихъ читателей, не пожалѣвъ самыхъ чувствительныхъ струнъ, можетъ быть, нѣжнѣйшаго сердца,—все это вынесетъ душа моя, хотя и не безъ боли и не безъ скорбныхъ потрясенiй; но мнѣ тяжело, очень тяжело—говорю вамъ это искренно — когда противъ меня питаетъ личное озлобленiе даже и злой человѣкъ. А васъ я считалъ за добраго человѣка. Вотъ вамъ искреннее излiянiе моихъ чувствъ.«

Но критикъ, видно, далекъ былъ отъ »кроткой мудрости«, которая, по Апостолу, доказывается »на самомъ дѣлѣ, добрымъ поведенiемъ« (¹). Онъ отвѣчалъ Гоголю въ выраженiяхъ, на которыя ничто не давало ему права. Это видно изъ возраженiй Гоголя, сохранившихся между его бумагами въ мелкихъ клочкахъ, изъ которыхъ,

(¹) Iоак. III, 13.

многіе потеряны, такъ что изъ нихъ съ трудомъ можно было составить только нѣсколько отрывковъ. Эти отрывки изъ письма, написаннаго Гоголемъ начерно, потомъ изорваннаго и уцѣлѣвшаго только случайно (и то, какъ уже сказано, не вполнѣ), показываютъ, что Гоголь намѣренъ былъ сперва оправдываться передъ однимъ человѣкомъ въ обидныхъ обвиненіяхъ, которыя посылались на него со всѣхъ сторонъ, но потомъ, разсудивъ, вѣроятно, что этимъ принесетъ мало пользы своему дѣлу, перемѣнилъ форму своихъ »оправдательныхъ статей« и изложилъ ихъ въ особой запискѣ, которой не успѣлъ еще дать заглавія ([1]). Таково происхожденіе этого важнаго источника для составленія коментаріевъ къ произведеніямъ Гоголя, для составленія его задушевной его характеристики и его литературнаго образа. Сложенные и прочитанные мною лоскутки изорваннаго Гоголемъ письма къ критику интересны для насъ еще въ томъ отношеніи, что представляютъ много новыхъ мыслей и намековъ на мысли, невошедшихъ въ »Авторскую Исповѣдь«, и служатъ объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея. Помѣщаю здѣсь отрывки изъ этого письма.

»Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо, если не съ вашихъ же словъ: »Опомнитесь, вы стоите на краю бездны«! Какъ далеко вы сбились съ прямаго пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу! какъ вы ее истолковали!.. О, да внесутъ святыя силы миръ въ вашу страждущую душу! Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную, мирную дорогу? Что̀ могло быть прекраснѣе, какъ показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманья всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ нихъ сочувствія и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души? Дорога эта привела бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ. А теперь уста ваши дышатъ желчью

([1]) Вѣроятно онъ, откладывалъ на дальнѣйшее время окончательную ея редакцію. См. объ этой запискѣ ниже, въ письмѣ отъ 10 іюня, 1847.

Народного Просвещения

и ненавистью.... Зачѣмъ вамъ, вамъ, съ вашею пылкою душою, вдаваться въ этотъ омутъ политической (жизни) въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго (ума) теряется? Какъ же съ вашимъ одностороннимъ, пылкимъ какъ порохъ умомъ, уже вспыхивающимъ прежде, чѣмъ еще успѣли узнать, что̀ истина, а что̀ (ложь), какъ вамъ не потеряться? Вы сгорите, какъ свѣчка и другихъ сожжете..... О, какъ сердце мое ноетъ въ эту минуту за васъ! Что̀, если и я виноватъ? что̀, если и мои сочиненія послужили вамъ къ заблужденію? Но нѣтъ, какъ ни разсмотрю всѣ прежнія сочиненія (мои), вижу что они не могли (соблазнить васъ).— — Когда я писалъ ихъ, я благоговѣлъ передъ (всѣмъ, передъ) чѣмъ человѣкъ долженъ благоговѣть. Насмѣшки и нелюбовь слышались у меня не надъ властью, не надъ коренными законами нашего государства, но надъ извращеньемъ, надъ уклоненьемъ, надъ неправильными толкованьями, надъ дурнымъ (приложеніемъ ихъ). Нигдѣ не было у меня насмѣшки надъ тѣмъ, что̀ составляетъ основанье русскаго характера и его великія силы. Насмѣшка была только надъ мелочью, несвойственной его характеру. Моя ошибка въ томъ, что я мало обнаружилъ русскаго человѣка, я не развергнулъ его, не обнажилъ до тѣхъ великихъ родниковъ, которые хранятся въ его душѣ. Но это не легкое дѣло. Хотя я и больше наблюдалъ за русскимъ человѣкомъ, хотя мнѣ могъ помогать нѣкоторый даръ ясновидѣнья, но я не былъ ослѣпленъ собой, глаза у меня были ясны. Я видѣлъ, что я еще не зрѣлъ для того, чтобы бороться съ событьями выше тѣхъ, какія доселѣ были въ моихъ сочиненіяхъ, и съ характерами сильнѣйшими. Все могло показаться преувеличеннымъ и напряженнымъ. Такъ и случилось съ этой моей книгой, на которую вы такъ напали. Вы взглянули на нее распаленными глазами, и все вамъ представилось въ ней въ другомъ видѣ. Вы ее не узнали. Не стану защищать мою книгу. Я самъ на нее напалъ и нападаю. Она была издана въ торопливой поспѣшности, несвойственной моему характеру, разсудительному и осмотрительному. Но движеніе было честное. Никому я не хотѣлъ его польстить, или покадить. Я хотѣлъ только остановить нѣсколько пылкихъ головъ, готовыхъ закружиться и потеряться въ этомъ омутѣ и безпорядкѣ, въ

какомъ вдругъ очутились всѣ вещи міра, когда внутренній духъ сталъ померкать, какъ-бы готовый погаснуть. Я попалъ въ излишества, но—говорю вамъ—я этого даже не замѣтилъ. Своекорыстныхъ же цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе (теперь, когда мнѣ) пора подумать о смерти...... Ничего не хотѣлъ (я) ею выпрашивать. Это не въ моей натурѣ. Слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными. Вспомнили бъ вы по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобъ легче было разставаться съ міромъ. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца..... Вы извиняете себя (тѣмъ, что вы писали) въ гнѣвномъ расположеніи духа. Но въ какомъ же (расположеніи духа) вы рѣшаетесь говорить (неуважительно о такихъ) важныхъ предметахъ (какъ)...?— — —

»Какъ странно мое положеніе, что я долженъ защищаться противъ тѣхъ нападеній, которыя всѣ направлены не противъ меня и не противъ моей книги. Вы говорите, что вы прочли будто сто разъ мою книгу, тогда какъ ваши же слова говорятъ, что вы ее не читали ни разу. Гнѣвъ отуманилъ глаза вамъ и ничего не далъ вамъ увидѣть въ настоящемъ смыслѣ. Блуждаютъ кое-гдѣ блестки правды посреди огромной кучи софизмовъ и необдуманныхъ юношескихъ увлеченій. Но какое невѣжество!— — ту самую церковь (и тѣхъ самыхъ) пастырей, которые мученичествомъ своей смерти запечатлѣли истину всякаго слова Христова, которые тысячами гибли подъ ножами и мечами убійцъ, молясь о нихъ, и наконецъ утомили самихъ палачей, такъ что побѣдители упали къ ногамъ побѣжденныхъ, и весь міръ исповѣдалъ.... И этихъ самыхъ пастырей, этихъ мучениковъ епископовъ, (которые) вынесли на плечахъ святыню Церкви, вы — —? Опомнитесь, куда вы зашли?— — Да я, когда былъ еще въ гимназіи, я и тогда не восхищался Вольтеромъ. У меня тогда было на столько ума, чтобъ видѣть въ Вольтерѣ ловкаго остроумца, но далеко не глубокаго человѣка. Вольтеромъ не могли восхищаться

ни Пушкинъ, ни Суворовъ, ни всѣ сколько-нибудь полные умы. Вольтеръ, не смотря на всѣ блестящія замѣтки, остался тотъ же Французъ, который увѣренъ, что можно говорить обо всѣхъ предметахъ высокихъ шутя и легко.— — —

»Нельзя, получа легкое журнальное образованіе, (судить) о такихъ предметахъ. Нужно для этого изучить исторію Церкви. Нужно съизнова прочитать съ размышленіемъ всю исторію человѣчества въ источникахъ, а не въ нынѣшнихъ легкихъ брошюркахъ, (написанныхъ) Богъ вѣсть кѣмъ. Эти поверхностныя (энциклопед)ическія свѣдѣнія разбрасываютъ умъ, а не сосредоточиваютъ его.

»Что́ мнѣ сказать вамъ на рѣзкое замѣчаніе (о) русско(мъ) мужик(ѣ)— — замѣчаніе, которое вы съ такою самоувѣренностію произносите, какъ-будто вѣкъ обращались съ русскимъ мужикомъ? Что́ мнѣ тутъ говорить, когда такъ краснорѣчиво говорятъ тысячи церквей и монастырей, покрывающихъ..... которые они строятъ не дарами богатыхъ, но бѣдными лептами неимущихъ?— — Нѣтъ, нельзя судить о Русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными (статейками) тѣхъ французскихъ..... такъ пристрастно — — Позвольте также сказать, что я болѣе предъ вами имѣю права заговорить (о Русскомъ) народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ знаніе природы русскаго человѣка, (какъ въ писателѣ), который былъ съ народомъ наблюд(ателенъ и, можетъ) быть, уже имѣетъ даръ входить..... что́ подтвердили (и вы) въ вашихъ критикахъ. А что̀ же *вы* представите въ доказательство вашего знанія..... природы Русскаго народа? Что́ вы произвели такого, въ которомъ видно......? Предметъ (этотъ) великъ, и объ этомъ я могъ бы вамъ (написать цѣлыя) книги. Вы бы устыдились сами того грубаго смысла, который вы придали совѣтамъ моимъ помѣщику. Какъ эти совѣты ни..... но въ нихъ нѣтъ протеста противу грамотности..... развѣ протестъ противъ развращенія (народа Русск)аго грамотою, на мѣсто того, что грамата намъ дана, чтобъ стремить къ высшему свѣту человѣка. Отзывы ваши о помѣщикѣ вообще отзываются временами Фонъ-Визина. Съ тѣхъ поръ много, много измѣнилось въ Россіи, и теперь показалось многое другое. — — Не стыдно ли вамъ въ уменьшительныхъ именахъ нашихъ, которыя

даемъ мы иногда и товарищамъ, видѣть.....? Вотъ до какихъ ребяческихъ выводовъ доводитъ невѣрный взглядъ на главный предметъ!

»Еще изумила меня эта отважная самонадѣянность, съ которою вы говорите, что »Я знаю общество наше и духъ его«. Какъ можно ручаться за этотъ ежеминутно мѣняющійся хамелеонъ? Какими данными вы можете удостовѣрить, что знаете общество? Гдѣ ваши средства къ тому? Показали ли вы гдѣ-нибудь въ сочиненьяхъ своихъ, что вы глубокій вѣдатель души человѣка? Живя почти безъ прикосновенья съ людьми и свѣтомъ, ведя мирную жизнь журнальнаго сотрудника, во всегдашнихъ занятіяхъ фельетонными статьями, какъ вамъ имѣть понятіе объ этомъ громадномъ страшилищѣ, которое..... данными явленіями..... въ ту ловушку, въ которую (попадаютъ) всѣ молодые писатели (разсуждающіе обо) всемъ мірѣ и человѣчествѣ, тогда какъ (довольно) заботъ намъ и вокругъ себя. Нужно (прежде всего) ихъ исполнить; тогда общество (само) собою пойдетъ хорошо. А если (пренебрежемъ) свои обязанности относительно лицъ..... за обществомъ..... такъ же точно. Я (встрѣчалъ) въ послѣднее время много прекрасныхъ людей (которые) совершенно сбились на этомъ........

»Многіе, видя, что общество идетъ дур(ной дорогой), что порядокъ дѣлъ безпрестанно запутывается, думаютъ, что преобразованьями и реформами, обращеньемъ на такой и на другой ладъ можно поправить міръ. Другіе думаютъ, что посредствомъ какой-то особенной, довольно посредственной литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подѣйствовать на воспитаніе общества. Мечты! кромѣ того, что прочитанная книга лежитъ........ Плоды если происходятъ, то вовсе не тѣ, о которыхъ думаетъ авторъ, а чаще такіе, отъ которыхъ онъ съ испугомъ отскакиваетъ самъ...... Общество образуется само собою, слагается изъ единицъ...... единица исполнила долж.... (Пускай) вспомнитъ человѣкъ, (что) онъ вовсе не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда (каждый) сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство.

»(Вы) говорите—— Нѣтъ, Россія... помолилась въ 1612, и спас-

ла отъ Поляковъ; она помолилась въ 1812, и спасла отъ Французовъ. Или это вы называете молитвою, что одна тысячная молиться, а всѣ прочіе кутятъ..... съ утра до вечера на всякихъ зрѣлищахъ, закладывая послѣднее свое имущество, чтобы насладиться всѣмъ комфортомъ, которымъ надѣлила насъ эта б.... европейской цивилизаціи...

»Нѣтъ, оставимъ..... Будемъ исполнять (свое) дѣло честно. (Будемъ) стараться, чтобъ не зарыть въ землю талантовъ. Будемъ отправлять свое ремесло. Тогда все будетъ хорошо, и состоянье (общества) поправится само собою. — — — Владѣльцы разъѣдутся по помѣстьямъ. Чиновники увидятъ что не нужно жить богато, перестанутъ..... А честолюбецъ, увидя, что важныя мѣста не награждаютъ ни деньгами и богатымъ жалованьемъ..... ни вы, ни я не рождены..... Позвольте мнѣ напомнить (вамъ) прежнюю вашу дорогу. Литераторъ сущ..... Онъ долженъ служить искусству... вносить въ души міра примиреніе... а не вражду... Начните ученье. Примритесь за тѣхъ поэтовъ и мудрецовъ, которые воспитываютъ душу. Журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу, и вы замѣчаете наконецъ пустоту въ себѣ. Вспомните, что вы учились кое-какъ, не кончили даже университетскаго курса. Вознаградите (это) чтеньемъ большихъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ..... совращающимъ съ прямого взгляда.

» . «

XXVI.

Благосклонные отзывы о »Перепискѣ съ Друзьями«.—Письма о ней Гоголя къ Ф.Ф.В***, Н.Н.Ш***, А. С. Данилевскому, князю В.П.Л**, П. А. Плетневу и отцу Матвѣю.

Не одни, однакожъ, порицанія встрѣтилъ Гоголь на новомъ литературномъ пути своемъ. Кромѣ печатныхъ благосклонныхъ отзывовъ о »Перепискѣ съ Друзьями«, онъ получалъ письма отъ незнакомыхъ съ нимъ лично людей, съ привѣтствіями и выраженіями глубокаго уча-

стія. Объ нихъ-то, вѣроятно, говоритъ онъ , что они »приподымали его рукой скорбящаго брата« и »подавали руку изнемогшему духомъ.« Вотъ что писалъ къ автору »Переписки съ Друзьями« Ф.Ф.В**:

»— — Не могу описать восторговъ, съ которыми смотрѣлъ на Гоголя! Я смѣялся надъ тѣми, которые сравнивали его съ Гомеромъ. Теперь я каюсь въ томъ, признавая въ нихъ великій даръ предчувствія, предвидѣнія, хотя сравненіе ихъ въ глазахъ моихъ нѣсколько сохраняетъ еще свою преувеличенность. Гоголь былъ доселѣ вѣрный наблюдатель нравовъ, искусный ихъ живописецъ, остроумный и оригинальный авторъ; но какъ все это далеко отъ необыкновеннаго мужа, умѣвшаго соединить въ себѣ глубокую мудрость съ пламенной поэзіей души! Святость и геройство христіанина и патріота, которыми онъ, кажется, весь проникнутъ, превыше таланта, превыше даже генія, котораго, впрочемъ, въ сей книжкѣ , даетъ онъ несомнѣнныя доказательства. Меня увѣряли, что тутъ гордость болѣе видна, чѣмъ смиреніе. Это не совсѣмъ справедливо. Правда, и она мѣстами высказывается, но въ этомъ-то несовершенствѣ вся и прелесть сочиненія. Я смотрѣлъ на него, какъ на изнеможеніе , какъ на остатокъ слабости послѣ сильной борьбы и побѣды надъ собою. И что̀ за мысли, и какая ихъ выразительность! Съ фейерверкомъ сравнить ихъ мало ! Въ нихъ нѣчто молніи подобное. Читая, право, какъ-будто ослѣпленный свѣтомъ и оглушенный громами; глазамъ и слуху надобно привыкнуть къ его слогу. — —

»Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте мнѣ изъявить вамъ, господинъ Гоголь, сожалѣніе о томъ, что въ вашемъ прекрасномъ твореніи есть мѣста, на которыя съ большою основательностію имѣютъ они право нападать. Напримѣръ, какъ можно въ глаза, или въ письмѣ, что̀ все равно, грозить почтенному старцу, вами уважаемому, вами же вездѣ достойно прославляемому , названіемъ гадкаго старичишки, если онъ не воздержится отъ негодованія? Не хорошо, какою бы короткостію ни почтилъ онъ васъ, сей незлобивый, безобидный великій поэтъ. Не будемте слишкомъ пренебрегать приличіями свѣта. Источникъ учтивости между новѣйшими народами находится въ христіанскомъ законѣ, который поучаетъ насъ не оскорблять самолюбіе брата, съ осторож-

ностію говорить ему полезныя истины, не раздражать его, а скорѣе смягчать его гнѣвъ ласковымъ словомъ. Древніе народы, до Христа, знали только лесть, подлость, или грубость. Вотъ почему, кажется, надлежало бы вамъ говорить съ большею умѣренностію и о мнимомъ неряшествѣ и растрепанности слога почтеннаго Погодина. Какъ вы на это рѣшились? особенно, когда, среди безчисленныхъ красотъ, вами созданныхъ, нерѣдко встрѣчаются или лайковые штаны, или что-нибудь, тому подобное. Позвольте изъ васъ же взять тому сравненіе. Это напоминаетъ тѣ засаленныя бумажки, которыя валяются въ гостинной, гдѣ все блеститъ позолотой, зеркалами и лакомъ паркетовъ, о которыхъ вы говорите. Простите мнѣ: никакого орудія, вами поданнаго, не хотѣлось бы мнѣ видѣть въ рукахъ новыхъ враговъ вашихъ.

»Воротимтесь къ нимъ. Именъ ихъ я не знаю, или, въ уединеніи моемъ, давно ихъ позабылъ. Люди, которые достойны теперь понимать васъ, которые сочувствуютъ вамъ, которые раздѣляютъ со мною восхищенное удивленіе къ произведенію вашему, сказывали мнѣ, что всѣ эти враги были недавно великими почитателями, даже обожателями вашими. Когда, въ первой молодости, создали вы себѣ идеалъ совершенства, и начали искать его между вашими соотчичами, когда вмѣсто того, встрѣчали вы часто множество гнусныхъ пороковъ и, вооруживъ руку вашу огромнымъ хлыстомъ, перевитымъ колючимъ терніемъ, съ ожесточеніемъ, безъ милосердія, стали стегать въ нихъ— тогда эти люди съ остервененіемъ вамъ рукоплескали. Чтó побуждало ихъ къ тому? любовь ли къ родинѣ, коей сынамъ чаяли они отъ того избавленія? ненависть ли къ ней за неудачи свои, въ коихъ, право, не она, а природа ихъ была виновата? Невольно надобно придержаться послѣдняго мнѣнія, ибо, сколь тщательно убѣгали они отъ всякихъ сношеній, даже отъ простыхъ встрѣчъ съ писателями добрыми, умными, восторженными, которыхъ вся жизнь была любовь и гимнъ отечеству, столь усердно искали они сближенія со всѣми отъявленными Руссофагами ([1]), въ числѣ коихъ и вы были ими помѣщены. Блескъ необыновеннаго ума вашего ихъ восхитилъ, они въ

([1]) Т. е. Руссоѣдами. *Н. М.*

состоянiи были понять, даже оцѣнить его, особенно же всю ѣдкость вашей тогда неумолимой , чудесной—какъ бы не сказать изящной—злости. Долго, долго близорукiе ихъ очи любовались доступными ихъ зрѣнiю, всѣми признанными великими литературными вашими достоинствами. Они гордились вами; они уже почитали васъ своимъ; какъ вдругъ вамъ вздумалось швырнуть въ нихъ небольшимъ, но для нихъ не менѣе тяжелымъ, томомъ, на которомъ какъ - будто написано: »Не нашимъ«. И въ то же время, съ быстротою фузеи отдѣлившись отъ ихъ взоровъ, вознеслись вы въ нѣчто для нихъ заоблачное, на вершину недосягаемаго для нихъ Ѳавора. Чтó можетъ сравниться съ ихъ изумленiемъ?

»Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая«.

какъ влюбленная Черкешенка Пушкина, стояли они и не вдругъ могли опомниться. Наконецъ опомнились и ни какъ уже не умѣя объяснить себѣ причину столь страшной перемѣны , заскрежетавъ зубами, пустились обвинять васъ, кто въ лицемѣрiи, кто въ поврежденiи ума.

»Все это преданiе, или просто современный разсказъ, до меня нечаянно дошедшiй, коему, хотя и передаю его вамъ, я не совсѣмъ вѣрю, тѣмъ болѣе , что упоминаемыя здѣсь лица мнѣ вовсе незнакомы. До нѣкоторой степени они въ глазахъ моихъ извинительны. Какъ вѣрить тому, чего не понимаешь? Вотъ почему и я плохо, плохо вѣрю озлобленiю людей за великiй, умилительный подвигъ сердечнаго раскаянiя, за краснорѣчивое, увлекательное изображенiе истинъ, поучаемыхъ нашею матерью, православной Церквой, за выраженiе нѣжнѣйшей сыновней любви къ нашему великому отечеству? Но если правда все, сказанное мнѣ, если дѣйствительно сiи несчастные — — васъ дерзаютъ называть отступникомъ, тогда... о русской Богъ! прости прегрѣшенiе ихъ: не вѣдаютъ, чтò врутъ. — — — О, еслибъ сердца этихъ людей получили способность къ воспрiятiю двойнаго небеснаго огня, коимъ вы объяты ! еслибъ хотя одна искра его туда къ нимъ заронилась! Совершенное перерожденiе ихъ было бы того послѣдствiемъ. Всѣ мелочи пустого, жалкаго ихъ самолюбiя отстали бы отъ нихъ, какъ шелуха засохшихъ струпьевъ отпадаетъ отъ исцѣлен-

ной кожи. Не улыбки львицъ, здѣсь такъ расплодившихся, не ничтожная честь показываться въ ихъ салонахъ, а любовь и уваженіе въ толпѣ скрывающихся достойныхъ согражданъ были бы ихъ наградою. Почтенныя имена, пріобрѣтаемыя одними истинными заслугами и полезными трудами, сдѣлали бы ихъ болѣе извѣстными современникамъ и, можетъ быть, потомству. По ходу дѣлъ, можно предсказать, что оно будетъ судить иначе. Не возможно, чтобъ все оставалось, какъ нынѣ; нельзя, чтобъ за безтолковымъ броженіемъ умовъ не послѣдовалъ благоразумный устой. Тогда удѣлъ сихъ людей будетъ забвеніе, презрѣніе и, можетъ быть, и проклятіе сего болѣе насъ разсудительнаго потомства. Васъ ожидаетъ совсѣмъ иная участь. Напечатанныя письма ваши писали вы не для эффекта и не для похвалъ, а для блага, и уже дѣйствіе вашего примѣра и поученій становится ощутительно. Вы весьма справедливо замѣтили, что Пушкинъ красотою своего стихотворнаго слога увлекъ и обратилъ въ подражателей другихъ отличныхъ поэтовъ, гораздо прежде его на поприще вступившихъ. Такъ точно и вы красотою вашихъ мыслей и чувствъ сильно подѣйствовали на человѣка, далеко васъ въ жизни опередившаго. Вы не могли указать ему на недостатки его, но заставили его самаго съ сокрушеніемъ къ нимъ обратиться въ великіе дни, въ которые Церковь наша призываетъ насъ къ покаянію, посту и молитвѣ. — — — Вы сами заставляете кого-то молить Господа, чтобы онъ далъ ему гнѣвъ и любовь. Сіи дары почти всегда бываютъ неразлучны. Я получилъ ихъ, но, вѣроятно, не умѣлъ сдѣлать изъ нихъ благого употребленія для человѣчества. Теперь же мнѣ, дряхлому, забытому и забывшему, остается только молить Его о терпѣніи и о сохраненіи душевнаго спокойствія. Въ избыткѣ чувствъ, я, по заочности, заговорился съ вами. Вѣроятно, вы меня никогда не услышите и не прочтете, но мнѣ пріятно мечтать, что я бесѣдую съ вами. Было время, что я васъ долго и близко зналъ, о горе мнѣ! и не узналъ. Съ обѣихъ сторонъ излишнее самолюбіе не дозволяло намъ сблизиться. И какъ за суровостію вашихъ взглядовъ, могъ бы я угадать сокровища вашихъ чувствъ? До сокровищъ ума не трудно было у васъ добраться: не смотря на всю скупость рѣчей вашихъ, онъ самъ собою высказывался. Если намъ когда-либо случится еще встрѣтиться

въ жизни, то никакая холодность съ вашей стороны не остановитъ изліяній сердечной благодарности моей за восхитительныя наслажденія, доставленныя мнѣ чтеніемъ послѣдне-изданной вами книги.«

Отвѣтъ Гоголя на это замѣчательное во многихъ отношеніяхъ письмо отличается смиреннымъ спокойствіемъ мудреца, знающаго цѣну своимъ достоинствамъ и никогда нетеряющаго изъ виду своихъ недостатковъ. Вотъ онъ:

»Мнѣ было очень чувствительно ваше доброе участіе ко мнѣ. Благодарю васъ много за ваше письмо! Вы, не оскорбившись ни дерзкимъ тономъ моей книги, ни неизвинимой самонадѣянностью ея автора, обратили вниманіе на *существенную* ея сторону. За *алканье добра*, которое прозрѣли вы въ страницахъ ея, вы умѣли простить мнѣ всѣ ея недостатки. Нѣтъ, я не ослѣпленъ собой въ такой мѣрѣ, какъ думаютъ. Даже и ваша оцѣнка моей книги [слишкомъ высокая] меня не наполнила той гордостью, которую мнѣ приписываютъ теперь вообще, хотя, признаюсь вамъ чистосердечно, я всегда васъ почиталъ за очень умнаго человѣка и, стало бы, имѣлъ бы право отъ вашего мнѣнія возгордиться. Книга моя есть отчетъ въ моей внутренней featureнѣ. Въ ней видно, что строился человѣкъ точно для чего-то добраго, хотя и не состроился; отъ того и всѣ эти заносчивыя замашки, неряшество, неосмотрительность, темнота, и проч., и проч. Зрѣлость и юность вмѣстѣ! То состояніе, котораго представитель моя книга, уже во мнѣ миновалось. Доказательствомъ этого служитъ мнѣ то, что я краснѣю отъ стыда за многое, въ ней выраженное. Но безъ этой книги, можетъ быть, мнѣ трудно было бы достигнуть той простоты, которая мнѣ необходима. Она точно есть для меня какое-то очищеніе. Послѣ нея я сталъ проще и яснѣе духомъ, и мнѣ кажется, что я теперь могу заговорить такимъ образомъ, что меня выслушаютъ безъ гнѣва. Не могу вамъ изъяснить, какъ мнѣ было пріятно прочесть тѣ строки вашего письма, гдѣ мелькомъ показали вы мнѣ вашу душу и дали мнѣ случай познакомиться съ вами ближе. Не питать негодованія противъ личныхъ враговъ — это уже очень много! это начало любви. Любить

же *добро земли своей,* какъ любили его всегда вы, есть еще болѣе *необщее* всѣмъ качество и стоитъ многихъ громкихъ заслугъ и выслугъ. Я увѣренъ, что въ вашихъ запискахъ есть много того, что̀ способно сообщить это качество и другимъ. Ваше имя не будетъ позабыто въ Россіи, хотя, можетъ быть, теперь на время и позабыли о васъ. Это одно уже должно утѣшить васъ въ минуты грустныя. Но мнѣ кажется, что Богъ пошлетъ вамъ минуты сладкія, описаніемъ которыхъ вы увѣнчаете искреннюю исповѣдь вашу, которая, какъ я слышалъ, находится въ вашихъ запискахъ.«

Вотъ еще нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ по поводу »Переписки съ Друзьями«. Всѣ они запечатлѣны искренностью убѣжденій и ни одной строкой не противорѣчатъ предшествовавшимъ.

*Къ Н.Н.Ш****.*

»Я получилъ доброе письмо ваше, безцѣнный другъ мой Надежда Николаевна, сегодня, въ страстной четвергъ, и сегодня же вамъ отвѣчаю. Я было уже начиналъ думать, скучая долгимъ молчаніемъ вашимъ, что и вы негодуете на меня за мою книгу, какъ вдругъ получаю два листа вашего письма, и какого письма! Богъ да наградитъ васъ за него! Оно мнѣ было какъ благодатная роса. Я было уже утомился отъ упрековъ слишкомъ тяжкихъ и жесткихъ отовсюду и уже почти со страхомъ распечатывалъ письмо ваше. Но въ письмѣ вашемъ та же любовь, тѣ же молитвы обо мнѣ и о бѣдной душѣ моей! Весьма мало вы себѣ позволили замѣчаній на мою книгу, и даже и за нихъ просите у меня извиненія. Другъ мой, еслибъ вы даже сдѣлали и самые тягостные, самые суровые, самые жесткіе мнѣ упреки и сопроводили бы ихъ не голосомъ ангела, сострадающаго о человѣкѣ, но голосомъ строгаго судьи, да прибавили бы только, въ въ заключеніе письма вашего, что вы съ той же любовью обо мнѣ молитесь и помните, какъ о своемъ возлюбленномъ сынѣ, данномъ вамъ Богомъ,—облобызалъ бы я тогда ваши строки, въ которыхъ начертались эти упреки. Упреки мнѣ нужны, упреками воспитывается моя душа, и упреки составляютъ теперь мою книгу, которою питаюсь.

Какъ ни несправедливы многіе изъ нихъ, но въ основаніи ихъ лежитъ всегда какая-нибудь правда, и это меня заставляетъ всякой разъ построже оглянуться на себя, и внутренній глазъ мой становится послѣ того свѣтлѣе, точно какъ-будтобы слетаетъ съ него какая-нибудь шелуха. Главной виной того множества упрековъ, которымъ подвергнулась моя книга, есть *незрѣлость* ея. Тѣ же самыя вещи можно было сказать гораздо обдуманнѣе, точнѣе, опредѣлительнѣй, проще, скромнѣе, и искреннѣе, и книга моя имѣла бы больше защитниковъ. Но зато я бы не досталъ бы себѣ этого множества упрековъ, которые мнѣ нужны, и мнѣ бы не было средствъ поумнѣть какъ слѣдуетъ для того, чтобъ умѣть говорить, какъ слѣдуетъ. Большая часть упрековъ родилась отъ всякихъ недоразумѣній, къ которымъ я подалъ самъ поводъ неясностью словъ моихъ; въ томъ числѣ и самое дѣло о портретѣ. Поступки П**** относительно меня были совершенно неумышленны. Онъ дѣйствовалъ, вовсе не думая оскорбить меня. Надобно вамъ знать получше П****. Это добрѣйшая душа и добрѣйшее сердце. Великодушіе составляетъ главную черту его характера. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторая грубость, незнаніе приличій, безпамятство и разсѣянность [по причинѣ множества дѣлъ, которыми онъ всегда былъ опутанъ] поставляли его безпрестанно въ непріятныя отношенія съ людьми, въ возможность огорчать ихъ, безъ желанія огорчать. Я долго думалъ о томъ, какъ объяснить ему все это и заставить его оглянуться на себя, какъ вдругъ моя книга почти безъ моего вѣдома нанесла ему пораженіе [я совершенно позабылъ слова и фразы статей и, еслибы самъ печаталъ, то вѣроятно бы ослабилъ ихъ, имѣя намѣреніе болѣе объяснить неприкосновенность правъ собственности писателя]. Скажу вамъ, что я этому даже обрадовался, имѣя случай черезъ это съ нимъ прямо объясниться. Я писалъ къ нему письмо [отъ 4 марта], которымъ, вѣроятно, онъ удовлетворился. Скажу вамъ еще, для полнаго успокоенія вашего, что я никогда еще не любилъ такъ П****, какъ люблю его теперь. Человѣкъ этотъ, кромѣ того, что всегда былъ достоинъ всякаго уваженія, въ послѣднее время значительно измѣнился. Несчастія и разныя душевныя потрясенія умягчили его душу до того, что она теперь способна понимать многое изъ того, къ чему прежде была менѣе чувствительна. И я чувствую, что

отнынѣ у насъ съ нимъ будетъ дружба большая и здѣсь и тамъ. Вотъ вамъ, мой другъ, непритворный отчетъ по этому дѣлу.

»Поѣздка моя въ Іерусалимъ нѣсколько отодвинулась, по причинѣ всякихъ хлопотъ, переписокъ по поводу печатанія книги, по причинѣ нѣсколько вновь поразстроившагося моего здоровья, а наконецъ и по той причинѣ, что я не отважился отправляться одинъ. Почти со всѣми, имѣвшими тоже намѣреніе отправиться въ этомъ году въ Іерусалимъ, случились непревидѣнныя препятствія. А мнѣ — надобно вамъ знать — необходимо для этой дороги товарищество близкихъ сердцу душъ. Я не такъ крѣпокъ душой и тѣломъ, я не такъ живу въ Богѣ, чтобы обойтись безъ помощи людей, и мнѣ братская помощь человѣка еще болѣе нужна въ этомъ путешествіи, которое для меня есть важнѣйшее изъ событій моей жизни. Кромѣ того, мнѣ необходимо также получше приготовиться, побольше утвердиться въ здоровьи, и душевномъ, и тѣлесномъ. Лѣтомъ, по причинѣ разстроившихся нервъ моихъ, я долженъ буду ѣхать на воду въ Германію и на морское купанье, а потому отвѣтъ на это письмо вы адресуйте уже во Франкфуртъ, или по прежнему на имя Жуковскаго, или же на имя нашего посольства. Не позабывайте писать ко мнѣ. Письма друзей моихъ теперь мнѣ очень нужны. Со времени смерти незабвеннаго моего Языкова, никто ко мнѣ теперь не пишетъ часто. Онъ да вы только умѣли меня такъ любить, что, не смущаясь ничѣмъ,—ни долгимъ молчаніемъ моимъ, ни неумѣньемъ моимъ быть признательну за такую нѣжную дружбу, писали ко мнѣ всегда и не забывали меня никогда въ мысляхъ и молитвахъ вашихъ.«

Къ А. С. Данилевскому и его супругѣ.

»Неаполь. Марта 18, 1847.

»Я получилъ ваши строчки, милые друзья мои. Пишу къ вамъ обоимъ, потому что вы составляете *одно*. Хотя письма ваши коротеньки, но я глоталъ съ жадностью подробности *житья* вашего и перечиталъ ихъ не одинъ разъ. Хотѣлъ бы вамъ заплатить тѣмъ же, то есть, повѣстью о себѣ, но повѣсть эта такъ чудна, такъ необыкновенна, что нужно слишкомъ собраться съ духомъ и привести себя

въ очень покойное расположеніе, въ то расположеніе, въ какомъ находится старый инвалидъ, уже помѣстившійся дома, на родинѣ, среди дѣтей и внучатъ, когда ему легко разсказывать о прошедшихъ битвахъ. Послѣ, когда приведетъ меня Богъ побывать въ Кіевѣ [который еще заманчивѣй отъ вашего въ немъ пребыванія], я, можетъ быть, съумѣю вамъ разсказать просто и ясно многое; но теперь, во внутреннемъ домѣ моемъ, происходитъ еще столько мытья, уборки и всякой возни, что хозяину просто невозможно быть толкову въ рѣчахъ даже и съ наиближайшимъ другомъ. Покуда скажу тебѣ вотъ что́, мой добрый Александръ. Ты никакъ не смущайся обо мнѣ по поводу моей книги и не думай, что я избралъ другую дорогу писаній. Дѣло у меня то же, какое и было всегда и о которомъ замышлялъ еще въ юности, хотя не говорилъ о томъ, чувствуя безсиліе свое выражаться ясно и понятно [всегдашняя причина моей скрытности]. Нынѣшняя книга моя есть только свидѣтельство того, какую возню нужно было мнѣ поднимать для того, чтобы »Мертвыя Души« мои вышли тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть. Трудное было время, испытанья были такія страшныя и тяжелыя, битвы такія сокрушительныя, что чуть не изнемогла до конца душа моя. Но, слава Богу, все пронеслось, все обратилось въ добро. Душа человѣка стала понятнѣй, люди доступнѣй, жизнь опредѣлительнѣй, и чувствую, что это отразится въ моихъ сочиненіяхъ. Въ нихъ отразится та вѣрность и простота, которой у меня не было, не смотря на живость характеровъ и лицъ. Нынѣшняя моя книга выдана въ свѣтъ затѣмъ, чтобы пощупать ею, во первыхъ, самаго себя, а во вторыхъ, другихъ,— узнать посредствомъ ея, на какой степени душевнаго состоянья своего стоитъ теперь каждый изъ нашего современнаго общества. Вотъ почему я съ такою жадностью собираю всѣ толки о ней. Мнѣ важно, кто и что́ именно сказалъ, важна и самая *личность* того человѣка, который сказалъ, его черты характера. И такъ знай, что всякой разъ, когда ты передашь мнѣ мысли какого-нибудь человѣка о моей книгѣ, прибавя къ тому и портрѣтъ самаго человѣка, то этимъ ты сдѣлаешь мнѣ большой подарокъ, мой добрый Александръ. А васъ прошу, моя добрая Юлія, или по-русски *Улинька*, что́ звучитъ еще пріятнѣй [вашего отечества вы не захотѣли мнѣ объявить,

желая остаться и въ моихъ мысляхъ подъ тѣмъ же именемъ, какимъ называетъ васъ супругъ вашъ], васъ прошу, если у васъ будетъ свободное время въ вашемъ домѣ, набрасывать для меня слегка маленькіе портретики людей, которыхъ вы знали, или видаете теперь, хотя въ самыхъ легкихъ и бѣглыхъ чертахъ. Не думайте, чтобъ это было трудно. Для этого нужно только помнить человѣка и умѣть его себѣ представить мысленно. Не разсердитесь на меня за то, что я, еще не успѣвши ничѣмъ заслужить вашего расположенія, докучаю вамъ такою просьбою. Но мнѣ теперь очень нуженъ русской человѣкъ, вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, въ какомъ бы званіи и сословіи онъ ни былъ. Эти бѣглые наброски съ натуры мнѣ теперь такъ нужны, какъ живописцу, который пишетъ большую картину, нужны этюды. Онъ, хоть, по видимому, и не вноситъ этихъ этюдовъ въ свою картину, но безпрестанно соображается съ ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться отъ природы. Если же васъ Богъ наградилъ замѣчательностью особенною и вы, бывая въ обществѣ, умѣете подмѣчать его смѣшныя и скучныя стороны, то вы можете составить для меня *типы*, то есть, взявши кого-нибудь изъ тѣхъ, которыхъ можно назвать представителемъ его сословія, или сорта людей, изобразить въ лицѣ его то сословіе, котораго онъ представитель: хоть на примѣръ, подъ такими заглавіями: *Кіевскій левъ*; *Губернская femme incomprise*; *Чиновникъ-Европеецъ*; *Чиновникъ-староверъ* и тому подобное. А если душа у васъ сердобольная и сострадаетъ къ положенью другихъ, опишите мнѣ раны и болѣзни вашего общества. Вы сдѣлаете этимъ подвигъ христіянскій, потому что изъ всего этого, если Богъ поможетъ, надѣюсь сдѣлать доброе дѣло. Моя поэма можетъ быть очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповѣдь не въ силахъ такъ подѣйствать, какъ рядъ *живыхъ примѣровъ*, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы. Вотъ вамъ, мои добрые, моя собственная повѣсть и подробности того, что̀ составляетъ нынѣшнюю жизнь мою, въ отплату вамъ за ваши тоже весьма коротенькія извѣстія о себѣ. Но вы, однакоже, не забывайте себя показывать мнѣ почаще и не пренебрегайте этими, по видимому, незначительными подробностями, но которыя, однакожъ, для меня драгоцѣнны. Сами посудите: если

мнѣ теперь дорогъ и близокъ всякой человѣкъ на Руси, то во сколько кратъ долженъ быть мнѣ дороже и ближе человѣкъ, связанный узами дружбы со мной? Вѣдь я васъ не вижу, а эти маленькія, по видимому, пустыя подробности дѣлаютъ то, что вы рисуетесь передъ моими глазами, и я какъ-бы ощущаю въ маломъ видѣ радость свиданья.

»Вотъ вамъ мой маршрутъ. До мая я въ Неаполѣ, а тамъ отправляюсь на воды и морское купанье, по случаю вновь пришедшихъ недуговъ и разстроившихся нервъ моихъ. Укрѣпивши мои нервы, проберусь разными дорогами по Европѣ вновь въ Неаполь къ осени, съ тѣмъ чтобы оттуда двинуться на Востокъ. Всю зиму и начало весны проведу на Востокѣ, а оттуда, если Богъ благословитъ, пущусь въ Русь на Константинополь, Одессу и, стало быть, на Кіевъ; а въ Кіевѣ, около іюня мѣсяца, обниму васъ, что̀ имѣетъ быть, по моему расположенію, въ будущемъ году.«

*Къ князю В. В. Л**.*

»Неаполь 1847, марта 20.

Благодарю васъ за письмо ваше исполненное такого искренняго участія. Я разсматривалъ долго вашу надпись. Одного князя Л** я зналъ, но тотъ, кажется, въ Петербургѣ.

»Вы спрашиваете, зачѣмъ вышла книга моихъ писемъ; на что̀ никакъ не въ силахъ отвѣчать. Было столько причинъ разнаго рода, что описать ихъ понадобились бы безконечные листы и страницы, которые произвели бы, можетъ, новыя недоразумѣнія. Что̀ сдѣлано, то сдѣлано. Ничего не происходитъ въ мірѣ безъ воли Божіей. Есть святая сила въ мірѣ, которая все обращаетъ въ доброе, даже и то, что отъ дурного умысла. Но книга моя была не отъ дурного умысла: на ней только лежитъ печать неразумія человѣческаго, лучше — моего, и потому я вѣрю въ Божью милость, что не допуститъ Онъ, дабы изъ книги моей почерпнули вредъ. Покуда я могу сказать только, что появленіе этой книги полезно мнѣ самому больше, чѣмъ кому-либо другому. Одно помышленье о томъ, съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностію сказано въ ней

многое, заставляетъ меня горѣть отъ стыда. [Я не видалъ моей книги въ печати; знаю только, что она выпущена въ обезображенномъ видѣ съ пропусками, выключеніемъ большей половины статей и мѣстъ. Въ статьяхъ и размѣщеніи ихъ была, нѣкоторая связь, а въ связи всё таки нѣкоторое объясненіе дѣла]. Стыдъ этотъ мнѣ нуженъ. Не появись моя книга, мнѣ бы не было и въ половину извѣстно мое состояніе душевное. Всѣ эти недостатки мои, которые васъ такъ поразили, не выступили бы передо мною въ такой наготѣ: мнѣ никто ихъ не указалъ. Люди, съ которыми я нахожусь нынѣ въ сношеніяхъ, увѣрены не шутя въ моемъ совершенствѣ. Гдѣ же мнѣ добыть голосъ осужденья? Безъ появленья этой книги моей, я бы точно остался въ самоослѣпленіи, не изучилъ многаго въ себѣ. Безъ появленья этой книги, не устремилось бы за мою душу столько чистыхъ молитвъ, съ такою святою мыслью молить Бога о спасеніи моемъ. Молитвы эти мнѣ нужны; я вѣрю въ ихъ силу. Нѣтъ, не допуститъ Богъ впасть меня въ ту *прелесть*, въ которую подозрѣваютъ меня впадшимъ. Ради молитвъ тѣхъ праведниковъ, которые о мнѣ молятся, Онъ спасетъ меня. Сколько могу судить о толкахъ, до меня дошедшихъ, читатели мои находятся еще подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній. Я бы очень желалъ услышать мнѣнія тѣхъ, которые прочли мою книгу не одинъ разъ, но нѣсколько, въ различные часы и въ различныя расположенія душевныя. Тамъ есть нѣкоторыя душевныя тайны, которыя не вдругъ постигаютъ и которыя, покуда, приняты [можетъ быть, отъ неумѣнья моего просто и ясно выражаться] совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Такъ какъ вы питаете такое искренно доброе участіе ко мнѣ и къ сочиненіямъ моимъ, то считаю долгомъ извѣстить васъ, что я отнюдь не перемѣнялъ направленья моего. Трудъ у меня всё одинъ тотъ же, всё тѣ же »Мертвыя Души«, и одна изъ причинъ появленья нынѣшней моей книги была—возбудить ею тѣ разговоры и толки въ обществѣ, въ слѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были выказаться многія мнѣ незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка, которыя мнѣ очень нужно взять къ соображенью, чтобы не попасть въ разные промахи при сочиненіи той книги, которая должна быть вся природа и правда. Если Богъ дастъ силъ, то »Мертвыя Души«

выйдутъ такъ же просты, понятны и всѣмъ доступны, какъ нынѣшняя моя книга загадочна и непонятна. Что́ же дѣлать, если мнѣ суждено сдѣлать большой крюкъ для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Богъ надѣляетъ иныхъ людей уже при самомъ рожденьи ихъ. Итакъ вотъ вамъ, покуда, посильное изъясненіе того, зачѣмъ вышла моя книга. Не знаю, будете ли вы довольны имъ, но во всякомъ случаѣ приношу вамъ еще разъ душевную благодарность за доброе письмо ваше, за которое да наградитъ васъ Богъ всѣмъ тѣмъ, что̀ есть наижелательнѣйшаго и наинужнѣйшаго вашей душѣ.«

Къ П.А.Плетневу.

»Апрѣля 17 (1847).

»Отъ А.О.Р*** я узналъ кое-что изъ тѣхъ непріятностей, которыя случилось тебѣ потерпѣть отъ нѣкоторыхъ людей, тебя незнающихъ и неумѣющихъ цѣнить. Другъ мой, прости имъ все. Отъ него же я узналъ о томъ, что ты много натерпѣлся изъ-за меня, слушая всякія толки обо мнѣ. Не знаю, какъ благодарить за доброту твою, но вѣрь, что умѣю цѣнить безцѣнную дружбу твою теперь болѣе, нежели когда-либо прежде. А толками не смущайся. Говорю тебѣ откровенно, что я теперь ежеминутно благодарю Бога за то, что книга моя произвела именно эти толки, а не такіе, которые были бы въ мою пользу. Отъ этихъ толковъ я значительно поумнѣю, какъ даже и не думаютъ тѣ, которые обо мнѣ толкуютъ; уже и теперь я заставленъ ими гораздо строже взглянуть на самаго себя. Безъ этихъ толковъ, передо мною не раскрылось бы такъ общество и люди, которыхъ мнѣ нужно непремѣнно знать. У меня долго еще будетъ все невпопадъ, и языкъ мой не будетъ доступенъ для всѣхъ, покуда не узнаю такъ людей, какъ мнѣ хочется узнать. Повѣрь, что безъ этой книги не было бы на́ чемъ испробовать нынѣшняго человѣка А проба эта нужна, и въ этомъ отношеніи книга моя, не смотря на всѣ ея недостатки, сокровище. Ты самъ это испытаешь, если будешь на ней пробовать человѣка. Онъ отъ тебя не скроется въ своихъ сокровенныхъ и главнѣйшихъ помышленіяхъ, и состояніе души его выступитъ передъ тобою какъ разъ. А черезъ это самое

ты будешь имѣть возможность оказать благодѣяніе мнѣ, тебя любящему, сообщая наблюденія свои, которыя многому меня научатъ. О дѣлахъ по книгѣ я уже писалъ, отъ 15 апрѣля Арк. Ос. Письмо это, вѣроятно, онъ уже тебѣ сообщилъ. Мнѣ кажется, что ты теперь нѣсколько усталъ, изнурился отъ хлопотъ и дѣлъ; тебѣ нужно освѣжиться. Удаленіе лѣтомъ на дачу, или даже въ Финляндію не удалитъ тебя совершенно отъ того, отъ чего на время слѣдуетъ удалиться. Мнѣ кажется, ты бы лучше сдѣлалъ, еслибы взялъ на мѣсяцъ, или на два, отпускъ за границу и прилетѣлъ бы ко мнѣ моремъ. Въ семь дней въ Остенде. Переѣздъ моремъ дѣйствуетъ удивительно на силы и на духъ. Ты бы тогда привезъ самъ статьи, просмотрѣнныя В***, съ его замѣчаніями, и захватилъ бы съ собою журналы и книги, потому что я до сихъ поръ не получилъ ни печатнаго листка. Мы бы о многомъ переговорили съ тобою и перетолковали, съѣздили бы вмѣстѣ даже въ Лондонъ. Изъ Остенде день ѣзды въ Лондонъ и день ѣзды въ Парижъ. Ни экипажей, ни дорожныхъ запасовъ ненужно; вездѣ пароходъ и желѣзныя дороги; даже къ Жуковскому можно съѣздить по желѣзной дорогѣ. Мнѣ кажется, что ласки дружбы и родныя рѣчи о томъ, что̀ есть родное душамъ нашимъ, много бы тебя освѣжили, и ты съ новой бодростью началъ бы полезную свою дѣятельность, по возвращеніи въ Петербургъ. Но соображайся во всемъ съ твоими собственными обстоятельствами и возможностью. Какъ мнѣ ни радостно было бы съ тобою свиданіе, но я бы не хотѣлъ его купить цѣною пожертвованій.«

Къ нему же.

»Неаполь. Мая 9 (1847).

»Я получилъ милое письмо твое [отъ 4/16 апр.] передъ самимъ моимъ отъѣздомъ изъ Неаполя; спѣшу, однакожъ, написать нѣсколько строчекъ. Отвѣтъ на твои запросы ты, вѣроятно, уже имѣешь отчасти изъ письма моего къ Р*** [отъ 15 апр.], отчасти изъ письма къ тебѣ [отъ 17 апр.]. Благодарю тебя также за приложеніе двухъ писемъ, для меня очень значительныхъ. В**** Я написалъ маленькій отвѣтъ, при семъ прилагаемый, который пожалуйста пере-

дай ему немедленно. Что̀ касается до письма Б****, то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое позна́ніе догматовъ. Это познаніе слышно во всякой строкѣ его письма. Все сказано справедливо и все вѣрно. Но, чтобы произнести полной судъ моей книгѣ, для этого нужно быть глубокому душевѣдцу, нужно почувствовать и услышать страданіе той половины современнаго человѣчества, съ которою даже не имѣетъ и случаевъ сойтись монахъ; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многихъ. Поэтому никакъ для меня не удивительно, что имъ видится въ моей книгѣ смѣшеніе свѣта съ тьмой. Свѣтъ для нихъ та сторона, которая имъ знакома; тьма та сторона, которая имъ незнакома; но объ этомъ предметѣ нечего намъ распространяться. Все это ты чувствуешь и понимаешь, можетъ быть, лучше моего. Во всякомъ случаѣ письмо это подало мнѣ доброе мнѣніе о Б****. Я считалъ его, основываясь на слухахъ, просто дамскимъ угодникомъ — —

»Нѣсколько словъ на счетъ изумленія твоего моему любопытству знать всѣ толки, даже пустые, обо мнѣ и о моей книгѣ. Другъ мой, какъ ты до сихъ поръ не можешь почувствовать, что это мнѣ необходимо! Въ толкахъ этихъ я ищу не столько поученія себѣ, сколько короткаго знанія тѣхъ людей, которыхъ мнѣ нужно знать. Въ сужденіяхъ о моихъ сочиненіяхъ обнаруживается самъ человѣкъ. Говоритъ журналистъ, но вѣдь за журналистомъ стоитъ двѣ тысячи людей, его читателей, которые слушаютъ его ушами и смотрятъ на вещи его глазами. Это̀ не бездѣлица! Мнѣ очень нужно знать, на что̀ нужно напирать. Не позабудь, что я, хотя и подвизаюсь на поприщѣ искуства, хотя и художникъ въ душѣ, но предметомъ моего художества современный человѣкъ, и мнѣ нужно его знать не по одной его внѣшней наружности. Мнѣ нужно знать душу его, ея *нынѣшнее состояніе*. Ни Карамзинъ, ни Жуковскій, ни Пушкинъ не избрали этого въ предметъ своего искуства, потому и не имѣли надобности въ этихъ толкахъ. Будь покоенъ на мой счетъ: меня не смутятъ критики и ни въ чемъ не заставятъ меня пошатнуться, что̀ здраво и крѣпко во мнѣ. Изъ всѣхъ писателей, которыхъ мнѣ ни случалось читать біографіи, я еще не встрѣтилъ ни одного, кто бы такъ упрямо преслѣдовалъ разъ избранный предметъ. Эту твердость

мою я чту знакомъ Божіей милости къ себѣ. Безъ Него, какъ бы мнѣ сохранить ее, сообразя то, что рѣдкому давалось выдержать такія битвы со всякими отвлекающими отъ избраннаго пути обстоятельствами. Послѣ всѣхъ этихъ толковъ, у меня только лучше прочищаются глаза на то же самое, на что́ я гляжу, и больше рвенія къ дѣлу. Повторяю тебѣ, что я слишкомъ твердъ въ главныхъ моихъ убѣжденіяхъ; но у меня правило: всѣхъ выслушай, а сдѣлай по своему. И что́ я сдѣлаю по своему, всѣхъ выслушавши, то уже трудно поднять будетъ на публичное посмѣшище, даже и *временное*.

»Р*** правъ на счетъ письма къ его сестрѣ. Совершенно въ такомъ видѣ, какъ оно есть, ему неприлично быть въ печати. Попроси его, чтобы онъ назначилъ карандашемъ всѣ мѣста, по его мнѣнію, неловкія. Ихъ очень легко умягчить, тѣмъ болѣе, что я чувствую уже и самъ, какъ слѣдуетъ чему быть.

»Вексель секунду я послалъ обратно къ тебѣ чрезъ Штиглица, потому что здѣсь не взялся по немъ выдать деньги банкиръ. Стало быть, тутъ уже не мое распоряженіе. Такова судьба его. Деньги эти береги у себя. Прокоповичу не слѣдуетъ ничего говорить.....

»Обнимаю тебя крѣпко. Богъ да хранитъ тебя! Ради Бога, хоть нѣсколько словъ о самомъ себѣ! Я собственно о тебѣ почти ничего не знаю; всѣ письма твои наполнены мной. Книга твоя о Крыловѣ прекрасна *во всѣхъ отношеніяхъ*. Это первая біографія, въ которой переданъ такъ вѣрно писатель.«

Къ нему же.

»10 іюня (1847). Франкфуртъ.

»Письмецо твое отъ 16/28 мая получилъ. Жуковскій, какъ ты уже, вѣроятно, знаешь, отложилъ отъѣздъ въ Россію, по причинѣ болѣзни жены, заставляющей его провести вмѣстѣ съ нею все лѣто въ Интерлакенѣ, въ Швейцаріи. Жаль конечно, что празднованіе юбилея его не состоится, но, по мнѣ, въ юбилеяхъ здѣшнихъ есть что-то грустное. Не отъ того ли, что приходишь въ такія лѣта, когда чувствуется сильнѣй, чѣмъ прежде, что слѣдуетъ помышлять о юбилеѣ небесномъ? Во всякомъ случаѣ, хорошо бы намъ хотя по-

ловиною мыслей стремиться жить въ иной обѣтованной, истинной странѣ. Блаженъ, кто живетъ на той землѣ, какъ владѣлецъ, который купилъ уже себѣ имѣніе въ другой губерніи, отправилъ туда всѣ свои пожитки и сундуки и самъ остался налегкѣ, готовый пуститься вслѣдъ за ними. Его не въ силахъ смутить тогда никакая земная скорбь и огорченіе отъ всякаго мелкаго дрязга жизни. Я радъ, что ты, какъ вижу изъ письма твоего, спокоенъ. Я самъ тоже спокоенъ. Путь мой, слава Богу, твердъ. Хотя тебѣ кажется, что я нѣсколько колеблюсь и какъ-бы недоумѣваю, чѣмъ заняться и какую избрать дорогу, но дорога моя все одна и та же. Она трудна, это правда, скользка, и не разъ уже я уставалъ, но сила святая, о насъ заботящаяся, воздвигала меня вновь и становила еще крѣпче на ноги. Даже и то, что̀ казалось прежде какъ-бы воздвигавшимся въ поперегъ пути, служило къ ускоренію шаговъ; а потому во всемъ слѣдуетъ довѣряться Провидѣнію и молиться. Очень понимаю, что нѣкоторыхъ истинно доброжелательныхъ мнѣ друзей—въ томъ числѣ, можетъ быть, и самаго тебя—нѣсколько смущаетъ нѣкоторая многосторонность, выражающаяся въ моей книгѣ, и какъ-бы желаніе заниматься многимъ намѣсто одного.

»Для этого-то я готовлю теперь небольшую книжечку, въ которой хочу, сколько возможно яснѣе, изобразить повѣсть моего писательства,—то есть, въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я возгнушался искуствомъ, почелъ его низкимъ, безполезнымъ и тому подобное. Въ немъ скажу, чѣмъ я почитаю искуство, что̀ я хотѣлъ сдѣлать съ даннымъ мнѣ на долю искуствомъ, развивалъ ли я точно самаго себя изъ данныхъ мнѣ матеріаловъ, или хитрилъ и хотѣлъ переломить свое направленіе,—ясно, сколько возможно ясно, чтобы и не-литераторъ могъ видѣть, я ли виновенъ въ недѣятельности, или Тотъ, Кто располагаетъ всѣмъ и противъ Кого идти трудно человѣку. Мнѣ чувствуется, что мы здѣсь сойдемся съ тобой душа въ душу относительно дѣла литературы. Молю только Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы изложить все просто и правдиво. Оно разрѣшитъ тогда и тебѣ самому нѣкоторыя недоразумѣнія на счетъ меня, которыя все таки должны въ тебѣ еще оставаться. Покамѣсть, это да будтъ еще между нами. Книжечка можетъ выхо-

домъ своимъ устремить вниманіе на перечтеніе »Переписки съ Друзьями«, въ исправленкомъ и пополненномъ изданіи. А потому пожалуйста перешли мнѣ не медля статьи, снабженныя вашими замѣчаніями, для передѣлки, адресуя во Франкфуртъ, на имя посольства.

»Въ слѣдующемъ письмѣ я пришлю тебѣ свидѣтельство о моей жизни для взятія денегъ изъ казначейства, которыя держи у себя вмѣстѣ съ прежними, къ тебѣ посланными чрезъ Штиглица. Онѣ, можетъ быть, мнѣ понадобятся къ концу года. На Востокъ будетъ присылать мнѣ трудно, а остаться тамъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, придется долѣе разсчитываемаго времени; стало быть, нужно будетъ деньгами запастись. Путешествіе, доселѣ откладываемое съ года на годъ, становится чрезъ то самое мнѣ болѣе желаннымъ и заманчивымъ. Точно какъ-бы душа моя говоритъ мнѣ, что я тамъ найду искомое издавна и лучшее всего того, что́ находилъ донынѣ....

»При семъ письмецо къ В****. Передай отъ меня поклонъ Балабинымъ,—особенно М*П*. Напиши мнѣ хоть нѣсколько строчекъ о томъ, какъ она живетъ своимъ домомъ. Я слышалъ, что она просто чудо въ домашнемъ быту и хотѣлъ бы знать, въ какой мѣрѣ и какъ она все дѣлаетъ. А. О. Ишимову поблагодари за книжечку: »Розенштраухъ«. Я нашелъ, что она очень хороша. Письмо же о легкости ига Христова—сущій перлъ.«

Къ нему же.

»Франкфуртъ. Іюль 10 (1847).

»Посылаю тебѣ свидѣтельство о жизни. Деньги возьми, но храни у себя до времени отсылки ихъ въ Константинополь, что́ нужно будетъ сдѣлать въ началѣ весны будущаго года. Если какой-нибудь можно получить въ это время на нихъ наростъ, что́, какъ говоритъ Жуковскій, будто-бы дѣлается, то конечно не дурно; если же это пустякъ, то, разумѣется, не стоитъ изъ-за него хлопотать. Ожидаю отъ тебя извѣстія о томъ, гдѣ проводишь лѣто и когда къ тебѣ посылать небольшую вещь, которую бы мнѣ хотѣлось напечатать въ видѣ отдѣльной небольшой книжки, о которой я уже тебѣ сказывалъ. Можно ли тебѣ будетъ прислать ее черезъ мѣсяцъ отъ сего

дня? Хочу послать къ тебѣ также передѣланную »Развязку Ревизора«, которая вышла теперь, кажется, ловче.

»Спроси у того художника, который предлагалъ мнѣ изданіе »Мертвыхъ Душъ« съ рисунками: не хочетъ ли онъ издать съ виньетками »Ревизора«, съ присоединеніемъ означенной заключительной піэсы, разумѣя по виньеткѣ къ головѣ и къ хвосту всякаго дѣйствія, на той же страницѣ, гдѣ и слова.«

Слѣдующее письмо Гоголя къ К. С. Аксакову было писано въ 1848 году, но относится къ »Перепискѣ съ Друзьями«. Это случилось отъ того, тто г. Аксаковъ, узнавъ о возвращеніи Гоголя на родину, откуда черезъ два мѣсяца онъ намѣревался переѣхать въ Москву, пожелалъ, прежде свиданья съ нимъ, высказать ему все, что̀ было на душѣ, такъ чтобы при свиданьи находиться уже въ прямыхъ отношеніяхъ. До сихъ поръ онъ не писалъ къ Гоголю ни слова о его новой книгѣ. Отвѣтъ Гоголя показываетъ, что онъ уже пережилъ тяжкое время испытанія и могъ выслушивать спокойно самыя несправедливыя и оскорбительныя нападенія, въ которыхъ друзья, любившіе его наиболѣе, обвиняютъ теперь себя строже другихъ. Умѣренность и кротость Гоголева отвѣта поразительны.

»Іюня 3 (1848). Васильевска.

»Откровенность прежде всего, Константинъ Сергѣевичъ. Такъ какъ вы были откровенны и сказали въ вашемъ письмѣ все, что̀ было на душѣ, то и я долженъ сказать о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя были во мнѣ при чтеніи письма вашего. Во первыхъ, меня нѣсколько удивило, что вы, намѣсто извѣстій о себѣ, распространились о книгѣ моей, о которой я уже не полагалъ услышать что-либо по возвратѣ моемъ на родину. Я думалъ, что о ней уже всѣ толки кончились и она предана забвенію. Я, однакоже, прочелъ со вниманіемъ три большія ваши страницы. Многое въ нихъ дало мнѣ знать, что вы съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, слѣдили [историческимъ и философическимъ путемъ] существо природы русскаго человѣка и, вѣроятно, сдѣлали немало значительныхъ выводовъ. Тѣмъ съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ жажду прочесть вашу драму, которой, поку-

да, въ рукахъ еще не имѣю. Вотъ еще вамъ одна мысль, которая пришла мнѣ въ голову въ то время, когда я прочелъ слова письма вашего: »Главный недостатокъ книги есть тотъ, что она—ложь«. Вотъ что̀ я подумалъ. Да кто же изъ насъ можетъ такъ рѣшительно выразиться, кромѣ развѣ того, который увѣренъ, что онъ стоитъ на верху истины? Какъ можетъ кто-либо [кромѣ говорящаго развѣ Святымъ Духомъ] отличить, что̀ ложь и что̀ истина? Какъ можетъ человѣкъ, подобный другому, страстный, на всякомъ шагу заблуждающійся, изречь справедливый судъ другому въ такомъ смыслѣ? Какъ можетъ онъ, неопытный сердцезнатель, назвать ложью сплошь, съ начала до конца какую бы то ни было душевную исповѣдь, онъ, который и самъ есть ложь, по слову Апостола Павла? Неужели вы думаете, что въ вашихъ сужденіяхъ о моей книгѣ не можетъ также закрасться ложь? Въ то время, когда я издавалъ мою книгу, мнѣ казалось, что я ради одной истины издаю ее; а когда прошло нѣсколько времени послѣ изданія, мнѣ стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Развѣ не можетъ случиться того же и съ вами? Развѣ и вы не человѣкъ? Какъ вы можете сказать, что вашъ нынѣшній взглядъ непогрѣшителенъ и вѣренъ, или что вы не измѣните его никогда? тогда какъ, идя по той же дорогѣ изслѣдованій, вы можете найти новыя стороны, дотолѣ вами незамѣченныя; вслѣдствіе чего и самый взглядъ уже не будетъ совершенно томъ, и, что̀ казалось прежде *цѣлымъ*, окажется только частью цѣлаго. Нѣтъ, Константинъ Сергѣевичъ, есть духъ обольщенія, духъ-искуситель, который не дремлетъ и который такъ же хлопочетъ и около васъ, какъ около меня, и, увы! чаще всего бываетъ онъ возлѣ насъ въ то время, когда думаемъ, что онъ далеко, что мы освободились отъ него и отъ лжи и что самая истина говоритъ нашими устами. Вотъ какія мысли пришли мнѣ въ то время, когда я читалъ приговоръ вашъ книгѣ, на которую до сихъ поръ еще не имѣлъ духу взглянуть. Скажу вамъ также, что мнѣ становится теперь страшно всякой резъ, когда слышу человѣка, возвѣщающаго слишкомъ утвердительно свой выводъ, какъ непреложную, непогрѣшительную истину. Мнѣ кажется, лучше говорить съ меньшей утвердительностью, но приводить больше *доказательствъ*.

»Драму вашу я прочту со вниманьемъ и даю вамъ слово не скрыть своего мнѣнія. Она тѣмъ болѣе для меня интересна, что, вѣроятно, въ ней я отыщу яснѣйшее изложеніе всего того, о чемъ вы говорите въ письмѣ вашемъ нѣсколько неопредѣленно и неясно.«

По совѣту одного изъ друзей своихъ, Гоголь послалъ два экземпляра »Переписки съ Друзьями« къ священнику, отцу Матвѣю, котораго онъ зналъ по слухамъ, какъ человѣка, вполнѣ достойнаго его сана, и писалъ къ нему:

»Я прошу васъ убѣдительно прочитать мою книгу и сказать мнѣ хотя два словечка о ней—первыя, какія придутъ вамъ, какія скажетъ вамъ душа ваша. Не скройте отъ меня ничего и не думайте, чтобы ваше замѣчаніе, или упрекъ былъ для меня огорчителенъ. Упреки мнѣ сладки, а отъ (васъ) еще будутъ слаще. Не затрудняйтесь тѣмъ, что меня не знаете; говорите мнѣ такъ, какъ-бы меня вѣкъ знали. Напишите мнѣ письмецо въ Неаполь. Приложите въ моемъ письмѣ маленькое письмецо, хотя также изъ двухъ строчекъ, къ гр. А. П. Т**му, который также къ тому времени пріѣдетъ въ Неаполь, съ тѣмъ, чтобы выпроводить меня къ Святымъ Мѣстамъ, а можетъ быть, даже и самому туда пуститься, если Богу будетъ угодно поселить ему такую мысль. Вашими двумя строками вы его много обрадуете.

»Въ заключеніе, прошу васъ молиться обо мнѣ крѣпко, крѣпко во все время путешествія, которое—видитъ Богъ—хотѣлось бы совершить въ потребу истинную души моей, дабы быть въ силахъ потомъ совершить дѣло во славу святаго имени Его. Помолитесь же обо мнѣ, и Богъ вамъ воздастъ за это десятирицею. Посылается вамъ книга въ двухъ экземплярахъ, одинъ для васъ, а другой для того, кому вы захотите дать.«

Отсюда завязалась между поэтомъ и священникомъ уѣзднаго города переписка, въ которой Гоголь открывалъ свою душу, какъ на исповѣди. Вотъ его письма, относящіяся къ книгѣ, которая послужила пробнымъ камнемъ, какъ для самаго автора, такъ и для публики.

1.

»Неаполь. 9 мая (1847).

»Что́ могу сказать вамъ въ отвѣтъ на чистосердечное письмо ваше? Благодарность! вотъ первое слово, которое я долженъ сказать вамъ, хотя очень хотѣлось бы мнѣ имѣть отъ васъ не такое письмо. Всѣ слова ваши, какъ о евангельскомъ значенiи милостыни, такъ и о прочемъ, святая истина. Въ нихъ я убѣжденъ; противъ нихъ не спорю. А между тѣмъ въ книгѣ моей изложено такъ, какъбы я былъ противъ этого. Какъ изъяснить это явленiе? Скажу болѣе: статью о театрѣ я писалъ не съ тѣмъ, чтобы прiохотить общество къ театру, а съ тѣмъ, чтобы отвадить его отъ развратной стороны театра, отъ всякаго рода балетныхъ плясавицъ и множества самыхъ страстныхъ пiесъ, которыя въ послѣднее время стали кучами переводить съ французскаго. Я хотѣлъ отвадить отъ этого указанiемъ на лучшiя пiесы и выразилъ все это такимъ нелѣпымъ и неточнымъ образомъ, что подалъ поводъ вамъ думать, что я посылаю людей въ театръ, а не въ церковь. Храни меня Богъ отъ такой мысли! Никогда я не имѣлъ ея даже и тогда, когда гораздо меньше чувствовалъ святыню святыхъ истинъ. Я только думалъ, что нельзя отнять совершенно отъ общества увеселенiй ихъ, но надобно такъ распорядиться съ ними, чтобы у человѣка возраждалось само собою желанiе послѣ увеселенiя идти къ Богу — поблагодарить Его, а не идти къ чорту — послужить ему. Вотъ была основная мысль той статьи, которую я не съумѣлъ хорошо написать. Скажу вамъ нелицемѣрно и откровенно, что виной множества недостатковъ моей книги не столько гордость и самоослѣпленiе, сколько незрѣлость моя. Я началъ поздо свое воспитанiе, — въ такiе годы, когда другой человѣкъ уже думаетъ, что онъ воспитанъ. Обрадовавшись тому, что удалось въ себѣ побѣдить многое, я вообразилъ, что могу учить и другихъ, издалъ книгу и на ней увидѣлъ ясно, что я — ученикъ. Желанiе и жажда добра, а не гордость, подтолкнули меня издать мою книгу; а какъ вышла моя книга, я увидѣлъ на ней же, что есть во мнѣ и гордость, и самоослѣпленiе, и много того, чего бы я не увидалъ, еслибы не была издана моя книга. Эта строптивость,

дерзкая замашка, которая такъ оскорбила васъ въ моей книгѣ, произошла тоже отъ другого источника. Воспитывая себя самаго суровою школою упрековъ и пораженій и находя отъ нихъ пользу существенную душѣ, я былъ не шутя одно время увѣренъ въ томъ, что и другимъ это полезно, и выразился грубо и жестко. Я позабылъ, что голосомъ любви слѣдуетъ говорить, когда хочешь чему поучить другихъ, и чѣмъ святѣе истина, тѣмъ смиреннѣе нужно быть тому, который хочетъ возвѣщать о ней. Я попался самъ въ тѣхъ самыхъ недостаткахъ, въ которыхъ попрекнулъ другихъ. Словомъ — все въ этой книгѣ обличаетъ невоспитаніе мое. Богъ далъ большое имѣніе; множество въ немъ всякихъ угодій и удобствъ; зелени не окинешь глазомъ; а самъ управитель, которому поручено это имѣніе, еще не умѣетъ управлять имъ. Вотъ вамъ портретъ мой! Силъ много, но умѣнья править этими силами мало, — можетъ быть, отъ того самаго, что слишкомъ много дано силъ. Не могу скрыть отъ васъ, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное дѣйствіе и я дамъ за нее отвѣтъ Богу. Я нѣсколько времени оставался послѣ этихъ словъ въ состояніи упасть духомъ; но мысль, что безгранично милосердіе Божіе, меня поддержала. Нѣтъ, есть хранящая сила, которая не дремлетъ въ мірѣ, которая направляетъ къ хорошему даже и то, что̀ отъ дурного умысла произвелъ человѣкъ. А книга моя не отъ дурного умысла: мое неразуміе всему причиною; за то Богъ и наказалъ меня, — наказалъ меня тѣмъ, что всѣ до единаго вопіютъ противъ моей книги, хотя и разнообразны до безконечности причины этихъ криковъ. Но какъ милостиво и самое наказаніе Его! Въ наказаніе, Онъ даетъ мнѣ почувствовать смиреніе — лучшее, что̀ только можно дать мнѣ. Какимъ бы другимъ образомъ я могъ взглянуть (на) себя, еслибы не посыпались на меня градомъ со всѣхъ сторонъ упреки и обвиненія? [Еслибы кто увидалъ тѣ жестокія письма, исполненныя упрековъ, которыя я получаю во множествѣ отовсюду, и прочиталъ бы тѣ статьи, которыя теперь печатаются во множествѣ противъ меня, у него бъ закружилась на время голова.] Вы сами, вѣрно, знаете, что отъ людей близкихъ и всегда съ нами живущихъ не услышишь осужденія: за наши небольшія имъ услуги, иногда даже просто за

одну ровность нашего характера, они уже готовы почитать насъ за совершеннѣйшаго человѣка. Но когда раздадутся со всѣхъ сторонъ крики по поводу какого-нибудь публичнаго нашего дѣйствія и разберутъ по ниткѣ всякую рѣчь нашу и всякое слово, и когда, руководимые и личными нерасположеніями, и недоразумѣніями, станутъ открывать въ насъ даже и то, чего нѣтъ, тогда и самъ станешь искать въ себѣ того, чего прежде и не думалъ бы искать. Есть люди, которымъ нужна публичная, въ виду всѣхъ данная оплеуха. Это я сказалъ гдѣ-то въ письмѣ, хотя и не зналъ еще тогда, что получу самъ эту публичную оплеуху. Моя книга есть точная мнѣ оплеуха. Я не имѣлъ духу заглянуть въ нее, когда получилъ ее отпечатанную; я краснѣлъ отъ стыда и закрывалъ лицо себѣ руками, при одной мысли о томъ, какъ неприлично и какъ дерзко выразился о многомъ. Отсутствіе мѣстъ, выпущенныхъ — — и незамѣненныхъ ничѣмъ другимъ, разрушивши связь и сдѣлавши темнымъ, почти безсмысленнымъ многое, еще болѣе увеличило недостатки ея въ глазахъ моихъ. Итакъ книга моя, прежде чѣмъ быть полезной для другихъ, полезна для меня, и это считаю знакомъ ко мнѣ милости Божіей. Мнѣ нужно зеркало, въ которое я долженъ глядѣться всякой день, чтобы видѣть мое неряшество. Что̀ же до вліянія на другихъ, то мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отъ книги моей распространился вредъ на нихъ. За что́ Богу такъ ужасно меня наказывать? Нѣтъ, Онъ отклонитъ отъ меня такую страшную участь, если не ради моихъ безсильныхъ молитвъ, то ради молитвъ тѣхъ, которые Ему молятся обо мнѣ и умѣютъ угождать Ему,—ради молитвъ моей матери, которая изъ-за меня вся превратилась въ молитву. Теперь я собираю весьма тщательно толки о моей книгѣ со всѣхъ сторонъ, равно какъ и отчетъ о всѣхъ впечатлѣніяхъ, ею производимыхъ. Сколько могу судить по тѣмъ, которыя доселѣ имѣю, книга моя не произвела почти никакого впечатлѣнія на тѣхъ людей, которые находятся уже въ *нѣдрѣ Церкви*, что̀ весьма естественно: кто имѣетъ у себя дома лучшій обѣдъ, тотъ не станетъ по чужимъ домамъ искать худшаго; кто добрался до самаго родника водъ, тому не за чѣмъ бѣгать за полугрязными ручьями, хотябы и они стремились въ ту же рѣку. Напротивъ, изъ тѣхъ, которые находятся въ

нѣдрѣ Церкви и дѣйствительно вѣруютъ, многіе даже вооружились противъ моей книги и стали еще бдительнѣе на стражѣ собственной своей души. Книга моя подѣйствовала только на тѣхъ, которые *не ходятъ въ церковь* и которые не захотѣли бы даже выслушать словъ, еслибы вышелъ сказать имъ попъ въ рясѣ. Если это правда и если точно нѣкоторые пошатнулись въ невѣріи своемъ и пошли хотя изъ любопытства въ церковь, то это одно уже можетъ меня успокоить. Тамъ, то есть, въ церкви, они найдутъ лучшихъ учителей. Достаточно, что занесли уже ногу на порогъ дверей ея. О книгѣ моей они позабудутъ, какъ позабываетъ о складахъ ученикъ, выучившійся читать по верхамъ. Причину этого для васъ, можетъ быть, страннаго явленія я могу объяснить тѣмъ, что въ книгѣ моей, не смотря на всѣ великіе недостатки ея, есть, однакоже, одна только та правда, которую, покуда, замѣтили немногіе. Въ ней есть душевное дѣло — исповѣдь человѣка, который почувствовалъ сильно, что воспитаніе наше начинается съ тѣхъ только поръ, когда кажется, что оно уже кончилось. Тамъ изложенъ отчасти и процессъ такого дѣла, понятный даже и не для христіянина, не смотря на неточность моихъ словъ и выраженій, непонятныхъ для нестрадавшаго тѣми недугами, какими сураждутъ невѣрующіе люди нынѣшняго времени. Мнѣ кажется, что если кто-нибудь только помыслитъ о томъ, чтобы сдѣлаться лучшимъ, то онъ уже непремѣнно потомъ встрѣтится со Христомъ, увидѣвши ясно какъ день, что безъ Христа нельзя сдѣлаться лучшимъ, и, бросивши мою книгу, возьмемъ въ руки Евангеліе. И потому-то, я думаю, напрасно не обратили вниманія на эту сторону моей книги всѣ тѣ, которые имѣютъ дѣло съ душою человѣка. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы даже, отбросивши на время въ сторону всѣ оскорбляющія слова, рѣзкія выраженія и даже цѣликомъ тѣ статьи, на которыхъ отразились мое несовершенство, недостатки и невѣжество, прочитать вниматетьно и даже нѣсколько разъ нѣкоторыи статьи, особенно тѣ, гдѣ умъ не можетъ быть вдругъ судьей и которые провѣрить можно только *собственной душой* своей. Какъ бы то ни было, но, если вы замѣтите, что книга моя произвела на кого-нибудь вредное вліяніе и соблазнила его, увѣдомьте меня, ради самаго Христа, обстоятельно и ст-

четливо, не скрывая ничего. Мнѣ нужно знать это. Богъ милостивъ. Если Онъ попустилъ меня сдѣлать злое дѣло, то Онъ же поможетъ мнѣ и исправить его. Хотя (я) положилъ себѣ долгомъ не писать по тѣхъ поръ, пока не научусь лучше дѣлу и не пріобрѣту языка болѣе кроткаго и никого неоскорбляющаго; но нѣкоторыя необходимыя объясненія на мою книгу, равно какъ и сознаніе въ томъ, въ чемъ я ошибся, я долженъ буду сдѣлать непремѣнно, чтобы не соблазнялись юноши и люди неопытные. — — — Письмо о театрѣ я писалъ, имѣя въ виду публику, пристрастившуюся къ балетамъ и операмъ, пожирающимъ нынѣ страшныя суммы денегъ, и въ то же самое время имѣлъ въ виду журналъ »Маякъ«, С.А.Бурачка, который, судя по статьямъ его, долженъ быть истинно почтенный и вѣрующій человѣкъ, но который, однакожъ, слишкомъ горячо и безъ разбора напалъ на всѣхъ нашихъ писателей, утверждая, что они безбожники и деисты, потому только, что тѣ не брали въ предметъ христіянскихъ сюжетовъ. Я вовсе не хотѣлъ оскорбить издателя »Маяка«: я хотѣлъ только напомнить ему самому, какъ христіянину, о смиреніи, но выразился такъ, что словами моими дѣйствительно онъ могъ быть обиженъ. Изъ нѣкоторыхъ словъ вашего письма мнѣ показалось, что вы его знаете. Скажите ему, что я умоляю его простить меня; попросите за меня и вы также. Наконецъ, простите меня и вы сами, добрая и молящаяся о всѣхъ насъ душа. Очень понимаю, что для васъ оскорбительнѣе, чѣмъ для многихъ, появленіе такой книги, отъ которой соблазняются тѣ, за спасеніе которыхъ вы молитесь. Еще разъ повторяю вамъ, что цѣль моей книги была добрая; но вы видите сами, что обо мнѣ нужно молиться болѣе, чѣмъ о всякомъ другомъ человѣкѣ. Если Богъ меня не вразумитъ своимъ разумомъ, что̀ я буду тогда? Участь моя будетъ страшнѣе участи всѣхъ прочихъ людей. Молитесь же обо мнѣ, ради самаго Христа.

»Все прочее, чего не вмѣститъ письмо, передастъ вамъ лично А* П*, съ которымъ, если дастъ Богъ, надѣюсь увидѣться въ Парижѣ и который стремится къ вамъ, какъ птица изъ клѣтки на волю [и, вѣрно, не даромъ стремится]. Еще разъ прося молитвъ вашихъ, прошу васъ увѣдомить меня хотя двумя строчками, что письмо это вами получено, безъ чего я не буду спокоенъ«

2.

»Богъ да наградитъ васъ за ваши добрыя строки! Многое въ нихъ пришлось очень кстати моей душѣ. Со многимъ я уже согласился еще прежде, чѣмъ пришло ваше письмо. Напримѣръ, на счетъ того, чтобы не оправдываться предъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь судить насъ будетъ Богъ, а не міръ. Не знаю, брошу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божія; но, во всякомъ случаѣ, разсудокъ мой говоритъ мнѣ не выдавать ничего въ свѣтъ въ продолженіи долгаго времени, покуда не созрѣю лучше самъ *внутренно* и *душевно*. А, покуда, съѣзжу въ Іерусалимъ, помолюсь у Гроба Господня, какъ только въ силахъ помолиться. Помолитесь обо мнѣ, добрая душа, чтобы я въ силахъ былъ тепло и сильно помолиться. Просите Бога, чтобы на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ проходили божественныя стопы единороднаго Сына Его, сказало бы мнѣ серде мое все, чтó мнѣ нужно. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы со дня этого поклоненія моего понесъ бы я повсюду образъ Христа въ сердцѣ моемъ, имѣя ежеминутно его предъ мысленными глазами своими. Признаюсь вамъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что законъ Христовъ можно внести съ собой повсюду, даже въ стѣны тюрьмы, и можно исполнять его, пребывая во всякомъ званіи и сословіи: его можно исполнять также и въ званіи писателя. Если писателю данъ талантъ, то, вѣрно, недаромъ и не на то, чтобы обратить его во злое. Если въ живописцѣ есть склонность къ живописи, то, вѣрно, Богъ, а не кто другой, виновникъ этой склонности. Вольно было живописцу, на мѣсто того, чтобы изображать кистью предметы высокіе, образа угодниковъ Божіихъ и высшихъ людей, писать соблазнительныя сцены развратныхъ увеселеній и униженія человѣческаго. Развѣ не можетъ и писатель въ занимательной повѣсти изобразить живые примѣры людей лучшихъ, чѣмъ какихъ изображаютъ другіе писатели,—представить ихъ такъ живо, какъ живописецъ? Примѣры сильнѣе разсужденія; нужно только для этого писателю умѣть прежде самому сдѣлать(ся) добрымъ и угодить жизнью свой сколько-нибудь Богу. Я бы не подумалъ о писательствѣ, еслибы не было теперь такой повсемѣстной охоты къ чтенію всякаго рода романовъ и

повѣстей, большею частью соблазнительныхъ и безнравственныхъ, но которые читаются потому только, (что) написаны увлекательно и не безъ таланта. А я, имѣя талантъ, умѣя изображать живо людей и природу [по увѣренію тѣхъ, которые читали мои первоначальныя повѣсти], развѣ я не обязанъ изобразить съ равною увлекательностію людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ? Вотъ вамъ [скажу откровенно] причина моего писательства, а не деньги и не слава. Но.... теперь я отлагаю все до времени и говорю вамъ, что долго ничего не издамъ въ свѣтъ и всѣми силами буду стараться узнать волю Божію, какъ мнѣ быть въ этомъ дѣлѣ. Еслибы я зналъ, что на какомъ-нибудь другомъ поприщѣ могу дѣйствовать лучше во спасенье души моей и во исполненье всего того, что̀ должно мнѣ исполнить, чѣмъ на этомъ, я бы перешелъ на то поприще. Еслибы я узналъ, что я могу въ монастырѣ уйти отъ міра, я бы пошелъ въ монастырь. Но и въ монастырѣ тотъ же міръ окружаетъ насъ, тѣ же искушенья вокругъ насъ, такъ же воевать и бороться нужно со врагомъ нашимъ; словомъ — нѣтъ поприща и мѣста въ мірѣ, на которомъ мы бы могли уйти отъ міра. А потому я положилъ себѣ, покуда, вотъ что̀. Теперь, именно со дня полученія вашего письма, я положилъ себѣ удвоить ежедневныя молитвы, отдать больше времени на чтеніе книгъ духовнаго содержанія; перечту снова Златоуста, Ефрема Сирянина и все, что̀ мнѣ совѣтуете, а тамъ — что̀ Богъ дастъ. Нельзя, чтобы сердце мое, послѣ такого чтенія и такого распредѣленія времени, не настроилось лучше и не сказало мнѣ яснѣе путь мой. А васъ прошу, такъ какъ вы стали уже богомолецъ мой и вѣдаете уже отчасти мою душу, [о, какъ бы мнѣ хотѣлось открыть вамъ всю мою душу, быть у васъ во Р**, исповѣдаться у васъ и сподобиться причащенію тѣла и крови Христовой, преподанныхъ рукою вашею!] Прошу васъ молиться тѣмъ временемъ обо мнѣ, особенно во все время путешествія моего въ Іерусалимъ. Я отправляюсь туда ко времени Пасхи; до того же времени пробуду въ Неаполѣ. Если получу отъ васъ нѣсколько напутственныхъ строкъ, буду очень, очень радъ. Гр(афа) А* П* я видѣлъ на одинъ день во время проѣзда его въ Англію. — — — Онъ обрадовался необыкновенно, узнавши, что я получилъ отъ васъ письмо, будучи увѣ-

ренъ, что вы, писавши ко мнѣ, вспомнили и о немъ и лишній разъ за него помолились. Напишите ему хотя двѣ строчки, какія скажетъ вамъ сердце ваше, и вложите ихъ, въ видѣ особеннаго письмеца, въ письмо ко мнѣ. Я увѣренъ, что эти строчки придадутъ ему большую бодрость.

»Въ непродолжительномъ времени, можетъ быть, вы получите изъ С. Петербурга деньги, которыя попрошу васъ раздать тѣмъ изъ страждущихъ, которые больше другихъ нуждаются. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онѣ пришли въ руки тѣхъ, которые усерднѣе другихъ молятся Богу. Впрочемъ, вы лучше моего знаете, кому слѣдуетъ давать. Какъ я жалѣю, что я не богатъ и не могу теперь послать болѣе!«

XXVII.

Письмо къ П. А. Плетневу объ изданіи »Современника« въ новомъ видѣ:—значеніе этого журнала подъ редакціею П. А. Плетнева; — воспоминанія Гоголя объ участіи своемъ въ изданіи »Современника« при Пушкинѣ; — указаніе лучшихъ сотрудниковъ для »Современника« въ новомъ видѣ; — опредѣленіе самаго себя, какъ писателя въ строгомъ смыслѣ; — объ источникѣ поэзіи; — жажда душевной исповѣди. — Письма къ М. С. Щепкину о постановкѣ на сцену »Ревизора съ Развязкой«. — Предувѣдомленіе къ четвертому и пятому изданіямъ »Ревизора«. — Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ о воспитаніи племянника.

Въ письмахъ къ П. А. Плетневу, по поводу изданія «Переписки съ Друзьями«, нѣсколько разъ упоминается объ одномъ письмѣ, касающемся собственно «Современника«. Это письмо не помѣщено мною выше по той причинѣ, что оно прервало бы исторію изданія книги, съ которою Гоголь связывалъ столь великія ожиданія. Теперь же, когда читатель прошелъ уже все къ ней относящееся, онъ прочтетъ это письмо съ неразвлеченнымъ вниманіемъ. Считаю нужнымъ напомнить читателю, что оно было писано до изданія »Переписки съ Друзьями«, и потому отзывается догматическимъ тономъ, который

Гоголь совершенно оставилъ послѣ столкновенія, посредствомъ своей книги, съ дѣйствительнымъ состояніемъ дѣлъ и понятій въ Россіи.

«Наконецъ поговорю съ тобой о »Современникѣ«. »Современникъ« вышелъ плохимъ журналомъ, не смотря на прекрасную цѣль, которую ты имѣлъ въ виду. — — —

»Современникъ« даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, не смотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль, болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обозрѣніе въ родѣ англійскихъ, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что̀ написали сами. Впрочемъ сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что̀ можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ для того, чтобы заключить въ себѣ это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода, я могъ принимать живѣй къ сердцу то, для чего онъ уже простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили. Но слова моего я бы не могъ исполнить даже и тогда, еслибъ онъ былъ живъ. Не зналъ я, какими путями поведетъ меня Провидѣніе, какъ отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литературной и какъ умру я надолго для всего того, что̀ шевелитъ современнаго человѣка.

»По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всѣхъ утратой, а для тебя еще скорбнѣйшей, чѣмъ для всѣхъ, пораженный сиротствомъ современнаго общества, очутившагося безъ поэзіи, какъ безъ свѣта, осужденнаго выслушивать пустыя и черствыя пренія и споры объ искусствѣ, на мѣсто дѣлъ самаго искусства, пораженный этимъ сиротствомъ, которое, впрочемъ, началось уже и при Пушкинѣ,

ты взялся горячо за изданіе журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собою въ началѣ поприща Пушкина. Въ пылу великодушнаго увлеченія своего, ты даже позабылъ то, что не мы управляемъ дѣлами и событіями, но чертится свыше всему чередъ свой. Ты даже не примѣтилъ того, что имѣлъ такую цѣль, которой ни въ какомъ случаѣ нельзя было достигнуть листками періодическаго ежемѣсячнаго изданія.

»Современникъ«, какъ журналъ, не удался бы даже и тогда, еслибы ты заключалъ въ себѣ всѣ качества журналиста. Признаюсь, я даже не могу и представить себѣ, чѣмъ можетъ быть нужно нынѣшнему времени появленіе новаго журнала. Это энциклопедическое образованіе публики посредствомъ журналовъ уже не такъ теперь потребно, какъ было прежде. Публика уже болѣе приготовлена. Уже все зоветъ нынѣ человѣка къ занятіямъ, болѣе сосредоточеннымъ. Не только значительность современныхъ вопросовъ, но даже самая пустота современнаго общества и легковѣсная вѣтренность дѣлъ его, приглашаютъ нынѣ человѣка взглянуть строго на самаго себя, вопросить съ большею отчетливостью свои силы и опредѣлить себѣ трудъ не временный, минутный, но тотъ живительный и полный, который отвѣтствуетъ однимъ тѣмъ способностямъ, которыми своеобразно надѣленъ изъ насъ каждый уже отъ самаго рожденія своего. Никакой новой журналъ не можетъ дать теперь обществу пищи питательной и существенной.

«Современникъ« долженъ отбросить отъ себя названіе журнала; онъ долженъ сжаться по прежнему въ книги, намѣсто листовъ, и болѣе еще, чѣмъ при Пушкинѣ, походить на альманахъ; онъ долженъ скорѣй напомнить собой »Сѣверные Цвѣты« барона Дельвига, съ которымъ было у тебя такъ много сходства въ умѣніи наслаждаться и нѣжиться благоуханными звуками поэзіи. Пусть лучше будетъ выходить онъ три раза всякій годъ въ урочныя времена: первый разъ ко дню Свѣтлаго Воскресенія, какъ свѣтлый подарокъ на праздникъ, во второй разъ къ 1-му октябрю, то есть ко времени, когда всѣ съѣзжаются у насъ изъ дачъ и деревень въ города, въ третій разъ къ новому году. Словомъ, пусть онъ будетъ современенъ тѣмъ эпохамъ, когда съ большею жадностью встрѣчается новая кни-

га. Все собственно журнальное въ немъ не должно имѣть мѣста: ни возвѣщенья о новостяхъ ежедневныхъ, ни политическія извѣстія, ни поименованія всѣхъ выходящихъ книгъ, — развѣ только одинъ строгій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ за всю треть, въ такомъ видѣ, чтобъ онъ самъ собой могъ уже составить замѣчательную литературную статью. Нужно, чтобы здѣсь ничто не напоминало читателю о томъ, что есть какія-нибудь распри въ литературѣ и существуетъ журнальная полемика. Самыя статьи должны быть допущены сосредоточенныя, полныя, которыя ничѣмъ не походили бы на тороптивыя, отрывочныя статьи журналовъ. Нужно, чтобы здѣсь были одни лучшіе цвѣты современной нашей литературы. Этого можно достигнуть только такимъ изданіемъ, которое будетъ выходить не болѣе трехъ разъ въ годъ. Въ три мѣсяца можно набрать книжку. Современное намъ время, слава Богу, не безъ талантовъ. Часть прозаическая альманаха можетъ быть теперь гораздо значительнѣй и богаче, чѣмъ когда-либо прежде.

»Поименуемъ нарочно тѣхъ современныхъ писателей, статьями которыхъ можетъ украситься »Современникъ«.

»Прежде всего слѣдуетъ назвать графа Сологуба, который безспорно есть нынѣшній нашъ лучшій повѣствователь. Никто не щеголяетъ такимъ правильнымъ, ловкимъ и свѣтскимъ языкомъ; слогъ его точенъ и приличенъ во всѣхъ выраженіяхъ и оборотахъ. Остроты, наблюдательности, познаній всего того, чѣмъ занято наше высшее модное общество, у него много. Одинъ только недостатокъ: не набралась еще собственная душа автора содержанія болѣе строгаго и не доведенъ еще онъ своими внутренними событіями къ тому, чтобы строже и отчетливѣе взглянуть вообще на жизнь. Но если и это въ немъ совершится, онъ будетъ вполнѣ вѣрный живописецъ лучшаго общества; значительность твореній его выиграетъ больше, чѣмъ сто на сто.

»Непосредственно за нимъ слѣдуетъ назвать другого писателя, который скрылъ свое имя подъ выдуманнымъ: Казакъ Луганскій. Онъ не поэтъ, не владѣетъ искусствомъ вымысла, не имѣетъ даже стремленія производить творческія созданія; онъ видитъ всюду дѣло и глядитъ на всякую вещь съ ея дѣльной стороны. Умъ твердый и

дѣльный видѣнъ во всякомъ его словѣ, и наблюдательность, и природная острота вооружаютъ живостью его слово. Все у него правда и взято такъ, какъ есть въ природѣ. Ему стоитъ, не прибѣгая ни къ завязкѣ, ни къ развязкѣ, надъ которыми такъ ломаетъ голову романистъ, взять любой случай, случившійся въ Русской землѣ, первое дѣло, котораго производству онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ, чтобы вышла сама собой найзанимательнѣйшая повѣсть. По мнѣ, онъ значительнѣй всѣхъ повѣствователей-изобрѣтателей. Можетъ быть, я сужу здѣсь пристрастно, потому что писатель этотъ болѣе другихъ угодилъ личности моего собственнаго вкуса и своеобразію моихъ собственныхъ требованій: каждая его строчка меня учитъ и вразумляетъ, придвигая ближе къ познанію русскаго быта и нашей народной жизни; но зато всякъ согласится со мной, что этотъ писатель полезенъ и нуженъ всѣмъ намъ въ нынѣшнее время. Его сочиненія— живая и вѣрная статистика Россіи. Все, что́ ни достанетъ онъ изъ своей многовмѣщающей памяти и что́ ни разскажетъ достовѣрнымъ языкомъ своимъ, будетъ драгоцѣннымъ подаркомъ для твоего альманаха.

»Я не знаю, почему замолчалъ Н. Павловъ, писатель, который первыми тремя повѣстями своими получилъ съ перваго раза право на почетное мѣсто между нашими прозаическими писателями и который повредилъ себѣ только тѣмъ, что, не захотѣвши быть самимъ собою, вздумалъ копировать [въ трехъ новыхъ повѣстяхъ своихъ] тѣхъ модныхъ нувелистовъ, которые гораздо его ниже. Онъ могъ бы всегда, не прибѣгая ни къ напряженнымъ вымысламъ поэтическимъ, ни къ мозаичнымъ искусственнымъ украшеніямъ рѣчи, такъ изуродовавшимъ благородный и ясный слогъ его, взять на выдержку первое психологическое явленіе нашего общества и разсказать его такъ отчетливо и умно, что повѣсть его имѣла бы всѣ принадлежности тѣхъ строгихъ классическихъ произведеній, которыя остаются навсегда образцами въ литературѣ.

»Я вижу тоже много достоинствъ въ писателѣ, который подписываетъ подъ своими сочиненіями имя К**. Цвѣтистый слогъ и большое познаніе нравовъ и обычаевъ Малой Россіи говорятъ о томъ, что онъ могъ бы прекрасно написать исторію этой земли. Онъ могъ

бы еще съ большимъ успѣхомъ составить живыя статьи для альманаха и въ нихъ разсказать просто о нравахъ и обычаяхъ прежнихъ временъ, не вставляя этого въ повѣсть, или драматическій разсказъ,—подобно тому, какъ нѣкогда разсказывалъ Корниловичъ о временахъ до Петра и при Петрѣ. Романъ же его, довольно любопытный по частямъ, вялъ и скученъ въ цѣломъ. Эти драгоцѣнные перлы свѣдѣній историческихъ, которые разсыпаны на страницахъ его, погибаютъ тамъ совершенно безплодно.

»Мнѣ сказывали, что вообще въ послѣднее время *повѣсть* сдѣлала у насъ успѣхъ, и нѣсколько молодыхъ писателей показали особенное стремленіе къ наблюденію жизни дѣйствительной. Изъ того, что́ удалось прочесть мнѣ самому, я замѣтилъ также тому признаки, хотя постройка самихъ повѣстей мнѣ показалась особенно неискусна и неловка; въ разсказѣ замѣтилъ я излишество и многословіе, а въ слогѣ отсутствіе простоты. Но я увѣренъ, что если въ каждомъ изъ этихъ писателей прежде сформируется человѣкъ, чѣмъ писатель, все прочее придетъ само собою, и каждый изъ нихъ, обнаружа еще сильнѣй особенности пера своего, не покажетъ ни одного изъ этихъ недостатковъ.

»Не могу не упомянуть о писателѣ, выступившемъ на литературное поприще драмою »Смерть Ляпунова«. Не имѣя въ себѣ полной зрѣлости строенія драматическаго, которое доступно однимъ только опытнымъ драматургамъ, драма эта имѣетъ въ себѣ много тѣхъ достоинствъ, которыя пророчатъ въ творцѣ ея писателя замѣчательнаго. Слышать живость минувшаго и умѣть заговорить о немъ такимъ живымъ языкомъ,—это свойство великое. Я бы на его мѣстѣ такъ и впился въ русскія лѣтописи и ни на мигъ не оторвался бы отъ этого чтенія. Онъ можетъ много извлечь оттуда прекрасныхъ предметовъ. Почему знать? можетъ быть, отъ такого чтенія родилась бы въ немъ благословенная мысль написать правдивую исторію времени, его преимущественно поразившаго. Вполнѣ историческое произведеніе, исполненное писателемъ, умѣющимъ такъ живо чувствовать историческіе характеры и написанное такимъ живымъ перомъ, будетъ въ нѣсколько разъ значительнѣй историческихъ драмъ.

»Кстати о молодыхъ и начинающихъ писателяхъ. Мнѣ бы очень

хотѣлось, чтобы ты отыскалъ Прокоповича и умѣлъ склонить его взяться за перо повѣствователя. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые воспитывались со мною вмѣстѣ въ школѣ и начали писать въ одно время со мною, у него раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно-обильно, все доставалось ему легко и пророчило въ немъ плодовитѣйшаго романиста. Онъ задремалъ теперь, я это знаю; онъ далъ заснуть въ себѣ желанію дѣйствовать на поприщѣ просторномъ; самый кругъ его сталъ тѣсенъ, и передъ нимъ мало жизненнаго поля для наблюденій. Но жизнь—вездѣ жизнь, и чѣмъ меньше ея просторъ и тѣснѣе ея кругъ, тѣмъ основательнѣй и глубже онъ можетъ быть нами изслѣдуемъ и проникнутъ. Уже самая своя собственная, душевная повѣсть, предметомъ которой будетъ взято собственное пробужденіе отъ мертвеннаго застоя, заставляющее съ ужасомъ взглянуть человѣка на животно-истраченную жизнь свою, можетъ быть высокимъ предметомъ для романа! Какой бы праздникъ былъ душѣ моей, еслибы я встрѣтилъ въ »Современникѣ« повѣсть, подъ которою было бы подписано его имя!

»Что̀ же касается до меня самаго, то я по прежнему не могу быть работящимъ и ревностнымъ вкладчикомъ въ твой »Современникъ«. Ты уже самъ почувствовалъ, что меня нельзя назвать писателемъ, въ строгомъ, классическомъ смыслѣ. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые начали писать со мною вмѣстѣ еще въ лѣта моего школьнаго юношества, у меня менѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, замѣчались тѣ свойства, которыя составляютъ необходимыя условія писателя. Скажу тебѣ, что даже въ самыхъ раннихъ помышленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно. Нѣкоторыя мои наблюденія надъ нѣкоторыми сторонами жизни, мнѣ нужными для дѣла душевнаго, издавна меня занимавшаго, были виной того, что я взялся за перо и вздумалъ преждевременно подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, чѣмъ мнѣ слѣдовало подѣлиться уже потомъ, по совершеніи моего собственнаго воспитанія. Мнѣ доставалось трудно все то, что̀ достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу об-

работать слогъ и языкъ свой — первыя, необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мною имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцомъ словесности, и тотъ наставникъ поступитъ неосторожно, кто посовѣтуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать, или, подобно мнѣ, живописать природу: онъ заставитъ ихъ производить каррикатуры. Доказательство этому можешь видѣть на нѣкоторыхъ молодыхъ и неопытныхъ подражателяхъ моихъ, которые именно черезъ это самое подражаніе стали несравненно ниже самихъ себя, лишивъ себя своей собственной самостоятельности. У меня никогда не было стремленія быть отголоскомъ всего и отражать въ себѣ дѣйствительность, какъ она есть вокругъ насъ, — стремленія, которое тревожитъ поэта во все продолженіе его жизни и умираетъ въ немъ только съ его собственною смертью. Я даже не могу заговорить теперь ни о чемъ, кромѣ того, что́ близко моей собственной душѣ. Итакъ, если я почувствую, что чистосердечный голосъ мой будетъ истинно нуженъ кому-нибудь и слово мое можетъ принести какое-нибудь внутреннее примиреніе человѣку, тогда у тебя въ »Современникѣ« будетъ моя статья; если же нѣтъ—ея не будетъ; и ты на меня за это никакъ не гнѣвайся.

»Я здѣсь не упомянулъ также ни объ одномъ изъ тѣхъ современныхъ прозаическихъ писателей нашихъ, которые, будучи заняты собственными изданіями, или же сидя надъ трудами болѣе отвлеченными, требующими полнаго вниманія, не имѣютъ ни возможности, ни досуга поработать для твоего »Современника.« Ихъ не слѣдуетъ и безпокоить.

»— — У всякаго есть свое внутреннее дѣло, у всякаго совершается въ душѣ свое собственное событіе, на время его отвлекающее отъ участія въ дѣлѣ общемъ; и никакъ нельзя требовать, чтобы другой жертвовалъ собою и своею собственною цѣлію для какой-нибудь нами любимой мысли, или нашей цѣли, къ которой мы предположили себѣ стремиться. Каждому опредѣляетъ Богъ дорогу, непохожую на ту, которую назначено проходить другому, и нельзя мѣ-

рить всѣхъ однимъ и тѣмъ же аршиномъ. А потому уважай и самый отказъ другого, даже и тогда, еслибы онъ не захотѣлъ объявить причины, почему не можетъ дать статьи въ »Современникъ«. Довольствуйся тѣмъ, что̀ дадутъ. Если только одни поименованные мною писатели дадутъ статьи свои, то и этого уже будетъ достаточно. Но я знаю, что дадутъ еще и другіе, которыхъ я не назвалъ. Вопреки людямъ, жалующимся на недостатокъ талантовъ въ нынѣшнее время, я вижу ихъ теперь гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде. Они не попали на свою дорогу, еще никто изъ нихъ не умѣлъ стать самимъ собой, и это причина ихъ непримѣтности. Но многіе изъ нихъ уже болѣютъ этимъ желаніемъ, хотя и не знаютъ, какъ удовлетворить ему. Стремленіе узнать назначенье свое есть теперь страданье многихъ людей, одаренныхъ способностями. Оно-то есть настоящая, истинная причина дремоты и бездѣйственности на поприщѣ литературномъ.

»Стихотворная часть »Современника« можетъ быть также весьма богата, не взирая на то, что, по видимому, въ современномъ обществѣ угасло расположеніе къ поэзіи. Слава Богу, еще здравствуетъ самъ патріархъ нашей поэзіи: еще небо хранитъ намъ Жуковскаго. Въ награду за безукоризненную, чистую жизнь, ему одному изъ всѣхъ насъ дано почувствовать свѣжесть молодости въ старческія лѣта и силу юноши для дѣла поэтическаго. Его нынѣшніе труды далеко полновѣснѣй и значительнѣй прежнихъ. Не нужно судить о немъ по тѣмъ стихотворнымъ сказкамъ и повѣстямъ, которыя были помѣщены въ послѣднее время въ »Современникѣ« Онѣ не могли и не должны были произвесть никакого впечатлѣнія на общество, и нечего удивляться, что общество, оцѣнивая всякое новое произведеніе относительно своихъ собственныхъ потребностей душевныхъ, ища въ немъ отвѣта на тревожныя исканія свои, назвало эти стихотворенія *ребячествомъ Жуковскаго*. Онѣ точно назначены для малолѣтнихъ дѣтей. Повѣсти и сказки эти должны были выйдти особой книжкой подъ названіемъ: »Подарокъ Дѣтямъ отъ Жуковскаго«. Онъ сдѣлалъ ошибку, пославши ихъ журналъ. Я говорилъ это ему тогда же, совѣтуя или ничего не посылать, или послать то, что̀ пришлось бы по душѣ взрослому человѣку. Но теперь я знаю, что

онъ пришлетъ тебѣ въ альманахъ который-нибудь изъ тѣхъ перловъ, которые выработались въ глубинѣ его собственной души, гдѣ въ послѣднее время такъ много произошло прекраснаго. Еще, слава Богу, здравствуютъ два другіе первоклассные наши поэты, князь Вяземскій и Языковъ, и могутъ подарить »Современникъ« новыми, дотолѣ нераздававшимися отъ нихъ звуками,—звуками, исторгнутыми изъ выстрадавшагося сердца, пѣснями самой души, уже набравшейся строгаго содержанія высшей поэзіи.

»Самые наши молодые, недавно показавшіеся поэты, которыхъ я здѣсь не называю по именамъ и которые показали, покуда, одно благозвучіе, легкость и щегольство стихосложенія, но еще не показали истинныхъ и вѣрныхъ ощущеній своихъ, могутъ заговорить струнами поэзіи, болѣе намъ близкой. Поэзія есть чистая исповѣдь души, а не порожденіе искусства, или хотѣнія человѣческаго; поэзія есть правда души, а потому и всѣмъ равно можетъ быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишкомъ высокая способность и дается однимъ только всемірнымъ геніямъ, которыхъ появленіе слишкомъ рѣдко на землѣ. Опасно и вступать на этотъ путь другому. Многіе даже изъ первокласснѣйшихъ талантовъ становились ниже себя, зашедши въ область вымысла; но высоко возвышались даже и небольшіе таланты, когда событіями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души. Приспѣваетъ время, когда жажда исповѣди душевной становится сильнѣе и сильнѣе. Много поэтическихъ звуковъ издадутъ даже и тѣ, которые не помышляли быть поэтами; много прекрасныхъ цвѣтковъ, много драгоцѣнныхъ вкладовъ понесутъ къ тебѣ со всѣхъ сторонъ въ твой »Современникъ«.

»Ты самъ, хотя уже давно не пробовалъ звуковъ оставленной и позабытой тобою лиры, примешься за нее вновь. Ты, вѣрно, испыталъ въ это время тоже немало скорбныхъ минутъ и никѣмъ неуслышаннаго горя; твоя душа, вѣрно, томилась также желаніемъ передать и объяснить себя, искала друга, которому могло бы быть доступно тяжкое состояніе ея, и, не найдя его нигдѣ, обратилась наконецъ къ Тому родному всѣмъ намъ Существу, Которое одно умѣетъ принимать любовно на грудь къ Себѣ тоскующаго и скорбящаго

и къ Которому наконецъ все живущее обратится. Припомни же всѣ эти минуты, какъ минуты скорбей, такъ и минуты высшихъ утѣшеній, тебѣ ниспосланныхъ, передай ихъ, изобрази въ той правдѣ, въ какой онѣ были. Тебѣ помогутъ слезы умиленія и растроганныя чувства признательной души твоей; они помогутъ тебѣ передать съ такой силой, съ какой не съумѣетъ передать ихъ великій, владѣющій чародѣйствомъ вымысла, но еще невыстрадавшійся поэтъ.

»Современникъ« тогда оправдаетъ данное ему названіе, но оправдаетъ его въ другомъ, высшемъ смыслѣ: онъ будетъ *современенъ* всѣмъ высшимъ минутамъ русскаго писателя и человѣка. Онъ тогда ближе приблизится къ той цѣли, которая доселѣ такъ отдаленно и неясно представлялась въ твоихъ мысляхъ: онъ соединитъ эстетическимъ союзомъ прекраснаго братства всѣхъ пишущихъ. Одинъ только ты въ Россіи можешь предпринять и выполнить такое изданіе, потому что одинъ только ты питалъ о немъ постоянную мысль, одинъ только ты не имѣлъ въ виду денежныхъ интересовъ и вознагражденій за труды, одинъ ты безотчетно питалъ чистую, младенческую любовь къ искусству, сдѣлавшую тебя другомъ лучшихъ поэтовъ нашихъ и превратившую для тебя самое искусство въ твое собственное, какъ-бы родное и семейственное дѣло. Стало быть, одному только тебѣ можетъ быть ввѣрено такое изданіе.

»Оно должно быть роскошно; оно должно быть во всѣхъ отношеніяхъ драгоцѣннымъ подаркомъ,—печататься со всей всевозможной типографической роскошью, украситься лучшими гравюрами и виньетками, какія могутъ только быть произведены у насъ въ Россіи [граверовъ выбери русскихъ; иностранцевъ сюда не вмѣшивай]. Мѣрку книгамъ дай небольшую, — немного чѣмъ побольше »Сѣверныхъ Цвѣтовъ«. Словомъ, чтобы и по достоинству, и по виду изданіе походило на драгоцѣнность. Все это можешь исполнить одинъ только ты, потому что, не имѣя въ виду пользоваться доходами съ него для своего собственнаго содержанія и прокормленія, ты можешь употребить ихъ на красоту самаго изданія и такимъ образомъ доставить хлѣбъ бѣднымъ художникамъ нашимъ, которымъ приходится иногда претерпѣвать горькую чашу.

»Итакъ, если все это, что́ я теперь сказалъ, пришлось тебѣ по

сердцу, то благословясь приступай съ Богомъ къ составленію первой книжки »Современника« ко времени наступающаго праздника Свѣтлаго Воскресенія 1847 года, а письмо мое поставь первой статьей, въ видѣ программы, или вступленія въ самую книгу. До того же времени дай его прочесть всѣмъ тѣмъ, отъ которыхъ ты пожелалъ бы имѣть статью. Какъ ни слабо и ни поверхностно оно написано, но я увѣренъ, что, по прочтеніи его, всякъ согласится вмѣстѣ съ тобой и со мной въ необходимости такого изданія въ Россіи и, вѣрно, дастъ тебѣ найлучшее изъ своихъ произведеній. Въ газетныхъ листахъ ты можешь объявить о немъ только немногими словами: именно, что »Современникъ« будетъ выходить въ трехъ книгахъ, въ означенные сроки. Прибавь къ этому однѣ только имена тѣхъ, которыхъ статьи будутъ помѣщены: этого достаточно. Пусть лучше все остальное, какъ достоинство статей, такъ и роскошь самаго изданія, будетъ пріятною неожиданностью для каждаго читателя.«

По той же причинѣ, которая объяснена передъ этимъ письмомъ о »Современникѣ«, помѣщаю здѣсь, а не выше, письма Гоголя къ М.С.Щепкину о представленіи »Ревизора съ Развязкой«, »Предувѣдомленіе« къ четвертому и пятому изданіямъ »Ревизора« и письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

Письма къ М.С.Щепкину.

1.

»Михаилъ Семеновичъ! вотъ въ чемъ дѣло: вы должны взять въ свой бенефисъ »Ревизора« въ его полномъ видѣ, то есть, слѣдуя тому изданію, которое напечатано въ полномъ собраніи моихъ сочиненій, съ прибавленіемъ хвоста, посылаемаго мною теперь. Для этого вы сами непремѣнно должны съѣздить въ Петербургъ, чтобы ускорить личнымъ присутствіемъ ускореніе цензурнаго разрѣшенія. Не знаю, кто театральный цензоръ. Если тотъ самый Гедеоновъ, который былъ въ Римѣ съ графомъ Васильевымъ и съ которымъ я тамъ познакомился, то попросите его отъ моего имени крѣпко. Во всякомъ случаѣ обратитесь по этому дѣлу къ Плетневу и графу М.Ю. В****,

которымъ все объясните и которыхъ участіе можетъ оказаться нужнымъ. Скажите какъ имъ, такъ и себѣ самому, чтобы это дѣло до самаго представленія не разглашалось и оставалось бы втайнѣ между вами. Хлестакова долженъ играть Живокини. Дайте непремѣнно отъ себя мотивъ другимъ актерамъ, особенно Бобчинскому и Добчинскому. Постарайтесь сами съиграть передъ ними нѣкоторыя роли. Обратите особенное вниманіе на послѣднюю сцену. Нужно непремѣнно, чтобы она вышла картинной и даже потрясающей. Городничій долженъ быть совершенно потерявшимся и вовсе не смѣшнымъ. Жена и дочь въ полномъ испугѣ должны обратить глаза на его одного. У смотрителя училищъ должны трястись колѣни сильно; у Земляники также. Судья, какъ уже извѣстно, съ присядкой. Почтмейстеръ, какъ уже извѣстно, съ вопросительнымъ знакомъ къ зрителямъ. Бобчинскій и Добчинскій должны спрашивать глазами другъ у друга объясненія этому всему. На лицахъ дамъ-гостей ядовитая усмѣшка, кромѣ одной жены Луканчика, которая должна быть вся въ испугѣ, блѣдна, какъ смерть, и ротъ открытъ. Минуту, или минуты двѣ, непремѣнно должна продолжаться эта нѣмая сцена, такъ чтобы Коробкинъ соскучившись успѣлъ попотчивать Растаковскаго табакомъ, а кто-нибудь изъ гостей даже довольно громко сморкнуть въ платокъ. Что́ же касается до прилагаемой при семъ »Развязки Ревизора«, которая должна слѣдовать тотъ же часъ послѣ »Ревизора«, то вы, прежде чѣмъ давать ее разучать актерамъ, вчитайтесь въ нее хорошенько сами, войдите въ значеніе и крѣпость всякаго слова, всякой роли, такъ какъ-бы вамъ пришлось всѣ эти роли съиграть самому, и когда войдутъ они вамъ въ голову всѣ, соберите актеровъ и прочитайте имъ, и прочитайте не одинъ разъ, прочитайте раза три–четыре, или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькія и по нѣскольку строчекъ. Строчки эти должны быть сказаны твердо; съ полнымъ убѣжденьемъ въ ихъ истинѣ; потому что это споръ, и споръ живой, а не нравоученіе. Горячиться не долженъ никто, кромѣ развѣ Семена Семеновича, но слова произносить долженъ всякъ нѣсколько погромче, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ, потому что это споръ. Никилай Николаичъ долженъ быть даже отчасти крикливъ; Петръ Петровичъ — съ нѣкоторымъ заливомъ.

Вообще было бы хорошо, еслибы каждый изъ актеровъ держался сверхъ того еще какого-нибудь ему извѣстнаго типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Онъ долженъ скопировать того, котораго онъ зналъ говорящаго лучше всѣхъ по-русски. Хорошо бы, еслибы онъ могъ нѣсколько придерживаться Американца Т***. Николаю Николаевичу должно, за неимѣніемъ другого, придерживаться Ник. Филипповича Пав., потому что у него самый ровный и пристойный голосъ изъ всѣхъ нашихъ литераторовъ; притомъ въ него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать болѣе благородную замашку, чтобы не сказали, что онъ взятъ съ Николая Михаилов. (¹) Заг... Вамъ же вотъ замѣчаніе. Старайтесь произносить всѣ ваши слова какъ можно тверже и покойнѣе, какъ-бы вы говорили о самомъ простомъ, но весьма нужномъ дѣлѣ. Храни васъ Богъ слишкомъ разчувствоваться. Вы разхныкаетесь, и выйдетъ у васъ чортъ знаетъ что. Лучше старайтесь такъ произнести слова, самыя близкія къ вашему собственному состоянью душевному, чтобы зритель видѣлъ, что вы стараетесь удержать себя отъ того, чтобы не заплакать, а не въ самомъ дѣлѣ заплакать. Впечатлѣніе будетъ отъ того нѣсколько разъ сильнѣй. Старайтесь заблаговременно, во время чтенія своей роли, выговаривать твердо всякое слово, простымъ, но проницающимъ языкомъ, — почти такъ, какъ начальникъ артели говоритъ своимъ работникамъ, когда выговариваетъ имъ, или попрекаетъ въ томъ, въ чемъ дѣйствительно они провиноватились. Вашъ большой порокъ въ томъ, что вы не умѣете выговаривать твердо всякаго слова. Отъ этого вы неполный владѣлецъ собою въ своей ролѣ. Въ Городничемъ вы лучше всѣхъ вашихъ другихъ ролей именно потому, (что) почувствовали потребность говорить выразительнѣе. Будьте же и здѣсь, и въ »Развязкѣ Ревизора«, тѣмъ же Городничимъ. Берегите себя отъ сентиментальности и караульте сами за собою. Чувство явится у васъ само собою; за нимъ не бѣгайте; бѣгайте за тѣмъ, какъ бы стать властелиномъ себя. Обо всемъ этомъ не сказывайте никому въ Москвѣ, кромѣ Шевырева, по тѣхъ поръ, покуда не возвратитесь

(¹) Гоголь ошибся: слѣдовало бы написать Михаила Николаевича. *Н. М.*

изъ Петербурга. У васъ языкъ немножко длинноватъ; вы его на этотъ разъ поукоротите. Еслижъ онъ начнетъ слишкомъ почесываться, то вы придите въ другой разъ къ Шевыреву и разскажите ему вновь, какъ-бы вы разсказывали свѣжему и совсѣмъ другому человѣку. Развязку нужно будетъ переписать, потому что кромѣ экземпляра, нужнаго для театральной цензуры, другой будетъ нуженъ для подписанія цензору Никитенкѣ, которому отдастъ Плетневъ, ибо »Ревизоръ« долженъ напечататься отдѣльно съ »Развязкой« ко дню представленія и продаваться въ пользу бѣдныхъ, о чемъ вы, при вашемъ вызовѣ, по окончаніи всего, должны возвѣстить публикѣ, что не благоугодно ли ей, ради такой богоугодной цѣли, сей же часъ по выходѣ изъ театра купить »Ревизора« въ театральной же лавкѣ; а кто разохотится дать больше означенной цѣны, тотъ бы покупалъ ее прямо изъ вашихъ рукъ, для большей вѣрности. А вы эти деньги потомъ препроводите къ Шевыреву. Но объ этомъ рѣчь еще впереди. Довольно съ васъ, покамѣсть, этого. Итакъ благословясь поѣзжайте съ Богомъ въ Петербургъ. Бенефисъ вашъ будетъ блистателенъ. Не глядите на то, что піэса заиграна и стара. Будетъ къ этому времени такое обстоятельство, что всѣ пожелаютъ вновь увидать »Ревизора« даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ давался прежде. Сборъ вашъ будетъ съ верхомъ полонъ. Поговорите съ Сосницкимъ, чтобъ увидать, можно ли то же самое сдѣлать въ Петербургѣ сколько возможно такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ. Прежде его испытайте: онъ немножко упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Скажите ему, что это стыдно—и всё въ христіянскомъ духѣ — имѣть такое гордое мнѣніе въ своей безошибочности и что онъ первый, еслибы только захотѣлъ истинно постараться о томъ, чтобы послѣдняя сцена вышла такъ, какъ ей слѣдуетъ быть, она бы сдѣлалась чистая натура; не примѣтилъ бы зритель такой искусственности и принялъ бы ее за вылившуюся непринужденно. Скажите ему, что для русскаго человѣка нѣтъ невозможнаго дѣла, что нѣтъ даже на языкѣ его и слова *нѣтъ*, если онъ только прежде выучился говорить всякимъ собственнымъ страстишкамъ *нѣтъ*. Письмо это дайте прочесть Шевыреву, такъ же какъ и самую »Развязку Ревизора«, и о полученіи всего этого увѣдомьте меня тотъ же часъ.«

2.

»Пишу къ вамъ еще нѣсколько строкъ, Михаилъ Семеновичъ. Если вы совершенно сошлись и условились съ Сосницкимъ относительно постановки »Ревизора« въ новомъ видѣ, то вотъ вамъ маленькое письмецо къ Сосницкому, которое влагаю незапечатаннымъ, чтобы могли прочесть его также и вы, и встрѣтить тамъ, можетъ быть, что-нибудь нужное и для собственнаго соображенія. По дѣлу хлопочите живо и никакъ не пропускайте бывать у всѣхъ, у кого слѣдуетъ. У графа В****, Михаила Юрьевича, побывайте, какъ я вамъ уже говорилъ. Повидайтесь также съ меньшой дочерью его, графиней Анной Михайловной. Скажите ей, что я непремѣнно приказалъ вамъ къ ней явиться, и разскажите ей обо всемъ относительно постановки »Ревизора«. Скажите ваши мысли о »Ревизорѣ« и вообще обо всемъ по этой части, равно какъ и о ходѣ дѣла. Она будетъ хлопотать о многомъ лучше мужчинъ. На ней, между прочимъ, лежитъ одна изъ главныхъ обязанностей по поводу раздачи суммы для бѣдныхъ; а потому все это дѣло ей близко, и вы можете съ ней разговориться откровенно обо всемъ. Она умна; многое пойметъ и на многое подвинетъ другихъ. А ко мнѣ не позабудьте написать въ Неаполь изъ Петербурга хоть нѣсколько строкъ, чтобы я зналъ, какъ расправлялись вы молодцомъ, или — къ вѣчному стыду — бабой, отъ чего Богъ да сохранитъ васъ.«

3.

»(1847) декабря 16. Неаполь.

»Вы уже, безъ сомнѣнія, знаете, Михаилъ Семеновичъ, что »Ревизора съ Развязкой« слѣдуетъ отложить до вашего бенефиса въ будущемъ 1848 году. На это есть множество причинъ, часть которыхъ, вѣроятно, вы и сами проникаете. Во всякомъ случаѣ я этому радъ. Кромѣ того, что дѣло будетъ не понято публикою нашею въ надлежащемъ смыслѣ, оно выйдетъ просто дрянь отъ дурной постановки піэсы и плохой игры нашихъ актеровъ. »Ревизора« нужно будетъ дать такъ, какъ слѣдуетъ [сколько-нибудь сообразно тому, чего требуетъ по крайней мѣрѣ авторъ его], а для этого нужно время.

Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно всѣ роли, услышали цѣлое всей піэсы и нѣсколько разъ прочитали бы самую піэсу актерамъ, чтобы они такимъ образомъ невольно заучили настоящій смыслъ всякой фразы, который, какъ вы сами знаете, вдругъ можетъ измѣниться отъ одного ударенія, перемѣщеннаго на другое мѣсто, или на другое слово. Для этого нужно, чтобы прежде всего я прочелъ вамъ самому »Ревизора«, а вы бы прочли потомъ актерамъ. Бывши въ Москвѣ, я не могъ читать вамъ »Ревизора«. Я не былъ въ надлежащемъ расположеніи духа, а потому не могъ даже съумѣть дать почувствовать другимъ, какъ онъ долженъ быть съигранъ. Теперь, слава Богу, могу. Погодите, можетъ быть, мнѣ удастся такъ устроить, что вамъ можно будетъ пріѣхать лѣтомъ ко мнѣ. Мнѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя заглянуть въ Россію раньше окончанія работы, которую нужно кончить. Можетъ быть, вамъ также будетъ тогда сподручно взять съ собою и какого-нибудь товарища, больше другихъ толковаго въ дѣлѣ. А до того времени вы все-таки не пропускайте свободнаго времени и вводите, хотя понемногу, второстепенныхъ актеровъ въ надлежащее существо ролей, въ благородный, вѣрный тактъ разговора — понимаете ли? — чтобы не слышался фальшивой звукъ. Пусть изъ нихъ никто не отмѣняетъ своей роли и не кладетъ на нее красокъ и колорита, но пусть услышитъ общечеловѣческое ея выраженіе и удержитъ общечеловѣческое благородство рѣчи. Словомъ, изгнать вовсе каррикатуру и ввести ихъ въ понятіе, что нужно не *представлять*, а *передавать* прежде мысли, позабывши странность и особенность человѣка. Краски положить нетрудно, дать цвѣтъ роли можно и потомъ. Для этого довольно встрѣтиться съ первымъ чудакомъ и умѣть передразнить его; но почувствовать существо дѣла, для котораго призвано дѣйствующее лицо, трудно, и безъ васъ никто самъ по себѣ изъ нихъ этого не почувствуетъ. Итакъ сдѣлайте имъ близкимъ ваше собственное ощущеніе, и вы сдѣлаете этимъ истинно доблестный подвигъ въ честь искусства. А между тѣмъ напишите мнѣ [если книга моя, *Выбран. Мѣста изъ Переписки*, уже вышла и въ вашихъ рукахъ] ваше мнѣніе о статьѣ моей о театрѣ и одностороннемъ взглядѣ на театръ, не скрывая ничего и не церемонясь ни въ чемъ, равнымъ образомъ

какъ и обо всей книгѣ вообще. Что́ ни есть въ душѣ, все несите и выгружайте наружу.«

4.

»Письмо ваше, добрѣйшій Михаилъ Семеновичъ, такъ убѣдительно и краснорѣчиво, что, еслибы я и точно хотѣлъ отнять у васъ Городничаго, Бобчинскаго и прочихъ героевъ, съ которыми, вы говорите, сжились, какъ съ родными по крови, то и тогда бы возвратилъ вамъ вновь ихъ всѣхъ, — можетъ быть, даже и съ поддачей лишняго друга. Но дѣло въ томъ, что вы, кажется, не такъ поняли послѣднее письмо мое. Прочитайте »Ревизора«. Я именно хотѣлъ затѣмъ, чтобы Бобчинскій сдѣлался еще больше Бобчинскимъ, Хлестаковъ Хлестаковымъ, и словомъ—всякъ тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть. Передѣлку же я разумѣлъ только въ отношеніи къ піэсѣ, заключающей »Ревизора«. Понимаете ли это? Въ этой піэсѣ я такъ неловко управился, что зритель непремѣнно долженъ вывести заключеніе, что я изъ »Ревизора« хочу сдѣлать аллегорію. У меня не то въ виду. »Ревизоръ« »Ревизоромъ«, а примѣненіе къ самому себѣ есть непремѣнная вещь, которую долженъ сдѣлать всякъ зритель изо всего, даже и не-»Ревизора«, но которое прилично ему сдѣлать по поводу »Ревизора«. Вотъ что́ слѣдовало было доказать по поводу словъ: »Развѣ у меня рожа крива?« Теперь осталось все при всемъ: и овцы цѣлы, и волки сыты. Аллегорія аллегоріей, а »Ревизоръ« »Ревизоромъ«. Странно, однакожъ, что свиданіе наше не удалось. Разъ въ жизни пришла мнѣ охота прочесть какъ слѣдуетъ »Ревизора«, чувствовалъ, что прочелъ бы дѣйствительно хорошо,—и не удалось. Видно, Богъ не велитъ мнѣ заниматься театромъ. Одно замѣчанье на счетъ Городничаго пріймите къ свѣдѣнію. Начало перваго акта нѣсколько у васъ холодно. Не позабудьте также: у Городничаго есть нѣкоторое ироническое выраженіе въ минуты самой досады, какъ, напримѣръ, въ словахъ: »Такъ ужъ, видно, нужно. До сихъ поръ подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь и къ нашему«. Во второмъ актѣ, въ разговорѣ съ Хлестаковымъ слѣдуетъ гораздо больше игры въ лицѣ. Тутъ есть совершенно различные выраженья сар-

казма. Впрочемъ это ощутительнѣй по послѣднему изданію, напечатанному въ »Собраніи Сочиненій«.

»Очень радъ, что вы занялись ревностно писаніемъ вашихъ записокъ. Начать въ ваши годы писать записки — это значитъ жить вновь. Вы непремѣнно помолодѣете и силами, и духомъ, а чрезъ то приведете себя въ возможность прожить лишній десятокъ лѣтъ«.

»*Предувѣдомленіе.*

»Почти всѣ наши русскіе литераторы жертвовали чѣмъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ: одни издавали съ этою цѣлью сами книги, другіе не отказывались участвовать въ изданіяхъ, собираемыхъ изъ общихъ трудовъ, третьи, наконецъ, составляли нарочно для того публичныя чтенія. Одинъ я отсталъ отъ прочихъ. Желая хотя поздо загладить свой проступокъ, назначаю въ пользу неимущихъ четвертое и пятое изданіе »Ревизора«, нынѣ напечатанныя въ одно и то же время въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ присовокупленіемъ новой, неизвѣстной публикѣ піэсы: »Развязка Ревизора«. По разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, піэса эта не могла быть доселѣ издана, и въ первый разъ помѣщается здѣсь.

»Деньги, выручаемыя за оба эти изданія, назначаются только въ пользу тѣхъ неимущихъ, которые, находясь на самыхъ незамѣтныхъ маленькихъ мѣстахъ, получаютъ самое небольшое жалованье и этимъ небольшимъ жалованьемъ, едва достаточнымъ на собственное прокормленіе, должны помогать, а иногда даже и содержать, еще бѣднѣйшихъ себя родственниковъ своихъ,—словомъ, въ пользу тѣхъ, которымъ досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни. А потому прошу всѣхъ моихъ читателей, которые сдѣлали уже начало доброму дѣлу покупкой этой книги, сдѣлать ему и доброе продолженіе, а именно: собирать, по возможности и по мѣрѣ досуга, свѣдѣнія обо всѣхъ наиболѣе нуждающихся, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, не пренебрегая скучнымъ дѣломъ входить самому *лично* въ ихъ трудныя обстоятельства и доставлять всѣ таковыя свѣдѣнія тѣмъ, на которыхъ возложена раздача вспомоществованія.

»Много происходитъ вокругъ насъ страданій, намъ неизвѣст-

ныхъ. Часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же улицѣ, въ одномъ и томъ же съ нами домѣ изныватъ человѣкъ, сокрушенный весь тяжкимъ игомъ нужды и ею порожденнаго, суроваго внутренняго горя,—котораго вся участь, можетъ быть, зависѣла отъ одного нашего пристальнаго на него взгляда; но взгляда на него мы не обратили; безпечно и беззаботно продолжаемъ жизнь свою, почти равнодушно слышимъ о томъ, что такой-то, жившій съ нами рядомъ, погибнулъ, не подозрѣвая того, что причиной этой погибели было именно то, что мы не дали себѣ труда пристально взглянуть на него. Ради самаго Христа, умоляю не пренебрегать разговорами съ тѣми, которые молчаливы, неразговорчивы, которые скорбятъ тихо, претерпѣваютъ тихо и умираютъ тихо, такъ что даже рѣдко и по смерти ихъ узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени своего горя. Всѣхъ же тѣхъ моихъ читателей, которые, будучи заняты обязанностями и должностями высшими и важнѣйшими, не имѣютъ черезъ то досуга входить непосредственно въ положеніе бѣдныхъ, прошу не оставить посильнымъ денежнымъ вспоможеніемъ, препровождая его къ одному изъ раздавателей такихъ вспомоществованій, которыхъ имена, и адресы приложены въ концѣ сего предувѣдомленія.

»Считаю обязанностью при этомъ увѣдомить, что избраны мною для этого дѣла тѣ изъ мнѣ знакомыхъ лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хлопотами и обязанностями, лишающими нужнаго досуга для подобныхъ занятій, влекутся сверхъ того собственной, душевной потребностью помогать другому и которые взялись радостно за это трудное дѣло, не смотря на то, что оно отнимаетъ отъ нихъ множество пріятныхъ удовольствій свѣтскихъ, которыми неохотно жертвуетъ человѣкъ. А потому всякъ изъ дающихъ можетъ быть увѣренъ, что помощь, имъ произведенная, будетъ произведена съ разсмотрѣніемъ: не бросится изъ нея и копѣйка напрасно. Не помогутъ они по тѣхъ поръ человѣку, пока не узнаютъ его близко, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ, его окружающихъ, и не получатъ такимъ образомъ вразумленія полнаго, какимъ совѣтомъ и напутствіемъ сопроводить поданную ему помощь. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ страждущій самъ виной тяжелой участи

своей и въ дѣло его бѣдствія замѣшалось дѣло его собственной совѣсти, помощь произведутъ они не иначе, какъ черезъ руки опытныхъ священниковъ и вообще такихъ духовниковъ, которые не въ первой разъ имѣли дѣло съ душою и совѣстью человѣка. Хорошо, еслибы всякъ изъ тѣхъ, которые будутъ собирать свѣдѣнія о бѣдныхъ, взялъ на себя трудъ изъясняться объ этомъ съ раздавателями суммъ лично, а не посредствомъ переписки: въ разговорахъ объясняются легко всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Всякъ можетъ усмотрѣть самъ, уже по роду самаго дѣла, къ кому изъ означенныхъ лицъ ему будетъ приличнѣй, ловче и лучше обратиться, принимая въ соображеніе и то, въ какомъ дѣлѣ особенно нужно сострадательное участіе женщины, а въ какомъ твердое, братски подкрѣпляющее слово мужа. Лучше, если для такихъ переговоровъ будетъ назначенъ разъ навсегда одинъ опредѣленный часъ, хотя, положимъ, отъ 11 до 12, который вообще для всѣхъ, для большинства людей, есть удобнѣйшій; еслижъ кому онъ и неудобенъ, то все-таки, пришедши въ этотъ часъ, можно получить освѣдомленіе о другомъ удобнѣйшемъ«. (¹)

Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

1.

»На письмо твое, сестра Анна Васильевна, я не отвѣчалъ, хотя былъ имъ доволенъ. На счетъ племянника нашего скажу тебѣ, что — — я думалъ только, не вырвется ли какъ-нибудь въ словахъ его любовь и охота къ какому-нибудь *близкому* дѣлу, которое подъ рукой и о которомъ мальчикъ въ его лѣта можетъ имѣть понятіе.— — — Ты внуши ему по крайней мѣрѣ желанье читать побольше историческихъ книгъ и желанье узнавать собственную землю, географію Россіи, исторію Россіи, путешествія по Россіи. Пусть онъ распрашиваетъ и узнаетъ про всякое сословіе въ Россіи, начи-

(¹) Слѣдуютъ имена и мѣста жительства лицъ, принявшихъ на себя раздачу вспомоществованій. *Н. М.*

ная съ собственной губерніи и уѣзда: что̀ такое крестьяне, на какихъ они условіяхъ, сколько работаютъ въ этомъ мѣстѣ, сколько въ другомъ, какими работами занимаются,—что́ такое мѣщане въ городахъ, чѣмъ занимаются,—что́ такое купцы и чѣмъ торгуютъ,—что̀ производитъ такой-то уѣздъ, или губернія и чѣмъ промышляютъ въ другомъ мѣстѣ. Словомъ — нужно, чтобы въ немъ пробудилось желанье узнавать *бытъ людей*, населяющихъ Россію. Съ этими познаньями онъ можетъ сдѣлаться потомъ хорошимъ чиновникомъ и нужнымъ человѣкомъ государству. Ты можешь слегка пріучать его къ этому даже въ деревнѣ Васильевкѣ. Напримѣръ, въ первую ярмарку, какая случится у васъ, вели ему высмотрѣть хорошенько, какихъ товаровъ больше и какихъ меньше, и записать это на бумажкѣ,— скажи, что для меня. Потомъ пусть запишетъ, откуда и съ какихъ мѣстъ больше привезли товаровъ и чьи люди больше торгуютъ и больше привозятъ. Это заставитъ его и переспросить, и поразговориться со многими торговцами. А потомъ можетъ такимъ образомъ и въ Полтавѣ замѣчать многое. Нужно, чтобы онъ не пропускалъ ничего безъ *наблюдательности*. Если въ немъ пробудится *наблюдательность* всего, что́ ни окружаетъ, тогда изъ него выйдетъ человѣкъ; безъ этого же свойства, онъ будетъ кругомъ *ничто*. Вотъ все, что́ почитаю нужнымъ передать тебѣ по предмету племянника. — — —«

2.

»Отъ Шевырева ты получишь нѣсколько книгъ, которыя ты должна будешь прочесть вмѣстѣ съ племянникомъ, потому что онѣ собственно для него. Но я бы хотѣлъ, чтобы ты ихъ прочитала тоже. Онѣ могутъ и тебя нѣсколько навести именно на то, что́ нужно знать тому, кто бы захотѣлъ бы истинно честно служить землѣ своей. Тебѣ это нужно, чтобы умѣть внушить своему племяннику *желаніе* любить Россію и *желанье* знать ее. Прочитай особенно книгу самаго Шевырева: »Чтенія о Русской Словесности«. Они тебя введутъ глубже въ этотъ предметъ, чѣмъ племянника, потому что онъ еще дитя, и ты будешь потомъ въ силахъ истолковать ему многое, чего онъ самъ не пойметъ. Старайся также внушить ему, что на всякомъ мѣстѣ можно испол-

нять свято долгъ свой, и нѣтъ въ мірѣ мѣста, которое бы можно назвать было презрѣннымъ. Всякое мѣсто можетъ быть облагорожено, если будетъ на немъ благородный человѣкъ. Между книгами одна будетъ *Гуфланда*, *О Жизни человѣческой*. Ты ее передай Ольгѣ: это ея книга, такъ же какъ и прочія, духовнаго содержанія. Пожалуста почаще экзаминуй племянника въ тѣхъ наукахъ, которыя онъ учитъ въ гимназіи. Заставляй его почаще изъяснять тебѣ, въ чемъ именно состоитъ такая-то и такая наука и что́ въ ней содержится. Проси его слушать повнимательнѣе преподавателей, чтобы пересказать потомъ тебѣ; увѣрь его, что ты многому и сама хочешь поучиться у него. Тебѣ это удастся, я знаю. Тогда тебѣ лучше откроется, что́ онъ такое и къ чему именно есть у него способности. Старайся также доказать ему, что тотъ, кто *желаетъ* учиться и быть полезнымъ землѣ своей, тотъ съумѣетъ научиться и у профессора не очень умнаго; а кто не имѣетъ этого *желанья*, тотъ не научится ничему и у найумнѣйшаго учителя, — чтобы онъ не научился нерадѣть и о самой наукѣ изза того только, что *учитель* не совсѣмъ хорошъ, но чтобы чувствовалъ, что тогда еще больше нужно *работать* самому, когда учитель не такъ хорошъ.«

XXVIII.

Путешествіе въ Іерусалимъ.—Конвоированье черезъ пустыни Сиріи.—Побудительныя причины къ путешествію. — Внутреннее перевоспитаніе. — Понятія о службѣ. — Письма о путешествіи въ Іерусалимъ къ Н. Н. Ш*****, П. А. Плетневу, А. С. Данилевскому, Жуковскому и отцу Матвѣю.

Изъ помѣщенныхъ здѣсь писемъ видно, что Гоголя никогда не оставляла мысль о задуманномъ имъ давно уже путешествіи въ Іерусалимъ. Наконецъ наступило время совершить его.

Свѣдѣнія мои объ этомъ благочестивомъ подвигѣ поэта ограничиваются, покамѣсть, только тѣмъ, что онъ совершилъ переѣздъ черезъ

пустыни Сиріи въ сообществѣ своего соученика по гимназіи, Б***,— того самаго, съ которымъ онъ хотѣлъ стрѣляться на пистолетахъ безъ курковъ. Б***, занимая значительный постъ въ Сиріи, пользовался особеннымъ вліяніемъ на умы туземцевъ. Для поддержанія этого вліянія, онъ долженъ былъ играть роль полномочнаго вельможи, который признаетъ надъ собой только власть »Великаго Падишаха«. Каково же было изумленіе Арабовъ, когда они увидѣли его въ явной зависимости отъ его тщедушнаго и невзрачнаго спутника! Гоголь, изнуряемый зноемъ песчаной пустыни и выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ дорожнихъ неудобствъ, которыя, ему казалось, легко было бы устранить,—не разъ увлекался за предѣлы обыкновенныхъ жалобъ и сопровождалъ свои жалобы такими жестами, которые, въ глазахъ туземцевъ, были доказательствомъ ничтожности грознаго сатрапа. Это не нравилось его другу; мало того: это было даже опасно въ ихъ странствованіи черезъ пустыни, такъ какъ ихъ охраняло больше всего только высокое мнѣніе Арабовъ о значеніи Б*** въ Русскомъ государствѣ. Онъ упрашивалъ поэта говорить ему наединѣ что́ угодно, но при свидѣтеляхъ быть осторожнымъ. Гоголь соглашался съ нимъ въ необходимости такого поведенія, но при первой досадѣ позабылъ дружескія условія и обратился въ избалованнаго ребенка. Тогда Б*** рѣшился вразумить пріятеля самимъ дѣломъ и принялъ съ нимъ такой тонъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Это заставило поэта молчать, а мусульманамъ дало почувствовать, что Б*** все-таки полновластный визирь »Великаго Падишаха«, и что выше его нѣтъ визиря въ Имперіи.

Но любопытно было бы проводить Гоголя мыслью по всѣмъ посѣщеннымъ имъ мѣстамъ въ Палестинѣ, что́, безъ сомнѣнія, кто-нибудь и сдѣлаетъ въ свое время. Въ жизни такого писателя и человѣка, какъ Гоголь, не можетъ быть шагу, который бы не заслуживалъ вниманія. Если какое-нибудь движеніе его души и непонятно для насъ, несообразно съ извѣстными намъ обстоятельствами, или даже, по нашему нынѣшнему взгляду на вещи, вовсе незамѣчательно, то мы все-таки должны сохранить его въ чистотѣ истины для будущихъ мыслителей, которые, можетъ быть, будутъ стоять на бо́льшей высотѣ, нежели мы стоимъ, и озирать обширнѣйшій круго-

зоръ фактовъ, нежели какой представляется нашимъ умственнымъ взорамъ.

Относительно побудительныхъ причинъ къ путешествію въ Іерусалимъ, я долженъ сказать, что Гоголь въ этомъ случаѣ руководился не однимъ безотчетнымъ чувствомъ благоговѣнія къ мѣстамъ, освященнымъ столь великими воспоминаніями,—чувствомъ, общимъ всѣмъ христіянамъ: у него было болѣе частное душевное побужденіе.

Выше было уже сказано, что мысль о службѣ никогда не оставляла Гоголя,—что онъ въ первой молодости своей перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ, ища, гдѣ бы приносить больше пользы своему отечеству,—что, почувствовавъ наконецъ себя достойнымъ дѣятелемъ на поприщѣ писателя, онъ оставилъ службу и обратилъ всѣ свои силы на то, чтобы произвести твореніе, истинно полезное соотечественникамъ, и этимъ способомъ доказать, что онъ также гражданинъ земли своей. Мы знаемъ, какъ онъ исполнилъ часть своего предпріятія, написавъ и издавъ первый томъ »Мертвыхъ Душъ«. Но это было не болѣе, какъ начало; это было, по его же сравненію, только сѣрое и закопченное дымомъ предмѣстіе къ великолѣпному городу, въ который онъ намѣревался ввести своего читателя; это было только крыльцо къ тому дворцу, который строился въ воображеніи автора. Такъ какъ по плану Гоголя нужно было, чтобы вся первая часть »Мертвыхъ Душъ« наполнена была только пошлыми лицами, выражающими паденіе натуры человѣческой, то онъ написалъ ее безъ особенныхъ усилій. Онъ уже стоялъ на такой нравственной высотѣ, чтобы видѣть въ другихъ и въ самомъ себѣ все унизительное для человѣческаго достоинства. Онъ прошелъ по тому пути, на которомъ встрѣчаются изображенныя имъ лица, и изучилъ всю ихъ обстановку. Глубокое сознаніе того, чѣмъ слѣдуетъ быть человѣку, и грустныя воспоминанія видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни помогли ему выставить пошлости и пороки современнаго человѣка съ такой безпощадной истиною, что всѣ безъ исключенія почувствовали отвращеніе къ его героямъ; а нѣкоторые, не разобравъ, что тутъ дѣйствовала въ авторѣ необычайная способность воспроизводить въ полныхъ типахъ отдѣльныя явленія повседневной жизни, не обинуясь объявили, что онъ самъ долженъ быть съ родни своимъ Чичиковымъ,

Плюшкинымъ, Ноздревымъ и т. д. А между тѣмъ авторъ изнемогалъ подъ тяжестью своей обязанности входить въ нечистыя души своихъ дѣйствующихъ лицъ, принимать на себя ихъ отвратительный видъ и лицедѣйствовать за нихъ передъ публикой. Тягость его подвига тѣмъ больше подавляла его, что онъ зналъ, какъ взглянутъ на него за его метампсихозисъ. Онъ зналъ это и завидовалъ писателю, »который не измѣнилъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не спускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы«. (¹) Онъ зналъ это и жаловался на удѣлъ писателя, »дерзнувшаго вызвать наружу все, что̀ ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи«! (²) Онъ предвидѣлъ, что современный судъ »назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта«. (³)

»И долго еще (говорилъ онъ съ грустью одинокаго, безсемейнаго путника посреди дороги) опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святый ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей....« (⁴)

Это было сказано не даромъ. Онъ исполнилъ часть своего пред-

(¹) »Мертвыя Души«, стр. 252.—(²) Тамъ же, стр. 252—253.—(³) Тамъ же.—(⁴) Тамъ же, стр. 254.

пріятія тѣмъ, что создалъ характеры и выставилъ явленія, которые внушили »сильное отвращеніе отъ ничтожнаго« и »разнесли по Россіи нѣкоторую тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ себя«. Но ему предстояло совершить гораздо больше: ему нужно было представить такія явленія русской натуры, которыя бы подвинули читателя впередъ уже не отвращеніемъ только отъ низкаго и дурного, а пламеннымъ сочувствіемъ къ высокому и прекрасному. Тутъ онъ былъ остановленъ въ своей работѣ самымъ непріятнымъ образомъ. Произведя анализъ надъ собственной душой, онъ убѣдился, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣческой души нельзя по воображенію, что »добродѣтельныхъ людей въ головѣ не выдумаешь и что, пока не станешь самъ хотя сколько-нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что̀ ни напишетъ перо твое, и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды.« (2)

Чтобы подняться на высоту, съ которой видны ясно недостатки и достоинства каждаго народа, Гоголь оставилъ на время всѣ свои занятія по предмету изученія русскихъ людей и Россіи и »обратилъ все свое вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще«. Онъ принялся читать книги, имѣющія предметомъ изслѣдованіе души человѣческой въ разныхъ ея проявленіяхъ, откровенныя записки людей разнаго званія объ ихъ душевныхъ тайнахъ, трактаты и системы законодателей и, переходя отъ наставника къ наставнику, дошелъ наконецъ до яснаго уразумѣнія того, съ чего въ дѣтствѣ началъ науку жизни, но что́ онъ до тѣхъ поръ понималъ не совсѣмъ ясно. Онъ убѣдился, что всѣ ученія философовъ сходятся, какъ радіусы въ центрѣ, въ ученіи Спасителя міра, и что только христіанину отверзаются всѣ таинства души человѣческой.

Разрѣшивъ оживленною вновь вѣрою во Христа нѣкоторые важные вопросы, занимавшіе его душу, и удовлетворивъ своей жаждѣ знать человѣка вообще, онъ опять почувствовалъ влеченіе къ поэтиче-

(2) »Переписка съ Друзьями«, стр. 150.

скому труду своему и занялся съ новымъ жаромъ изученіемъ Россіи и русскаго человѣка. Онъ началъ знакомиться съ опытными практическими людьми всѣхъ сословій, которымъ хорошо были извѣстны разныя особенности на Руси и вообще ея вещественное и нравственное состояніе, и завелъ переписку съ такими людьми, которые могли сообщить ему какое-нибудь интересное обстоятельство, или описать какой-нибудь замѣчательный характеръ. Это было ему нужно для того, чтобы при созданіи своихъ типовъ, онъ могъ принимать въ соображеніе какъ можно больше предметовъ и явленій дѣйствительнаго міра, ибо свойство его творчества было таково, что только тогда каждое лицо въ его сочиненіи становилось живымъ, когда онъ, утвердивъ въ умѣ крупныя черты его, обнималъ въ то же время всѣ мелочи и дрязги, которые должны окружать это лицо въ жизни дѣйствительной.

Письменные запросы Гоголя были, однакожъ, напрасны; напрасно было также и воззваніе его въ предисловіи ко второму изданію »Мертвыхъ Душъ«, въ которомъ онъ просилъ помощи у всѣхъ грамотныхъ людей. Онъ высказалъ этимъ только простодушіе художника, который смотритъ на міръ съ вѣрою въ его симпатію и предполагаетъ въ немъ множество людей, готовыхъ помочь ему въ его великомъ дѣлѣ. Будучи, однакожъ, не только артистомъ въ душѣ, но и человѣкомъ умнымъ, онъ не могъ не знать, что его запросы и особенно печатные, навлекутъ на него насмѣшки со стороны людей, видящихъ вещи съ прозаической точки зрѣнія; но онъ рѣшился переносить и насмѣшки, лишь бы добыть хоть отъ нѣсколькихъ лицъ такія записки, которыя помогли бы ему двинуть впередъ свою работу и продолжать такимъ образомъ по-своему службу отечеству, которая была для него главнѣйшимъ долгомъ на землѣ. Но всѣ были заняты своими дѣлами и предоставляли поэту дѣлать свое; никто, или почти никто, не помогъ ему, а въ журналахъ на его запросы отвѣчали насмѣшками. Онъ долженъ былъ ограничиться собственными наблюденіями и распросами у нѣсколькихъ земляковъ, съ которыми сталкивался онъ за границей. Тамъ люди охотнѣе разговаривали съ нимъ о томъ, что̀ составляетъ характеристическія особенности русскаго человѣка, и глубже вникали въ явленія русской жизни. Въ Россіи,

напротивъ, Гоголь слышалъ чаще всего отвлеченные толки, лишенные анекдотическаго характера. А ему нужны были только факты, только черты, взятыя съ натуры, а не изъ философическихъ навеваній, для того, чтобы придать образовавшимся въ его фантазіи высокимъ характерамъ колоритъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ работа шла у него медленно, — тѣмъ болѣе, что, возвысясь до чистаго художественнаго критицизма, онъ сдѣлался очень строгъ къ самому себѣ и безпрестанно останавливалъ себя вопросами: »Зачѣмъ? къ чему это? какая отъ этого будетъ польза?« и т. п. Онъ написалъ было уже второй томъ »Мертвыхъ Душъ«, но, повинуясь своему непреложному внутреннему суду, сжегъ его вмѣстѣ съ прочими своими произведеніями, существовавшими въ рукописи, какъ недостойное обнародованія. Пробовалъ писать вновь, но ничто его не удовлетворяло. Христіянинъ и художнихъ спорили еще въ немъ другъ съ другомъ и не слились въ одно животворное духовное существо. Онъ былъ доволенъ только своими письмами къ знакомымъ и друзьямъ о томъ, что̀ занимало его пересоздававшую себя душу, и, обрадовавшись, что могъ высказываться хоть въ этой формѣ, издалъ выборъ изъ писемъ особою книжкою. Онъ надѣялся, что этими письмами обратитъ вниманіе общества на то, что̀ онъ называлъ дѣломъ жизни, и что, заставивъ говорить другихъ, заговоритъ самъ о Россіи. Но, вмѣсто разрѣшенія предложенныхъ имъ въ »Перепискѣ« вопросовъ, грамотные русскіе люди принялись судить и рядить о самомъ авторѣ. Это заставило его снова погрузиться въ самаго себя и признать себя недозрѣвшимъ еще до того, чтобы произвести умное и нужное человѣку слово. Мало-помалу онъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что его сочиненія, какъ писателя не вполнѣ организовавшагося, могутъ скорѣе принести вредъ, нежели пользу, и что поэтому онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ положить перо, пока не почуетъ себя вполнѣ приготовленнымъ къ своему дѣлу. Смиренномудрый въ высшей степени и постоянно одушевляемый жаждою приносить пользу ближнимъ, Гоголь усомнился наконецъ даже въ томъ, дѣйствительно ли поприще писателя есть прямое его назначеніе. Вмѣстѣ съ вѣрою, которая была глубоко внѣдрена въ него воспитиніемъ и прояснѣла посредствомъ анализа, произведеннаго

имъ надъ своей душою, въ немъ возгорѣлась прежняя страсть къ службѣ государственной. Только теперь уже онъ не строилъ себѣ, какъ прежде, никакихъ плановъ касательно должности, которая должна быть создана собственно для него. Теперь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на обыкновеннаго человѣка, и всѣ мѣста по службѣ казались ему одинаково значительными, если только, служа Царю земному, служить этимъ самимъ и поставившему Его Господу. Онъ рѣшился возвратиться въ Россію и немедленно вступитъ въ государственную службу, — только выбрать себѣ должность по своимъ способностямъ, такую должность, которая бы дала ему возможность изучить русскаго человѣка практически, съ тѣмъ, что если возвратится къ нему творчество, то чтобы у него набрались матеріалы. Такъ совершилось въ Гоголѣ безпримѣрное перерожденіе — торжество христіянина надъ художникомъ и потомъ возрожденіе художника въ христіянинѣ,— словомъ, душевное пересозданіе, возведшее его на ту степень поэтическаго творчества, на которой онъ явился во второмъ томѣ »Мертвыхъ Душъ«. Онъ понялъ, что онъ ужъ другой человѣкъ, что ученіе его кончилось, что онъ вступаетъ на новое поприще служенія ближнему, какова бы ни была форма этого служенія; и вотъ онъ отправляется въ Іерусалимъ помолиться своему Божественному Учителю на томъ мѣстѣ, которое освящено Его стопами, испросить у Него новыхъ силъ на дѣло, къ которому готовился всю жизнь, и поблагодарить Его за все, что̀ ни случилось съ нимъ въ жизни.

Вотъ объясненіе предпріятія, которое, по мнѣнію людей, стоявшихъ вдали отъ Гоголя, казалось явленіемъ совершенно отдѣльнымъ отъ всего въ его жизни, но которое теперь оказывается въ тѣсной и необходимой связи съ его душевною исторіею.

Помѣщу здѣсь рядъ писемъ его, относящихся къ его путешествію въ Іерусалимъ. Въ нихъ читатель не найдетъ того, что̀ собственно можно бы назвать исторіею путешествія, но они обнаруживаютъ чувства, которыми была полна душа поэта въ разные моменты этого событія. Между прочимъ замѣчательна слѣдующая просьба его къ матери (¹).

(¹) Въ письмѣ отъ 14-го ноября, 1847.

»Во все время, когда я буду въ дорогѣ, вы не выѣзжайте никуда и оставайтесь въ Васильевкѣ. Мнѣ нужно именно, чтобы вы молились обо мнѣ въ Васильевкѣ, а не въ другомъ мѣстѣ. Кто захочетъ васъ видѣть, можетъ къ вамъ пріѣхать. Отвѣчайте всѣмъ, что находите неприличнымъ въ то время, когда сынъ вашъ отправил- на такое святое поклоненіе, разъѣзжать по гостямъ и предаваться какимъ-нибудь развлеченіямъ.«

*Къ Н. Н. Ш*****.*

»Христосъ воскресе!

»Знаю, что и вы произнесли мнѣ это святое привѣтствіе, добрый другъ мой. Дай Богъ воспраздновать намъ вмѣстѣ этотъ святой праздникъ во всей красотѣ его еще здѣсь, еще на землѣ, еще прежде того времени, когда, по неизреченной милости Своей, допуститъ насъ Богъ воспраздновать на небесахъ, на невечерѣющемъ днѣ Его царствія. Мнѣ скорбно было услышать объ утратѣ вашей, но скоро я утѣшился мыслью, что для христіянина нѣтъ утраты, что въ вашей душѣ живутъ вѣчно образы тѣхъ, къ которымъ вы были привязаны; стало быть, ихъ отторгнуть отъ васъ никто не можетъ; стало быть, вы не лишились ничего; стало быть, вы не сдѣлали утраты. Молитвы ваши возсылаются за нихъ по прежнему, доходятъ такъ же къ Богу, можетъ быть, еще лучше прежняго; стало быть, смерть неразорвала вашей связи. Итакъ Христосъ воскресъ, а съ Нимъ и всѣ близкіе душамъ нашимъ! Чтó сказать вамъ о себѣ? Здоровьемъ не похвалюсь, но велика милость Божія, поддерживающая духъ и дающая силы терпѣть и переносить. Вы уже знаете, что я весь этотъ годъ опредѣлилъ на ѣзду: средство, которое болѣе всего мнѣ помогало. Въ это время я постараюсь, во время ѣзды и дороги, продолжать доселѣ плохо и лѣниво происходившую работу. На это подаетъ мнѣ надежду свѣжесть головы и болѣе зрѣлость, къ которой привели меня именно недуги и болѣзни. Итакъ вы видите, что они были не безъ пользы и что все намъ ниспосылаемое ниспосылается на пользу нашего же труда, предпринятаго во имя Божіе, хотя и кажется

въ началѣ, какъ-будто и препятствуетъ намъ. Молитесь же Богу, добрый другъ, дабы отнынѣ все потекло успѣшно и заплатилъ бы я тотъ долгъ, о которомъ говоритъ мнѣ немолчно моя совѣсть, и могъ бы я безъ упрека предстать предъ Гробомъ Господа нашего и совершить Ему поклоненіе, безъ котораго не успокоится душа и не въ силахъ я буду принести ту пользу, которую бы искренно и нелицемѣрно хотѣла принести душа моя.«

Къ ней же.

»Ваши письма, одно черезъ Хомякова , другое по почтѣ, получилъ одно за другимъ. По прежнему изъявляю вамъ благодарность мою за нихъ: они почти всегда приходятся кстати, всегда болѣе или менѣе говорятъ моему состоянію душевному , сердце слышитъ освѣженіе, и я только благодарю Бога за то, что Онъ внушилъ вамъ мысль полюбить меня и обо мнѣ молиться. Только сила любви и сила молитвы помогли вамъ сказать такія нужныя душѣ слова и наставленія. Они одни только могли направить рѣчь вашу отвѣтно на то, что́ во мнѣ, и пролить цѣленье въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ больше болитъ. Другъ мой Надежда Николаевна, молите Бога, чтобъ Онъ удостоилъ меня такъ поклониться Святымъ Мѣстамъ, какъ слѣдуетъ человѣку, истинно любящему Бога, поклониться. О, еслибы Богъ, со дня этого поклоненья моего, не оставлялъ меня никогда и утвердилъ бы меня во всемъ, въ чемъ слѣдуетъ быть крѣпку, и вразумилъ бы меня, какъ ни на одинъ шагъ не отступаться отъ воли Его! Мысли мои донынѣ были всегда устремлены на доброе; желанье добра меня всегда занимало прежде всѣхъ другихъ желаній, и только во имя его предпринималъ я дѣйствія свои. Но какъ на всякомъ шагу способны мы увлекаться! какъ всюду способна замѣшаться личность наша! какъ и въ самоотверженіи нашемъ еще много тщеславнаго и себялюбиваго! какъ трудно, будучи писателемъ и стоя на томъ мѣстѣ, на которомъ стою я, умѣть сказать только такія слова, которыя дѣйствительно угодны Богу! какъ трудно быть благоразумнымъ, и какъ мнѣ въ нѣсколько разъ труднѣй, чѣмъ всякому другому, быть благоразумнымъ! Безъ Бога мнѣ не поступить благоразумно ни въ

одномъ моемъ поступкѣ, а не поступлю я благоразумно — грѣхъ мой несравненно большій противу всякаго другого человѣка. Вотъ почему обо мнѣ слѣдуетъ, можетъ быть, больше молиться, чѣмъ о всякомъ другомъ человѣкѣ. Итакъ благодарю васъ много за все, за ваши письма и молитвы, и вновь прошу васъ такъ какъ и прежде не оставлять меня ими.«

Къ П. А. Плетневу.

»Остенде. Августа 24 (1847).

»Твое милое письмецо отъ $\frac{\text{29 іюля}}{\text{10 авг.}}$ получилъ. Оставимъ на время все. Поѣду въ Іерусалимъ, помолюсь, и тогда примемся за дѣло, разсмотримъ рукописи и все обдѣлаемъ сами лично, а не заочно. А потому, до того времени, отобравши всѣ мои листки, отданные кому-либо на разсмотрѣніе, положи ихъ подъ спудъ и держи до моего возвращенія. Не хочу ничего ни дѣлать, ни начинать, покуда не совершу моего путешествія и не помолюсь, какъ хочется мнѣ помолиться, поблагодаря Бога за все, что́ ни случилось со мною. Теперь только, выслушавши всѣхъ, могу послѣдовать совѣту Пушкина: »Живи одинъ« и пр. А безъ того врядъ ли бы мнѣ пришелся этотъ совѣтъ, потому что всё-таки, для того, чтобы идти дорогой собственнаго ума, нужно прежде изрядно поумнѣть. Сообразя всѣ критики, замѣчанія и нападенія, какъ изустныя, такъ и письменныя, вижу, что прежде всего нужно всѣхъ поблагодарить за нихъ. Вездѣ сказана часть какой-нибудь правды, не смотря на то, что главная и важная часть книги моей едвали, кромѣ тебя да двухъ-трехъ человѣкъ, кѣмъ-нибудь понята. Рѣдко кто могъ понять, что мнѣ нужно было также вовсе оставить поприще литературное, заняться душой и внутреннею своею жизнью для того, чтобы потомъ возвратиться къ литературѣ создавшимся человѣкомъ и не вышли бы мои сочиненія блестящая побрякушка.

»Ты правъ совершенно, признавая важность литературы [разумѣя въ ея высокомъ смыслѣ ея вліяніе на жизнь]; но какъ много нужно, чтобы дойдти до того! Какое полное знаніе жизни, сколько разума и безпристрастія старческаго нужно для того, чтобы создать

такіе живые образы и характеры, которые пошли бы навѣки въ урокъ людямъ, которыхъ бы никто не назвалъ въ то же время идеальными, но почувствовалъ, что они взяты изъ нашего же тѣла, изъ нашей же русской природы! Какъ много нужно сообразить, чтобы создать такихъ людей, которые были бы истинно нужны *нынѣшнему времени*! Скажу тебѣ, что, безъ этого внутренняго воспитанія я бы не въ силахъ былъ даже хорошенько разсмотрѣть все то, что̀ необходимо мнѣ разсмотрѣть. Нужно очень много побѣдить въ себѣ всякаго рода щекотливыхъ струнъ, чтобы ничѣмъ не раздражиться, ни на что̀ не сердиться и умѣть хладнокровно выслушать всѣхъ и взвѣсить всякую вещь. Теперь я хоть и узналъ, что *ничего не знаю,* но знаю въ тоже время, что *могу узнать* столько, сколько другой не узнаетъ. Но обо всемъ этомъ будемъ толковать, когда свидимся. Постараюсь, по пріѣздѣ въ Россію, получше разглядѣть Россію, всюду заглянуть, переговорить со всякимъ, не пренебрегая ни кѣмъ, какъ бы ни противоположенъ былъ его образъ мыслей моему, и словомъ—все пощупать самому.

»Напиши мнѣ о своихъ предположеніяхъ на будущій годъ относительно тебя самого, равно какъ и о томъ, разстаешься ли ты съ университетомъ. Признаюсь, мнѣ жалко, если ты это сдѣлаешь. Оставить профессорство—это я понимаю; но оставить ректорство—это мнѣ кажется невеликодушно. Какъ бы то ни было, но это мѣсто почтенное. Оно можетъ много возвыситься отъ долговременнаго на немъ пребыванія благороднаго, честнаго и возвышеннаго чувствами человѣка. Мнѣ такъ становится жалко, когда я слышу, что кто-нибудь изъ хорошихъ людей сходитъ съ служебнаго поприща, какъ бы происходила какая-нибудь утрата въ моемъ собственномъ благосостояніи.— — — Важнѣйшая государственная часть все-таки есть воспитаніе юношества; а потому на значительныхъ мѣстахъ по министерству народнаго просвѣщенія все-таки должны быть тѣ, которые прежде сами были воспитатели и знаютъ опытно то, что̀ другіе хотятъ постигнуть разсужденіемъ и умствованіями. А впрочемъ ты, вѣроятно, все это обсудилъ и взвѣсилъ, и знаешь, какъ слѣдуетъ поступить тебѣ.«

*Къ Н. Н. Ш*****.*

»Ноября 8 (1847).

»Пишу къ вамъ, добрый другъ Надежда Николаевна, изъ Флоренціи. Здоровье, благодаря молитвамъ молившихся обо мнѣ, а въ томъ числѣ и вашимъ, гораздо лучше. Слышу, что все въ волѣ Божіей, и если только угодно будетъ Его святой милости, если это будетъ признаннымъ Имъ нужнымъ для меня, то я буду и совсѣмъ здоровъ. Теперь все подвигаюсь къ югу, чтобы быть ближе къ теплу, которое мнѣ необходимо, и къ Святымъ Мѣстамъ, которыя еще необходимѣй. Желанья въ груди больше, нежели въ прошедшемъ году; даже далъ мнѣ Всевышній силы больше приготовиться къ этому путешествію, нежели какъ я былъ готовъ къ нему въ прошедшемъ. Но при всемъ томъ покорно буду ждать Его святой воли и не пущусь въ дорогу безъ явнаго указанья отъ неба. Есть еще много обстоятельствъ, отъ попутнаго устроенія которыхъ зависитъ мой отъѣздъ, надъ которыми властенъ Богъ и которыя всѣ въ рукахъ Его. Благоволитъ Онъ все устроить къ тому времени какъ слѣдуетъ— это будетъ знакъ, что мнѣ смѣло можно пускаться въ дорогу. Но знакомъ будетъ уже и то, когда все, что̀ ни есть во мнѣ—и сердце, и душа, и мысли, и весь составъ мой—загорится въ такой силѣ желаніемъ летѣть въ обѣтованную святую эту землю, что̀ уже ничто не въ силахъ будетъ удержать, и, покорный попутному вѣтру небесной воли Его, понесусь, какъ корабль, не отъ себя несущійся. Путешествіе мое не есть простое поклоненіе: много, много мнѣ нужно будетъ тамъ обдуматъ у Гроба самаго Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все, въ самой той землѣ, гдѣ ходили Его небесныя стопы. Мнѣ нельзя отправиться неготовому, какъ иному можно, и весьма можетъ быть, что и въ этомъ годѣ мнѣ опредѣлено будетъ еще не поѣхать. Со многими изъ людей, близкихъ мнѣ, которые намѣревались тоже къ наступающему великому посту ѣхать въ Іерусалимъ, случились тоже непредвидѣнныя препятствія, заставившія иныхъ возвратиться даже съ дороги, въ которую было уже пустились. А я иначе и не думалъ пускаться, какъ съ людьми, близкими сколько-нибудь моей душѣ. Я еще не такъ самъ по себѣ крѣ-

покъ и душевно, и тѣлесно, чтобы могъ пуститься одинъ. Нужно для того уже быть слишкомъ высокому христіянину, нужно жить въ Богѣ всѣми помышленіями, чтобы обойтись безъ помощи другихъ и безъ опоры братьевъ своихъ, а я еще немощенъ духомъ. Другъ мой, молитесь же, да совершается во всемъ святая воля Бога и да будетъ все такъ, какъ Ему угодно. Молитесь, чтобы Онъ все во мнѣ пріуготовилъ такъ, чтобы не было во мнѣ ничего, останавливающаго меня отъ этого путешествія. Съ своей стороны, я готовлюсь отъ всѣхъ силъ и стремлюсь къ тому, и стремленье это Имъ же внушено. Да усилится же оно еще болѣе!«

Къ ней же.

»Неаполь.

»Я виноватъ передъ вами, добрый другъ Надежда Николаевна! Въ оправданье вамъ ничего не могу сказать, кромѣ того, что »просто не писалось.« Бываютъ такія времена, когда не пишется. О томъ, что̀ далеко отъ души, говорить *не хочется;* о томъ же, что̀ близко душѣ, говорить *не можется,* и пребываешь въ молчаньи, самъ не зная, отъ чего. Я теперь въ Неаполѣ; пріѣхалъ сюда затѣмъ, чтобы быть отсюда ближе къ отъѣзду въ Іерусалимъ; опредѣлилъ себѣ даже отъѣздъ въ февралѣ, и при всемъ томъ нахожусь въ странномъ состояніи: какъ-бы не знаю самъ, ѣду ли я, или нѣтъ. Я думалъ, что желанье мое ѣхать будетъ сильнѣй и сильнѣй съ каждымъ днемъ, (и я) буду такъ полонъ этою мыслью, что не погляжу ни на какія трудности въ пути. Вышло не такъ. Я малодушнѣе, чѣмъ я думалъ. Меня все страшитъ. Можетъ быть, это происходитъ просто отъ нервъ. Отправляться мнѣ приходится совершенно одному; товарища и человѣка, который бы поддержалъ меня въ минуты скорби, со мною нѣтъ, и тѣ, которые было располагали въ этомъ году ѣхать, замолкли. Отправляться мнѣ приходится во время, когда на морѣ бываютъ непогоды. Я бываю сильно боленъ морскою болѣзнью, даже и во время малѣйшаго колебанья. Все это часто смущаетъ бѣдный духъ мой, и смущаетъ, разумѣется, отъ того, что безсильно мое рвенье и слаба моя вѣра. Еслибъ вѣра моя была сильна и же-

ланье мое жарко, я бы благодарилъ Бога за то, что мнѣ приходится ѣхать одному и что самыя трудности и минуты опасныя заставятъ меня сильнѣй прибѣгнуть къ Его помощи и вспомнить о Немъ лучше, чѣмъ какъ привыкъ вспоминать о немъ человѣкъ въ обыкновенные и спокойные дни жизни. Въ послѣдній годъ, или лучше въ послѣднюю половину года произошло нѣсколько перемѣнъ въ душѣ моей. Я обсмотрѣлся больше на самаго себя и увидѣлъ, что я еще ученикъ во всемъ, даже и въ томъ, въ чемъ, казалось, имѣлъ право считать себя выучившимся и знающимъ. Это меня много смирило, вооружило большей осторожностью и недовѣрчивостью къ себѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ-бы охладило меня и въ томъ, въ чемъ бы я никогда не хотѣлъ охлаждаться. О, молитесь, мой добрый другъ, чтобы росою божественной благодати оросилась моя холодная душа, чтобы твердая надежда въ Бога воздвигнула бы во мнѣ все и я бы окрѣпъ, какъ мнѣ нужно, затѣмъ, чтобы ничего не бояться, кромѣ Бога! Молитесь, прошу васъ, такъ крѣпко обо мнѣ, какъ никогда не молились прежде. Я буду писать къ вамъ еще; я хочу писать къ вамъ теперь чаще, чѣмъ прежде. Богъ да наградитъ васъ за ваши молитвы обо мнѣ и въ сей, и въ будущей жизни.«

Къ А. С. Данилевскому.

»Ноября 20 (1847). Неаполь.

»Письмо твое отъ 4 октября я получилъ. Адресъ я тебѣ выставилъ [въ прежнемъ письмѣ], но ты это позабылъ, что́ съ нами грѣшными случается. Потверждаю тебѣ вновь, что я въ Неаполѣ и остаюсь здѣсь по крайней мѣрѣ до февраля. Потомъ — въ дорогу Средиземнымъ моремъ; и если только Богъ благословитъ возвратъ мой на Русь, не подцѣпитъ меня на дорогѣ чума, не поглотитъ море, не ограбятъ разбойники и не доконаетъ морская болѣзнь, наконецъ, не задержатъ карантины, то въ іюнѣ, или въ іюлѣ увидимся. Писалъ я: » Побесѣдуемъ денька два вмѣстѣ«, потому что, самъ знаешь, всякъ изъ насъ на этомъ свѣтѣ — дорожній человѣкъ, куда-нибудь да держущій путь, а потому оставаться на ночлегѣ слишкомъ долго, изза того только, что пріютно и тепло и попались хорошіе тюфяки,

есть уже баловство. У всякого есть дѣло, прикрѣпляющее его къ какому-нибудь мѣсту. Я же не зову тебя въ Москву, или въ Петербургъ, или въ Неаполь, хотя (бы) мнѣ и пріятно было имѣть тебя объ руку. Я, хотя и не имѣю никакой службы, собственно говоря о формальной службѣ, но тѣмъ не менѣе долженъ служить въ нѣсколько разъ ревностнѣе всякаго другого. Жизнь такъ коротка, а я еще почти ничего не сдѣлалъ изъ того, что́ мнѣ слѣдуетъ сдѣлать. Въ продолженьи лѣта мнѣ нужно будетъ непремѣнно заглянуть въ нѣкоторые, хотя главные, углы Россіи. Вяжу необходимость существенную взглянуть на многое собственными глазами. А потому, какъ бы ни радъ былъ прожить подолѣ въ Кіевѣ, но не думаю, чтобъ удалось больше двухъ дней. Столько полагаю пробыть и у матушки. Осень — въ Петербургѣ, а зиму — въ Москвѣ, если позволитъ, разумѣется, здоровье. Если же сдѣлается хуже — отправлюсь зимовать на югъ. Теперь я долженъ себя холить и ухаживать за собой, какъ за нянькой (¹), выбирая мѣсто, гдѣ *лучше* и *удобнѣе работать*, а не гдѣ веселѣй проводить время.«

Къ П. А. Плетневу.

»Неаполь«. Декабря 12 (1847).

»Я думалъ, что, по пріѣздѣ въ Неаполь, найду отъ тебя письмо; но вотъ уже скоро два мѣсяца минетъ, какъ я здѣсь, а отъ тебя ни строчки, ни словечка. Что́ съ тобой? пожалуйста не томи меня молчаніемъ и откликнись. Мнѣ теперь такъ нужны письма близкихъ, самыхъ близкихъ друзей! Если я не получу, до времени моего отъѣзда, отъ тебя письма и дружескаго напутствія въ дорогу, мнѣ будетъ очень грустно. Предстоящая дорога не легка. Я стражду сильно, когда бываю на морѣ, а моря мнѣ придется много. Я одинъ; со мною нѣтъ никого, кто бы поддержалъ меня на пути въ мои малодушныя минуты, равно какъ и въ минуты безсилія моего тѣлесна-

(¹) Очевидно, это описка: Гоголь, вѣроятно, думалъ написать: *какъ нянька*, или: *какъ нянька за ребенкомъ*. **Н. М.**

го. Если даже и письменнаго ободренія не пошлетъ мнѣ близкая душа—это будетъ жестоко. Ради Бога, не медли и напиши не одинъ разъ, но два и три. Если, дастъ Богъ, мы увидимся въ наступающемъ 1848 году,—поблагодарю за все лично. До февраля я буду еще здѣсь. Адресуй въ Неаполь, poste restante. А съ тѣхъ поръ, то есть, съ половины февраля новаго штиля, адресуй въ Константинополь, на имя нашего посланника Титова. Денегъ посылать не нужно. Если не обойдусь съ своими, то прибѣгну въ Константинополѣ къ займу. Свидѣтельство о жизни при семъ прилагается. Вытребуй слѣдуемыя мнѣ деньги и сто рублей серебромъ отправь, въ скорѣйшемъ какъ можно времени, въ городъ Ржевъ [Тверской губ.] тамошнему протоіерею Матвѣю Александровичу, для передачи кому слѣдуетъ, присоединивъ при семъ прилагаемое письмо, а остальныя присовокупи къ прежнимъ.«

Къ отцу Матвѣю.

»Неаполь. Декабря 12 (1847).

»При этомъ письмецѣ вы получите, почтеннѣйшій и добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, 100 рублей серебромъ. Половину этихъ денегъ прошу васъ убѣдительно раздать бѣднымъ, то есть, бѣднѣйшимъ, какіе вамъ встрѣтятся, прося ихъ, чтобы помолились они о здоровьи душевномъ и тѣлесномъ того, который, отъ искренняго желанія помочь, далъ имъ деньги. Другую же половину, то есть, эти остальные 50 руб., раздѣлите надвое, 25 рублей назначаю на три молебна о моемъ путешествіи и благополучномъ возвращеніи въ Россію, которыя умоляю васъ отслужить въ продлженіи великаго поста и послѣ Пасхи, какъ вамъ удобнѣе; 25 рублей остальные оставьте, покуда, у себя, издерживая изъ нихъ только на тѣ письма, которыя вы писали, или будете писать ко мнѣ, равно какъ и тѣ, которыя получали отъ меня и будете получать. Я васъ ввелъ въ издержки, потому что уже такое постановленіе: съ тѣхъ не берутъ за письма, которые находятся за границей: за все платятъ вдвойнѣ тѣ, которые остаются въ Россіи. Отъ того и упала на васъ одного тягость. Еще разъ прошу васъ помолиться о благополучномъ путешествіи мо-

емъ и возвращеніи на родину, въ Россію, въ благодатномъ и угодномъ Богу состояніи душевномъ.«

Къ нему же.

»Неаполь. Генваря 12 дня, 1848 г.

»Благодарю васъ много за безцѣнныя ваши строки. Прочиталъ нѣсколько разъ ваше письмо; прочиталъ потомъ еще въ минуты другихъ расположеній душевныхъ. Смыслъ намъ не вдругъ открывается, а потому нужно повторять чтеніе того, что̀ относится до души нашей. Я вѣрю, что вы молились обо мнѣ и просили у Бога вразумленья сказать мнѣ то, что̀ для меня нужно, а потому, вѣрно, послѣ откроется мнѣ въ немъ и больше, хотя и теперь вы сказали много того, за что̀ душа моя будетъ благодарить васъ и въ будущей, и въ здѣшней жизни (¹). Не могу только рѣшить того, дѣйствительно ли дѣло, которое меня занимаетъ и было предметомъ моего обдумыванія съ давнихъ поръ, есть учительство. Мнѣ оно кажется только долгомъ и обязанностью службы, которую я долженъ былъ сослужить моему отечеству, какъ воинъ, гражданскій и всякой другой чиновникъ, если только онъ получилъ для этого способности. Я точно моей опрометчивой книгой [которую вы читали] показалъ какіе-то исполинскіе замыслы на что̀-то въ родѣ вселенскаго учительства. Но книга моя есть произведенье моего переходнаго душевнаго состоянія, временнаго, едва освободившагося отъ болѣзненнаго состоянья. Опечаленный нѣкоторыми непріятными происшествіями, у насъ случающимися, и нехристіянскимъ направленіемъ современной литературы, я опрометчиво поспѣшилъ съ этой неразсудительной книгой и нечувствительно забрелъ туда, гдѣ мнѣ неприлично. А діаволъ, который какъ тутъ, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, что̀ было даже и безъ умысла учительствовать; что̀ случается всегда съ тѣми, которые понадѣются нѣсколько на свои силы и на свою *зна-*

(¹) Гоголь такъ дорожилъ письмами отца Матвѣя, что носилъ ихъ всегда при себѣ. **Н. М.**

чительность у Бога. Дѣло въ томъ, что книга эта не мой родъ. Но то, что́ меня издавна и продолжительнѣй занимало, это было—изобразить въ большомъ сочиненіи добро и зло, какое есть въ нашей Русской землѣ, послѣ котораго русскіе читатели узнали бы лучше свою землю, потому что у насъ многіе, даже и чиновники, и должностные попадаютъ въ большія ошибки по случаю незнанія коренныхъ свойствъ русскаго человѣка и народнаго духа нашей земли. Я имѣлъ всегда свойство замѣчать всѣ особенности каждаго человѣка, отъ малыхъ до большихъ, и потомъ изобразить его такъ передъ глазами, что, по увѣренью моихъ читателей, человѣкъ, мною изображенный, оставался, какъ гвоздь въ головѣ, и образъ его такъ казался живъ, что отъ него трудно было отдѣлаться. Я думалъ, что если я, съ моимъ умѣньемъ изображать живо характеры, узнаю получше многія вещи въ Россіи и то, что́ дѣлается внутри ея, то я введу читателя въ большее познаніе русскаго человѣка. А если я самъ, по милости Божіей, проникнусь болѣе познаньемъ долга человѣка на землѣ и познаньемъ истины, то отъ этого нечувствительно и въ сочиненіи моемъ добрые русскіе характеры и свойства людей, получатъ привлекательность, а нехорошіе—такую непривлекательность, что читатель не возлюбитъ ихъ даже и въ себѣ самомъ, если отыщетъ. Вотъ какъ я думалъ, и потому узнавалъ все, что ни относится до Россіи; узнавалъ души людей и вообще душу человѣка, начиная съ своей. Еще я не зналъ самъ, какъ съ этимъ слажу и какъ успѣю, а уже вѣрилъ, что это будетъ мнѣ возможно тогда, когда я самъ сдѣлаюсь лучшимъ. Вотъ въ чемъ я полагалъ мое писательство. Итакъ учительство ли это? Я хотѣлъ представить только читателю замѣчательнѣйшіе предмемы русскіе въ такомъ видѣ, чтобы онъ самъ увидѣлъ и рѣшилъ, что́ нужно взять ему, и такъ сказать самъ поучилъ бы самаго себя. Я не хотѣлъ даже выводить нравоученья. Мнѣ казалось [если я самъ сдѣлаюсь лучше], все это нечувствительно, мимо меня, выведетъ самъ читатель. Вотъ вамъ исповѣдь моего писательства. Богъ вѣсть, можетъ быть, я въ этомъ неправъ, а потому вопрошу себя еще, стану наблюдать за собой, буду молиться. Но, увы! молиться не легко. Какъ молиться, если Богъ не захочетъ? Вижу такъ много въ себѣ дурного, такую бездну *себялюбія* и не-

умѣнья пожертвовать земнымъ *небесному*! Прежде мнѣ казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно сталъ лучше прежняго, въ минуты слезъ и умиленій, которыя я ощущалъ во время чтенья святыхъ книгъ. Мнѣ казалось, что я удостоивался уже милостей Божьихъ, — что эти сладкія ощущенья есть уже свидѣтельство, что я сталъ ближе къ небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, какъ Богъ не поразилъ меня и не стеръ съ лица земли. О другъ мой и самимъ Богомъ данный мнѣ исповѣдникъ! горю отъ стыда и не знаю, куда дѣться отъ несмѣтнаго множества неподозрѣваемыхъ во мнѣ прежде слабостей и пороковъ. И вотъ вамъ моя исповѣдь уже не въ писательствѣ. Исписалъ бы вамъ страницы во свидѣтельство моего малодушія, суевѣрія, боязни. Мнѣ кажется даже, что во мнѣ и вѣры нѣтъ вовсе. — — Хочу вѣрить и, не смотря на все это, я дерзаю теперь идти поклониться Святому Гробу. Этого мало: хочу молиться о всѣхъ и всемъ, чтó ни есть въ Русской землѣ и отечествѣ нашемъ. О, помолитесь обо мнѣ, чтобы Богъ не поразилъ меня за мое недостоинство и удостоилъ бы объ этомъ помолиться! Скажите мнѣ: зачѣмъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы молиться о прощеніи всѣхъ прежнихъ грѣховъ моихъ, хочется молиться о спасеніи Русской земли, о водвореніи въ ней мира, намѣсто смятенія, и любви, намѣсто ненависти къ брату; зачѣмъ я помышляю объ этомъ, намѣсто того, чтобы оплакивать собственные грѣхи мои? зачѣмъ мнѣ хочется молиться еще и о томъ, чтобы Богъ далъ силы мнѣ загладить новымъ, лучшимъ дѣломъ и подвигомъ мои прежніе худые, даже и въ дѣлѣ писательства? О, молитесь обо мнѣ, добрая душа моя! молитесь, чтобъ Богъ избавилъ меня отъ всякаго духа искушенія и далъ бы мнѣ уразумѣть Его истинную волю. Молитесь, молитесь крѣпко обо мнѣ, и Богъ вамъ да поможетъ обо мнѣ молиться.

»Порученье ваше исполняю: Евангеліе читаю и благодарю васъ за это много. Увѣдомьте меня двумя строчками, получены ли вами изъ Петербурга деньги 100 рублей серебромъ на молебны и на бѣдныхъ.«

*Къ Н. Н. Ш*****.*

»Неаполь. Генваря 22.

»Ваше письмо, добрѣйшая Надежда Николаевна, получилъ. Благодарю васъ много за то, что не забываете меня. Вслѣдствіе вашего наставленія, я осмотрѣлъ себя и вопросилъ, не имѣю ли чего на сердцѣ противъ кого-либо, и мнѣ показалось, что ни противъ кого ничего не имѣю. Вообще у меня сердце незлобное, и я думаю, что я въ силахъ бы былъ простить всякому за какое бы то ни было оскорбленіе. Труднѣй всего примириться съ самимъ собой, тѣмъ болѣе, что видишь, какъ всему виной самъ: не любятъ меня черезъ меня же, сердятся и негодуютъ на меня, потому что собственнымъ неразумнымъ образомъ дѣйствій заставилъ я на себя сердиться и негодовать. А неразумны мои дѣйствія отъ того, что я не проникнулся святыней помысловъ, какъ слѣдуетъ на землѣ человѣку, и не умѣю исполнять съ младенческой и чистой простотой сердца слова и законы Того, Кто ихъ принесъ намъ на землю. Собираюсь въ путь, готовлюсь сѣсть на корабль ѣхать въ Святую Землю, а между тѣмъ, какъ мало похожу на человѣка, собирающагося въ путь! какъ много въ душѣ мелочныхъ земныхъ привязанностей, земныхъ опасеній! какъ малодушна моя душа! Другъ мой, молитесь обо мнѣ, молитесь крѣпче, чѣмъ когда-либо молились. Молитесь о томъ, чтобы Богъ далъ силы помолиться такъ, какъ долженъ молиться Ему на землѣ человѣкъ, Имъ созданный и облагодѣтельствованный. Поручите отслужить молебенъ о благополучномъ моемъ путешествіи такому священнику, о которомъ вы знаете, что онъ отъ всей души обо мнѣ помолится. Я прилагаю при семъ записочку того, о чемъ бы я хотѣлъ, чтобъ помолились, сверхъ того, что̀ находится въ обоихъ молебнахъ.«

На особомъ листкѣ:

»Боже, сдѣлай безопаснымъ путь его, пребыванье въ Святой Землѣ благодатнымъ, а возвратъ на родину счастливымъ и благополучнымъ.

»Преклони сердца людей къ доставленію ему покровительства, по-

всюду, гдѣ будетъ проходить онъ; возстанови тишину морей и укроти бурное дыханіе непогоды.

»Душу же его исполни благодатныхъ мыслей во все время дороги его. Удали отъ него духа колебаній, духа помысловъ мятежныхъ и волнуемыхъ, духа суевѣрія, пустыхъ примѣтъ и малодушныхъ предчувствій, ничтожнаго духа робости и боязни.

»Духъ же бодрости и силы и несокрушимой въ Тебѣ надежды, Боже, всели въ него! Да окрѣпнетъ во всемъ благомъ и Тебѣ угодномъ, Господи! Исправи его молитву и дай ему помолиться у Святаго Гроба о собратьяхъ и кровныхъ своихъ, о всѣхъ людяхъ земли нашей и о всей отчизнѣ нашей, о ея мирномъ времени, о примиреніи всего въ ней, враждующаго и негодующаго, о водвореніи въ ней любви и о воцареніи Твоего царства, Боже!

»Боже, не погляди на недостоинства его, но, ради молитвъ нашихъ усердныхъ и горячихъ, возсылаемыхъ нами отъ глубины сердецъ нашихъ и ради молитвъ людей, Тебѣ угодныхъ, о немъ молящихся, удостой его, недостойнаго, грѣшнаго, о семъ помолиться и не возгнушайся принять отъ недостойныхъ устъ его сердечныя прошенія!

»И сподоби его, Боже, возстать отъ Святаго Гроба съ обновленными силами, съ духомъ бодрымъ и освѣженнымъ возвратиться къ дѣлу и труду своему, на добро землѣ своей, на устремленье сердецъ нашихъ къ прославленью святаго имени Твоего.«

Къ ней же.

»1848. Мальта. Генваря 23.

»Спѣшу написать къ вамъ нѣсколько строчекъ изъ Мальты. Вы видите, я уже въ дорогѣ. Хотя и не таково состояніе души моей, какого бы мнѣ хотѣлось, хотя случилось страдать немало моимъ слабымъ тѣломъ даже и во время этого небольшого морского переѣзда [въ сравненіи съ предстоящимъ большимъ]; но, слава Богу, я еще живъ, я еще могу надѣяться, что Богъ приведетъ состоянье души моей въ болѣе благодатное состояніе. О, еслибы я приведенъ былъ въ возможность такъ помолиться, какъ угодно Богу, чтобы по-

молились Ему люди! Не останавливайтесь молиться о благополучномъ моемъ путешествіи, добрѣйшій другъ, Надежда Николаевна.«

Къ ней же.

»1848. Іерусалимъ. Февраля 19.

»Увѣдомляю васъ, добрый другъ Надежда Николаевна, что я прибылъ сюда благополучно; помянулъ у Гроба Господня ваше имя. Примите отъ меня отсюда, изъ этого святого мѣста, благодарность за ваши молитвы. Безъ этихъ молитвъ, которыя возсылали и возсылаютъ обо мнѣ люди, умѣющіе лучше меня молиться, я бы ни въ чемъ не успѣлъ,—даже и въ томъ, чтобы попристальнѣе обсмотрѣть самаго себя и увидѣть все недостоинство свое. Молитесь теперь о благополучномъ возвращеніи моемъ въ Россію и о дѣятельномъ вступленіи на поприще, съ новыми и обновленными силами.«

Къ отцу Матвѣю.

«Іерусалимъ. 1848 г. февраля $^{28}/_{16}$.

»Пишу къ вамъ съ тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что я здѣсь. Молитвами вашими и молитвами людей, угождающихъ Богу, я прибылъ сюда благополучно. У Гроба Господня я помянулъ ваше имя; молился какъ могъ моимъ сердцемъ, неумѣющимъ молиться. Молитва моя состояла только въ одномъ слабомъ изъявленіи благодарности Богу за то, что послалъ мнѣ васъ, безцѣнный другъ и богомолецъ мой. Ваши письма мнѣ были очень нужны: они заставили меня лучше осмотрѣть себя и разобрать строже мои дѣйствія. Примите же еще разъ мою благодарность отсюда, изъ этого мѣста, освященнаго стопами Того, Кто принесъ намъ искупленье наше.«

Къ П. А. Плетневу.

»1848, апрѣля 2. Байрутъ.

»Увѣдомляю тебя, безцѣнный другъ мой, что я, слава Богу, живъ и здоровъ, въ удостовѣреніе чего и посылаю тебѣ сіе свидѣ-

тельство, по которому ты можешь взять изъ казначейства остальныя мои деньги и держать ихъ у себя до времени прiѣзда моего на родину. Покуда, въ путешествiи, я въ нихъ не предвижу надобности: кажется, станетъ съ тѣмъ, что̀ при себѣ, возвратиться въ Россiю. Путешествiе въ Iерусалимъ совершилъ я благополучно. Отсюда отправляюсь въ Константинополь черезъ Смирну, гдѣ предстоитъ 12 дней карантина. Обозрѣвши Константинополь и все, что̀ вблизи его,— въ Одессу; въ серединѣ лѣта — въ Малороссiю, гдѣ долженъ буду погостить у матери; осенью — въ Москву, а тамъ увижу, можно ли мнѣ будетъ успѣть съѣздить въ Петербургъ обнять тебя и немногихъ близкихъ намъ, или отложить до весны. Во всякомъ случаѣ, ты меня увѣдомь о себѣ и обо всемъ, что̀ ни относится къ тебѣ — и гдѣ ты будешь лѣтомъ, и гдѣ потомъ. Напиши теперь же, не отлагая времени, и адресуй письмо въ Полтаву, присовокупя: »А оттуда въ деревню Васильевку.« Доставь при семъ слѣдующее письмецо С**ой. Обнимаю тебя отъ всей души, безцѣнный и добрый мой, и Богъ да хранитъ тебя здрава и невредима.

»Усердная просьба: возьми у графа сочиненiе подъ названiемъ: Анализъ Греческаго Языка, изданное на латинскомъ языкѣ, въ концѣ прошлаго, кажется, вѣка, Французомъ Бодо, или Будуа, — большой томъ in-folio, и перешли мнѣ его въ Полтаву. Увѣдоми меня также, посланы ли деньги, 100 р с., ржевскому священнику. А самое главное—ради Бога, не позабудь меня надѣлить извѣстiями о себѣ.«

Къ нему же.

»Конст. Апрѣля $^{14}/_{26}$ (1848).

»Въ Константинополѣ мнѣ не размѣняли векселя, который просроченъ. Въ другiя времена эта просрочка не значила бы ничего, и мнѣ выдавали бы даже съ выгодою; но теперь, при безпрестанныхъ нынѣшнихъ банкротствахъ, не выдаютъ ни по какому векселю, не сдѣлавши прежде предварительныхъ изслѣдованiй, живъ ли такой-то домъ, на имя котораго дается вексель. Посылаю тебѣ этотъ вексель и убѣдительно прошу переговорить съ самимъ Штиглицемъ, изъяснивъ ему, что я долго скитался на Востокѣ, въ такихъ странахъ,

гдѣ нѣтъ банкировъ, и потому акцентировать его не могъ; а маленькіе банкиры не что иное, какъ мѣнялы, и по векселямъ не выдаютъ. Если деньги получишь, то двѣ тысячи руб. асс. пришли мнѣ въ Полтаву, остальныя держи при себѣ.«

Къ отцу Матвѣю.

»Одесса. 21 апрѣля (1848).

»Въ Константинополѣ нашелъ я драгоцѣнное для меня письмо ваше. Оно было для меня освѣжающимъ напутствіемъ. Всякая строка его была какъ-бы отвѣтомъ на вопросъ моего бѣднаго, пребывающаго въ грѣховной тьмѣ сердца. Но только какъ вы добры, какъ милосердны! Вы, сверхъ писемъ, за которыя я въ силахъ буду возблагодарить развѣ *тамъ*, а не *здѣсь*, положили себѣ молиться обо мнѣ всякій день. Часто я думалъ: за что̀ Богъ такъ милуетъ меня и такъ много даетъ мнѣ вдругъ? и могу только объяснить себѣ это тѣмъ, что мое положенье дѣйствительно всѣхъ опаснѣе, и мнѣ труднѣе спастись, чѣмъ кому другому. Много мнѣ бы захотѣлось сказать вамъ, но это заняло бы страницы и весьма легко перешло бы въ многословіе,—можетъ быть, даже въ ложь... . Духъ обольститель такъ близко отъ меня и такъ часто обманывалъ, заставляя меня думать, что я уже владѣю тѣмъ, къ чему еще только стремлюсь и что̀, покуда, пребываетъ только въ головѣ, а не въ сердцѣ! Скажу вамъ, что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима. Только развѣ что больше увидѣлъ черствость свою и свое себялюбье, вотъ весь результатъ. Была одна минута... но какъ смѣть предаваться какой бы то ни было минутѣ, испытавши уже на дѣлѣ, какъ близко отъ насъ искуситель! Страшусь всего, видя ежеминутно, какъ хожу опасно. Блеститъ вдали какой-то лучъ спасенья — святое слово *любовь*. Мнѣ кажется, какъ-будто теперь становятся мнѣ милѣе образы людей, чѣмъ когда-либо прежде, какъ-будто я гораздо больше способенъ теперь любить, чѣмъ когда-либо прежде. Но Богъ знаетъ, можетъ быть, и это такъ только кажется; можетъ быть, и здѣсь играетъ роль искуситель... Молитесь обо мнѣ, великодушная душа! вотъ

все, что́ можетъ сказать вамъ мое сердце; и слезы, въ эту минуту упавшія на этотъ листъ бумаги, просятъ васъ о томъ же. Не позабывайте меня иногда двумя-тремя строками письма. Вѣдь вамъ это легко; вамъ нечего думать надъ тѣмъ, что́ сказать мнѣ. Вы знаете, что вы сами по себѣ ничего не можете сдѣлать и ничего не можете мнѣ сказать, безъ Бога, могущаго направить все мнѣ кстати.«

*Къ Н. Н. Ш*****.*

»Мая 16 (1848). Деревня Васильевка.

»Ваше письмо получилъ съ особеннымъ удовольствіемъ, мой добрый другъ Надежда Николаевна. Благодаря Бога, достигнулъ я земной родины благополучно; достигну ли благополучно небесной? вотъ вопросъ, который долженъ бы меня занимать теперь всего. Но, къ стыду моему, долженъ признаться, что я далеко сердцемъ отъ этого вопроса. Голова думаетъ о немъ, но сердце не растопилось, не пламенѣетъ стремленьемъ къ нему. У Гроба Господня я былъ какъ-будто затѣмъ, чтобы *тамъ*, на мѣстѣ, почувствовать, какъ много во мнѣ холода сердечнаго, какъ много себялюбія и самолюбія. Итакъ *далеко* отъ меня то, что́ я полагалъ чуть не *близко*. При всемъ томъ меня живитъ еще лучъ надежды. Я и доселѣ также лепечу холодными устами и черствымъ сердцемъ ту же самую молитву, которую лепеталъ и прежде. Мысль о моемъ давнемъ трудѣ, о сочиненіи моемъ, меня не оставляетъ. Всё мнѣ такъ же, какъ и прежде, хочется такъ произвесть его, чтобъ оно имѣло доброе вліяніе, чтобъ образумились многіе и обратились бы къ тому, что́ должно быть вѣчно и незыблемо. Другъ мой, молитесь обо мнѣ. Если Богъ, молитвами вашими и другихъ Ему угодныхъ людей, спасъ меня и пронесъ благополучно сквозь всѣ земли, то Онъ властенъ также озарить меня мудростью, необходимой для совершенья труда моего.«

О пребываніи своемъ въ Палестинѣ писалъ Гоголь еще къ Жуковскому, но ка́къ именно писалъ, объ этомъ можно догадываться только изъ слѣдующаго отвѣта Жуковскаго на письмо его:

»Милый Гоголекъ, вотъ ужь моя очередь передъ тобою винить-ся: на твое большое письмо я отвѣчалъ печатнымъ, а на твое письмо изъ Палестины вовсе не отвѣчалъ. Оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя въ немъ одно, такъ сказать, негативное изображеніе того, что̀ ты видѣлъ въ Землѣ Обѣтованной. Но все придетъ въ свой порядокъ въ воспоминаніи. То, что̀ не далось въ *настоящемъ*, можетъ сторицею даться въ *прошедшемъ*, и со временемъ твои воспоминанія о Святой Землѣ будутъ для тебя живѣе твоего тамъ присутствія.« ([1])

XXIX.

Чувства Гоголя по возвращеніи въ мѣста его дѣтства.—Продолженіе »Мертвыхъ Душъ«.—Описаніе деревни Васильевки и усадьбы Гоголя. — VI статья »Завѣщанія«. — Замѣтки Гоголя для передѣлокъ и дополненія »Мертвыхъ Душъ«.— Два письма къ С. Т. Аксакову.

Въ послѣднемъ письмѣ Гоголя къ Н. Н. Ш***** мы находимъ его уже въ деревнѣ Васильевкѣ, то есть, въ родномъ семействѣ. Вотъ какъ описываетъ онъ своему »ближайшему« ([2]) испытанныя имъ впечатлѣнія, при видѣ давно покинутыхъ мѣстъ.

»16 мая (1848). Васильевка.

»Твое письмо принесло мнѣ также много удовольствія. Ты спрашиваешь меня о впечатлѣніяхъ, какія произвелъ во мнѣ видъ давно покинутыхъ мѣстъ. Было нѣсколько грустно, вотъ и все. Подъѣхалъ я вечеромъ. Деревья—одни разрослись и стали рощей, другія вырубились. Я отправился того же вечера одинъ степовой дорогой, позади церкви, ведущей въ Яворовщину, по которой любилъ ходить нѣ-

([1]) Далѣе о постороннихъ предметахъ. *П. М.*

([2]) А. С. Данилевскрму.

когда, и почувствовалъ *сильно*, что тебя нѣтъ со мной. Вѣроятно, того же вечера я былъ бы въ Толстомъ, но Толстое пусто, и мнѣ стало еще грустнѣе. Все это было въ день моихъ имянинъ, 9 мая. Матушка и сестры, вѣроятно, были рады до nec plus ultra моему пріѣзду, но наша братья, холодный мужеской полъ, не скоро растапливается. Чувство непонятной грусти бываетъ къ намъ ближе, чѣмъ что-либо другое.«

За исключеніемъ короткой поѣздки въ Кіевъ, Гоголь провелъ у матери весну и все лѣто, и много трудился надъ вторымъ, а можетъ быть, и надъ третьимъ, томомъ »Мертвыхъ Душъ«, которыхъ изданіе теперь болѣе, нежели когда-либо онъ считалъ нужнымъ для общей пользы. Читатель помнитъ, какое это было время. Гоголь, по его словамъ, желалъ »хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія«. Это онъ называлъ »подвигомъ всякаго честнаго гражданина«.

Но страшная жара тогдашняго лѣта и, вслѣдствіе ея, болѣзненное разслабленіе тѣла, долго не давали ему заняться дѣломъ. Вотъ его два письма объ этомъ къ П. А. Плетневу.

1.

»Іюня 8 (1848). Д. Васильевка.

»Жаль векселя. Но такъ какъ въ нынѣшнее время всѣмъ приходится нести потери и утраты имуществъ, то почему же не понести и мнѣ? Размѣняй 3-й билетъ въ 571 р. и пришли сюда въ Полтаву. Увѣдоми меня, поступилъ ли въ число означенныхъ тобою четырехъ билетовъ тотъ вексель, который былъ посланъ мнѣ Прокоповичемъ и препровожденъ, много годъ тому назадъ, ко мнѣ. Въ это время пролетѣло столько событій всякаго рода, какъ мимо меня, такъ и внутри меня, что я начинаю позабывать совершенно порядокъ дѣлъ моихъ. У тебя же все это, по обыкновенію, въ порядкѣ, съ означеніемъ, безъ сомнѣнія, и мѣсяцевъ, и дней, въ какіе что было ко мнѣ отправлено. Если когда-нибудь въ свободное время не побрезгаешь сдѣлать объ этомъ записочку [ее же выйдетъ пять-шесть строчекъ всего], то меня весьма обяжешь.

»Я еще ни за что̀ не принимался. Покуда, отдыхаю отъ дороги. Брался было за перо, но — или жаръ утомляетъ меня, или я всё еще не готовъ. А между тѣмъ я чувствую, что, можетъ, еще ни когда не былъ такъ нуженъ трудъ, составляющій предметъ давнихъ обдумыванiй моихъ и помышленiй, какъ въ нынѣшнее время. Хоть что̀-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія—это уже есть подвигъ всякаго честнаго гражданина.

»Какъ мнѣ скорбно, что бѣдная С**ва такъ страдаетъ! Передай ей это маленькое письмецо.«

2.

»Д. Васильевка. Іюля 7 (1848).

»Пишу къ тебѣ больной, едва оправившійся отъ изнурительнаго (недуга), который въ три дни оставилъ отъ меня одну тѣнь. Впрочемъ это, слава Богу, еще не холера, а просто (недугъ) отъ нестерпимыхъ жаровъ, томительнѣе которыхъ, я думаю, не бываетъ въ самой Африкѣ. Никакого освѣженія даже по ночамъ. Холера вездѣ вокругъ, и я думаю, еще никогда не была она такъ повсемѣстна и скоро разносима. Маленькую довѣренность [въ разсужденіи того, что она на восьмушкѣ] при семъ прилагаю. Если по ней еще нельзя будетъ взять вдругъ, то обяжешь меня, если вышлешь мнѣ хоть изъ своихъ, какія найдутся у тебя подъ рукою, хоть рублей 150 сер. Я совсѣмъ на безденежьи. Вокругъ — тоже ни у кого, начиная съ моихъ родныхъ, которымъ долженъ буду помочь. Голодъ грозитъ повсемѣстный. Хлѣба, покуда, еще нечего даже собирать: все не выросло и выжглось такъ, что не жнутъ, а вырываютъ руками по колоскамъ. Надежда есть еще кое-какая на позднiе хлѣба, особенно на гречу, если перепадетъ нѣсколько дождей и засуха не будетъ такъ жестока. Я ничего не въ силахъ ни дѣлать, ни мыслить отъ жару. Не помню еще такого тяжелаго времени. Деньги посылай по такому же адресу, какъ и письма: въ Полтаву. Пришли двѣ тысячи асс., а остатокъ, въ видѣ пятаго билета, примкни къ прежнимъ четыремъ. Еслижъ тебѣ почему-нибудь удержать при себѣ не захочется, или будетъ хлопотливо возиться, то, пожалуй, пришли хоть и весь вексель, въ два пріема, или въ одинъ.«

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь *былъ* писанъ второй томъ »Мертвыхъ Душъ«, отъ котораго намъ достались только обломки, можетъ быть, очень давней, позабытой авторомъ редакціи. Каковы бъ ни были достоинства этого похищеннаго у насъ судьбою произведенія, но актъ его созданія интересенъ уже потому, что Гоголь такъ долго готовился къ нему, такъ много для него страдалъ и томился жаждою свѣта и истины. Подобно религіознымъ художникамъ старинной испанской школы, писавшимъ на колѣняхъ, въ рубищѣ и со слезами на глазахъ, мучениковъ за вѣру во Христа, онъ каждую страницу этого произведенія вымаливалъ у неба долгими молитвами и долгими покаяніями. Смиренномудрый въ высшей степени и постоянно одушевляемый жаждою приносить пользу ближнимъ, онъ трепеталъ при мысли о »тѣхъ страшилищахъ, которыхъ сѣмена мы сѣемъ въ жизни своими дѣлами«, и только, очистивъ и какъ бы освятивъ душу молитвами у Гроба Господня, онъ рѣшился наконецъ передать свѣту ея внушенія. Этотъ актъ христіянски поэтическаго творчества совершился въ Васильевкѣ, и потому сама Васильевка дѣлается для насъ уголкомъ въ высшей степени интереснымъ. Но по одному ли этому обстоятельству она интересна? Здѣсь протекло дѣтство нашего поэта; сюда онъ нетерпѣливо рвался бывало изъ надоѣвшей школы, »чтобъ обновить свои силы« послѣ томительныхъ экзаменовъ; здѣсь онъ, въ ранней юности, по собственнымъ словамъ его, былъ »окружаемъ почти съ утра до вечера веселіемъ« и, наконецъ, сюда, безъ сомнѣнія, часто улетала за свѣжими чувствами его творческая фантазія изъ отдаленнаго сѣвера и чужого юга. Бросимъ же взглядъ на эту счастливую точку нашего обширнаго отечества, къ которой долго, долго будутъ обращаться мысли многихъ и многихъ тысячь людей со всѣхъ концовъ его.

Дорога къ деревнѣ Васильевкѣ изъ Полтавы замѣчательна въ томъ отношеніи, что на пространствѣ тридцати верстъ нѣсколько разъ перемѣняетъ свой характеръ. Ровная плоскость пахатныхъ полей склоняется въ долины, накрапленныя кое-гдѣ свѣтлыми пятнами воды. Поднимаетесь изъ долинъ на возвышенность—и передъ вами то, что̀ собственно называется степью: невспаханная площадь во все

пространство широкаго горизонта, съ скирдами сѣна и стадами овецъ и рогатаго скота. Далѣе вы встрѣтите остатки старинныхъ лѣсовъ, гдѣ чаще всего видны дубы, свидѣтели татарскихъ набѣговъ и расправъ съ Поляками. Скудная водою и богатая камышами рѣчка Голтва нѣсколько разъ покажетъ вамъ свои »загогулины«, между селъ, спускающихся съ косогоровъ къ водѣ, между плоскихъ и гладкихъ какъ столъ возвышенностей, усѣянныхъ скирдами, и между густыхъ рощъ, обѣщающихъ — хотя напрасно—вдали обширные лѣса. Если ваши лошади бѣгутъ быстро, какъ бѣжали тѣ, на которыхъ ѣхалъ я, вы будете всю дорогу гоняться за развивающимися вдали заманчивыми видами, и скоро передъ вами появится бѣлая, съ зеленою крышею, небольшая церковь объ одной главѣ, на холмѣ, тихо склоняющемся во всѣ стороны, соотвѣтственно плавнымъ линіямъ степныхъ долинъ и возвышенностей,—*Васильевская* церковь.

Мнѣ объявилъ это »чаба́нъ« (¹), стоявшій среди поля у могилы, опершись на свой деревянный крюкъ. Я спросилъ: чей онъ? и онъ отвѣчалъ мнѣ: »Васильевскій«. — Я разговорился съ нимъ о покойномъ его »панѣ« и получилъ отъ него, въ немногихъ словахъ, вѣрную характеристику Гоголя въ деревенской жизни. »На все ды́вытця та въ усёму́ коха́етця«, говорилъ онъ, то есть, что Гоголь во все вникалъ и любилъ все, что́ ни входитъ въ хозяйство.

Церковь стоитъ впереди села, которое закатилось въ долину, противоположную взъѣзду на плоскій церковный холмъ, и выказывается только своими деревьями, черными »дымаря́ми« да верхами хлѣбныхъ скирдъ. Съ правой стороны церкви, за небольшою купою дубовъ, видно господское гумно, предупреждающее путника, что тутъ не нуждаются въ хлѣбѣ; съ лѣвой—густой старый садъ, или, пожалуй, роща, въ которой уютно укрылся помѣщичій домъ, съ своими службами, амбарами и другими постройками. Издали видны только красныя деревянныя кровли съ бѣлыми трубами, и кажется, что домъ со всѣхъ сторонъ окутанъ деревьями; но, когда вы подъѣдете ближе, передъ вами, сквозь веселую рѣшетку, откроется просторный,

(¹) Пастухъ овецъ.

весь зеленый дворъ, симметрически обставленный съ трехъ сторонѣ постройками, которыя пріятно рисуются на садовой зелени.

Въ цѣломъ, Васильевка и ея усадьба представляютъ такое пріятное, сельски пріятное мѣсто, что, еслибы вамъ и не было извѣстно, кто жилъ здѣсь, кто любилъ эти деревья, эту церковь, эти ласково глядящія изъ саду строенія, вы бы велѣли своему кучеру проѣхать мимо усадьбы и черезъ деревню шагомъ и вникнули бы внимательно въ общій характеръ мѣстности. »Здѣсь, должно быть, живутъ весело и дружно!« такъ бы, мнѣ кажется, подумалъ я, не зная ничего о Васильевкѣ. Но когда жизнь Гоголя-поэта и человѣка наполняетъ вашу память и содержите вы въ умѣ своемъ его произведенія, — вамъ непремѣнно хочется опредѣлить мѣру вліянія на него этихъ мѣстъ, этихъ предметовъ, этой богатой, но простой, сельской природы. Здѣсь, мнѣ кажется, душа поэта не подчинялась впечатлѣніямъ рѣзко картиннаго, но не была лишена и того, что̀ поднимало ее отъ холоднаго, пасмурнаго взгляда на окружающее. Въ мѣстоположеніи и во всей обстановкѣ Васильевки, гдѣ протекло первое дѣтство Гоголя, было много располагающаго къ тихой мечтательности; но, разъ приведенная въ движеніе, фантазія поэтическаго ребенка, могла легко оторваться отъ мѣста своего рожденія и на свободѣ творить неясный міръ видѣній, которыя потомъ, въ періодъ полнаго развитія силъ, принимали уже опредѣленныя формы. Конечно, мудрено найти несомнѣнную связь между видимыми предметами и таинственными движеніями души, развивающейся среди нихъ; но зачѣмъ же есть въ насъ инстинктъ искать этой связи? и зачѣмъ предметы, въ кругу которыхъ совершалась неизъяснимая работа творчества, такъ манятъ къ себѣ и такъ много обѣщаютъ сказать намъ? Повинуясь этому влеченію, общему всѣмъ почитателямъ высокихъ поэтическихъ личностей, я вездѣ искалъ здѣсь слѣдовъ, началъ, зарожденій того, что̀ въ сочиненіяхъ Гоголя составляетъ его исключительныя особенности. И какъ ни мало отвѣчаетъ видимое на голосъ души, но я задавалъ свои умственные вопросы всему въ родномъ уголкѣ моего поэта — отъ густыхъ сѣней его сада до выраженія лицъ и языка движеній его осиротѣлаго семейства.

Садъ въ деревнѣ Васильевкѣ имѣетъ лѣсной характеръ, и лѣтомъ

долженъ быть очень прохладенъ ([1]). Въ немъ показывали мнѣ высокіе толстые дубы, посаженные еще Аѳанасіемъ Ивановичемъ, дѣдомъ поэта. Отецъ Гоголя любилъ разводить преимущественно лѣсныя деревья и насаживалъ ихъ такъ искусно, что аллеи образовались какъ-бы сами собою, въ лѣсной чащѣ. Въ его время садъ упирался въ мокрую, кочковатую долину. Онъ обратилъ ее въ пруды, которые пріѣзжему кажутся рѣкою. Извилины ихъ во многихъ мѣстахъ окаймлены камышомъ, и это придаетъ мѣстности видъ пустыни, спокойной, удаленной отъ людей. Гоголь, въ свои пріѣзды домой, подсаживалъ лѣсныя деревья въ саду, гдѣ только находилъ для нихъ мѣсто; наконецъ избралъ для себя болѣе просторное поприще за прудами, гдѣ уже существовало нѣсколько купъ молодыхъ деревьевъ, и намѣренъ былъ развести здѣсь такой же неправильный садъ, какъ и возлѣ дома, по сю сторону прудовъ. Отчасти онъ уже исполнилъ свое предпріятіе. Что̀ предположено имъ было впередъ, видно изъ плана, набросаннаго имъ на листкѣ при инструкціи, которую онъ оставилъ сестрамъ, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ дому ([2]). По всему видно, что онъ имѣлъ въ виду прежде всего богатую растительность и старался размѣщать деревья по свойствамъ и высотѣ почвы, оставляя природѣ красоту группъ, промежутковъ и склоновъ къ водѣ. Здѣсь, за прудами, должно быть особенно весело весною, когда большія луговыя поляны между насажденій превратятся въ зеленые ковры, когда высокоствольныя деревья надъ водою заговорятъ голосами птицъ, а поля, видныя въ перспективѣ за извилинами прудовъ, засіяютъ на солнцѣ молодыми посѣвами.

Въ старомъ саду вамъ покажутъ небольшой гротъ, въ темнотѣ котораго, въ мой пріѣздъ, теплилась лампадка передъ образомъ, и слѣды бесѣдки, сорванной съ основанія бурею, черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго отъѣзда Гоголя изъ Васильевки. Но я замѣтилъ безъ указанія одинъ предметъ, который оживилъ въ моей памяти картину густого, заглохшаго сада, написанную Гоголемъ, можетъ

([1]) Я былъ въ Васильевкѣ осенью.

([2]) См. въ приложеніяхъ »Распредѣленіе садовыхъ Работъ«.

быть, отчасти по домашнимъ впечатлѣніямъ. То была надломанная вѣтромъ береза, которой стволъ круглился среди осенней зелени, какъ бѣлая колонна, чернѣя на небѣ своею косою оконечностью, похожею на сидящую птицу.... (¹)

Домъ, въ которомъ теперь помѣщается семейство покойнаго Гоголя, построенъ не очень давно. Не въ немъ протекло дѣтство Гоголя. На этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ низенькій, ветхій домикъ, украшенный затѣйливыми зубцами вдоль крыши, крыльцомъ съ намеками на готическій вкусъ, боковыми башенками и остроконечными окнами по угламъ. Гоголю, видно, дорого было воспоминаніе объ этомъ домикѣ, потому что онъ хранилъ собственноручный рисунокъ съ него въ своей записной книгѣ.

Что́ касается до нынѣшняго господскаго дома въ деревнѣ Васильевкѣ, то о немъ нечего больше сказать, какъ только, что онъ деревянный, одноэтажный, довольно просторенъ и удобенъ для помѣщенія небольшого семейства покойнаго поэта. Гоголь, однакожъ, находилъ его не такъ уютнымъ и, можетъ быть, не такъ комфортнымъ, какъ бы желалъ. Онъ произвелъ въ немъ нѣкоторыя передѣлки и усовершенствованія, оштукатурилъ его, для большей теплоты, особеннымъ составомъ, котораго рецептъ вывезъ изъ-за границы, но все-таки оставался имъ недоволенъ и намѣренъ былъ выстроить новый домъ, который бы удовлетворялъ потребностямъ всего семейства вообще и каждаго изъ его членовъ порознь. Онъ заготовилъ даже лѣсъ для этого дома и, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Васильевки, намѣтилъ собственноручно каждое бревно. Отдыхая послѣ утреннихъ трудовъ въ семейномъ кругу, онъ любилъ предаваться архитектурнымъ фантазіямъ и выражалъ ихъ отчасти карандашомъ на бумагѣ. Я видѣлъ набросанные имъ чертежи двухъ фасадовъ и одного плана. Оба фасада интересны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что сохраняютъ черты домика, въ которомъ протекло его дѣтство; а планъ напоминаетъ его мысль, высказанную еще въ 1832 году Н. Д. Бѣлозерскому, что хорошо было бы построить домъ, въ которомъ зала

(¹) Считаю почти излишнимъ напоминать читателямъ описаніе сада Плюшкина.

входила бы глубоко между другихъ комнатъ и была бы почти темною. Такая зала (говорилъ онъ) лѣтомъ была бы очень прохладна и удобна для семейныхъ бесѣдъ.

Въ числѣ украшеній нынѣшняго дома въ Васильевкѣ, надобно упомянуть о трехъ портретахъ aqua tinta Императрицы Екатерины, князя Потемкина и графа Зубова, какъ о предметахъ, которые представлялись глазамъ Гоголя въ дѣтствѣ. Въ этомъ же отношеніи интересны и пять небольшихъ старинныхъ англійскихъ гравюръ, представляющихъ: 1) Продажу рыбы, 2) Продажу сѣрныхъ спичекъ, 3) Точеніе ножницъ, ножей и бритвъ, 4) Покупателей гороху и 5) Покупателей новыхъ балладъ. Но истинное украшеніе дома составляетъ прекрасный грудной портретъ Гоголя, въ натуральную величину, писанный Моллеромъ около 1840 года въ Римѣ. Гоголь просилъ Моллера написать его съ веселымъ лицомъ, »потому что христіянинъ не долженъ быть печаленъ«, и художникъ подмѣтилъ очень удачно привлекательную улыбку, оживлявшую уста поэта; но глазамъ его онъ придалъ выраженіе тихой грусти, отъ которой рѣдко бывалъ свободенъ Гоголь. Судя по этому портрету, авторъ »Мертвыхъ Душъ« одаренъ былъ наружцостью, которая не бросалась въ глаза съ перваго взгляда, но оставляла пріятное впечатлѣніе въ томъ, кто его видѣлъ, а при повторенныхъ свиданіяхъ заохочивала изучать себя и наконецъ дѣлалась дорогою для сердца. Высокій лобъ, полузакрытый спущенными наискось, свѣтлорусыми, лоснящимися волосами; тонкій съ небольшимъ горбомъ носъ, нѣсколько нагнувшійся надъ русыми усами; глаза, которые въ Малороссіи называютъ карыми, съ тонкими, поднятыми какъ-бы отъ удивленія бровями, и легкій румянецъ щекъ, на свѣтломъ, почти бѣломъ цвѣтѣ всего лица: таковъ былъ Гоголь въ то время, когда первый томъ »Мертвыхъ Душъ« былъ написанъ, а второй и третій существовали только въ его умѣ.

Но иной представлялся мнѣ образъ, во время моихъ грустныхъ бесѣдъ съ его матерью. Мнѣ указали мѣсто, въ углу дивана, гдѣ обыкновенно онъ сиживалъ, гостя на родинѣ. Въ послѣднее пребываніе его дома, веселость ужъ оставила его; видно было, что онъ не былъ удовлетворенъ жизнью, хоть и стремился съ нею примириться. Тѣлесные недуги, происходившіе, вѣроятно, не отъ однѣхъ фи-

зическихъ причинъ, ослабили его энергію; а земная будущность, сократившаяся для него уже въ небольшое число лѣтъ, не обѣщала исполненія его медленно осуществлявшихся плановъ. Онъ впадалъ въ очевидное уныніе и выражалъ свои мысли только короткимъ восклицаніемъ: »И все вздоръ, и все пустяки!«

Но каковы бы ни были его душевныя страданія, онъ не переставалъ заботиться о томъ, чтобы занять милыхъ его сердцу домашнихъ полезною дѣятельностью и сохранить ихъ отъ унынія. Одною изъ трогательнѣйшихъ заботъ его о матери было возобновленье тканья ковровъ, которымъ она въ молодости распоряжалась съ особеннымъ удовольствіемъ. Онъ думалъ, что ничѣмъ такъ пріятно не разсѣетъ ея подъ часъ грустныхъ мыслей, какъ занятіемъ, которое будетъ напоминать ей молодость. Для этого-то съ неутомимымъ терпѣніемъ рисовалъ онъ узоры для ковровъ и показывалъ, что придаетъ величайшую важность этой отрасли хозяйства. Съ сестрами онъ безпрестанно толковалъ о томъ, что́ всего ближе касается деревенской жизни, какъ-то: о садоводствѣ, объ устройствѣ лучшаго порядка въ хозяйствѣ, о средствахъ къ искорененію пороковъ въ въ крестьянахъ, или о леченіи ихъ тѣлесныхъ недуговъ, но никогда о литературѣ. Кончивъ утреннія свои занятія, онъ оставлялъ ее въ своемъ кабинетѣ и являлся посреди родныхъ простымъ практическимъ человѣкомъ, готовымъ учиться и учить каждаго всему, что́ помогаетъ жить покойнѣе, довольнѣе и веселѣе. Отъ этого, дома его знаютъ и вспоминаютъ больше, какъ нѣжнаго сына, или брата, какъ отличнаго семьянина и какъ истиннаго христіянина, нежели какъ знаменитаго писателя. И въ общей любви къ нему родныхъ, независящей отъ удивленія къ его высокому таланту, много трогательнаго: тутъ видимъ Гоголя-человѣка, съ заслугами, которыя имѣли не всѣ великіе писатели. Работалъ онъ у себя во флигелѣ, гдѣ кабинетъ его имѣлъ особый выходъ въ садъ. Если кто изъ домашнихъ приходилъ къ нему по дѣлу, онъ встрѣчалъ своего посѣтителя на порогѣ, съ перомъ въ рукѣ, и если не могъ удовлетворить его короткимъ отвѣтомъ, то обѣщалъ исполнить требованіе послѣ; но никогда не приглашалъ войти къ себѣ, и никто не видалъ и не зналъ, что́ онъ пишетъ. Почти единственною литературною связью между братомъ

и сестрами были малороссійскія пѣсни, которыя онѣ для него записывали и играли на фортепьяно. Я видѣлъ въ Васильевкѣ сборникъ, заключающій въ себѣ 228 пѣсень, записанныхъ для него отъ крестьянъ и крестьянокъ его родной деревни, и слышалъ множество напѣвовъ, переданныхъ на фортепьяно. Ничто не дало мнѣ почувствовать такъ ясно души поэта, какъ эти мотивы, слышанные подъ его роднымъ кровомъ, — ничто, кромѣ развѣ самаго радушнаго, самаго можно сказать христіанскаго гостепріимства, которое нашелъ я тамъ. Оно соотвѣтствовало шестой статьѣ завѣщанія Гоголя, которая, при жизни его, не могла явиться въ печати, но которая теперь прибавитъ новую черту къ его драгоцѣнному для насъ образу.

»— — — По кончинѣ моей, никто изъ нихъ уже не имѣетъ права принадлежать себѣ, но всѣмъ тоскующимъ, страдающимъ и претерпѣвающимъ какое-нибудь жизненное горе. Чтобы домъ и деревня ихъ походили скорѣй на гостинницу и страннопріимный домъ, чѣмъ на обиталище помѣщика; чтобы всякой, кто ни пріѣзжалъ, былъ ими принятъ, какъ родной и близкій сердцу человѣкъ; чтобы радушно и родственно распросили они его обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, дабы узнать, не понадобится ли въ чемъ ему помочь, или же по крайней мѣрѣ дабы умѣть ободрить и освѣжить его, чтобы никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ. Если же путникъ простого званія привыкнулъ къ нищенской жизни и ему неловко почему-либо помѣститься въ помѣщичьемъ домѣ, то чтобы онъ отведенъ былъ къ зажиточному и лучшему крестьянину на деревнѣ, который былъ бы притомъ жизни примѣрной и умѣлъ бы помогать собрату умнымъ совѣтомъ; чтобы онъ распросилъ своего гостя такъ же радушно обо всѣхъ обстоятельствахъ, ободрилъ, освѣжилъ и снабдилъ разумнымъ напутствіемъ, донеся потомъ обо всемъ владѣльцамъ, дабы и они могли съ своей стороны прибавить къ тому свой совѣтъ, или вспомоществованіе, какъ и что́ найдутъ приличнымъ, чтобы такимъ образомъ никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ и не уходилъ, скольно-нибудь неутѣшеннымъ.«

Возвратимся къ »Мертвымъ Душамъ«, которыхъ продолженіемъ занятъ былъ въ своей деревнѣ Гоголь. Внутренній актъ творчества есть тайна, такъ же неразгаданная психологіей, какъ физіологіей —

зарожденіе жизни въ существѣ органическомъ; но любопытству нашему доступенъ по крайней мѣрѣ внѣшній процессъ перехода изящныхъ идей въ изящныя формы, и наблюденіе этого процесса, кромѣ интереса для всякаго мыслящаго человѣка, полезно для руководства молодыхъ талантовъ. Мы не знаемъ, какъ поднялъ Гоголь изъ небытія второй томъ »Мертвыхъ Душъ«, сожженный въ 1845 году: набрасывалъ ли онъ планъ на бумагѣ, писалъ ли по плану, содержимому въ умѣ, послѣдовательно ли, или съ промежутками живописалъ онъ свои сцены и характеры,—этого мы ничего не знаемъ. Но я представлю часть его замѣтокъ для передѣлки перваго тома и сочиненія второго, найденныхъ въ чемоданѣ за границею и слѣдовательно принадлежащихъ времени до перваго состоянія второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Эти замѣтки обнаруживаютъ въ Гоголѣ силу творчества, способную постигать несовершенство уже разъ выношеннаго въ душѣ созданія и вновь его перерабатывать, что̀, вѣдь, труднѣе работы первоначальной. Интересны онѣ также и потому, что говорятъ о времени литературной жизни Гоголя, столь различномъ отъ того, въ которое былъ написанъ почти безъ помарокъ »Тарасъ Бульба«. Многіе привыкли удивляться быстротѣ сочиненія, обнаруживающейся въ автографахъ писателей; но это чаще бываетъ недостаткомъ, нежели достоинствомъ. Не даромъ существуетъ пословица, что скорой работы не хвалятъ; не даромъ также и такіе люди, какъ Томасъ Муръ говорятъ, что очень рѣдко случается, чтобы поэтическое созданіе, стоившее мало труда автору, приносило много удовольствія читателямъ (¹). Въ послѣднее время Гоголь готовъ былъ трудиться надъ страницей столько, сколько трудился прежде надъ цѣлой пьесой и, въ ожиданіи истиннаго вдохновенія, проводилъ цѣлые годы, не принимаясь за перо. Это былъ у него періодъ строгаго суда надъ самимъ собою, строгаго осмотра, до послѣднихъ мелочей, своего созданія. Даже въ этихъ летучихъ замѣткахъ, которыя сейчасъ будутъ мною приведены и которые набросаны такими намеками на слова, что часто нѣтъ возможности догадаться, что̀ хотѣлъ сказать ав-

(¹) The Poetikal Works of Thomas Moore, vol. III, p. 73 (Tauchnitz edition).

торъ, даже и въ этихъ замѣткахъ—обратите вниманіе—иногда одна по видимому ничтожная подробность, вновь прибавленная авторомъ, даетъ другой свѣтъ цѣлой сценѣ, и одно удачно подмѣченное наблюденіе развиваетъ полнѣе картину общества и нравовъ.

»*Къ 1-й части.*

»Идея города. Возникшая до высокой степени пустота. Пустословіе, сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это возникло изъ бездѣлья и приняло выраженіе, смѣшное въ высшей степени. Какъ люди неглупые доходятъ до дѣланія совершенныхъ глупостей.

»*Частности* въ разговорахъ дамъ. Какъ къ общимъ сплетнямъ примѣшиваются частныя сплетни. Какъ въ нихъ не щадятъ одна другую. Какъ созидаются соображенія. Какъ эти соображенія восходятъ до верха смѣшного. Какъ все невольно занимаютъ, и какого рода бабичи и юпки образуются.

»Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняются мутною, ничего неговорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ нетрогающійся міръ. И еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни. — —

»Проходитъ страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта въ томъ тайна. Не ужасное ли это явленіе—жизнь безъ подпоры прочной? не страшно ли великое она явленье? Такъ слѣца. (¹) жизнь при бальномъ сіяніи, при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ. Никто не признаетъ.....

»Частности. Дамы ссорятся именно изъ-за того, что одной хочется, чтобы Чичиковъ былъ тѣмъ-то, другой — тѣмъ-то, и потому (каждая) принимаетъ только тѣ слухи, которые сообразны съ ея идеями.

»Явленіе другихъ дамъ на сцену.

»Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ чувственныя наклонности и любитъ разсказывать, какъ иногда она побѣждала чув-

(¹) Точки означаютъ мѣста, которыхъ нельзя было прочитать. *Н. М.*

ственныя наклонности посредствомъ ума своего, и какъ умѣла не допустить до слишкомъ короткихъ съ нею изъясненій. Впрочемъ это случилось само собою, очень невиннымъ образомъ. До короткихъ объясненій никто не доходилъ уже потому, что она и въ молодости своей имѣла что-то похожее на будошника, не смотря на всѣ свои пріятности и хорошія качества.

»Нѣтъ, милая, я люблю — понимаешь?—сначала мужчину приблизить и потомъ удалить, и потомъ приблизить. Такимъ же образомъ она поступаетъ и на балѣ съ Чичиковымъ. У другихъ тоже составляются идеи по собственной высотѣ. Одна почтительна. Двѣ дамы, взявшись подъ руки, ходили и рѣшились хохотать; даже. Потомъ нашли, что совсѣмъ у Чичикова нѣтъ манеръ истинно хорошихъ.

»Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ любила читать всякія описанія баловъ. Описаніе Вѣнскаго конгреса... Все очень занимат(ельно). Просто любила дама, то есть, замѣчать на другихъ, что̀ на комъ хорошо и что̀ не хорошо.

»Сидя разсматриваютъ входящихъ. Н. совсѣмъ не умѣетъ одѣваться, совсѣмъ не умѣетъ. Этотъ шарфъ такъ ей не идетъ... Какъ хорошо, одѣта губернаторская дочка...... Милая, она.... гадко одѣта. Ужъ если и..... (¹)

»Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетень: прообразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ. Рожденъ балъ и всѣ соединенія. Сторона славная и бальная общества.

»Противупо... ему прообразовать во II занятій, разорванныхъ бездѣльемъ.

»Какъ низвести всеміри.... бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра?

»Для, включить всѣ сходства и внести постепенный ходъ.«

Помѣщаю еще два письма Гоголя изъ Васильевки, адресованныя

(¹) Послѣ этихъ словъ, ¾ страницы оставлены чистыми, и начатъ слѣдующій листокъ тетрадки. *Н. М.*

къ С. Т. Аксакову. Они важны преимущественно въ томъ отношеніи, что показываютъ новое направленіе умственной дѣятельности Гоголя. Кажется, послѣ изданія »Переписки съ Друзьями«, онъ почувствовалъ, какой вредъ причинило ему долгое пребываніе внѣ Россіи, не смотря на всѣ удобства, которыя онъ находилъ въ заграничной жизни для своего самовоспитанія и творчества. Кажется, онъ усомнился, дѣйствительно ли руссій человѣкъ то, чѣмъ онъ сдѣлалъ его въ своемъ самосозерцательномъ уединеніи. Какъ бы то ни было, но жажда понять Русской народъ въ его прошедшемъ и настоящемъ обнаружилась въ Гоголѣ сильнѣе, нежели когда-либо, по возвращеніи его изъ Іерусалима и уже не оставляла его до конца жизни.

1.

»1848 года, іюня 8-го. Васильевка.

»Какъ вы меня обрадовали вашими строчками, добрый другъ мой! Но меня печалитъ, что вы такъ часто хвораете. Ради Бога, берегите себя. — — — Теперь тысячами вокругъ болѣютъ и мрутъ. Въ Полтавской губерніи свирѣпствуетъ холера почти повсемѣстно, и въ самой Полтавѣ. Богъ да хранитъ васъ.

»Драмы Константина Сергѣевича [1] я еще не имѣю; сегодня, однако, пришло объявленіе о посылкѣ. Вѣроятно, это она. Я ее прочту съ любопытствомъ уже и потому, что въ ней долженъ заключаться вопросъ, рѣшеніемъ котораго я серьезно теперь занятъ не менѣе самаго Константина Сергѣевича. — — —«

2.

»Іюля 12 (1848). Васильевка.

»И за письмо, и за книги благодарю васъ, добрый другъ Сергѣй Тимофѣевичъ. Какъ ни слабъ я послѣ недуга, отъ котораго еще не оправился какъ слѣдуетъ, но не могу отказать себѣ написать къ вамъ нѣсколько строчекъ. Какое убійственно-нездоровое время и какой удушливо-томительный воздухъ! Только три, или четыре дни, по прі-

(1) »Освобожденіе Москвы«. *Н. М.*

ѣздѣ моемъ на родину, я чувствовалъ себя хорошо; потомъ безпрерывныя разстройства въ желудкѣ, въ нервахъ и въ головѣ отъ этой адской духоты, томительнѣе которой нѣтъ подъ тропиками. Все переболѣло и болѣетъ вокругъ насъ. Холера — — не даетъ перевести духъ. Тоска [еще болѣе отъ того, что никакое умственное занятіе не идетъ въ голову]. Даже читать самаго легкаго чтенія не въ силахъ. А потому не ждите отъ меня, покуда, никакихъ отчетовъ относительно впечатлѣній, произведенныхъ присланными книгами. Я послѣ напишу Константину Сергѣевичу мое мнѣніе о его драмѣ. Статья его о современномъ спорѣ мнѣ понравилась, можетъ быть, отъ того, что во время чтенія голова моя была свѣжа и вниманія достало на небольшую статью. — — —

»Въ драмѣ, чтò всего важнѣе, постигнуто высшее свойство нашего народа. Вотъ ея главное достоинство. Недостатокъ—что, кромѣ этого высшаго свойства, народъ не слышенъ своими другими сторонами, не имѣетъ грѣшнаго тѣла нашего, безтѣлесенъ. Зачѣмъ Константинъ Сергѣевичъ выбралъ форму драмы? зачѣмъ не написалъ прямо исторію этого времени? Странное дѣло: когда я разворачиваю исторію нашу, мнѣ въ ней видится такая живая драма на каждой страницѣ, такъ просторно открываетя весь кругозоръ тогдашнихъ дѣйствій и видятся всѣ люди, и на первомъ, и на второмъ планѣ, и дѣйствующіе, и молчащіе; когда же я читаю извлеченную изъ нея нашу такъ называемую историческую драму, кругозоръ передо мною тѣсенъ; я вижу только тѣ лица, которыя выбралъ сочинитель для доказанія любимой своей мысли, полнота жизни отъ меня уходитъ; запаха свѣжести, первой весенней свѣжести, я не слышу; на мѣсто дѣйствія, я слышу словопренія, и мнѣ кажется все блѣдно. Не распространяю этихъ словъ на драму Константипа Сергѣевича. Въ ней вялости нѣтъ, языкъ свѣжъ, рѣчь жива. Но зачѣмъ, не бывши драматургомъ, писать драму? Какъ-будто свойства драматурга можно пріобрѣсть! Какъ-будто для этого достаточно живо чувствовать, глубоко цѣнить, высоко судить и мыслить! Для этого нужно *осязательное, пластическое* творчество, и ничто другое. Его ничѣмъ нельзя замѣнить. Безъ него, исторія всегда останется выше всякаго извлеченнаго изъ нея сочиненія. Можетъ быть, все это, чтò я вамъ те-

перь говорю, есть плодъ нынѣшняго мутнаго состоянія моей головы, неспособной разсуждать отчетливо и ясно; можетъ быть, въ другой разъ, когда прочту внимательно это сочиненіе, и притомъ въ минуту свѣтлую, я выражусь иначе и лучше; но мнѣ кажется, я и тогда не соглашусь съ Константиномъ Сергѣевичемъ, будто драма есть художественное пониманіе исторіи въ извѣстную эпоху. Скорѣй развѣ можно сказать художественное *воспроизведеніе* ея. Пониманія одного мало для драмы. Но обо всемъ этомъ потолкуемъ послѣ. Сочиненіе во всякомъ случаѣ *немаловажно* и навсегда останется замѣчательно тою высокою задачей, которую оно задало намъ и надъ которою стоитъ всякому истинно Русскому поразмыслить и поразсудить серьезно.«

XXX.

Переѣздъ въ Москву.—Посѣщеніе Петербуга.—Жизнь въ Москвѣ.—Любимыя малороссійскія пѣсни.—Переписка изъ Москвы съ П. А. Плетневымъ, А. С. Данилевскимъ и отцомъ Матвѣемъ. — Воспоминанія С. Т. Аксакова и А. О. С—ой.—Чтеніе втораго тома »Мертвыхъ Душъ.«

Гоголь прожилъ у себя въ деревнѣ до конца августа, какъ это видно изъ его коротенькой записочки къ П. А. Плетневу, писанной съ дороги, изъ дома А. М. Маркевича.

»1 сентября (1848). Черниговская губ. с. Свари.

»Деньги 150 р. с. получилъ исправно. Здоровье мое, слава Богу, немного получше. Выѣзжаю на дняхъ затѣмъ, чтобы пораньше пріѣхать въ Москву и оттуда имѣть возможность заглянуть въ Петербургъ. Поздо осенью и во время холодовъ ѣхать мнѣ невозможно. Не согрѣваюсь въ дорогѣ вовсе, не смотря ни на какія шубы. Послѣ 15-го сентября, или около того, можетъ быть, обниму тебя. Поговорить намъ придется о многомъ.«

Онъ исполнилъ свое намѣреніе и, возвратясь въ Москву, посѣтилъ Петербургъ въ половинѣ сентября. Вотъ его записка, написанная имъ въ квартирѣ г. Плетнева, на клочкѣ бумаги (¹).

»Былъ у тебя уже два раза. На дачу не могу попасть и не попаду, можетъ быть, ни сегодня, ни завтра. Тѣмъ не менѣе обнимаю тебя крѣпко, въ ожиданіи обнять лично. Я ѣду сейчасъ съ М. Ю. В**** въ Павлино, а оттуда въ Павловскъ. По случаю торжественнаго фамильнаго ихъ дня, отказаться мнѣ было невозможно.«

Не такъ много, однакожъ, бесѣдовалъ Гоголь съ своимъ искреннимъ другомъ, какъ предполагалъ. Все его время было расхватано прочими друзьями, которые, видно, тоже имѣли всѣ права на его уступчивость, и онъ уѣхалъ изъ Петербурга, едва успѣвъ переговорить кой о чемъ второпяхъ съ П. А. Плетневымъ. Вотъ его послѣднее письмо 1848 года, къ руководителю его темной еще юности и неутомимому исполнителю всѣхъ его заграничныхъ просьбъ.

»Москва, 20 ноября.

»Здоровъ ли ты, другъ? Отъ Шевырева я получилъ экземпляръ »Одиссеи«. Ея появленіе въ нынѣшнее время необыкновенно значительно. Вліяніе ея на публику еще вдали; весьма можетъ быть, что въ пору нынѣшняго лихорадочнаго своего состоянія большая часть читающей публики не только ее не разнюхаетъ, но даже и не примѣтитъ. Но зато это сущая благодать и подарокъ всѣмъ тѣмъ, въ душахъ которыхъ не погасалъ священный огонь и у которыхъ сердце пріуныло отъ смутъ и тяжелыхъ явленій современныхъ. Ничего нельзя было придумать для нихъ утѣшительнѣе. Какъ на знакъ Божьей милости къ намъ, должны мы глядѣть на это явленіе, несущее ободреніе и освѣженіе въ наши души.

(¹) Сверху рукою г. Плетнева приписано: »Получ. 16 сент. 1848 г.«

»О себѣ, покуда, могу сказать немного. Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ »Мертвыхъ Душъ«. Читаю преимущественно то, гдѣ слышится сильнѣй присутствіе русскаго духа. Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью. Боюсь нагрѣшить противу языка.

»Между прочимъ просьба. Пошли въ Академію Художествъ *за* (') по художника Зенькова и, призвавши его къ себѣ, вручи ему пятьдесять руб. асс. на вновь устроенную обитель, для которой они работаютъ иконостасъ. Деньги запиши на мнѣ.«

Подъ какими впечатлѣніями находился Гоголь во время короткаго пребыванія своего въ Петербургѣ, въ 1848 году, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго письма его къ А. С. Данилевскому.

»Петерб. Сентября 24 (1848).

»Письмо твое я получилъ уже въ Петербургѣ. Оно меня встревожило, во первыхъ, тѣмъ, что бричка не привезена, какъ видно, извощикомъ, привезшимъ меня въ Орелъ; во вторыхъ, что я точно позабылъ второпяхъ дать отъ себя какой-нибудь удовлетворительный видъ Прокофію. Теперь я въ страхѣ и смущеніи. — — —

»Въ Петербургѣ я успѣлъ видѣть Прокоповича, вокругъ котораго роща своей семьи, и А***, пріѣхавшаго на дняхъ изза границы. Все, что разсказываетъ онъ, какъ очевидецъ о парижскихъ происшествіяхъ, просто страхъ: совершенное разложенье общества. Тѣмъ болѣе это безотрадно, что никто не видитъ никакого исхода и выхода, и отчаянно рвется въ драку, затѣмъ чтобы быть только убиту. Никто не въ силахъ вынесть страшной тоски этого рокового переходнаго времени, и почти у всякаго ночь и тма вокругъ. А между

(') Этотъ предлогъ *за* былъ написанъ и зачеркнутъ Гоголемъ, а вмѣсто него употребленъ *по*, такъ, какъ онъ употребляется въ малороссійскомъ языкѣ. Гоголь, во время пребыванія своего за границею и потомъ на родинѣ, такъ отвыкъ отъ русскаго языка, что усомнился, правильно ли будетъ написать: *Пошли за художникомъ*, и выразился по малороссійски, вовсе того не замѣчая. ***Н. М.***

тѣмъ слово *молитва* до сихъ поръ еще не раздалось ни на чьихъ устахъ.«

Осенью 1849 года М. А. Максимовичъ, соскучась жить въ своей живописной, но пустынной и отдаленной отъ большихъ дорогъ усадьбѣ надъ Днѣпромъ, переѣхалъ въ Москву, къ старымъ своимъ знакомымъ и друзьямъ. Пребываніе Гоголя въ Москвѣ было для него одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ этой поѣздкѣ. Гоголь велъ жизнь уединенную, но любилъ посидѣть и помолчать въ кругу хорошо извѣстныхъ ему людей и старыхъ пріятелей, а иногда оживлялся юношескою веселостью, и тогда не было предѣла его затѣйливымъ выходкамъ и смѣху. Особенно привлекалъ его къ себѣ домъ Аксаковыхъ, гдѣ онъ слушалъ и самъ пѣвалъ народныя пѣсни. Гоголь до конца жизни сохранилъ страсть къ этимъ произведеніямъ поэзіи и, по возвращеніи изъ Іерусалима, болѣе полугода бралъ уроки сербскаго языка у О. М. Бодянскаго, для того, чтобъ понимать красоты пѣсень, собранныхъ Вукомъ Караджичемъ. Пѣсня русская вообще увлекала его сердце непобѣдимою силою, какъ живой голосъ всего огромнаго населенія его отечества. Это намъ хорошо извѣстно изъ его собственныхъ признаній. »Я до сихъ поръ (говоритъ онъ) не могу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни, которая стремится по всѣмъ безпредѣльнымъ русскимъ пространствамъ. Звуки эти вьются около моего сердца.« (¹) Но къ малоросійской пѣснѣ онъ сохранилъ чувство, подобное тому, какое остается въ нашей душѣ къ прекрасной женщинѣ, которую мы любили въ ранней молодости. Много прошло новыхъ чувствъ и новыхъ привязанностей черезъ нашу душу; не разъ перегорѣла она инымъ огнемъ, не разъ мы убѣждали себя, что —

»Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ ...«

Но когда наконецъ мы успокоимся не на шутку, и всѣ молодыя наши страсти сдѣлаются для насъ предметомъ разсудительнаго созерцанія,

(¹) »Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями«, стр. 135.

мы съ удивленіемъ замѣчаемъ и скоро убѣждаемся, что всѣхъ могущественнѣе владѣетъ нашею душою ранѣе всѣхъ охладѣвшая привязанность. Она ужъ не волнуетъ нашего сердца страстными внушеніями, не поднимаетъ насъ къ небесамъ наитіями невыразимаго блаженства, не погружаетъ въ преисподнюю мрачнаго унынія и отчаянія, но безотчетно радуетъ, какъ радуютъ ребенка ласки матери, и, помолодѣвъ сердцемъ, мы предаемся ей довѣрчиво и беззаботно, какъ испытанному другу, и ужъ ничто не замѣнитъ для насъ ея сладостныхъ ощущеній. Такъ я объясняю увлеченіе, съ какимъ Гоголь передъ концомъ своей жизни слушалъ и пѣвалъ украинскія пѣсни. Приглашая своего земляка и знатока народной поэзіи, О. М. Бодянскаго, на вечера къ Аксаковымъ, которые онъ посѣщалъ чаще всѣхъ другихъ вечеровъ въ Москвѣ, онъ обыкновенно говаривалъ: »Упьемся пѣснями нашей Малороссіи«, и дѣйствительно онъ *упивался* ими, такъ что иной куплетъ повторялъ разъ тридцать сряду, въ какомъ-то поэтическомъ забытьи, пока наконецъ надоѣдалъ самымъ страстнымъ любителямъ малороссійскихъ пѣсень.

Какія же пѣсни особенно любилъ Гоголь? Со временемъ преданіе объ этомъ исчезнетъ, и мы не будемъ знать, какіе мотивы, какія мелодіи трогали струны чуткой души поэта. А можетъ быть, на родинѣ почитатели его таланта, въ воспоминаніе о немъ, пожелали бы пѣть именно тѣ пѣсни, которыми онъ »упивался«. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше почтить память поэта, какъ не пѣснями? Назовемъ эти пѣсни Гоголевыми (¹).

1.

Не буду я женытыся,
Бо що мини зъ то́го?
Не стае мни десять грошей
До пивъ-золотого....

2.

Ой знаты, знаты,
Хто кого любыть:

(¹) Въ своемъ исчисленіи Гоголевыхъ пѣсень я руководствовался указаніемъ трехъ авторитетовъ: С. Т. Аксакова, О. М. Бодянскаго и М. А. Максимовича.

Блызенько сидае
Та й прыголубыть....

3.

Казала Солоха прыйды,
Щось дамъ, щось дамъ....

4.

Зчорнивъ я, змарнивъ я,
По полю ходячы,
За тобою, дивчынонько,
Тужачы, тужачы....

5.

Чы ты жъ мене, моя маты,
На мисти купыла,
Що всимъ дала по доленьци,
А мене втопыла?...

6.

Журылася попадя
Своею бидою...

7.

Ой дивчыно серденько, чыя ты?
Ой чы выйдешъ на юлыцю гуляты?

8.

Ой посіявъ мужыкъ
Та й у поли ячминь;
Мужыкъ каже: »Ячминь«;
Жинка каже: »Гречка;
Не мовъ мини ни словечка,
Нехай буде гречка!...«

9.

Ой розсердывся мій мылый на мене....

Эта пѣсня переведена имъ на русскій языхъ въ статьѣ »О малороссійскихъ Пѣсняхъ« (¹), какъ образецъ »глубины чувствъ«, выражающейся въ украинской народной поэзіи. Она была извѣстна ему съ дѣтства, и онъ любилъ припоминать, отъ кого и какъ онъ ей научился.

(¹) »Арабески«, ч. II, стр. 101.

10.

Та оравъ мужыкъ край дорогы,
А въ ёго волы круторогы....

11.

Ой ты живешъ на гироньци,
А я пидъ горою;
Ой чы тужышъ такъ за мною,
Якъ я за тобою?...

12.

Ой бида, бида
Чайци небози,
Що вывела диткы
Пры бытій дорози!...

13.

Болыть моя головонька
Одъ самого чо́ла:
Не бачыла мыле́нького
Ни теперъ, ни вчора....

14.

Полюбыла Петруся
Та й сказаты боюся...

15.

Одна гора высокая,
А другая ныз ька:
Одна мыла далекая,
А другая блызька....

16.

Чы се тыи чоботы,
Що зять давъ?
А за тыи чоботы
Дочку́ взявъ....

17.

Да чы я въ лузи не калына була,
Да чы я въ лузи не червона була?

18.

Ой на двори метелыця,
Чому стары́й не женытця?...

19.

Ой оре Семенъ, оре
Та чорными воламы....

20.

Ой не ходы, Грыцю,
 На вечорныци:
На вечорныцяхъ
 Дивкы чаривныци...

21.

Ой ходывъ чумакъ
 Симъ рикъ по Дону,
Та не було прыгодоньки
 Николы ёму....

22.

Ой чый же се двиръ?
Прыточывъ бы я свій;
Хорошая, чорнявая —
Я ходывъ бы икъ іи...

23.

И дощыкъ иде,
И метелыця гуде;
Дивчына козака
Черезъ юлыцю веде....

24.

Ой пидъ вышенькою,
Пидъ черешенькою
Стоявъ старый зъ молодою
Якъ изъ ягодою...

25.

Ой у поли могыла
Зъ витромъ говорыла:
Повій, витре, ты на мéне,
Щобъ я не чорнила....

26.

Ой на гори
Та женци жнуть,
А по-пидъ горою,

По-пидъ зеленóю
Козакы йдуть...

27.

Та журба мене зкрушила,
Та журба жъ мене зсушила....

28.

У поли крыниченька,
Холодна водыченька, —
Тамъ чумакъ волы наповае....

29.

Ой кряче, кряче та чорнéнькый воронъ
Та на глыбокій долыни:
Ой плаче, плаче молодой козаче
Пры нещаслывій годыни....

30.

Ой израда кари очы, израда....
Чому жъ въ тебе, козаченьку, не вся щыра правда?

31.

Ой пидъ гаемъ-гаемъ,
Гаемъ зеленéнькымъ,
Тамъ орала дивчыночька
Волыкомъ чорнéнькымъ....

32.

Гоминъ гоминъ по дуброви,
Туманъ поле покрывае;
Маты сына проганяе....

33.

Ой зъ-пидъ гаю, гаю,
Зъ-пидъ чорного гаю,
Ой крыкнулы козаченькы:
»Утикай, Нечаю!«

34.

Ой ты, дивчы́но,
Горда та пышна!
Чомъ ты до мèне
Зъ вечора не выйшла?

35.

У Кыеви на рынку
Пьють козакы горилку....

Самыми любимыми пѣснями у Гоголя были напечатанныя подъ нумерами 12, 21 и 25; пѣсня подъ нумеромъ 28 была одною изъ первыхъ, которымъ Гоголь научился въ дѣтствѣ. Главною его музою въ этомъ случаѣ была его тетка, о личности которой интересно было бы собрать возможно полныя свѣдѣнія. Въ жизни Вальтера Скотта играла важную роль тетка его, миссъ Анна Скоттъ, первая поэтическая натура, съ которой сблизили его обстоятельства его дѣтства. Можетъ быть, здѣсь было то же самое.

Жаль, что мы не вошли еще, такъ сказать, во вкусъ біографій и какъ-то холодно собираемъ матеріалы для этого рода сочиненій, а между тѣмъ едвали въ какомъ-нибудь другомъ родѣ могутъ быть совмѣщены серьезный интересъ исторіи, глубокія психологическія изслѣдованія и самый роскошный романтизмъ. Поэтому-то, можетъ быть, хорошая біографія появляется только въ литературахъ народовъ, стоящихъ уже на высокой степени общественнаго развитія. Тамъ она находитъ много цѣнителей, слѣдовательно много и дѣятелей для скопленія матеріаловъ, изъ которыхъ уже потомъ такой человѣкъ, какъ Вальтеръ Скоттъ, какъ Вашингтонъ-Ирвингъ, какъ Томасъ Муръ, строитъ цѣлое и вѣчное созданіе. Будемъ надѣяться, что и наши знаменитыя личности не останутся безъ подробныхъ мемуаровъ для будущихъ біографовъ. Что́ касается до пишущаго эти строки, то онъ, понимая вполнѣ важность предмета, старался разузнать, отъ кого только могъ, обо всемъ касающемся Гоголя и желаетъ лучше быть въ своемъ изложеніи отрывочнымъ, нежели пренебречь какимъ-нибудь извѣстнымъ ему моментомъ жизни поэта.

Какъ провелъ Гоголь остальное время въ Москвѣ, въ теченіе зимы $184^{8}/_{9}$-го года, лѣта и осени 1849-го и опять зимы $18^{49}/_{50}$-го года, видно отчасти изъ слѣдующихъ писемъ его къ отцу Матвѣю, къ П. А. Плетневу и къ А. С. Данилевскому.

Къ отцу Матвѣю.

»Москва. Ноября 9 (1848).

»Я къ вамъ долго не писалъ, почтеннѣйшій и близкій душѣ моей Матвѣй Александровичъ. Сначала я думалъ было скоро увидѣться съ вами лично; потомъ, когда случилось такъ, что намѣреніе мое ѣхать къ вамъ отложилось до весны, я долго не могъ взяться за перо, — можетъ, по причинѣ большого неудовольствія на самого себя. Я былъ недоволенъ состояніемъ души своей и теперь также. Въ ней бываетъ такъ черство. То, о чемъ бы слѣдовало мнѣ думать всякой часъ и всякую минуту, такъ рѣдко бываетъ у меня въ мысляхъ; и это самое рѣдкое помышленье о немъ такъ бываетъ холодно, такъ безъ любви и одушевленья, что въ иное время становится даже страшно. Иногда кажется, какъ-бы отъ всей души молюсь, то есть, хочу молиться; но этой молитвы бываетъ одна, двѣ минуты. Далѣе мысли мои расхищаются, приходятъ въ голову незванные, непрошенные гости и уносятъ помышленья Богъ знаетъ куда, Богъ вѣсть въ какія мѣста, прежде чѣмъ успѣваю очнуться. Все какъ-то дѣлается не во́время: когда хочу думать объ одномъ, думается о другомъ; когда думаю о другомъ, думается о третьемъ. А между тѣмъ въ теперешнее опасное время, когда отвсюду грозятъ бѣды человѣку, можетъ быть, только и нужно дѣлать, что молиться, обратить все существо свое въ слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасенье и молиться о всѣхъ. Все это чувствуется и ничего не дѣлается, и отъ того еще страшнѣе все вокругъ, и слышишь одну необходимость повторять: »Господи, не введи меня во искушенье и избави отъ лукаваго.« Другъ мой и богомолецъ, скажите мнѣ какое-нибудь слово; можетъ быть, оно мнѣ придется.«

Къ П.А.Плетневу.

»1849 г. Москва. Генваря 10.

» Письмецо твое получилъ. Отъ всей души и отъ всего сердца желаю тебѣ возможнаго счастія вмѣстѣ съ тою, которую избираетъ твое сердце себѣ въ подруги, — хотя признаюсь въ то же время,

что я мало вѣрю какому-нибудь счастію на землѣ. Тревоги начинаются именно въ то время, когда мы думаемъ, что причалили къ берегу и желанному спокойствію. Блаженъ тотъ, кто живетъ въ здѣшней жизни счастіемъ нездѣшней жизни. — — Идите же оба къ Тому, Кто одинъ *путь* и *дорога* къ нездѣшнему міру, безъ Котораго въ мірѣ идей еще больше можно запутаться, чѣмъ въ прозаическомъ мірѣ повседневныхъ дѣлъ. Чѣмъ далѣ, тѣмъ яснѣе вижу, что въ нынѣшнее время шатаній ни на часъ, ни на минуту не должно отлучаться отъ Того, Кто одинъ ясенъ какъ свѣтъ. Время опасно. Всѣ шаги наши опасны.«

Къ нему же.

»3 апрѣля (1849).

«Христосъ воскресъ!

»Отъ всей души поздравляю съ Свѣтлымъ Праздникомъ и тебя, и твою милую супругу, съ которою желалъ бы душевно познакомиться. Напиши мнѣ хоть что-нибудь изъ новой жизни своей. Что до меня, хоть и не такъ живу, какъ бы хотѣлъ, хоть и не такъ тружусь, какъ бы слѣдовало, но спасибо Богу и за то. Могло бы быть еще хуже.«

Слѣдующее письмо къ тому же другу, наводитъ на догадки, весьма важныя, но о которыхъ говорить еще рано.

»Мая 24 (1849.)

»Ты позабылъ меня, мой добрый другъ. Обвинять тебя не могу. У тебя было много заботъ и вмѣстѣ съ ними много, безъ сомнѣнія, такихъ счастливыхъ минутъ, въ которыя позабывается все. Дай Богъ, чтобъ онѣ длились до конца дней твоихъ и чтобы безъ устали благословлялось въ устахъ твоихъ святое имя Виновника всего.

»А я все это время былъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ желалъ быть. Можетъ быть, неблагодарность моя была виновницей

всего. Я не снесъ покорно и безропотно безплоднаго, чорстваго состоянія, послѣдовавшаго скоро за минутами нѣкоторой свѣжести, пророчившими вдохновенную работу, и самъ произвелъ въ себѣ опять тяжелое разстройство нервическое, которое еще болѣе увеличилось отъ нѣкоторыхъ душевныхъ огорченій. Я до того расколебался и духъ мой пришелъ въ такое волненіе, что никакія медицинскія средства и утѣшенія не могли дѣйствовать. Унылие и хандра мною одолѣли снова. Но Богъ милостивъ. Мнѣ кажется, какъ-будто теперь легче чувствую слабость и разстройство физическое. Но духъ какъ-будто лучше. О, еслибы все это обратилось мнѣ въ пользу, и вслѣдъ за этимъ недугомъ наступило то благодатное расположеніе духа, которое мнѣ потребно!«

Къ нему же.

»6 іюля (1849) Москва.

»Благодарю тебя за письмо и за вѣсти о своемъ житьѣ-бытьѣ, близкомъ моему сердцу. Очень благодаренъ также за то, что познакомилъ меня заочно съ А* В*. —— Въ нынѣшнее время быть у одра страждущаго есть лучшее положеніе, какое можетъ быть для человѣка. Тутъ не приходитъ въ мысли то, что̀ теперь крушитъ и обольщаетъ головы. Тутъ молитва, смиреніе и покорность, стало быть, все то, что̀ воспитываетъ душу, блюдетъ и хранитъ ее. Начать такимъ образомъ жизнь свою надежнѣе и лучше——

»Я думалъ было навѣдаться въ Петербургъ, но приходится отложить эту (поѣздку) по крайней мѣрѣ до осени.«

Къ нему же.

»Декабря 15. (1849.) Москва.

»Мы давно уже не переписывались. И ты замолчалъ, и я замолчалъ. Я не писалъ къ тебѣ отчасти потому, что самъ хотѣлъ быть въ Петербургѣ, а отчасти потому, что нашло на меня *неписательное* расположеніе. Всѣ кругомъ на меня жалуются, что не пишу. При

всемъ томъ, мнѣ кажется, виноватъ не я, но умственная спячка, меня одолѣвшая. »Мертвыя Души« тоже тянутся лѣниво. Можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ имъ не выходить. Теперь люди не годятся какъ-будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему »Одиссеи«. Два-три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственнаго безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло. Но ты и самъ, безъсомнѣнія, свидѣтель многаго.

»Объ »Одиссеѣ« не говорю. Что̀ сказать о ней? Ты, вѣрно, наслаждался каждымъ словомъ и каждой строчкой. Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золъ!«

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ (21 января 1850 года) Гоголь писалъ къ своему другу изъ Москвы слѣдующее:

»Не могу понять, что̀ со мною дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста, дѣйствующаго на насъ вяло и лѣниво, отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его, но я просто не успѣваю ничего̀ дѣлать. Время летитъ такъ, какъ еще никогда не помню. Встаю рано, съ утра принимаюсь за перо, никого къ себѣ не впускаю, откладываю на сторону всѣ прочія дѣла, даже письма къ людямъ близкимъ, — и при всемъ томъ такъ немного изъ меня выходитъ строкъ! Кажется, просидѣлъ за работой не больше, какъ часъ, смотрю на часы — уже время обѣдать. Некогда даже пройтись и прогуляться. Вотъ тебѣ вся моя исторія. Конецъ дѣлу еще не скоро, т. е. разумѣю конецъ »Мертвыхъ Душъ«. Всѣ почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, какъ *набросаны;* собственно написанныхъ двѣ-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведеніе. Это можетъ только одинъ Богъ, у Котораго все подъ рукой: и Разумъ, и Слово съ Нимъ. А человѣку нужно за словомъ ходить въ карманъ, а разума доискиваться. — У С** ой я точно прогостилъ осенью.«

Къ А. С. Данилевскому.

»Февраля 25 (1850).

»Прости меня,—я, кажется огорчилъ тебя прежнимъ письмомъ. Самъ не знаю, какъ это случилось. Знаю только то, что я и въ мысляхъ не имѣлъ говорить проповѣди. Что̀ чувствовалось на ту пору въ душѣ, то и написалось. Можетъ быть, состоянiе хандры и нѣкотораго унынiя отъ всего того, что̀ дѣлается на свѣтѣ, и даже неудачи по твоему дѣлу; можетъ быть, болѣзнь, въ которой я находился тогда [отъ которой еще не вполнѣ освободился и теперь], ожесточила мои строки! Радуюсь отъ всей души твоей радости и желаю, чтобы новорожденный былъ въ большое утѣшенiе вамъ обоимъ.

»На счетъ II тома »М. Д.« могу сказать только, (ч)то не скоро ему до печати. Кромѣ того, что самъ авторъ не приготовилъ его къ печати, не такое время, чтобъ печатать что-либо; да я думаю, что и самыя головы не въ такомъ состоянiи, чтобы умѣть читать спокойное художественное творенiе. Вижу по »Одиссеѣ«. Если Гомера встрѣтили равнодушно, то чего же ожидать мнѣ? Притомъ недуги мало даютъ мнѣ возможности заниматься. Въ эту зиму я какъ-то разболѣлся. Суровый сѣверный климатъ начинаетъ допекать.

»Ты говоришь, что у васъ много слуховъ на мой счетъ. Увѣдоми, какого рода. Не скрывай, особенно дурныхъ. Послѣднiе тѣмъ хороши, что заставляютъ лишнiй разъ оглянуться на себя самого; а это мнѣ особенно необходимо.«

Къ П. А. Плетневу.

»Христосъ Воскресе! (¹)

»Поздравляю тебя съ наступившимъ радостнымъ днемъ! Отъ тебя давно нѣтъ вѣсти. Послѣднее письмо было мое. Если ты опять за

(¹) Это письмо не имѣетъ даты, но видно, что оно писано въ апрѣлѣ 1850 года, изъ Москвы. Рукой г. Плетнева приписано сверху: »Отв. 2 мая 1850.« *Н. М.*

что-нибудь сердитъ на меня, то, ради Христа воскресшаго, истреби въ сердцѣ своемъ всякое неудовольствіе на человѣка, все время болѣвшаго, страдавшаго много и душевно, и тѣлесно, и теперь едва только кое-какъ поднявшагося на ноги. Обнимаю тебя отъ души вмѣстѣ со всѣми милыми твоему сердцу и еще разъ говорю: Христосъ воскресе!

»Собирался было ѣхать къ тебѣ въ Петербургъ, кое о чемъ поговорить, кое-что прочесть изъ того, что́ написалось среди болѣзней и всякихъ тревогъ, но теперь не знаю, какъ это будетъ. — — Какъ только все сколько-нибудь устроится, увидимся, братски обнимемся.«

Къ отцу Матвѣю.

»Христосъ воскресе!

»Благодарю васъ, безцѣннѣйшій, добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, за ваше поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ. Не сомнѣваюсь, что, если пріобрѣла что-нибудь доброе душа моя, то это вашими молитвами и другихъ угождающихъ Богу подвижниковъ. О, еслибы Онъ не оставилъ меня ни на минуту и сказалъ бы мнѣ путь мой! Какъ бы хотѣлось сердцу повѣдать славу Божью! Но никогда еще не чувствовалъ такъ безсилья своего и немощи. Такъ много есть о чемъ сказать, а примешься за перо—не подымается. Жду, какъ манны, орошающаго освѣженья свыше. Всѣ бы мои силы отъ него двинулись. Видитъ Богъ, ничего бы не хотѣлось сказать, кромѣ того, что́ служитъ къ прославленью Его святаго имени. Хотѣлось бы живо, въ живыхъ примѣрахъ показать темной моей братіи, живущей въ мірѣ (и) играющей жизнью, какъ игрушкою, что жизнь — не игрушка. И все кажется, обдумано и готово, но — перо не подымается. Нужной свѣжести для работы нѣтъ, и [не скрою предъ вами] это бываетъ предметомъ тайныхъ страданій, чѣмъ-то въ родѣ креста. Впрочемъ, можетъ быть, все это происходитъ отъ изнуренья тѣлеснаго. Силы физическія мои ослабѣли. Я всю зиму былъ боленъ. Не уживается съ нашимъ холоднымъ климатомъ мой холоднокровный, несогрѣвающійся темпераментъ! Ему нуженъ югъ. Думаю опять съ Богомъ пуститься въ дорогу, въ странствіе, на Востокъ, подъ благодатнѣйшій

климатъ, навѣваемый окрестностями Святыхъ Мѣстъ. Дорога всегда дѣйствовала на меня освѣжительно—и на тѣло, и на духъ. О, еслибы и теперь всемилосердый Богъ явилъ надо мною свое безграничное милосердіе, столько разъ уже явленное надо мною, когда я уже думалъ, что не воскреснутъ мои силы! И не было, казалось, возможности физической имъ воскреснуть. Но силы воскресали, и свѣжесть появлялась вновь въ мою душу. Помолитесь обо мнѣ крѣпко, крѣпко, безцѣннѣйшій Матвѣй Александровичъ, и напишите два словца вашихъ.«

Свяжу между собой эти письма воспоминаніями друзей Гоголя. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ такъ:

»Когда Гоголь пріѣхалъ изъ Малороссіи въ Москву [въ сентябрѣ 1848 года], я былъ въ деревнѣ и только въ октябрѣ переселился въ городъ. Въ тотъ же вечеръ пришелъ къ намъ Гоголь, и мы увидѣлись съ нимъ послѣ шестилѣтней разлуки.— — — Въ непродолжительномъ времени возстановились между нами прежнія, какъ-бы прерванныя, нарушенныя продолжительною разлукою отношенія; но объ его книгѣ и второмъ томѣ »Мертвыхъ Душъ« не было и помину. Гоголь въ эту зиму прочелъ намъ всю »Одиссею«, переведенную Жуковскимъ. Онъ слишкомъ восхищался этимъ переводомъ. Я и сынъ мой Константинъ были не совсѣмъ согласны съ нимъ. Разумѣется, это было ему непріятно, но онъ не показывалъ никакого неудовольствія. Одинъ разъ, когда мы высказали ему немалое число самыхъ неопровержимыхъ замѣчаній на переводъ »Одиссеи«, Гоголь сказалъ: »Напишите все это и пошлите Жуковскому; онъ будетъ вамъ очень благодаренъ.«

»Часто также читалъ вслухъ Гоголь русскія пѣсни, собранныя г-мъ Терещенко и нерѣдко приходилъ въ совершенный восторгъ, особенно отъ свадебныхъ пѣсенъ. Гоголь всегда любилъ читать, но должно сказать, что онъ читалъ съ неподражаемымъ совершенствомъ только все комическое въ прозѣ, или пожалуй чувствительное, но одѣтое формою юмора; все же чисто патетическое, какъ говорится, и лирическое Гоголь читалъ нараспѣвъ. Онъ хотѣлъ, чтобы ни одинъ звукъ стиха не терялъ своей музыкальности, и, привыкнувъ къ его

чтенію, можно было чувствовать силу и гармонію стиха. Изъ писемъ его къ друзьямъ видно, что онъ работалъ въ это время неуспѣшно и жаловался на свое нравственное состояніе. Я же думалъ, напротивъ, что трудъ его подвигается впередъ хорошо, потому что самъ онъ былъ довольно веселъ и читалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Я въ этомъ, какъ вижу теперь, ошибался, но вотъ что́ вѣрно: я никогда не видалъ Гоголя такъ здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ физически, какъ въ эту зиму, т. е. въ январѣ и декабрѣ 1848-го и въ январѣ и февралѣ 1849-го года. Не только онъ пополнѣлъ, но тѣло на немъ сдѣлалось очень крѣпко. Обнимаясь съ нимъ ежедневно, я всегда щупалъ его руки. Я радовался и благодарилъ Бога. Надобно замѣтить, что зима была необыкновенно жестокая и постоянная, что Гоголь прежде никогда не могъ выносить сильнаго холода и что теперь онъ одѣвался очень легко. Но не долго предавался я радостнымъ надеждамъ на совершенное возстановленіе его здоровья. Съ появленіемъ первыхъ оттепелей, Гоголь сталъ задумчивѣе, вялѣе, и хандра очевидно стала имъ овладѣвать. Однако 19-го марта, въ день его рожденья, который онъ всегда проводилъ у насъ, я получилъ отъ него слѣдующую довольно веселую записку.

»Любезный другъ Сергѣй Тимоѳѣевичъ, имѣютъ сегодня подвер»нуться вамъ къ обѣду два пріятеля: Петръ Мих. Языковъ и я, »оба грѣховодники и скоромники. Упоминаю объ этомъ обстоятель»ствѣ по той причинѣ, чтобы вы могли приказать прибавить кусокъ »бычачины на одно лишнее рыло.«

»Имянины свои, 9-го мая, онъ праздновалъ, по прежнему, въ саду у М. П. Погодина, и 7-го мая я получилъ отъ него слѣдующую записку. [Было одно обстоятельство, некасавшееся Гоголя, но которое не позволило ему сдѣлать намъ прямого приглашенія].

»Мнѣ хотѣлось бы, держась старины, послѣ-завтра отобѣдать въ »кругу короткихъ пріятелей въ Погодинскомъ саду. Звать на имя»нины самому неловко. Не можете ли вы дать знать, или сами, »или чрезъ Константина Сергѣевича Армфельду, Загоскину, С**** »и Павлову совокупно съ Мельгуновымъ? Придумайте, какъ это

»сдѣлать ловче и дайте мнѣ потомъ отвѣтъ, если можно, заблаго-
»временно.«

Въ іюнѣ 1849 года А.О.С—ва, по дорогѣ въ Калугу, пріѣхала въ Москву и нашла Гоголя въ домѣ графа А.П.Т—го, гдѣ онъ поселился съ самого своего пріѣзда изъ Малороссіи. Онъ обѣщалъ погостить у нея съ мѣсяцъ и вслѣдъ за нею отправился въ тарантасѣ съ ея братомъ Л.И.А—и.

Гоголь пріѣхалъ къ С—мъ сперва въ село Бегичево, Калужской губерніи, Медынскаго уѣзда. Его возили по окрестнымъ деревнямъ, и ему очень понравился домъ и садъ на полотняной фабрикѣ Гончарова. Онъ часто выходилъ на сѣнокосъ любоваться костюмами бегичевскихъ крестьянокъ и заставлялъ гостившаго тогда также у С—выхъ живописца Алексѣева рисовать ихъ со всѣми узорами на рубашкахъ. Онъ былъ въ восхищеніи отъ физіономій, костюмовъ и граціозности Бегичанокъ и находилъ въ нихъ сходство съ Итальянками. Его очень заботило вообще здоровье простого народа и своеобразность его быта. Онъ вспоминалъ, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича одинъ путешественникъ, посѣтивъ Россію, написалъ, что населеніе ея скудно, народъ измельчалъ и обѣднѣлъ, а другой, пріѣхавши къ намъ черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ перваго, нашелъ города и деревни обильно населенными, нашелъ народъ здоровый, рослый, цвѣтущій и богатый. Гоголь это приписывалъ благочестивой жизни Царя, который вездѣ въ государствѣ водворилъ порядокъ, безопасность и спокойствіе.

Черезъ нѣсколько дней семейство С—хъ переѣхало съ Гоголемъ въ Калугу. Дорогою его занимало: какъ ему покажется губернскій городъ, какъ будетъ устроенъ губернаторскій домъ и вообще, каковъ будетъ бытъ губернатора и всего, что̀ его окружаетъ. Подъѣхали къ Калугѣ вечеромъ. Вдали начали мелькать огни загороднаго губернаторскаго дома... Гоголь пришелъ въ восхищеніе.

— Да это просто великолѣпіе! сказалъ онъ: — да отсюда бы и не выѣхалъ! Ахъ, да какой здѣсь воздухъ!

Ему отвели квартиру въ особомъ флигелѣ, въ которомъ жилъ нѣкогда Ю.А. Нелединскій (при губернаторѣ князѣ А.П. Оболен-

скомъ, женатомъ на дочери Нелединскаго). Флигель не отличался своей красотою, но Гоголю нравился, потому что онъ былъ тамъ совершенно одинъ и видъ изъ оконъ былъ прекрасный. Его особенно восхищали зеленый сосновый боръ и рѣка Яченка, на крутомъ берегу которой стоялъ загородный губернаторскій домъ. Вправо отъ бора ему видны были главы Лаврентьева монастыря. Гоголь самъ пожелалъ, чтобъ ему служилъ человѣкъ Христофоръ, который нравился ему тѣмъ, что у него »настоящая губернская физіономія«. Онъ утверждалъ, что »именно такіе слуги дозжны быть въ губернскомъ городѣ у губернатора«.

По утрамъ Гоголя не видали; онъ являлся въ домъ только въ три часа, къ обѣду. Онъ очень любилъ видѣть за губернаторскимъ обѣдомъ чиновниковъ и говорилъ, что »это такъ слѣдуетъ«. За столомъ онъ всегда разговаривалъ съ чиновниками и былъ съ ними очень любезенъ, но посѣщалъ только инспектора врачебной управы В.Я.Быковскаго, съ которымъ онъ познакомился, какъ съ землякомъ. Не смотря на то, въ Калугѣ всѣ знали Гоголя и очень имъ интересовались. Однажды вѣтеръ сорвалъ съ него и бросилъ въ лужу бѣлую шляпу. Гоголь тотчасъ купилъ себѣ черную, а бѣлую, запачканную грязью, оставилъ въ лавкѣ. Всѣ »рядовичи« собрались къ счастливому купцу, которому досталась эта драгоцѣнность, и каждый примѣривалъ шляпу на своей головѣ, удивляясь, что голова-дескать у Гоголя и не очень велика, а сколько-то ума! Есть въ Калугѣ книгопродавецъ Олимпіевъ, великій почитатель литературныхъ знаменитостей. Онъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ, съ Жуковскимъ и хаживалъ къ Гоголю. Узнавъ о томъ, что шляпа Гоголя находится въ рукахъ гостинnодворцевъ, онъ убѣдилъ ихъ поднесть эту драгоцѣнность А.О.С—ой, что́ и было исполнено съ подобающею церемоніею. Но, разумѣется, А.О., наслаждаясь присутствіемъ у себя въ домѣ самого Гоголя, отказалась принять его запачканную шляпу, и шляпа осталась во владѣніи рядовичей.

Гоголя возили по окрестностямъ губернскаго города и, между прочимъ, въ село Ромоданово, откуда, по его словамъ, видъ Калуги напоминалъ ему Константинополь. Бывши тамъ у всенощной въ празд-

никъ Рождества Богородицы, онъ восхищался тѣмъ, что церковь убрана была зеленью.

Костюмъ Гоголя въ это время раздѣлялся на буднишній и праздничный. По воскресеньямъ и праздникамъ, онъ являлся обыкновенно къ обѣду въ бланжевыхъ нанковыхъ панталонахъ и голубомъ, небеснаго цвѣта, коротномъ жилетѣ. Онъ находилъ, что »это производитъ впечатлѣніе торжественности, и говорилъ, что въ праздники все должно отличаться отъ буднишняго: сливки къ кофе должны быть особенно густы, обѣдъ очень хорошій, за обѣдомъ должны быть предсѣдатели, прокуроры и всякіе этакіе важные люди, и самое выраженіе лицъ должно быть особенно торжественно«.

Еще до переѣзда съ дачи въ городъ, Гоголь предложилъ А.О. С—ой прочесть ей нѣсколько главъ изъ второго тома »Мертвыхъ Душъ«, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ никого при этомъ чтеніи не было и чтобъ объ этомъ не было никому ни писано, ни говорено. Онъ приходилъ къ ней по утрамъ въ 12 часовъ и читалъ почти до 2-хъ. Одинъ разъ былъ допущенъ къ слушанію братъ ея Л.И.А-ди

Уцѣлѣвшій отъ сожженія обрывокъ второго тома »Мертвыхъ Душъ« давно ужъ напечатанъ и извѣстенъ каждому. То, что̀ читалъ Гоголь А.О.С—ой, начиналось не такъ, какъ въ печати. Читатель помнитъ торжественный тонъ окончанія перваго тома. Въ такомъ тонѣ начинался, по ея словамъ и второй. Слушатель строкъ, съ первыхъ былъ поставленъ въ виду обширной картины, соотвѣтствовавшей словамъ: »Русь! куда несешься ты? дай отвѣтъ!« и проч.; потомъ эта картина съуживалась, съуживалась и наконецъ входила въ рамки деревни Тѣнтѣтникова. Нечего и говорить о томъ, что все читанное Гоголемъ было несравненно выше, нежели въ оставшемся брульонѣ. Въ немъ очень многаго не достаетъ даже въ тѣхъ сценахъ, которыя остались безъ перерывовъ. Такъ, напримѣръ, анекдотъ о черненькихъ и бѣленькихъ разсказывается генералу во время шахматной игры, въ которой Чичиковъ овладѣваетъ совершенно благосклонностью Бетрищева; въ домашнемъ быту генерала пропущены лица—плѣнный французскій капитанъ Эскадронъ и гувернантка Англичанка. Въ дальнѣйшемъ развитіи поэмы не достаетъ описанія деревни Вороного-Дрянного, изъ которой Чичиковъ переѣзжаетъ къ Костанжогло. Потомъ нѣтъ ни слова объ имѣ-

нiи Чегранова, управляемомъ молодымъ человѣкомъ, недавно выпущеннымъ изъ университета. Тутъ Платоновъ, спутникъ Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портретъ, а потомъ они встрѣчаютъ, у брата генерала Бетрищева, живой подлинникъ этого портрета, и начинается романъ, изъ котораго Чичиковъ, какъ и изъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, каковы бъ они ни были, извлекаетъ свои выгоды. Первый томъ, по словамъ А.О.С—ой, совершенно поблѣднѣлъ въ ея воображенiи передъ вторымъ: здѣсь юморъ возведенъ былъ въ высшую степень художественности и соединялся съ паѳосомъ, отъ котораго захватывало духъ. Когда слушательница спрашивала: неужели будутъ въ поэмѣ еще поразительнѣйшiя явленiя? Гоголь отвѣчалъ:

— Я очень радъ, что это вамъ такъ нравится, но погодите: будутъ у меня еще лучшiя вещи: будетъ у меня священникъ, будетъ откупщикъ, будетъ генералъ-губернаторъ.

Извѣстно, что откупщикъ Муразовъ и генералъ-губернаторъ, въ уцѣлѣвшемъ брульонѣ, вышли довольно слабыми созданьями Гоголева таланта; но, судя по силѣ первыхъ главъ второго тома, засвидѣтельствованной нѣсколькими строгими цѣнителями изящнаго, надобно думать, что Гоголь мало-помалу возвелъ бы и эти лица »въ перлъ созданiя«. Творчество его въ послѣднее время его жизни прiобрѣло дивное свойство. Не теряя свѣжести перваго наитiя, оно пересоздавало и совершенствовало взятую художественную идею до тѣхъ поръ, пока она являлась въ полномъ соотвѣтствiи требованiямъ строгой критики самого автора. Гоголь стоялъ выше людей, которые, потративъ на созданiе какого-нибудь характера запасъ умственной силы, чувствуютъ невозможность создать то же самое вновь, въ болѣе совершенномъ видѣ. Онъ сжегъ второй томъ »Мертвыхъ Душъ« въ 1845 году, и однакожъ у него явились такiя вещи, какъ деревня Тѣнтѣтникова, какъ генералъ Бетрищевъ и обжора Пѣтухъ, необнаруживающiя никакого усилiя надъ самимъ собою, свободныя, какъ природа. Такъ, вѣроятно, поступлено было бы и съ Муразовымъ, и съ генералъ-губернаторомъ, еслибы только продлилась жизнь автора. Его не пугала медленность работы и трудность передѣлки. Передѣлывать онъ былъ готовъ самыя оконченныя свои вещи, если только въ немъ оставалось

хотя малѣйшее подозрѣніе, что они не вполнѣ истинны. Такъ, напримѣръ, А.О.С—ва замѣтила, что Улинька, дочь генерала, немножко идеальна. Онъ тотчасъ записалъ карандашомъ на полѣ страницы: »А.О. находитъ, что Улинька немножко идеальна«, и, вѣрно, уничтожилъ впослѣдствіи эту идеальность. Кто знаетъ? можетъ быть, ревность художника къ высокимъ идеямъ искусства, которыхъ онъ не успѣлъ воплотить въ соотвѣтствующія имъ осязательныя формы, была также отчасти причиной сожженія втораго тома »Мертвыхъ Душъ« передъ смертью.

Возвратясь изъ Калуги, Гоголь гостилъ нѣкоторое время у С.П. Шевырева на дачѣ; наконецъ 14-го августа, пріѣхалъ въ подмосковную къ С.Т. Аксакову.

»Онъ много гулялъ у насъ по рощамъ (говоритъ С.Т. Аксаковъ въ своихъ запискахъ) и забавлялся тѣмъ, что, находя грибы, собиралъ ихъ и подкладывалъ мнѣ на дорожку, по которой я долженъ былъ возвращаться домой. Я почти видѣлъ, какъ онъ это дѣлалъ. По вечерамъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ переводы древнихъ Мерзлякова, изъ которыхъ особенно ему нравились гимны Гомера. Такъ шли вечера до 18-го числа. 18-го вечеромъ, Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ:

»— Да не прочесть ли намъ главу »Мертвыхъ Душъ«?

»Мы были озадачены его словами и подумали, что онъ говоритъ о первомъ томѣ »Мертвыхъ Душъ«. Сынъ мой Константинъ даже всталъ, чтобъ принести ихъ съ верху, изъ своей библіотеки; но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ:

»— Нѣтъ, ужъ я вамъ прочту изъ втораго.

»И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь.

»Не могу выразить, что̀ сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Ту же минуту всѣ мы придвинулись къ столу, и Гоголь прочелъ первую главу втораго тома »Мертвыхъ Душъ«. Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, и пришелъ въ совершенный восторгъ.

Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и, осыпаемый нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ на верхъ, въ свою комнату, потому что уже прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, т. е. 11 часовъ.

»Тутъ только мы догадались, что Гоголь съ перваго дня имѣлъ намѣреніе прочесть намъ первую главу изъ второго тома »Мертвыхъ Душъ«, которая одна, по его словамъ, была отдѣлана, и ждалъ отъ насъ только какого-нибудь вызывающаго слова. Тутъ только припомнили мы, что Гоголь много разъ опускалъ руку въ карманъ, какъ-бы хотѣлъ что-то вытащить, но вынималъ пустую руку.

»На другой день Гоголь требовалъ отъ меня замѣчаній на прочитанную главу; но намъ помѣшали говорить о »Мертвыхъ Душахъ«. Онъ уѣхалъ въ Москву, и я написалъ къ нему письмо, въ которомъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и указалъ на особенныя, по моему мнѣнію, красоты. Получивъ мое письмо, Гоголь былъ такъ доволенъ, что захотѣлъ видѣть меня немедленно. Онъ нанялъ карету, лошадей и въ тотъ же день прикатилъ къ намъ въ Абрамцево. Онъ пріѣхалъ необыкновенно веселъ, или, лучше сказать, свѣтелъ, и сейчасъ сказалъ:

»— Вы замѣтили мнѣ именно то, что́ я самъ замѣчалъ, но не былъ увѣренъ въ справедливости моихъ замѣчаній. Теперь же я въ нихъ не сомнѣваюсь, потому что то же замѣтилъ другой человѣкъ, *пристрастный* ко мнѣ.

»Гоголь прожилъ у насъ цѣлую недѣлю; до обѣда раза два выходилъ гулять, а остальное время работалъ; послѣ же обѣда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть слѣдующія главы, но онъ убѣдительно просилъ, чтобъ я погодилъ. Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ прочелъ уже нѣсколько главъ А.О.С—ой и С.П.Шевыреву, что самъ увидѣлъ, какъ много надо передѣлать, и что прочтетъ мнѣ ихъ непремѣнно, когда онѣ будутъ готовы.

»6-го сентября Гоголь уѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ О*С*. Прощаясь, онъ повторилъ ей обѣщаніе прочесть намъ слѣдующія главы »Мертвыхъ Душъ« и велѣлъ непремѣнно сказать это мнѣ.

»Въ генварѣ 1850 года Гоголь прочелъ намъ въ другой разъ первую главу »Мертвыхъ Душъ«. Мы были поражены удивленіемъ:

глава показалась намъ еще лучше и какъ-будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ:

»— Вотъ что́ значитъ, когда живописецъ дастъ послѣдній тушъ своей картинѣ. Поправки, по видимому, самыя ничтожныя: тамъ одно словцо убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено — и все выходитъ другое. Тогда надо напечатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы.

»Оказалось, что онъ воспользовался всѣми сдѣланными ему замѣчаніями.

»Января 19-го Гоголь прочелъ намъ вторую главу второго тома »Мертвыхъ Душъ«, которая была довольно отдѣлана и не уступала первой въ достоинствѣ; а до отъѣзда своего въ Малороссію, онъ прочелъ третью и четвертую главы.«

XXXI.

Путешествіе на долгихъ въ Малороссію. — Проектъ путешествія по монастырямъ. — Взглядъ С.Т.Аксакова на Гоголя. — Воспоминанія Ѳ.В. Чижова и А.В. Марковича. — Пребываніе въ Одессѣ. — Знакомство съ Н.Д.Мизко.

Гоголь чувствовалъ, что суровая сѣверная зима дѣйствуетъ вредно на его здоровье, но въ его планы не входили уже поѣздки за границу, и потому онъ избралъ своимъ зимовьемъ Одессу, откуда намѣревался проѣхать въ Грецію, или въ Константинополь. Для этого онъ началъ заниматься новогреческимъ языкомъ, по молитвеннику, который, во время переѣзда въ Малороссію, составлялъ единственное его чтеніе. Онъ читалъ его по утрамъ вмѣсто молитвы, стараясь, однакожъ, дѣлать это тайкомъ отъ своего спутника.

Спутникомъ его былъ М.А.Максимовичъ, съ которымъ онъ договорилъ заѣзжаго изъ Василькова (Кіевской губерніи) Еврея, съ извѣстною будкою на колесахъ, называющеюся, не извѣстно почему, брикою, или шарабаномъ. Въ нее предполагалось положить вещи, а

сами путешественники намѣревались сѣсть въ рессорную бричку, принадлежавшую г. Максимовичу. Но Еврей, порядившійся везти Гоголя, надулъ его самымъ плутовскимъ образомъ. Ему нужно было только остаться подъ этимъ предлогомъ въ Москвѣ до полученія паспорта, а потомъ онъ начисто отперся отъ своего словеснаго обязательства.

Гоголь былъ въ страшной досадѣ, но дѣлать было нечего. И вотъ путешественники пріискиваютъ себѣ другого »долгаго« извощика, уже изъ православныхъ; тотъ закладываетъ въ свою громадную телегу тройку коренастыхъ, но тупыхъ на ногу лошадей; укладываются въ нее пожитки обоихъ литераторовъ; впрягается такая же тройка въ бричку г. Максимовича, и 13 іюня (1850) они выѣзжаютъ изъ Москвы въ безконечную дорогу черезъ нѣсколько губерній.

По разсказу г. Максимовича, они оставили Москву въ пятомъ часу по полудни, или, говоря точнѣе, въ это время они выѣхали изъ дому Аксаковыхъ, у которыхъ они на прощаньи обѣдали. Первую ночь провели въ Подольскѣ, гдѣ въ то же время ночевали Хомяковы, съ которыми Гоголь и его спутникъ провели вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. На 15-е іюня ночевали въ Маломъ Ярославцѣ; утромъ служили въ тамошнемъ монастырѣ молебенъ; напились у игумена чаю и получили отъ него по образу св. Николая. На 16 число ночевали въ Калугѣ, и 16-го обѣдали у г-жи С—ой, искренней пріятельницы Гоголя, который питалъ къ ней глубокое уваженіе. 19-е іюня путники наши провели у И.В.К—го, въ Долбинѣ, гдѣ нѣкогда проживалъ Жуковскій и написалъ лучшія свои баллады; а 20-е у г-жи А.П.Е—ой, въ Петрищевѣ. Наконецъ, 25 іюня, разстались въ Глуховѣ, откуда Гоголь уѣхалъ въ Васильевку, въ коляскѣ А.М.Маркевича.

Страннымъ иному покажется, что Гоголь не былъ въ состояніи ѣхать на почтовыхъ; но таковы именно были тогдашнія его обстоятельства. По крайней мѣрѣ онъ считалъ необходимымъ отказать себѣ въ этомъ удобствѣ и предпочесть медленную и дешевую ѣзду быстрой и дорогой. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что онъ везъ матери рублей полтораста серебромъ, въ подарокъ. Онъ былъ »все тотъ же

пламенный, признательный, никогда незагашавшій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ«. (¹) Между прочимъ, путешествіе на долгихъ было для него уже какъ-бы началомъ плана, который онъ предполагалъ осуществить впослѣдствіи. Ему хотѣлось совершить путешесвіе по всей Россіи, отъ монастыря къ монастырю, ѣздя по проселочнымъ дорогамъ и останавливаясь отдыхать у помѣщиковъ. Это ему было нужно, во первыхъ, для того, чтобы видѣть живописнѣйшія мѣста въ государствѣ, которыя бо́льшею чистію были избираемы старинными русскими людьми для основанія монастырей; во вторыхъ, для того, чтобы изучить проселки Русскаго царства и жизнь крестьянъ и помѣщиковъ во всемъ ея разнообразіи; въ третьихъ, наконецъ, для того, чтобы написать географическое сочиненіе о Россіи самымъ увлекательнымъ образомъ. Онъ хотѣлъ написать его такъ, »чтобъ была слышна связь человѣка съ той почвой, на которой онъ родился«. Обо всемъ этомъ говорилъ Гоголь у г-жи С—ой, въ присутствіи графа А.К.Т—го, который былъ знакомъ съ нимъ издавна, но потомъ не видалъ его лѣтъ шесть, или болѣе. Онъ нашелъ въ Гоголѣ большую перемѣну. Прежде Гоголь, въ бесѣдѣ съ близкими знакомыми, выражалъ много добродушія и охотно вдавался во всѣ капризы своего юмора и воображенія; теперь онъ былъ очень скупъ на слова, и все, что̀ ни говорилъ, говорилъ, какъ человѣкъ, у котораго неотступно пребывала въ головѣ мысль, что »съ словомъ надобно обращаться честно«, или который исполненъ самъ къ себѣ глубокаго почтенія. Въ тонѣ его рѣчи отзывалось что-то догматическое, такъ, какъ-бы онъ говорилъ, своимъ собесѣдникамъ: »Слушайте, не пророните ни одного слова«. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, бесѣда его была исполнена души и эстетическаго чувства. Онъ попотчивалъ графа двумя малороссійскими колыбельными пѣснями, которыми восхищался, какъ рѣдкими самородными перлами. Вотъ онѣ:

1.

Ой спы, дытя, безъ сповыття,
Покы маты зъ поля прыйде

(¹) См. томъ 1-й. стр, 40.

Та прынесе тры квиточкы:
Одна буде дримлывая,
Друга буде сонлывая,
А третяя щаслывая.
Ой щобъ спало — щастя мало,
Та щобъ росло — не болило,
На серденько не скорбило!
Ой ристочкы у кисточкы,
Здоровьячко на сердечко,
Розумъ добрый въ головоньку,
Сонькы-дримкы у виченькы!

2.

Ой ходыть сонъ по улоньци,
Въ билѐсенькій кошулоньци;
Слоняетця, тыняетця,
Господонькы пытаетця:
»А де хата теплѐсенька
И дытына малѐсенька,
Туды пійду ночуваты
И дытыны колыхаты.«
А въ насъ хата теплѐнькая
И дытына малѐнькая;
Ходы до насъ ночуваты
И дытыны колыхаты!
Ходы, сонку, въ колысочку,
Прыспы нашу дытыночку!

Вслѣдъ за тѣмъ Гоголь попотчивалъ графа лакомствомъ другого сорта: онъ продекламировалъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, великорусскую пѣсню, выражая голосомъ и мимикою патріархальную величавость русскаго характера, которой исполнена эта пѣсня.

Пантелей государь ходитъ по двору,
Кузьмичъ гуляетъ по широкому;
Кунья на немъ шуба до земли,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья на немъ милость до вѣку.
Бояре-то смотрятъ изъ города,
Боярыни-то смотрятъ изъ терема,

Сужена-то смотритъ изъ-подъ пологу.
Бояре-то молвятъ: »Чей то такой?«
Боярыни-то молвятъ: »Чей то господинъ?«
А сужена молвитъ: »Мой дорогой!«

Изъ приведенныхъ выше чиселъ видно, что путешественники наши подвигались впередъ довольно медленно; но Гоголь не чувствовалъ, по видимому, никакой скуки и постоянно обнаруживалъ самое спокойное состояніе души, какъ во время ѣзды, такъ и на постоялыхъ дворахъ. Его все занимало въ дорогѣ, какъ ребенка, и онъ часто, для выраженія своихъ желаній, употреблялъ языкъ, какимъ любятъ объясняться между собою школьники. Такъ, напримѣръ, ложась спать, онъ »отправлялся къ Храповицкому«, а когда желалъ только отдохнуть, то говаривалъ своему спутнику: »Не пойти ли намъ къ Полежаеву?« Хаживалъ онъ также къ »Обѣдову« и къ другимъ господамъ по разнымъ надобностямъ, и все это безъ малѣйшаго вида шутки (¹). Когда надоѣдало ему сидѣть и лежать въ бричкѣ, онъ предлагалъ товарищу »пройти пѣхандачка« и мимоходомъ собиралъ разные цвѣты, вкладывалъ ихъ тщательно въ книжку и записывалъ ихъ латинскія и русскія названія, которыя говорилъ ему г. Максимовичъ. Это онъ дѣлалъ для одной изъ своихъ сестеръ, страстной любительницы ботаники. У него было очень тонкое обоняніе. Иногда, въѣзжая въ лѣсъ, онъ говорилъ: »Тутъ сосна должна быть: такъ и пахнетъ сосной«, и дѣйствительно путешественники открывали между березъ и дубовъ сосновыя деревья. На станціяхъ онъ покупалъ молоко, снималъ сливки и очень искусно дѣлалъ изъ нихъ масло, съ помощью деревянной ложки. Въ этомъ занятіи онъ находилъ столько же удовольствія, какъ и въ собираніи цвѣтовъ, и никто бы не

(¹) Въ »Мертвыхъ Душахъ«, на стр. 362, мы читаемъ: »...Всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знались только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ и Полежаевымъ [знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ полежать и завалиться, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси: все равно какъ фраза: заѣхать къ Сопикову и Храповицкому]....«

узналъ въ немъ того, что̀ мы привыкли разумѣть подъ названіемъ поэта. Онъ былъ простой путешественникъ, немножко разсѣянный, немножко прихотливый, порой дѣтски затѣйливый, порой какъ-будто грустный, но постоянно спокойный, какъ бываетъ спокоенъ старикъ, переиспытавшій много на вѣку своемъ и убѣдившійся окончательно, что все въ мірѣ совершается по строгимъ законамъ необходимости и что причина каждаго непріятнаго для насъ явленія можетъ скрываться внѣ границъ не только нашего вліянія, но и нашего вѣдѣнія. По дорогѣ онъ любилъ заѣзжать въ монастыри и молиться въ нихъ Богу. Особенно понравилась ему Оптина пустынь, на рѣкѣ Жиздрѣ, за Калугою. Гоголь, приближась къ ней, прошелъ съ своимъ спутникомъ до самой обители, версты двѣ, пѣшкомъ. На дорогѣ встрѣтили они дѣвочку, съ мисочкой земляники, и хотѣли купить у нея землянику; но дѣвочка, видя, что они люди дорожные, не захотѣла взять отъ нихъ денегъ и отдала имъ свои ягоды даромъ, отговариваясь тѣмъ, что »какъ можно брать съ странныхъ людей деньги?«

— Пустынь эта распространяетъ благочестіе въ народѣ, замѣтилъ Гоголь, умиленный этимъ, конечно рѣдкимъ, явленіемъ. — И я не разъ замѣчалъ подобное вліяніе такихъ обителей.

Во время дороги Гоголь кромѣ обычныхъ своихъ шуточекъ, вообще говорилъ мало, и въ этомъ маломъ мысли его обращались преимущественно къ предметамъ практической жизни. Такъ, напримѣръ, онъ разсуждалъ о современной страсти къ комфорту и роскоши и приходилъ къ такому заключенію, что намъ »необходимо пріучать себя къ суровости жизни, ато комфортъ и роскошь заводятъ насъ такъ далеко, что мы проматываемся часъ отъ часу болѣе, и наконецъ намъ нечѣмъ жить«. На этомъ основаніи, онъ отвергалъ употребленіе въ сельскомъ быту рессорныхъ экипажей, особенно для людей его состоянія, и придумывалъ, какъ бы взять въ этомъ случаѣ средину между дорогимъ комфортомъ и грубою дешевизною.

Всего замѣчательнѣе въ его сужденіяхъ о жизни было то, что онъ всякую идею примѣривалъ сперва на себѣ и потомъ уже пускалъ ее въ ходъ для служенія ближнимъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ не былъ похожъ на тѣхъ философовъ, которые заботятся о воздержаніи прочихъ, не зная никакихъ предѣловъ собственнымъ прихо-

тямъ. Онъ ѣхалъ на долгихъ и разсуждалъ объ упрощеніи помѣщичьяго быта. Онъ утверждалъ, что такія религіозныя учрежденія, какъ Оптина пустынь, распространяютъ благочестіе въ народѣ, и подтверждалъ искренность своего убѣжденія своимъ посѣщеніемъ иноческихъ обителей и своими молитвами въ нихъ. Онъ проповѣдывалъ терпѣніе и исполненіе ближайшаго своего долга (¹), и явилъ въ себѣ образецъ терпѣнія изумительнаго и совершенное безстрастіе къ тому, что̀ не входило въ предѣлы его литературной дѣятельности. Это была истинно геніальная, самообразующая себя натура, въ которой передъ нашими глазами совершилась борьба добрыхъ началъ съ злыми, въ ободреніе и въ назиданіе всѣхъ созерцавшихъ ее. (²)

(¹) Не задолго до своей смерти Гоголь написалъ своимъ друзьямъ слѣдующее »напутственное слово«:

»Благодарю васъ много, друзья мои; вами украшалась много жизнь моя. Считаю долгомъ сказать вамъ теперь напутственное слово.... Не смущайтесь никакими событіями, какія ни случаются вокругъ васъ. Дѣлайте каждый свое дѣло, молясь въ тишинѣ. Общество тогда только исправится, когда всякій честный человѣкъ займется собою и будетъ жить какъ христіянинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все прійдетъ тогда въ порядокъ; сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законные всему, и человѣчество двинется впередъ....«

(²) Когда я написалъ эти строки, мнѣ пришла на мысль одна изъ страницъ »Переписки« Гоголя, и я убѣдился еще больше въ искренности убѣжденія, съ которою онъ проповѣдовалъ друзьямъ своимъ ученіе о самосовершенствованіи:

»Не останавливайся, учи и давай совѣты! (говоритъ онъ.) Но если хочешь, чтобы это принесло въ то же время тебѣ самому пользу, дѣлай такъ, какъ думаю я, и какъ *положилъ себѣ отнынѣ дѣлать всегда.* Всякій совѣтъ и наставленіе, какое ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образованія, съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго, обрати въ то же время къ самому себѣ, и то же самое, что̀ посовѣтовалъ другому, посовѣтуй себѣ самому; тотъ же самый упрекъ, который сдѣлалъ другому, сдѣлай тутъ же себѣ самому. Повѣрь, все придется къ тебѣ самому, и я даже не знаю, есть ли такой упрекъ, которымъ бы нельзя было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядишь на себя.... Это дѣлай непремѣнно! Ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ съ самого себя.« (Стр. 123).

Прихотливость Гоголя въ дорогѣ обнаруживалась въ томъ, что онъ вмѣсто чаю пилъ кофе, который варилъ собственноручно на самоварѣ, и если могъ остановиться въ гостинницѣ, то всегда предпочиталъ ее постоялому двору. Впрочемъ, онъ дѣлалъ эту уступку своимъ строгимъ правиламъ жизни, вѣроятно, только для поддержанія своего хилаго здоровья, о которомъ онъ выражался съ трогательною наивностью въ своихъ письмахъ, что оно ему *нужно*. (¹)

Г. Максимовичъ, пріѣхавъ въ Москву на собственныхъ лошадяхъ, нашелъ для себя удобнымъ сбыть ихъ тамъ; однакожъ не могъ разстаться съ старымъ конемъ, который служилъ ему усердно нѣсколько лѣтъ. Конь этотъ шелъ сзади телеги на свободѣ и былъ во всю всю дорогу предметомъ наблюденій Гоголя.

— Да твой старикъ просто жуируетъ! говорилъ онъ, замѣтивъ, что сзади повозки придѣланъ былъ для него рептухъ съ овсомъ и сѣномъ.

Потомъ онъ дивился, что, лишь только извощикъ двигался въ путь, ветеранъ г. Максимовича покидалъ свое стойло, или зеленую лужайку, и слѣдовалъ за кибиткою всегда въ одномъ и томъ же разстояніи отъ нея, какъ-будто привязанный къ ней. Гоголь подмѣчалъ, не увлечетъ ли его какая-нибудь конская страстишка съ прямого пути его обязанностей: нѣтъ, конь былъ истинный стоикъ и оставался вѣренъ своимъ правиламъ до конца путешествія. Впрочемъ, Гоголь разстался съ г. Максимовичемъ въ Глуховѣ и не могъ ужъ слѣдить за поведеніемъ его буцефала. Но когда Максимовичъ въ томъ же году посѣтилъ поэта на его родинѣ, онъ тотчасъ узналъ своего знакомца и освѣдомился о благосостояніи его ногъ.

Въ дорогѣ одинъ только случай явственно задѣлъ поэтическія струны въ душѣ Гоголя. Это было въ Сѣвскѣ, на Ивана Купалу. Проснувшись на зарѣ, наши путешественники услышали неподалеку отъ постоялаго двора какой-то странный напѣвъ, звонко раздававшійся въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

(¹) Онъ говорилъ своему спутнику, что полъ-чашки чаю дѣйствуетъ на его нервы сильнѣе, нежели большой стаканъ кофе.

— Поди послушай, что́ это такое, просилъ Гоголь своего друга: —не купаловыя ли пѣсни? Я бы и самъ пошелъ, но ты знаешь, что я немножко изъ-подъ Глухова.

Г. Максимовичъ подошелъ къ сосѣднему дому и узналъ, что тамъ умерла старушка, которую оплакиваютъ поочередно три дочери. Дѣвушки причитывали ей импровизированныя жалобы съ рѣдкимъ искусствомъ и вдохновлялись собственнымъ своимъ плачемъ. Все служило имъ темою для горестнаго речитатива: добродѣтельная жизнь покойницы, ихъ неопытность въ обхожденіи съ людьми, ихъ беззащитное сиротское состояніе и даже разныя случайныя обстоятельства. Напримѣръ, въ то время, какъ плакальщица голосила, на лицо покойницы сѣла муха, и та, схвативъ этотъ случай съ быстротою вдохновенія, тотчасъ вставила въ свою рѣчь два стиха:

»Вотъ и мушенька тебѣ на личенько сѣла,
Не можешь ты мушеньку отогнати!«

Проплакавъ всю ночь, дѣвушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выраженіями своихъ чувствъ, что начали думать вслухъ тоническими стихами. Раза два появлялись онѣ, то та, то другая, на галерейкѣ второго этажа и, опершись на перилы, продолжали свои вопли и жалобы, а иногда обращались къ утреннему солнцу, говоря: »Солнышко ты мое красное!« и тѣмъ »живо напоминали мнѣ (говорилъ г. Максимовичъ) Ярославну, плакавшую рано, Путивлю городу на заборолѣ....«

Когда онъ разсказалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ поэту изъ-подъ Глухова, тотъ былъ пораженъ поэтичностью этого явленія и выразилъ намѣреніе воспользоваться имъ, при случаѣ, въ »Мертвыхъ Душахъ«.

Принося искреннюю благодарность М. А. Максимовичу за сообщеніе мнѣ разсказа о его путешествіи съ Гоголемъ изъ Москвы въ Малороссію, я долженъ, однакожь, сказать, что только соединеніе многихъ другихъ фактовъ изъ жизни поэта помогло мнѣ почувствовать характерную выразительность разныхъ обстоятельствъ этого путешествія. Тутъ я вспомнилъ то, что́ было сказано С.Т. Аксаковымъ о трудности біографіи Гоголя, и вношу его слова въ мою книгу, какъ

важное дополненіе къ моей характеристикѣ поэта, или, говоря искреннѣе, какъ камертонъ, по которому я выработалъ собственный взглядъ на Гоголя:

»Біографія Гоголя (говоритъ онъ) (¹) заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура — въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами—ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, какъ чисты, искренни его слова и поступки. Дѣло, впрочемъ, понятное: нельзя вдругъ оцѣнить и повѣрить тому чувству, котораго самъ дѣйствительно не имѣешь, хотя безпрестанно говоришь о немъ....«

Далѣе тотъ же писатель представляетъ прекрасную характеристику разнообразнаго пониманія Гоголя со стороны знакомыхъ съ нимъ лично.

»Гоголя, какъ человѣка (говоритъ онъ), знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что́ онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило отъ того, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи, и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него, мало думалъ о томъ, что́ говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что́ самъ говоритъ. Къ этому должно прибавить, что разные люди, знавшіе Гоголя въ разныя эпохи его жизни, могли сообщить о немъ

(¹) »Московскія Вѣдомости« 1853 года, № 36.

другъ другу разныя извѣстія. Да не подумаютъ, что Гоголь мѣшался въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ, съ юношескихъ лѣтъ онъ оставался имъ вѣренъ; но Гоголь шелъ постоянно впередъ: его христіянство становилось чище, строже; высокое значеніе цѣли писателя яснѣе, и судъ надъ самимъ собою суровѣе; итакъ, въ этомъ смыслѣ Гоголь измѣнялся. Но даже въ одно и то же время, особенно до послѣдняго своего отъѣзда за границу, съ разными людьми Гоголь казался разнымъ человѣкомъ. Тутъ не было никакого притворства: онъ соприкасался съ тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди, или, по крайней мѣрѣ, которыя могли они понять. Такъ, напримѣръ, съ однимъ пріятелемъ, и на словахъ, и въ письмахъ, онъ только шутилъ, такъ что всякій хохоталъ, читая эти письма; съ другими говорилъ объ искусствѣ и очень любилъ самъ читать Пушкина, Жуковскаго и Мерзлякова [его переводы древнихъ]; съ иными бесѣдовалъ о предметахъ духовныхъ; съ иными упорно молчалъ и даже дремалъ, или притворялся спящимъ. Кто не слыхалъ самыхъ противоположныхъ отзывовъ о Гоголѣ? Одни называли его забавнымъ весельчакомъ, обходительнымъ и ласковымъ; другіе—молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ; третьи—занятымъ исключительно духовными предметами. Однимъ словомъ, Гоголя никто не зналъ вполнѣ. Нѣкоторые друзья и пріятели, конечно, знали его хорошо, но знали, такъ сказать, по частямъ. Очевидно, что только соединеніе этихъ частей можетъ составить цѣлое, полное знаніе и опредѣленіе Гоголя.«

Съ этой-то цѣлью я и пользуюсь всякимъ случаемъ представить отраженіе личности Гоголя въ умахъ его наблюдателей. Вотъ что̀ говоритъ о послѣднихъ встрѣчахъ съ нимъ его университетскій товарищъ, Ѳ. В. Чижовъ:

»Послѣ Италіи, мы встрѣтились съ нимъ въ 1848 году въ Кіевѣ, и встрѣтились истинными друзьями. Мы говорили мало, но разбитой тогда и сильно больной душѣ моей стала понятна болѣзнь души Гоголя... Мы встрѣтились у А.С. Данилевскаго, у котораго остановился Гоголь и очень искалъ меня; потомъ провели вечеръ у М.В. Юзефовича. Гоголь былъ молчаливъ, только при разставаньи онъ

просилъ меня, не можемъ ли мы сойтись на другой день рано утромъ въ саду. Я пришелъ въ общественный садъ рано, часовъ въ 6 утра; тотчасъ же пришелъ и Гоголь. Мы много ходили по Кіеву, но больше молчали; не смотря на то, не знаю, какъ ему, а мнѣ было пріятно ходить съ нимъ молча. Онъ спросилъ меня: гдѣ я думаю жить? — Не знаю, говорю я: вѣроятно, въ Москвѣ.

»— Да, отвѣчалъ мнѣ Гоголь: — кто сильно вжился въ жизнь римскую, тому послѣ Рима только Москва и можетъ нравиться.

»Тутъ, не помню, въ какихъ словахъ, онъ передалъ мнѣ, что любитъ Москву и желалъ бы жить въ ней, если позволитъ здоровье. Мы назначили вечеромъ сойтись въ Лаврѣ, но тамъ видѣлись только на нѣсколько минутъ: онъ торопился.

»Въ Москвѣ — помнится мнѣ, въ 1849 году—мы встрѣчались часто у Хомякова, гдѣ я бывалъ всякій день, и у С—хъ. Онъ то же былъ всегда молчаливъ, и тогда уже видно было, что онъ страдалъ. Однажды мы сошлись съ нимъ подъ вечеръ на Тверскомъ бульварѣ.

»— Если вы не торопитесь, говорилъ онъ: — проводите меня до конца бульвара.

»Заговорили мы съ нимъ объ его болѣзни.

»— У меня все разстроено внутри, сказалъ онъ: — Я, напримѣръ, вижу, что кто-нибудь спотыкнулся; тотчасъ же воображеніе за это ухватится, начнетъ развивать — и все въ самыхъ страшныхъ призракахъ. Они до того меня мучатъ, что не даютъ мнѣ спать и совершенно истощаютъ мои силы.«

Когда Гоголь ѣхалъ зимовать въ Одессу, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, А.В. Марковичъ, встрѣтилъ его у В.А. Лукашевича, въ селѣ Мехедовкѣ, Золотоношскаго уѣзда. Это было въ октябрѣ 1850 года. Вотъ что́ замѣчено г. Марковичемъ достойнаго памяти изъ тогдашнихъ разговоровъ Гоголя:

Когда въ гостинную внесли узоры для шитья по канвѣ, онъ сказалъ, что наши старинныя женщины оставили въ работахъ своихъ образцы изящества и свободнаго творчества, и шили безъ узоровъ; а

нынѣшнія не удивятъ потомства, которое, пожалуй, назоветъ ихъ безтолковыми.

О Святыхъ Мѣстахъ онъ не сказалъ своего ничего, а только замѣтилъ, что Пужула, Ламартинъ и подобные имъ лирическіе писатели не даютъ понятія о странѣ, а только о своихъ чувствахъ, и что съ Палестиной дѣльнѣе знакомятъ ученые прошлаго вѣка, сенсуалисты, изъ которыхъ онъ и назвалъ двухъ, или трехъ.

Осматривалъ разныя хозяйственныя заведенія и, когда лягавая собака погналась за овцами и произвела между ними суматоху, онъ замѣтилъ, что такъ дѣлаютъ и многіе добрые люди, если ихъ не выводятъ на ихъ истинное поле дѣятельности.

Кто-то наступилъ на лапку болонкѣ, и она сильно завизжала. »А, не хорошо быть малымъ!« сказалъ Гоголь.

По поводу разнощика, забросавшаго комнату товарами, онъ сказалъ: »Такъ и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаемъ, куда дѣвать.«

За столомъ судилъ о винахъ съ большими подробностями, хотя не обнаруживалъ никакого пристрастія къ нимъ.

Когда ему читали переведенные на малороссійскій языкъ псалмы Давида, онъ останавливался на лучшихъ стихахъ, по языку и вѣрности переложенія. Онъ слушалъ съ видимымъ наслажденіемъ малороссійскія пѣсни, которыя для него пѣли, и ему особенно понравилась:

Да вже третій вечиръ, якъ дивчыну бачывъ;
Хожу коло хаты — іи не выдаты....

Обращаюсь опять къ перепискѣ Гоголя съ П.А. Плетневымъ. Здѣсь кстати замѣтить, что послѣднія письма Гоголя, то есть, писанныя въ 1849 и 1850 годахъ, отличаются отъ предшествовавшихъ имъ несравненно бо̀льшимъ соблюденіемъ правилъ правописанія. Въ нихъ встрѣчается даже нѣсколько помарокъ и поправокъ, обнаруживающихъ въ писавшемъ желаніе сообщить своей рѣчи гладкость и окончательную выразительность, тогда какъ прежнія письма ясно показываютъ, что перо его летѣло за мыслью, не оглядываясь назадъ. Объ усовершенствованіяхъ въ почеркѣ было уже сказано выше. Слѣ-

дующее письмо написано съ замѣтнымъ старанiемъ, на полномъ листѣ почтовой бумаги.

»Декабря 2-го 1850. Одесса.

»Пишу, какъ видишь, изъ Одессы, куда убѣжалъ отъ суровости зимы. Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, далась мнѣ знать сильно. Думалъ было, что укрѣпился и запасся здоровьемъ на югѣ надолго, но не тутъ-то было. Зима третьяго года кое-какъ перекочкалась, но прошлаго — едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время пропало даромъ; а время мнѣ дорого. Работа — моя жизнь; не работается — не живется, хотя, покуда, это и не видно другимъ. Отнынѣ хочу устроится такъ, чтобы три зимнiе мѣсяцы въ году проводить внѣ Россiи, подъ самымъ благотворнѣйшимъ климатомъ, имѣющимъ свойство весны и осени въ зимнее время, то есть, свойство благотворное для моей головы во время работы. Я уже испыталъ, что дѣло идетъ у меня какъ слѣдуетъ только тогда, когда все утружденiе, нанесенное головѣ поутру, развѣется въ остальное время дня прогулкой и добрымъ движенiемъ на благорастворенномъ воздухѣ [а здѣсь, въ прошломъ году, мнѣ нельзя было даже выходить изъ комнаты]. Если это не дѣлается, голова на другой день тяжела, неспособна къ работѣ, и никакiя движенiя въ комнатѣ [сколько ихъ ни выдумывалъ] не могутъ помочь. Слабая натура моя такъ уже устроилась, что чувствуетъ жизненность только тамъ, гдѣ тепло *не-натопленное*. Слѣдовало бы и теперь выѣхать хотъ въ Грецiю: затѣмъ, признаюсь, и прiѣхалъ въ Одессу. Но такая одолѣла лѣнь, такъ стало жалко разлучаться и на короткое время съ православной Русью, что рѣшился остаться здѣсь, понадѣясь на русскiй авось, то есть, авось-либо русская зима въ Одессѣ будетъ сколько-нибудь милостивѣй московской. Разумѣется, при этомъ случаѣ стало представляться, что и вонь, накуренная послѣдними политическими событiями въ Европѣ, еще не совершенно прошла,—и просьба о паспортѣ, которую хотѣлъ было отправить къ тебѣ, осталась у меня въ портфелѣ. Впрочемъ, уже и поздно: къ веснѣ, во всякомъ случаѣ, мнѣ нужно бы возвращаться въ Россiю. Намѣренiя мои теперь вотъ какого рода: въ кон-

цѣ весны, или въ началѣ лѣта предполагаю быть въ Петербургѣ, затѣмъ, чтобы, во первыхъ, повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ и перечесть вмѣстѣ все то, что̀ хочется вамъ прочитать, а во вторыхъ, если будетъ Божья воля, то и приступить къ печатанію. Увѣдомь меня теперь же, какіе у тебя планы на лѣто. Какъ бы устроиться намъ такъ, чтобы провести его гдѣ-нибудь на морскихъ водахъ, въ Ревелѣ, или въ иномъ мѣстѣ. Я думаю, что взаимныя бесѣды намъ будутъ нужнѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Не полѣнись, напиши теперь же, присообща въ этому хоть два слова о своемъ житьѣ и о милыхъ, близкихъ твоему сердцу, которымъ всѣмъ передай душевный мой поклонъ.«

Буду продолжать автобіографію Гоголя, сохранившуюся въ его письмахъ.

Къ отцу Матвѣю.

»Одесса. Декабря 30 (1850).

»Пишу къ вамъ нѣсколько строчекъ, добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, только затѣмъ, чтобы напомнить вамъ о себѣ, только затѣмъ, чтобы вновь повторить ту же просьбу: Молитель обо мнѣ, добрая душа. Намѣреніе мое ѣхать въ теплые отдаленные края, для поправленья хилаго моего здоровья, не состоялось. Я остался здѣсь въ Одессѣ, и этому радъ. По великой милости Божіей, зима здѣсь въ этомъ году вовсе непохожа на суровыя зимы предыдущія: она тепла и благопріятна моему здоровью. Что̀ же касается до душевнаго состоянія... но что̀ говорить? Можетъ-быть, вамъ душа моя извѣстна больше, чѣмъ мнѣ самому. Молюсь, чтобы Богъ превратилъ меня всего въ одинъ *благодарный гимнъ* Ему, которымъ бы должно быть всякое творенье, а тѣмъ болѣе *словесное*,—чтобы, очистивши меня отъ всѣхъ моихъ操скверн, не помянувши всего недостоинства моего, сподобилъ бы Онъ меня недостойнаго и грѣшнаго превратиться въ одну благодарную пѣснь Ему. Молюсь, молюсь и, видя безсиліе своихъ молитвъ, вопію о помощи. Молитесь, добрая душа!«

Къ П. А. Плетневу.

»Одесса. Января 25-го, 1851.

»Благодарю тебя много за обстоятельное и милое твое письмо. Отъ всей души поздравляю тебя съ замужествомъ милой дочери и прошу также отъ меня передать ей поздравленіе. Радъ, что здоровье твое укрѣпилось отъ холоднаго лѣченія. Я тоже имѣлъ отъ него пользу. Намъ всѣмъ, Русскимъ, нужно помнить и твердить себѣ безпрестанно: Ничего не доводи до излишества! Въ наши съ тобой лѣта совершенно переламывать привычки и прежній обычай жизни опасно, а понемногу оставлять ихъ, трезвиться тѣломъ и духомъ очень недурно и даже непремѣнно слѣдуетъ. Иначе какъ разъ потеряешь равновѣсіе между тѣломъ и духомъ. Я уже давно веду образъ жизни регулярный, или, лучше, необходимый слабому моему здоровью. Занимаюсь только поутру; въ одиннадцатомъ часу вечера—въ постели. Стаканъ холодной воды натощакъ и въ вечеру. Но большое употребленіе холодной воды и обливаніе вредитъ, производя во мнѣ большую испарину. Въ Одессѣ полагаю пробыть до апрѣля. Пріѣздъ Жуковскаго въ Москву, можетъ быть, нѣсколько измѣнитъ мой маршрутъ, и, вмѣсто весны, придется, можетъ-быть, въ Петербургъ осенью. Впрочемъ, это еще вреднѣе. Покуда, будь здоровъ; не забывай меня. А мнѣ хочется очень съ тобой, по старинѣ, запершись въ кабинетѣ, въ виду книжныхъ полокъ, на которыхъ стоятъ друзья наши, уже нынѣ отшедшіе, потолковать и почитать, вспомнивъ старину. Но это не могло и не можетъ быть, покуда не готово то, о чемъ нужно говорить. Будь готовъ—разговоримся такъ, что и языка не уймемъ. Вѣдь старость болтлива, а мы, благодаря Бога, уже у вратъ ея.«

Изъ моихъ знакомыхъ, видѣвшихъ Гоголя въ Одессѣ, я имѣлъ случай распросить только одного, именно Н. Д. Мизко. Онъ сообщилъ мнѣ на словахъ и потомъ на бумагѣ исторію своего знакомства съ Гоголемъ. Представляю извлеченія изъ его записки.

»Въ первый разъ (говоритъ онъ) я увидѣлъ Гоголя января 9-го 1851 года, у одного стараго его знакомаго, А. И. О—я. Хозяинъ

представилъ меня Гоголю въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ. Разговоръ былъ, между тремя, или четырмя лицами, общій — о разныхъ предметахъ, некасавшихся литературы. Меня собственно, какъ уроженца и жителя Екатеринославской губерніи, Гоголь расправшивалъ о Екатеринославѣ, о каменномъ углѣ въ нашей губерніи, о Святогорскомъ монастырѣ на меловыхъ горахъ [Харьковской губерніи, на границѣ Екатеринославской], въ которомъ я былъ; узнавъ же о намѣреніи моемъ побывать за границею, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о планѣ и удобствахъ заграничнаго путешествія.

»Черезъ день я сдѣлалъ визитъ Гоголю, въ квартирѣ его, въ домѣ Трощинскаго. Это было около двухъ часовъ дня. Онъ стоялъ у конторки и, когда я вошелъ, встрѣтилъ меня привѣтливо. Я представилъ ему экземпляръ моего сочиненія: »Столѣтіе Русской Словесности«, сказавъ, что для меня очень лестно, если книга моя будетъ находиться въ его библіотекѣ. Онъ благодарилъ меня пожатіемъ руки и потомъ спросилъ:

» — Вы, кажется, еще что-то издали въ Одессѣ?

»Я отвѣчалъ, что напечаталъ »Памятную Записку« о жизни моего отца, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ собственно для родныхъ и друзей, и просилъ его принять отъ меня экземпляръ, такъ какъ, по сочувствію его къ человѣчеству, онъ съ родни и лучшій другъ каждому человѣку. Онъ благодарилъ меня и сказалъ:

»— Я описываю жизнь людскую, поэтому меня всегда интересуетъ живой человѣкъ болѣе, чѣмъ созданный чьимъ-нибудь воображеніемъ, и оттого мнѣ любопытнѣе всякихъ романовъ и повѣстей біографіи, или записки дѣйствительно жившаго человѣка.

»Перелиставъ мою книгу: »Столѣтіе Русской Словесности«, которую держалъ въ рукахъ, Гоголь замѣтилъ:

»—А, у васъ вездѣ приведены образцы изъ нашихъ писателей! Это очень полезно. Ато вообще господа преподаватели словесности сами лишь перечитываютъ сочиненія нашихъ писателей за своихъ слушателей, а имъ навязываютъ свои взгляды, чаще же и не свои, а заимствованные. Лучше, еслибы учащіеся сами читали сочиненія

отечественныхъ писателей; тогда въ понятіяхъ о литературѣ нашей было бы болѣе самостоятельности.«

»Затѣмъ Гоголь спросилъ:

— »Это вы писали статью о »Мертвыхъ Душахъ« изъ провинціи?

»Я отвѣчалъ утвердительно и самъ спросилъ: читалъ ли онъ ее?

»Онъ отвѣчалъ, что читалъ за границей, не скоро послѣ того, какъ она была напечатана.

»— А я думалъ, что она не попалась вамъ въ руки, отвѣчалъ я:—судя по предисловію ко второму изданію »Мертвыхъ Душъ«, въ которомъ вы жалуетесь, что изъ провинціи не было подано ни одного голоса (¹).

»— Кажется, сказалъ Гоголь:—я читалъ статью вашу, написавши уже предисловіе. Я тогда же получилъ письмо изъ провинціи. Оно не было напечатано. Меня интересовали мнѣнія провинціальныя. Истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно въ провинціи.

»Отъ этого разговоръ перешелъ къ жизни въ Одессѣ, къ итальянской оперѣ. Гоголь сталъ разсказывать объ итальянскихъ театрахъ, объ Италіи, жаловался на вѣтеръ съ моря и что онъ не можетъ довольно согрѣться. Наконецъ я раскланялся.

»Онъ просилъ посѣщать его, примолвивъ:

»— Я буду разсказывать вамъ про Италію прежде, чѣмъ вы ее сами увидите.

»Черезъ нѣсколько дней Гоголь заплатилъ мнѣ визитъ въ квартирѣ моей, въ гостинницѣ Каруты, на бульварѣ. Онъ вошелъ въ

(¹) »Заглавіе статьи моей: »Голосъ изъ Провинціи о Поэмѣ Гоголя »Мертвыя Души«. Она была напечатана въ »Отечественныхъ Запискахъ« 1843 года, № 4«.

Примѣчаніе Николая М. Въ письмѣ къ Языкову, отъ 10-го іюня (кажется) 1843 года: Гоголь упоминаетъ объ этой статьѣ, а именно:

»Мнѣ прислали нѣсколько выдранныхъ изъ журналовъ критикъ на »Мертвыя Души«. Замѣчательнаго, впрочемъ, немного. Лучшія критики большею частію изъ провинцій. Одна изъ Екатеринослава замѣчательнѣе другихъ.«

залу, не будучи встрѣченъ слугою, и началъ ходить взадъ и впередъ, въ ожиданіи, что кто-нибудь появится. Слыша его шаги и полагая, что это кто-нубудь изъ домашнихъ, его окликнули изъ гостинной вопросомъ: »Кто тамъ?« на который онъ отвѣчалъ громко:

»— Николай Гоголь.

»Посидѣвъ немного, онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ комнатѣ тепло, не смотря на то, что окнами на море. Разговоръ незамѣтно склонился къ Италіи. Гоголь, между прочимъ, разсказывая объ умѣньи Англичанъ путешествовать, хвалилъ дорожный костюмъ Англичанокъ, отличающійся простотой, при всемъ удобствѣ.«

XXXII.

Возвращеніе въ Москву.—Послѣднія письма къ роднымъ и друзьямъ. — Разговоръ съ О.М.Бодянскимъ. — Смерть г-жи Хомяковой. — Болѣзнь Гоголя.— Говѣнье.—Сожженіе рукописей и смерть.

Изъ Одессы Гоголь въ послѣдній разъ переѣхалъ въ свое предковское село и провелъ тамъ въ послѣдній разъ самую цвѣтущую часть весны; потомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидала его смерть. Вотъ его послѣднее письмо изъ Малороссіи, къ П.А.Плетневу:

»Полтава. Мая 6 (1851).

»Милое, доброе твое письмо получилъ уже здѣсь, въ деревнѣ моей матушки. Изъ Одессы выслали мнѣ его довольно поздно,—видно, въ наказанье за то, что я свое отправилъ къ тебѣ довольно поздно. Все дѣйствительно случилось такъ, какъ ты предположилъ: ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ оно было написано, запечатано и, казалось, какъ-бы уже и отправлено на почту, нашлось оно въ моемъ письменномъ столѣ. Чтó прикажешь дѣлать? Видно, горбатаго могила исправитъ. Кажется, какъ-бы я преуспѣваю со дня на день въ этой добродѣтели! Зато тѣмъ признательнѣе принялъ и прочелъ я знакъ твоего непамятозлобія, твое милое и милующее письмо. На замѣчаніе

только твое о моей молодости скажу: Увы! два года, какъ уже пошелъ мнѣ пятый десятокъ, а сталъ ли я умнѣй, Богъ вѣсть одинъ. Знать, что прежде не былъ уменъ, еще не значитъ поумнѣть. Что второй томъ »Мертвыхъ Душъ« умнѣй перваго — это могу сказать, какъ человѣкъ, имѣющій вкусъ и притомъ умѣющій смотрѣть на себя, какъ на чужого человѣка, такъ что, можетъ быть, С*** отчасти и права; но какъ разсмотрю весь процессъ, какъ творилось и производилось его созданье, вижу, что уменъ только Тотъ, Кто творитъ и зиждетъ все, употребляя насъ всѣхъ вмѣсто кирпичей для постройки по тому фасаду и плану, котораго Онъ одинъ истинно разумный Зодчій.«

Итакъ, вотъ мнѣніе самого автора о второмъ томѣ »Мертвыхъ Душъ«, хотя онъ все еще не былъ доволенъ своимъ созданіемъ и совершенствовалъ его почти до самой смерти. »Безпрестанно поправляю (говорилъ онъ въ январѣ 1850 года г. Максимовичу) и всякій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще ненаписанныя. Только вотъ съ первой главы туманъ сошелъ.« Въ іюлѣ 1851 года Гоголь, однакожъ, писалъ къ П. А. Плетневу о приготовленіяхъ къ печати второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Вотъ это письмо:

»Москва, 15 іюля.

»Пишу къ тебѣ изъ Москвы, усталый, изнемогшій отъ жару и пыли. Поспѣшилъ сюда съ тѣмъ, чтобы заняться дѣлами по части приготовленья къ печати »Мертвыхъ Душъ« второго тома, и до того изнемогъ, что едва въ силахъ водить перомъ, чтобы написать нѣсколько строчекъ записки, а не то что поправить, или даже переписать то, что̀ нужно переписать. Гораздо лучше просидѣть было лѣто дома и не торопиться; но желаніе повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ было тоже причиной моего нетерпѣнья. — — — Второе изданіе моихъ сочиненій нужно уже и потому, что книгопродавцы дѣлаютъ разныя мерзости съ покупщиками, требуютъ по сту рублей за экземпляръ и распускаютъ подъ рукой вѣсти, что второго изданія не будетъ. — — — Прежде хотѣлъ было вмѣстить нѣкоторыя

прибавленія и перемѣны, но теперь не хочу: пусть все остается въ томъ видѣ, какъ было въ первомъ изданіи. — — — Писалъ бы еще кое о чемъ, но въ-силу вожу перомъ — весь расклеился. Передай душевный поклонъ мой достойной твоей супругѣ, о которой кое-что слышалъ отъ С***ой; Балабинымъ, если увидишь, также мой душевный поклонъ. Получилъ пересланное тобою описаніе филармоническаго быта въ большомъ свѣтѣ, по поводу »Мертвыхъ Душъ«. Двѣ страницы пробѣжалъ: правописанье не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мнѣ, наблюдательность и жизнь.«

Въ то время, когда »Мертвыя Души« занимали, по видимому, всѣ его помышленія, онъ не переставалъ заботиться о своемъ садѣ въ селѣ Васильевкѣ. Вотъ его коротенькое письмо объ этомъ къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ:

»Пишу къ тебѣ слова два изъ Сваркова, куда прибылъ благополучно. Завтра отсюда выѣзжаю весьма покойно въ Орелъ, въ экипажѣ А.М.Марковича, а оттуда въ Москву, съ дилижансомъ, о чемъ ты можешь извѣстить матушку. Когда пріѣдетъ Кочубейскій лѣсоводъ, не позабудь спросить у него, когда именно онъ будетъ садить желуди у Кочубея, и объ этомъ меня увѣдоми, равно какъ и о томъ, какъ ты расправляешься съ работами въ саду, о чемъ, какъ ты сама знаешь, мнѣ бесѣдовать всегда пріятно.«

Гоголь скучалъ въ Москвѣ лѣтомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ его знакомые жили по дачамъ; наконецъ, получивъ извѣстіе о выходѣ замужъ одной изъ своихъ сестеръ, рѣшился ѣхать къ ней на свадьбу. Вышло, однакожъ, не такъ. Миновавъ Калугу, онъ почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ грусти, которые помрачали для него всѣ радости жизни и лишали его власти надъ его силами. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно прибѣгалъ къ молитвѣ, и молитва всегда укрѣпляла его. Такъ поступилъ онъ и теперь: заѣхавъ въ Оптину пустынь, онъ провелъ въ ней нѣсколько дней посреди смиренной братіи, и уже не поѣхалъ на свадьбу, а воротился въ Москву. Первый визитъ онъ сдѣлалъ О. М. Бодянскому, который не выѣзжалъ

на дачу, и на вопросъ его: зачѣмъ онъ воротился? отвѣчалъ: »Такъ: мнѣ сдѣлались какъ-то грустно«, и больше ни слова. Между тѣмъ онъ писалъ къ матери (отъ 3-го октября, 1851):

»Добравшись до Калуги, я заболѣлъ и долженъ былъ возвратиться. Нервы мои отъ всякихъ тревогъ и колебаній дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна.«

Собираясь къ сестрѣ на сватьбу, Гоголь хотѣлъ, видно, обрадовать ее неожиданно, потому что въ письмѣ домой по этому случаю онъ не говоритъ ничего о своемъ намѣреніи. Вотъ это письмо:

»Москва. Іюл.

»О суетѣ вы хлопочете, сестры. Никто ничего отъ васъ не требуетъ, такъ давай самимъ задавать себѣ и выдумывать хлопоты! — — Мой совѣтъ: сватьбу поскорѣй, да и безъ всякихъ приглашеній и затѣй: обыкновенный обѣдъ въ семьѣ, какъ дѣлается это и между тѣми, которые гораздо насъ побогаче, да и все тутъ— — —

»Хотѣлъ бы очень пріѣхать, если не къ сватьбѣ, то черезъ недѣли двѣ послѣ сватьбы; но плохи мои обстоятельства: не устроилъ дѣлъ своихъ такъ, чтобъ имѣть средства прожить эту зиму въ Крыму [проѣздъ не по карману, платить за квартиру и столъ тоже не по силамъ], и по неволѣ долженъ остаться въ Москвѣ. Послѣдняя зима была здѣсь для меня очень тяжела. Боюсь, чтобъ не проболѣть опять, потому что суровый климатъ дѣйствуетъ на меня съ каждымъ годомъ вредоноснѣй, и не хотѣлось бы мнѣ очень здѣсь остаться. Но наше дѣло—покорность, а не ропотъ. Сложить руки крестомъ и говорить: *Да будетъ воля Твоя, Господи!* а не: *Сдѣлай такъ, какъ я хочу!*

»Посылаю тебѣ, сестра Елизавета, просимыя тобою Евангеліе и Библію. Желаю отъ всей души заниматься болѣе внутреннимъ духомъ ихъ, чѣмъ наружностью о переплетомъ. А тебѣ, сестра Анна, *Лавсаикъ*, золотую книгу, если только ты ее раскусишь и будешь безпрестанно молиться молитвой Ефрема Сирина: »Духъ же терпѣнія, смиренія, любве даруй мнѣ!« — — О, настави и вразуми всѣхъ

насъ, Боже! Молитесь обо мнѣ: я сильно изнемогъ и усталъ отъ всего.«

Кажется, во время его отсутствія изъ Москвы, по случаю несостоявшейся поѣздки въ Малороссію,—проѣхала черезъ Москву А.О. С—ва въ свою подмосковную, именно въ село Спасское, Бро́ницкаго уѣзда. Не заставъ его въ Москвѣ, она написала къ нему письмо и просила его къ себѣ въ деревню. Гоголь пріѣхалъ въ село Спасское и прожилъ тамъ съ мѣсяцъ. Ему отведено было во флигелѣ двѣ небольшія комнаты, обращенныя окнами въ садъ. Въ одной онъ спалъ, въ другой работалъ стоя. Онъ вставалъ обыкновенно въ 5 часовъ утра, умывался и одѣвался безъ помощи слуги и выходилъ въ садъ, съ молитвенникомъ въ рукѣ. Къ 8 часамъ онъ возвращался, и тогда подавали ему кофе. Послѣ этого онъ работалъ часа два и потомъ приходилъ къ хозяйкѣ дома, или она къ нему приходила. Она видала передъ нимъ мелко исписанную тетрадь въ листъ, на которую онъ всякой разъ набрасывалъ платокъ; но однажды ей удалось прочитать, что дѣло идетъ о генералъ-губернаторѣ и о Никитѣ. Гоголь каждый день читалъ изъ Чети-Минеи житіе святого, который на тотъ день приходился, и предлагалъ это чтеніе хозяйкѣ. Но она страдала тогда разстройствомъ нервовъ, и не могла читать ничего подобнаго. Тогда Гоголь хотѣлъ повеселить ее и предложилъ прочитать ей первую главу второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Онъ думалъ, что Тѣнтѣтниковъ живо займетъ ее. Но болѣзненное состояніе не позволило ей увлечься и этимъ чтеніемъ. Она почувствовала скуку и призналась въ этомъ автору »Мертвыхъ Душъ«.

— Да, вы правы, сказалъ онъ:—это все-таки дребедень, а вашей душѣ не того нужно.

Но послѣ этого онъ казался очень печальнымъ.

Такъ какъ его комнатки были очень малы, то онъ, въ жары, любилъ приходить въ домъ и садился на диванѣ, въ глубинѣ гостиной. Однажды хозяйка нашла его тамъ въ необыкновенномъ состояніи. Онъ держалъ въ рукѣ Чети-Минеи и смотрѣлъ сквозь отворенное окно въ поле. Глаза его были какіе-то восторженные, лицо оживлено чувствомъ высокаго удовольствія: онъ какъ-будто видѣлъ передъ собой

что-то восхитительное. Когда А. О. заговорила съ нимъ, онъ какъ-будто изумился, что слышитъ ея голосъ, и съ какимъ-то смущеніемъ отвѣчалъ ей, что читаетъ житіе такого-то святого.

По вечерамъ Гоголь купался въ рѣкѣ, пилъ воду съ краснымъ виномъ, бродилъ по берегу рѣки и всегда съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ возвращались стада съ поля въ деревню: это напоминало ему Малороссію. Онъ ужъ тогда былъ нездоровъ, жаловался на разстройство нервовъ, на медленность пульса, на недѣятельность желудка и не разговаривалъ ни съ домашними слугами, ни съ крестьянами. Шутливость его и затѣйливость въ словахъ изчезла. Онъ весь былъ погруженъ въ себя.

Наступила осень; съѣхались въ городъ разсѣянные вокругъ Москвы обитатели дачъ. Жизнь Гоголя потекла тѣмъ же порядкомъ, что и въ прошломъ году. Онъ ужъ не чувствовалъ себя одинокимъ во время своихъ отдыховъ. Въ Москвѣ зимою проживало два-три семейства, въ которыхъ онъ былъ принятъ какъ родной. Тамъ каждый былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ нему, каждый зналъ его привычки, его любимыя удовольствія, и всѣ старались угодить ему. Отправляясь туда на обѣдъ, или на вечеръ, онъ не имѣлъ надобности надѣватъ ненавистный для него фракъ (¹), или совѣтоваться съ модою касательно цвѣта и покроя своего жилета, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ вообще меньше, нежели въ Петербургѣ, соблюдаются уставы своенравнаго comme il faut. За столомъ въ пріятельскихъ домахъ онъ находилъ любимыя свои кушанья, и между прочимъ вареники, которые онъ очень любилъ и за которыми не разъ разсказывалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ, на родинѣ, всякій разъ, какъ подавались на столъ вареники, непремѣнно произносилъ къ нимъ слѣдующее воз-

(¹) Живя въ Петербургѣ, еще во времена »Миргорода« и »Ревизора«, Гоголь былъ принятъ очень радушно въ одномъ домѣ, гдѣ къ обѣду непремѣнно надобно было являться во фракѣ. Чтобъ уклониться отъ соблюденія этой церемоніи, Гоголь подкалывалъ булавками полы своего сюртука и являлся такимъ образомъ къ обѣду. Хозяева, по добротѣ своей, старались не замѣчать этой выходки и прощали ее поэту.

званіе: »Вареныки-побиде́ныки! сыромъ бо́ки позапы́ханы, масломъ очи позалы́ваны—вареники, — —«

Это обстоятельство, между прочимъ, показываетъ, до какой степени Гоголь чувствовалъ себя своимъ въ домахъ московскихъ друзей своихъ. Онъ могъ ребячиться тамъ такъ же, какъ и въ родной Васильевкѣ, могъ распѣвать украинскія пѣсни своимъ, какъ онъ называлъ, »козлинымъ« голосомъ, могъ молчать, сколько ему угодно, и находилъ всегда не только внимательныхъ слушателей въ тѣ минуты, когда ему приходила охота читать свои произведенія ('), но и строгихъ критиковъ.

Здѣсь будетъ мѣсто последнему листку записокъ С.Т.Аксакова.

»Въ 1851 году Гоголь былъ у насъ въ деревнѣ три раза: въ іюнѣ, въ половинѣ сентября, когда онъ сбирался на сватьбу сестры своей въ Васильевку, откуда хотѣлъ проѣхать на зиму опять въ Одессу, и, наконецъ, въ третій разъ 30-го сентября, когда онъ уже воротился съ дороги, изъ Оптиной пустыни. Онъ былъ постоянно грустенъ и говорилъ, что въ Оптиной пустынѣ почувствовалъ себя оченъ дурно и, опасаясь расхвораться, пріѣхать на свадьбу больнымъ и всѣхъ разстроить, рѣшился воротиться. Очень было замѣтно, что его постоянно смущала мысль о томъ, что мать и сестры будутъ огорчены, обманувшись въ надеждѣ его увидѣть. 1-го октября, въ день рожденія своей матери, Гоголь ѣздилъ къ обѣднѣ въ Сергіевскую лавру и, на вовратномъ пути, заѣзжалъ въ Хотьковъ монастырь. За обѣдомъ Гоголь поразвеселился, а вечеромъ былъ очень веселъ. Пѣлись малороссійскія пѣсни,- и Гоголь самъ пѣлъ очень забавно. Это было его послѣднее посѣщеніе Абрамцева и послѣднее свиданіе со мною. 3-го октября онъ уѣхалъ въ Москву.

(') Гоголю не нравилось, когда его упрашивали читать его сочиненія въ то время, когда онъ не чувствовалъ къ тому охоты. Въ одномъ аристократическомъ домѣ, хозяйка, не зная еще, какъ онъ упрямъ, заставила его прочитать что-нибудь изъ »Мертвыхъ Душъ«, не смотря на всѣ его отговорки. Чтобъ помучить ее въ свою очередь, Гоголь развернулъ поэму на первой главѣ и прочиталъ описаніе губернской гостинницы.

»Въ продолженіе октября и ноября, Гоголь, вѣроятно, чувствовалъ себя лучше и могъ успѣшно работать, что̀ доказывается нѣсколькими его записками. Въ одной изъ нихъ, между прочимъ, онъ писалъ:

»Слава Богу за все. Дѣло кое-какъ идетъ. Можетъ быть, оно »и лучше, если мы прочитаемъ другъ другу зимой, а не теперь. »Теперь время еще какого-то безпорядка, какъ всегда бываетъ осенью, »когда человѣкъ возится и выбираетъ мѣсто, какъ усѣсться, а еще »не усѣлся.«

»Слѣдующія слова изъ другой записки показываютъ, что Гоголь былъ доволенъ своей работой:

»Если Богъ будетъ милостивъ и пошлетъ нѣсколько деньковъ, »подобныхъ тѣмъ, какіе иногда удаются, то, можетъ быть, я какъ»нибудь управлюсь.«

»Потомъ дошли до меня слухи, что Гоголь опять разстроился. Я писалъ къ нему и спрашивалъ: какъ подвигается его трудъ? и получилъ отъ него слѣдующую печальную, послѣднюю записку, писанную или въ исходѣ декабря 1851 года, или въ началѣ января 1852:

»Очень благодарю за ваши строчки. Дѣло мое идетъ крайне тупо. »Время такъ быстро летитъ, что ничего почти не успѣваешь. Вся »надежда моя на Бога, Который одинъ можетъ ускорить мое мед»ленно движущееся вдохновенье.«

Въ это время онъ постоянно былъ занятъ по утрамъ окончательною отдѣлкою втораго, а можетъ быть и третьяго тома »Мертвыхъ Душъ«, которые спѣшилъ окончить, какъ-бы предчувствуя близость своей смерти. Вотъ его послѣднія, коротенькія письма къ тремъ особамъ, съ которыми онъ былъ связанъ самою давнею дружбою.

Къ П. А. Плетневу.

(На этомъ письмѣ стоитъ печальная отмѣтка того, къ кому оно адресовано: »24 февраля получено извѣстіе, что Н. В. скончался въ Москвѣ 21 февраля, 1852.«)

»Москва Ноября 30 (1851).

»Извини, что не писалъ къ тебѣ. Все собираюсь. Время такъ летитъ. Свѣжихъ минутъ такъ немного, такъ торопишься ими воспользоваться, такъ занятъ тѣмъ дѣломъ, которое бы хотѣлось скорѣй привести къ окончанію, что и двѣ строчки къ другу кажутся какъ-бы тягостью. Прости великодушно и добродушно. Печатанье сочиненій, слава Богу, устроилось и здѣсь. Что же до печатанья новыхъ, то, впрочемъ, въ нихъ, кажется, все такъ ясно и должно быть отчетливо, что, я думаю, и они пойдутъ въ дѣло.

»Что̀ дѣлаешь ты? Напиши также хоть строчки двѣ о С***ой. Я о ней ни слуху, ни духу.«

Къ А. С. Данилевскому.

»Москва. 16 декабря (1851).

»Благодарю тебя за письмо, которое было такъ отрадно и утѣшительно описаніемъ прекрасной кончины Михаи(ла) Алексѣевича Литвинов(а). Да утѣшитъ Богъ и всѣхъ такимъ свѣтлымъ разставаньемъ съ жизнью! Не гнѣвайся, что мало пишу: у меня такъ мало свѣжихъ минутъ и такъ въ эти минуты торопишься приняться за дѣло, котораго окончанье лежитъ на душѣ моей и которому безпрестан(ныя) помѣхи, что я ни къ кому не успѣваю писать. Всѣ такъ же, какъ ты, меня упрекаютъ. Второй томъ, который именно требуе(тъ) около себя возни, причина всего. Ты на него и пѣняй. Если не будетъ помѣшательств(ъ) и Богъ подаритъ больше свѣжих(ъ) расположеній, то, можетъ быть, я тебѣ его привезу лѣтомъ самъ, а можетъ быть, и въ началѣ весны.«

Къ матери.

»Февраля 2. (1852) М.

»Полагая, что вы всѣ теперь вмѣстѣ, адресую письмо въ Кагорликъ. Отъ всей души обнимаю васъ всѣхъ, въ томъ числѣ и добрѣйшаго Андрея Андреевича отъ всей души много уважаю; сердечно соболѣзную о нездоровьи сестры Елисаветы. Я самъ тоже все это

время чувствую себя какъ-то не такъ здоровымъ. Мнѣ все кажется, что здоровье мое только тогда можетъ совершенно какъ слѣдуетъ во мнѣ возстановиться съ надлежащею свѣжестью, когда вы всѣ помолитесь обо мнѣ какъ слѣдуетъ, то есть, соединенно , во взаимной между собою любви, крѣпкой, крѣпкой, безъ которой не пріемлется отъ насъ молитва. Еще разъ обнимаю васъ и прошу васъ сильно, сильно обо мнѣ молиться. Подъ часъ мнѣ бываетъ очень трудно; но Богъ милостивъ. О, еслибъ Онъ хоть сколько-нибудь ниспослалъ намъ помощь въ томъ, чтобы жить сколько-нибудь въ Его заповѣдяхъ!«

Я имѣю еще одинъ документъ, показывающій, чѣмъ дышала до конца жизни нѣжная и высокая натура Гоголя. Это—письмо его къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, писанное поэтомъ изъ Москвы только за два мѣсяца до смерти, — именно отъ 22 декабря 1851 года. Помѣщаю здѣсь его вполнѣ.

»Все собирался писать къ тебѣ, милая сестра Ольга, и все, за разными помѣхами, не удосужился. Не знаю , какъ благодарить за здоровье матушки Бога; вѣрно, молитвы тѣхъ святыхъ людей, которыхъ мы просили за нее молиться, причиной; во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ ежеминутно благодарить Бога, благодарить Его радостно, весело. Не быть радостнымъ, не ликовать духомъ — даже грѣхъ. Поэтому и ты не грусти, ничѣмъ не смущайся, не пребывай въ тоскѣ но веселись безпрестанно въ безпрестанномъ выраженіи благодарности; вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной пѣсней благодаренія Богу. О , еслибы сдѣлать такъ, чтобы никогда и времени не доставало для всякихъ другихъ рѣчей , кромѣ ликующихъ рѣчей вѣчной признательности Богу!

»Жаль мнѣ, что отецъ Григорій плохо прочелъ народу *Бесѣды Сельскаго Священника*. Не лучше ли бы прочелъ твой кумъ? Ты его заставь прочитать тебѣ самой прежде, подъ тѣмъ предлогомъ, что духовная книга тебѣ самой становится понятнѣй , когда читаетъ ее принявшій рукоположеніе Св. Духа. Прочитавъ сначала тебѣ , онъ въ другой разъ прочитаетъ лучше народу, какъ уже знакомое.

»За посадку деревъ тебя очень благодарю, за наливки также. Весной, если поможетъ Богъ управиться со всѣми здѣшними дѣлами, надѣюсь заглянуть къ вамъ и, можетъ быть, часть лѣта проведемъ вмѣстѣ. Какъ только сдѣлается потеплѣе, пришлю тебѣ сѣмянъ для посѣва кое-какой огородины.«

Въ это время онъ еще не думалъ о своей кончинѣ. Онъ былъ совершенно здоровъ и чувствовалъ только слабость физическихъ силъ, которыя надѣялся подкрѣпить весною на родинѣ въ занятіяхъ садоводствомъ. За девять дней до масляной, О.М.Бодянскій видѣлъ его еще полнымъ энергической дѣятельности. Онъ засталъ Гоголя за столомъ, который стоялъ почти посреди комнаты и за которымъ поэтъ обыкновенно работалъ сидя. Столъ былъ покрытъ зеленымъ сукномъ. На столѣ разложены были бумаги и корректурные листы. Г. Бодянскій, обладая прекрасною памятью, помнитъ отъ слова до слова весь разговоръ свой съ Гоголемъ.

— Чѣмъ это вы занимаетесь, Николай Васильевичъ? спросилъ онъ, замѣтивъ, что передъ Гоголемъ лежала чистая бумага и два очиненныя пера, изъ которыхъ одно было въ чернильницѣ.

— Да вотъ мараю всё свое, отвѣчалъ Гоголь: — да просматриваю корректуру набѣло своихъ сочиненій, которыя издаю теперь вновь (¹).

— Все ли будетъ издано?

— Ну, нѣтъ; кое-что изъ своихъ юныхъ произведеній выпущу.

— Что̀ же именно?

— Да »Вечера«.

— Какъ! вскричалъ, вскочивъ со стула, гость.—Вы хотите посягнуть на одно изъ самыхъ свѣжихъ произведеній своихъ?

— Много въ немъ незрѣлаго, отвѣчалъ спокойно Гоголь.—Мнѣ бы хотѣлось дать публикѣ такое собраніе своихъ сочиненій, которымъ я былъ бы въ теперешнюю минуту больше всего доволенъ. А послѣ, пожалуй, кто хочетъ, можетъ изъ нихъ (т. е. »Вечеровъ на Хуторѣ«) составить еще новый томикъ.

(¹) Они печатались разомъ въ трехъ типографіяхъ.

Г. Бодянскій вооружился противъ поэта всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, говоря, что еще не настало время разбирать Гоголя, какъ лицо мертвое для русской литературы, и что публикѣ хотѣлось бы имѣть все то, что̀ онъ написалъ, и притомъ въ порядкѣ хронологическомъ, изъ рукъ самого сочинителя.

Но Гоголь на всѣ убѣжденія отвѣчалъ:

— По смерти моей, какъ хотите, такъ и распоряжайтесь.

Слово *смерть* послужило переходомъ къ разговору о Жуковскомъ. Гоголь призадумался на нѣсколько минутъ и вдругъ сказалъ:

— Право, скучно, какъ посмотришь кругомъ на этомъ свѣтѣ. Знаете ли вы? Жуковскій пишетъ ко мнѣ, что онъ ослѣпъ?

— Какъ! воскликнулъ г. Бодянскій: — слѣпой пишетъ къ вамъ, что онъ ослѣпъ?

— Да; Нѣмцы ухитрились устроить ему какую-то штучку.... Семе́не! закричалъ Гоголь своему слугѣ по малороссійски: — ходы̀ сюды.

Онъ велѣлъ спросить у графа Т—го, въ квартирѣ котораго онъ жилъ, письмо Жуковскаго. Но графа не было дома.

— Ну, да я вамъ послѣ письмо привезу и покажу, потому что — знаете ли? — я распорядился безъ вашего вѣдома. Я въ слѣдующее воскресенье собираюсь угостить васъ двумя-тремя напѣвами нашей Малороссіи, которые очень мило Н. Є. положила на ноты съ моего козлинаго пѣнья; да при этомъ упьемся и прежними нашими пѣснями. Будете ли вы свободны вечеромъ?

— Ну, не совсѣмъ, отвѣчалъ гость.

— Какъ хотите, а я ужь распорядился, и мы соберемся у О. Ѳ. часовъ въ семь; а впрочемъ, для бо́льшей вѣрности, вы не уходите; я самъ къ вамъ заѣду, и мы вмѣстѣ отправимся на Поварскую.

Г. Бодянскій ждалъ его до семи часовъ вечера въ воскресенье, наконецъ, подумавъ, что Гоголь забылъ о своемъ обѣщаніи заѣхать къ нему, отправился на Поварскую одинъ; но никого не засталъ въ домѣ, гдѣ они условились быть, потому что въ это время умеръ одинъ общій другъ всѣхъ московскихъ пріятелей Гоголя—именно жена поэта Хомякова—и это печальное событіе разстроило послѣдній музыкальный вечеръ, о которомъ хлопоталъ онъ.

Г-жа Хомякова была родная сестра поэта Языкова, одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя. Гоголь крестилъ у нея сына и любилъ ее, какъ одну изъ достойнѣйшихъ женщинъ, встрѣченныхъ имъ въ жизни. Смерть ея, послѣдовавшая послѣ кратковременной болѣзни, сильно потрясла его. Она потрясла его не одною горестью, какую каждый изъ насъ чувствуетъ, лишась близкаго сердцу человѣка. Душа поэта, постоянно настроенная на высокій ладъ, постоянно обращенная чуткою своею стороною къ таинственному замогильному міру, исполнилась священнаго ужаса и сокрушительной скорби, заглянувъ въ дверь, которая распахнулась передъ нимъ на мгновеніе и снова закрыла отъ него свои тайны. Эти чувства питалъ онъ въ себѣ съ самого дѣтства, и они были еще съ того времени »источникомъ слезъ, никому незримыхъ«, но проявлялись въ немъ во всей сокрушительной своей силѣ только въ моменты глубокаго душевнаго страданія. Такимъ моментомъ была для него утрата г-жи Хомяковой. Но онъ разсматривалъ это явленіе съ своей высокой точки зрѣнія и примирился съ нимъ у гроба усопшей.

— Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти, произнесъ онъ, глядя на нее: — жизнь не была бы такъ прекрасна, еслибы не было смерти.

Но это высшее умственное созерцаніе не спасло его сердца отъ рокового потрясенія: онъ почувствовалъ, что боленъ тою самою болѣзнью, отъ которой умеръ отецъ его, — именно, что на него »нашелъ страхъ смерти«, и признался въ этомъ своему духовнику. Духовникъ успокоилъ его, сколько могъ; но Гоголь во вторникъ на масляницѣ явился къ нему, объявилъ, что говѣетъ, и спрашивалъ, когда можетъ пріобщиться. Назначенъ былъ для этого четвергъ. Пріятели Гоголя замѣтили, что онъ болѣе обыкновеннаго былъ блѣденъ и слабъ. Онъ и самъ говорилъ, что чувствуетъ себя худо и что рѣшился попоститься и поговѣть.

— Зачѣмъ же на масляной? спрашивали его.

— Такъ случилось, отвѣчалъ онъ: — вѣдь и теперь Церковь читаетъ: »Господи, владыко живота моего«, и поклоны творятся.

Занятія корректурою прекращены были имъ еще съ понедѣльника на масляницѣ. Онъ говорилъ, что ему »теперь некогда этимъ зани-

маться«, — но продолжалъ посѣщать нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ и казался спокойнѣе прежняго, хотя видимо былъ изнуренъ какою-то усталостью. Друзья приписывали это посту, и никто не зналъ, что онъ ужъ нѣсколько дней питается одною просфорою, уклоняясь, подъ различными предлогами, отъ употребленія болѣе сытной пищи. Въ четвергъ онъ явился въ церковь св. Саввы Освященнаго, въ отдаленной части города, еще до начатія заутрени, и исповѣдался у своего духовника; передъ принятіемъ святыхъ даровъ, у обѣдни, палъ ницъ и долго плакалъ. Въ движеніяхъ его замѣтна была чрезвычайная слабость; онъ едва держался на ногахъ. Несмотря на то, вечеромъ онъ опять пріѣхалъ къ тому же священнику и просилъ отслужить благодарственный молебенъ, упрекая себя, что забылъ исполнить это поутру.

Во все время говѣнья и прежде того — можетъ быть, со дня смерти г-жи Хомяковой — онъ проводилъ большую часть ночей безъ сна, въ молитвѣ. Въ ночь съ пятницы на субботу, послѣ говѣнья, онъ молился усерднѣе обыкновеннаго, и, стоя на колѣнахъ передъ образомъ, услышалъ голоса, которые говорили ему, что онъ умретъ. Трепеща за спасеніе своей души, которую все еще не считалъ достаточно приготовленною къ переходу въ вѣчность, онъ тотчасъ разбудилъ своего слугу Семена и послалъ его за священникомъ, съ просьбой соборовать его масломъ. Священникъ, поспѣшивъ на его зовъ, нашелъ его, однакожъ, ужъ въ болѣе спокойномъ состояніи духа. Гоголь просилъ извиненія, что побезпокоилъ его, и отложилъ до другого дня совершеніе таинства.

Какъ ни ужасно было его положеніе, какъ ни глубоко была взволнована душа его видомъ смерти, шедшей къ нему навстрѣчу со всѣми своими загробными тайнами, но любовь къ ближнему оставалась въ немъ по прежнему могущественнымъ инстинктомъ. Въ субботу онъ посѣтилъ осиротѣлаго своего друга, г. Хомякова, и старался утѣшить его своимъ участіемъ. Этимъ оправдываются слѣдующія слова его »Завѣщанія« (стр. 8—9):

»...и я, какъ ни былъ самъ по себѣ слабъ и ничтоженъ, всегда ободрялъ друзей моихъ, и никто изъ тѣхъ, кто сходился поближе со мной въ послѣднее время, никто изъ нихъ, въ минуты своей тоски

и печали, не видалъ на мнѣ печальнаго вида, хотя и тяжки были мои собственныя минуты, и тосковалъ я не меньше другихъ.«

Наконецъ не стало въ немъ больше силъ двигаться; онъ пересталъ выѣзжать и слегъ въ постель, но и тутъ еще поднимался съ одра болѣзни и ходилъ на молитву въ домовую церковь, гдѣ по случаю говѣнья графа и графини Т—хъ, совершалась божественная служба. Видя, что это его изнуряетъ, они прекратили говѣнье. Гоголь не переставалъ молиться и готовиться къ смерти. Вѣруя слышаннымъ на молитвѣ голосамъ, онъ былъ совершенно убѣжденъ въ неизбѣжности близкой кончины. Тутъ въ немъ заговорилъ инстинктъ безсмертія, по внушенію котораго каждый изъ насъ старается оставить по себѣ воспоминаніе хоть въ одномъ сердцѣ на землѣ. Онъ выразилъ этотъ инстинктъ въ разсказѣ о сожженіи втораго тома »Мертвыхъ Душъ« въ 1845 году. »Видя передъ собою смерть (говорилъ онъ) мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что-нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее.« (¹)

Сколько главъ второго тома его поэмы было написано имъ вновь, навѣрное неизвѣстно. Нѣкоторымъ изъ друзей своихъ онъ читалъ до семи, а судя по его заботамъ о представленіи въ цензуру, надобно думать, что это было уже полное, замкнутое созданіе. Какъ бы то ни было, однакожъ, почувствовавъ приближеніе смерти, Гоголь вознамѣрился раздать по главѣ лучшимъ друзьямъ своимъ. Позвавъ къ себѣ графа Т—го, онъ просилъ его принять на сохраненіе его бумаги, а по смерти его отвезти къ одной духовной особѣ и просить ея совѣта, что́ напечатать и что̀ оставить въ рукописи. Графъ отказался принять бумаги, чтобъ не показать больному, что и другіе считаютъ его положеніе безнадежнымъ, и это дружеское самоотверженіе имѣло послѣдствія ужасныя.

Въ волненіи мрачныхъ чувствъ, явившихся въ душѣ его при видѣ близкой смерти, Гоголь подвелъ свое твореніе подъ строгую критику человѣка, покаявшагося во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и готоваго предать духъ свой въ руцѣ Божіи. Душа его, какъ въ

(¹) »Выбранныя мѣста изъ »Переписки съ Друзьями«, стр. 151.

памятный 1845 годъ, »замерла отъ ужаса при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ; весь умирающій составъ его застоналъ, почуявъ исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся....« (¹) Онъ призналъ себя недостойнымъ сосудомъ и органомъ истины, которую хотѣлъ выразить своимъ твореніемъ, и потому самое твореніе представилось ему вреднымъ для ближнихъ, какъ все, что̀ не отъ истины. Изливъ свою душу предъ Создателемъ въ горячей молитвѣ, продолжавшейся до трехъ часовъ ночи, онъ рѣшился снова исполнить подвигъ высокаго самоотверженія, за который уже однажды былъ награжденъ духовнымъ ликованіемъ и возрожденіемъ сожженнаго »въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ«.

Важную роль играетъ здѣсь то обстоятельство, что онъ не смотрѣлъ на себя собственно какъ на дѣятеля литературнаго. »Дѣло мое проще и ближе (говорилъ онъ); дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое *душа* и *прочное дѣло жизни*.« (²) Онъ смотрѣлъ на себя просто какъ на существо, которому »повелѣно было быть въ мірѣ и освобождаться отъ своихъ недостатковъ« (³); но это самоочищеніе постоянно соединялось въ немъ съ тѣмъ, что̀ онъ на своемъ собственномъ языкѣ называлъ *прочнымъ дѣломъ жизни*. Соединеніе въ себѣ этихъ двухъ нераздѣльныхъ подвиговъ высокаго христіянина высказалъ онъ, переселяясь душою, незамѣтно для самого себя, въ другого поэта и указавъ въ немъ самому себѣ цѣль поэзіи, какъ онъ понималъ ее, и средства достигнуть этой цѣли.

»Стряхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣни предъ Богомъ и проси у него гнѣва и любви! гнѣва—противу того, что̀ губитъ человѣка, любви — къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ и которую губитъ онъ самъ. Най-

(¹) Тамъ же, стр. 11.—(²) »Выбранныя мѣста изъ Переписки съ Друзьями«, стр. 153.—(³) Тамъ же, стр. 150.—

дешь слова, найдутся выраженія; огни, а не слова, излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ Пророковъ, если только, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ, если только, подобно имъ, посыпавъ пепломъ главу, раздравши ризы, рыданіемъ вымолишь себѣ у Бога на то силу и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе Богоизбраннаго своего народа.« (1)

Онъ, видно, не считалъ еще себя достигнувшимъ такого высокаго душевнаго совершенства, чтобы слова его были огнями, воспламеняющими добродѣтелью души и озаряющими »ясно какъ день пути и дороги къ ней для всякаго«; онъ не дерзнулъ помыслить передъ смертнымъ часомъ, чтобы его твореніе »устремило общество, или даже все поколѣніе къ прекрасному« (2), и опредѣлилъ — сдѣлать его тайной между собой и Тѣмъ, отъ Кого онъ получилъ первое поэтическое наитіе.

Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего мальчика Семена, надѣлъ теплый плащъ, взялъ свѣчу и велѣлъ Семену слѣдовать за собой въ кабинетъ. Въ каждой комнатѣ, черезъ которую они проходили, Гоголь останавливался и крестился. Въ кабинетѣ приказалъ онъ мальчику открыть какъ можно тише трубу и, отобравъ изъ портфеля нѣкоторыя бумаги, велѣлъ свернуть ихъ въ трубку, связать тесемкою и положить въ каминъ. Мальчикъ бросился передъ нимъ на колѣни и убѣждалъ его не жечь, чтобъ не жалѣть, когда выздоровѣетъ.

— Не твое дѣло, отвѣчалъ Гоголь, и самъ зажегъ бумаги.

Обгорѣли углы тетрадей, и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и ворочалъ бумаги, крестясь и тихо творя молитву, до тѣхъ поръ, пока онѣ превратились въ пепелъ.

Окончивъ свое auto da fe, онъ отъ изнеможенія опустился въ кресло.

Мальчикъ плакалъ и говорилъ:

— Что́ это вы сдѣлали!

(1) Тамъ же, стр. 120.—(2) Тамъ же, стр. 153.

— Тебѣ жаль меня [1]? сказалъ Гоголь, обнявъ его, поцѣловалъ и самъ заплакалъ.

Потомъ онъ воротился въ спальню, крестясь по прежнему въ каждой комнатѣ, — легъ на постель и заплакалъ еще сильнѣе. Это было въ ночь съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли Великаго поста.

На другой день онъ объявилъ о томъ, что́ сдѣлалъ, графу Т—му съ раскаяніемъ; жалѣлъ, что отъ него не приняли бумагъ, и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа.

Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ никого изъ друзей своихъ, или допускалъ ихъ только на нѣсколько минутъ и потомъ просилъ удалиться, подъ предлогомъ, что ему дремлется, или что онъ не можетъ говорить. На всѣ убѣжденія принять медицинскія пособія, онъ отвѣчалъ, что они ему не помогутъ, и, уступивъ уже не задолго передъ кончиною настояніямъ друзей, безпрестанно просилъ, чтобъ его оставили въ покоѣ.

Такъ прошли первая недѣля поста и половина второй. Все свое время Гоголь проводилъ въ молитвѣ, или въ молчаливомъ размышленіи, почти не говорилъ ни съ кѣмъ, но, повинуясь, видно долговременной привычкѣ мыслить на бумагѣ, писалъ дрожащею рукою изреченія изъ Евангелія, молитву Іисусу Христу и, между прочимъ, написалъ слѣдующія замѣчательныя слова:

»Какъ поступить, чтобы вѣчно, признательно и благодарно помнить въ сердцѣ полученный урокъ?«

Относились ли они къ тому »необыкновенному событію«, которымъ онъ былъ наведенъ на мысль передавать своимъ героямъ темныя побужденія своего сердца, или къ какому-нибудь другому »душевному обстоятельству«, это, можетъ быть, навсегда останется необъяснпеымъ; но, оставляя въ сторонѣ частный смыслъ ихъ, нельзя не подивиться высокому свойству души поэта — до конца жизни сгарать жаждою совершенства.

[1] Эти самыя слова сказалъ раненный Пушкинъ своему слугѣ, когда тотъ несъ его на рукахъ.

Каждый изъ насъ получаетъ спасительные уроки посреди нравственной темноты, въ которой мы нерѣдко вращаемся здѣсь на землѣ; каждый бываетъ озаряемъ внезапно, какъ молніей, яснымъ сознаніемъ грѣховной бѣздны, изъ которой слѣдуетъ намъ выдти, чтобъ заслужить дарованіе высшей жизни; каждый даетъ самому себѣ обѣтъ сдѣлаться лучшимъ, исправить путь свой и успокоить своего внутренняго судью. Но многіе ли въ состояніи держаться на той высотѣ самосознанія, на которую возводятъ насъ какія-нибудь сильныя душевныя потрясенія? многіе ли вызываютъ изъ глубины сердца умолкнувшія въ немъ благодатныя, хотя и горестныя, чувства? многіе ли остаются вѣрны своему обѣту посреди житейскихъ заботъ, бѣдствій, или суетныхъ удовольствій? Гоголь старался помнить въ сердцѣ пополученный урокъ вѣчно, признательно и благодарно (¹). Въ какихъ бы формахъ ни выражались его чувства, но и самые закорентлые его порицатели не могутъ отвергать, что онъ явилъ въ себѣ образецъ живой души, постоянно бодрствовавшей надъ своимъ безсмертіемъ и постоянно обращенной къ Богу. Писатель, возвысившійся столь быстро до первостепеннаго значенія въ литературѣ, окруженный куревомъ похвалъ, упоенный почти всеобщимъ сочувствіемъ, онъ, вмѣсто беззаботнаго наслажденья жизнью, углубляется въ тайники своей души, исповѣдуетъ передъ цѣлымъ міромъ грѣхи свои, попираетъ ногами картинную маску, вь которой до тѣхъ поръ представлялся онъ ближнимъ, рыданіями предъ Господомъ очищаетъ свою душу, собираетъ всего себя, чтобы создать твореніе, дѣйствительно полезное людямъ, и умираетъ въ сознаніи своего несовершенства, своего недостоинства быть глаголомъ истины, какъ онъ понималъ истину? Неужели и этого еще мало отъ слабаго существа человѣческаго?... Нѣтъ, мы не должны возвышать противъ него осудитель-

(¹) Въ Гоголѣ было именно то прекрасно, что посреди суетъ и непремѣннаго условія своей жизни, т. е. своей художественной дѣятельности, онъ хранилъ о смерти память ежеминутную. Часто онъ читалъ молитву Василія Великаго: »Господи, даждь ми слезы умиленія и память смертную«. Эти слезы умиленія текли изъ глазъ его во время торжественнаго послѣдняго обряда мѵропомазанія. *Изъ письма А.О.С—ой къ С.Т.Аксакову.*

ный голосъ; мы должны удивляться въ немъ необычайному напряженію нравственныхъ силъ и сочувствовать великой скорби, которою скорбѣла душа его.

Доскажу въ немногихъ словахъ исторію внѣшней его жизни такъ, какъ она передана мнѣ очевидцами.

Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста, духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться масломъ. На это онъ согласился съ радостью и выслушалъ всѣ Евангелія, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы. Во вторникъ ему какъ-будто сдѣлалось легче, но въ среду обнаружились признаки жестокой нервической горячки, а утромъ въ четвергъ, 21 февраля, его не стало.

Тѣло его, какъ почетнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24 февраля происходило отпѣваніе его, въ присутствіи градоначальника, попечителя Московскаго учебнаго округа и многихъ почетныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами университета и до самого Данилова монастыря несенъ преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похороненъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ вырѣзаны слѣдующія слова пророка Іереміи (гл. 8, ст. 20): »Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся«.

КОНЕЦЪ.

ный голосъ; мы должны удивляться въ немъ необычайному напряженію нравственныхъ силъ и сочувствовать великой скорби, которою скорбѣла душа его.

Доскажу въ немногихъ словахъ исторію внѣшней его жизни такъ, какъ она передана мнѣ очевидцами.

Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста, духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться масломъ. На это онъ соглашается съ радостью и выслушалъ все Евангеліе, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы. Во вторникъ ему какъ-будто сдѣлалось легче, но въ среду обнаружились признаки жестокой нервической горячки, а утромъ въ четвергъ, 21 февраля, его не стало.

Тѣло его, какъ почетнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24 февраля происходило отпѣваніе его, въ присутствіи градоначальника, попечителя Московскаго учебнаго округа и многихъ почетныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами университета и до самаго Данилова монастыря несенъ преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похороненъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ вырѣзаны слѣдующія слова пророка Іереміи (гл. 8, ст. 20): «Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся».

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Дворянскій протоколъ Гоголя.

1784 года, октября 19 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, Кіевскаго намѣстничества дворянское собраніе разсматривали доказательства, представленныя отъ полковаго писаря Афанасія Гоголя Яновскаго, съ которыхъ усмотрено: 1) что прадѣдъ его Андрей Гоголь, будучи въ чинѣ полковничьемъ, жалованъ былъ привиллегіею Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира, въ 1674 году, на деревню Ольховецъ; 2) что онъ владѣетъ жалованнымъ по универсалу бывшаго малороссійскаго гетмана и кавалера Разумовскаго дѣду жены его, полковнику Танскому, вмѣсто жалованной было Высочайшею грамотою блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ деревни Озерянъ, въ деревнѣ Решоткахъ, Липлявомъ, Бубновѣ и Келебердѣ состоящемъ; 3) что онъ, за усердно и добропорядочно продолженную имъ черезъ немалое время въ разныхъ мѣстахъ и должностяхъ службу, произведенъ прошлаго 1782 года, іюня 7 дня, полковымъ писаремъ; въ увѣреніе чего означенные Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира на село Ольховецъ данную привиллегію, на поданное въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновѣ, селѣ Келебердѣ и деревнѣ Решоткахъ универсалъ, и на тѣ имѣнія отъ тестя его, бунчуковаго товарища Семена Лизогуба, данную ему уступку, а въ подтвержденіе того, что точно онъ тѣми имѣніями владѣетъ, выпись, изъ суда земскаго Черниговскаго 1776 года выданную, также и на настоящій его полковаго писаря чинъ патентъ приложилъ. Въ Высочайшемъ же Ея Императорскаго Величества проектѣ о разборѣ дворянства въ 73 пунктѣ предписано въ первую часть родословной книги вносить роды дѣйствительнаго дворянства,

кой отъ Ея Императорскаго Величества и другихъ коронованныхъ главъ въ дворянское достоинство дипломомъ, гербомъ и печатью пожалованы; въ изъясненіи жъ, но дабы и тѣмь родамъ оказать справедливость, кои доказательства имѣютъ на дѣйствительное дворянство до ста лѣтъ, повелѣно и такіе роды вносить въ сію часть. Для того разсудили помянутаго полковаго писаря Яновскаго съ его дѣтьми внесть въ родословную дворянскую Кіевскаго намѣстничества книгу, въ первую часть, и изготовить грамоту.

Подлинное подписали;

Губернскій предводитель Григорій *Закревскій.*
Козелецкаго уѣзда депутатъ Иванъ *Афендикъ.*
Пырятинскаго уѣзда депутатъ Григорій *Савицкій.*
Миргородскаго уѣзда депутатъ Николай *Зарудній.*
Голтвянскаго уѣзда депутатъ Павелъ *Остроградскій.*
Золотоношскаго уѣзда депутатъ Николай *Лѣсеневичъ.*
Остерскаго уѣзда депутатъ Николай *Соломка.*
Лубенскаго уѣзда депутатъ Илья *Новицкой.*
Хорольскаго уѣзда депутатъ Андрей *Кулябка.*

II.

Письмо Гоголева отца къ директору Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, В. Г. Кукольнику (1).

Милостивый Государь
Василій Григоріевичъ!

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я безпокоилъ васъ письменно всепокорнѣйшею моею просьбою о извѣщеніи меня: могу ли я помѣстить въ Нѣжинской пансіонъ для воспитанія моего сына? но, не получая до сего времени просимаго мною извѣщенія, я начинаю сомнѣваться въ доставленіи вамъ перваго письма моего, а потому вторично осмѣливаюсь писать къ вамъ уже съ нарочнымъ, чрезъ коего всенижайше прошу васъ, Милостивый Государь, удостоить меня вашимъ извѣще-

1) Гоголь вступилъ въ Гимназію уже по смерти В. Г. Кукольника. *Н. М.*

ніемъ: могу ли я быть столько счастливымъ, чтобы воспитать моего сына подъ вашимъ покровительствомъ? Не лишите, почтеннѣйшій мужъ! меня сего благополучія и вѣрьте, что никто въ свѣтѣ не будетъ вамъ болѣе меня благодарнымъ.

Признаюсь вамъ, что я сына моего совершенно уже приготовилъ къ отдачѣ въ Нѣжинскій пансіонъ, въ число своекоштныхъ воспитанниковъ; но, по слабости моего здоровья, не рѣшаюсь его представить къ вамъ, покуда не буду увѣренъ, что онъ будетъ вами принятъ. Въ сей то крайности я осмѣливаюсь столь васъ безпокоить, въ чемъ и испрашиваю у васъ милостиваго извиненія. Съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію имѣю честь быть

Вашимъ, Милостовый Государь,

всепокорнѣйшимъ слугою

Василій Яновскій.

Февраля 12-го
1821 года
Г. Миргородъ.

III.

Въ Конференцію Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко

Отъ ученика 9-го класса Гоголь-Яновскаго

ПРОШЕНІЕ.

Въ журналѣ Конференціи XXVIII, § 11 прошлаго 1826 года, опредѣлено позволить держать экзаменъ на высшія отдѣленія ученикамъ послѣдняго трехлѣтія не далѣ 1-го октября мѣсяца того 1827 года, а потомъ въ другой разъ не далѣе мѣсяца сентября сего 1827 года, и буде кто изъ таковыхъ достойнымъ окажется, перемѣстить въ высшее отдѣленіе. Почему, находясь въ 9-мъ классѣ, покорнѣйше прошу Конференцію, на основаніи вышеприсаннаго опредѣленія, позволить мнѣ держать экзаменъ съ 3-го на 4-е отдѣленіе по языкамъ.

Ученикъ 9-го класса *Гоголь-Яновскій.*

1827-го года.
Августа 20-го дня.

IV.

Отмѣтки успѣховъ Гоголя въ наукахъ и поведеніи, сдѣланныя въ общемъ выводѣ за 1828 годъ.

1. По закону Божію 3.

2. По юридическимъ наукамъ за сентябрь 3 [*до усмотрѣнія подъ замѣчаніемъ*] (¹); за октябрь 3; за ноябрь 3; за декабрь 3; за январь 1828 года 3 [*Непослушенъ, очень требуетъ исправленія, дерзокъ и грубъ*] (²); за февраль, мартъ, апрѣль и май по 3.

3. По естественной исторіи и чистой физикѣ 3.

4. По русской словесности, поведеніе 4, успѣхи 3.

5. По физико-математическому классу поведеніе 4, успѣхи 4.

6. По всеобщей исторіи поведеніе 3, успѣхи 3.

7. По латинской словесности (въ 4-мъ отдѣленіи), поведеніе 3, успѣхи 2.

8. По французской словесности (въ 4-мъ отд.) поведеніе 4, успѣхи 3.

9 По нѣмецкой словесности (въ 4-мъ отд.) поведеніе 4, успѣхи 2.

Въ пансіонѣ Гоголь въ 1827 и 1828 году находился во второмъ *музеѣ* и за поведеніе постоянно получалъ отъ инспектора Бѣлоусова отмѣтку 4.

V.

Отрывокъ изъ журнала, веденнаго надзирателями гимназическаго пансіона во время пребыванія въ немъ Гоголя.

Въ случай потеря прежняго журнала замѣчать должно самые отличные въ худомъ поведѣніи. Во время двухъ дневныхъ дежурства замѣченыи были многократно за шалость, драку, грубость, неопрятность и непослушаніе: (такіе-то и) Яновски (Гоголь) получили достойное наказаніе за ихъ худое поведеніе.

(¹) Отмѣтка профессора Бѣлевича.

(²) Отмѣтка профессора Бѣлевича.

13-го декабря, (такіе-то и) Яновскій за дурныя слова стояли въ углу.

Того же числа, Яновскій за неопрятность стоялъ въ углу.

19-го декабря, П—ча и Яновскаго за лѣность безъ обѣда и въ углѣ, пока не выучатъ свои уроки.

Того же числа, Яновскаго за упрямство и лѣность особенною— безъ чай.

20-го декабря, (такіе-то и) Яновскій — на хлѣбъ и на воду во время обѣда.

Того же числа, Н. Яновскій, за то, что онъ занимался во время класса свѣщенника съ игрушками, былъ безъ чаю.

VI.

Классныя упражненія Гоголя.

1.

О томъ, что̀ требуется отъ критики.

(Изъ теоріи словестности.)

Что̀ требуется отъ критики? вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе слишкомъ нужно въ наши времена, когда благородная цѣль критики унижена несправедливыми притязаніями, личными выходками, и часто обращается въ позорную брань — слѣдствіе необразованности, отсутствія истиннаго просвѣщенія. Первая, главная принадлежность, безъ которой критика не можетъ существовать, это — безпристрастіе; но нужно, чтобы оно нравилось умомъ зоркимъ, истинно просвѣщеннымъ, могущимъ вполнѣ отдѣлить прекрасное отъ неизящнаго. Критика должна быть строга, чтобы тѣмъ болѣе дать цѣны прекрасному, потому что просвѣщенный писатель не ищетъ безотчетной похвалы и славы, но требуетъ, чтобы она была опредѣлена умомъ строгимъ и вѣрно понявшимъ его мысль, его твореніе. Она должна быть благопріе..., чтобы ни одно выраженіе оскорбительное не вкралось, умемьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентомъ водила какая-нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Слѣдственно, отсутствіе личности также необходимо для критики.

Наконецъ, послѣднее—нужно, чтобы перомъ рецензента, или критика, правило истинное желаніе добра и пользы. Оно должно одушевлять всѣ его изысканія и разборы и быть всегда ея неизмѣннымъ водителемъ, какъ высокій, божескій характеръ души просвѣщеннаго мыслителя.

Н. Гоголь-Яновскій.

Помѣтка профессора:

Изрядно. П. Никольской.

2.

Изложить законные обряды апелляціи, какъ изъ низшихъ инстанцій и въ Департаментъ Сената.

(Изъ русскаго права.)

Когда недовольны рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ нижнихъ инстанцій, тогда имѣютъ право подавать прошеніе въ инстанцію высшую, въ гражданскую палату, въ томъ, что дѣло нхъ право, и резолюція нижнихъ инстанцій несправедлива. Это называется апелляціею. При внесеніи ея въ гражданскую палату, нужно внесть и пошлинныхъ исковыхъ 12 рублей, послѣ чего гражданская палата требуетъ изъ нижней инстанціи все дѣло и рѣшитъ сама. Но прежде еще внесенія апелляціи, онъ долженъ внесть въ нижнюю инстанцію 25 рублей въ залогъ. Если недоволенъ и рѣшеніемъ гражданской палаты, тогда имѣетъ право апеллевать въ сенатъ, внесши въ гражданскую палату въ залогъ 200 рублей. Вмѣстѣ съ апелляціею онъ представляетъ и свидѣтельство въ томъ, что апелляціонный искъ производился въ срокъ, положенный для сего. Сенатъ, взыскавши 12 пошлинныхъ, принявши апелляцію и свидѣтельство, судитъ въ собраніи сената единогласно; когда же нѣтъ, собираетъ чрезвычайное общее собраніе и рѣшится большинствомъ голосовъ, когда двѣ трети согласны. Но если генералъ-прокуроръ не согласенъ съ сенаторами, то отъ него требуютъ изложенія причинъ, послѣ чего онъ рѣшитъ уже самъ, или обще съ государственнымъ совѣтомъ.

Гоголь-Яновскій.

Помѣтка профессора:

Хотя не обстоятельно, но понятія о предметѣ видны. Профессоръ Н. Бѣлевичъ.

VII.

Аттестатъ.

Николай Гоголь Яновскій, коллежскаго ассесора Василія Афанасьевича сынъ, поступившій 1 мая 1821 г. въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, окончилъ въ оной полный курсъ ученія въ іюнѣ мѣсяцѣ 1828 г., при поведеніи очень хорошемъ, сь слѣдующими въ наукахъ успѣхами: въ Законѣ Божіемъ съ очень хорошими, въ нравственной философіи съ очень хорошими, въ логикѣ съ очень хорошими, въ россійской словесности съ очень хорошими, въ правахъ: римскомъ съ очень хорошими, въ россійскомъ гражданскомъ съ очень хорошими, въ уголовномъ съ очень хорошими, въ государственномъ хозяйствѣ съ очень хорошими, *въ чистой математикѣ съ средственными*, въ физикѣ и началахъ химіи съ хорошими, въ естественной исторіи съ превосходными, въ технологіи, въ военныхъ наукахъ съ очень хорошими, въ географіи всеобщей и россійской съ хорошими, въ исторіи всеобщей съ очень хорошими, въ языкахъ: латинскомъ съ хорошими, *въ нѣмецкомъ съ превосходными, французскомъ съ очень хорошими*, въ греческомъ (*), и по окончательномъ испытаніи конференціею Гимназіи, на основаніи устава ея, въ 19 день февраля 1815 г. Высочайше утвержденнаго, удостоенъ званія студента и г. министромъ народнаго просвѣщенія, въ силу того же устава, утвержденъ въ правѣ на чинъ 14 класса, при вступленіи въ гражданскую службу, съ освобожденіемъ его отъ испытанія для произьодства въ высшіе чины, и при вступленіи въ военную службу, чрезъ шесть мѣсяцевъ, въ нижнихъ званіяхъ, на чинъ офицера, хотябы въ полку, въ которомъ принятъ будетъ, на тотъ разъ и вакансіи не было. Въ засвидѣтельствованіе чего, и данъ ему, Гоголю-Яновскому, сей аттестатъ отъ конференціи Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Нѣжинъ 1829 г. Января 25 дня. Подлинный подписали: Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко ди-

(*) Нѣтъ отмѣтки. *Н. М.*

ректоръ Данило Ясновскій, законоучитель нѣжинскій протоіерей Павелъ Волынскій, старшій профессоръ юридическихъ наукъ Михаилъ Бѣлевичъ, старшій профессоръ предметовъ россійской словесности надворный совѣтникъ Парфентій Никольской, физико-математическихъ наукъ старшій профессоръ надворный совѣтникъ и кавалеръ Карлъ Шапалинскій, историческихъ наукъ старшій профессоръ и кавалеръ Кирилъ Моисеевъ, французской словесности профессоръ Ландражинъ, нѣмецкой словесности профессоръ Фридрихъ Зингеръ.

VIII.

Распредѣленіе садовыхъ работъ на осень 1848 года и весну 1849.

Осеннія работы.

Сентябрь.

Начало сентября; копанье ямъ и грядъ, начиная съ послѣднихъ чиселъ августа и до 10-го сентября.

Средина сентября: сборъ желудей и сѣменъ по лѣсамъ.

Окончаніе сентября: сѣянье сѣменъ; посылка за деревьями въ Ярески.

Октябрь.

Продолженіе посѣвовъ и садка деревъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приготовлены рвы и ямки.

Копанье.

По сю сторону ровъ для посадки тополей чрезъ капустяныя гряды [по снятіи капусты] мимо пасѣки до означенныхъ вишень.

На той сторонѣ въ означенныхъ мѣстахъ ямки.

Ровъ по ту сторону по направленію пруда до кирпичнаго завода для посадки тополей.

Небольшія грядки для посадки желудей полосой, по краямъ взоранной земли для огородовъ: на сей сторонѣ—по протяженью большой аллеи, на той—за Сумаковой рощей, за ямками для березовой рощи, по обѣ стороны алеи, идущей мимо грядъ. Въ случаѣ же, если можно успѣть, смотри статью: »Послѣдующія работы«.

Сборъ желудей.

Съ сентября 10, или около того, посылать дворовыхъ людей въ Яворивщину собирать желуди сколько возможно въ большемъ количествѣ [нѣсколько четвертей], такъ чтобъ половина этого количества, по крайней мѣрѣ, была оставлена на кормъ. Половину же, опредѣленную на посѣвъ, раздѣлить на двѣ части: одну высѣять осенью, другую оставить на весну. То же сдѣлать съ сѣменами клена и липы, которыхъ набрать побольше, какъ только начнутъ созрѣвать и падать стручья.

Посылка за деревьями.

Если можно успѣть, то привезть изъ Яресокъ въ разное время осени отъ 10-ти до 20-ти подводъ разныхъ деревъ, выбирая наибольше такихъ, которыя бъ равно росли и были прямы, а именно: березъ, клена, липы, ясеня, простого тополя.

Посѣвъ и садка.

Сажаемыя сѣмена помочить въ водѣ только затѣмъ, чтобъ получше къ нимъ пристала земля. Тѣ сѣмена и желуди, которые будутъ садиться въ осень, нужно зарывать въ землю поглубже, чтобъ не вымерзли зимою. При посѣвѣ нужно присутствовать самому, чтобъ видѣть, дѣйствительно ли такъ посѣяно.

При садкѣ деревъ нужно также присутствовать лично, не позабывши держать при себѣ всякой разъ кадушку съ водой, въ которую слѣдуетъ омокнуть корень сажаемаго дерева, дабы ухватилась за него земля. При садкѣ же деревъ, болѣе прочихъ боящихся мороза, разводить съ водой немного свѣжаго однодневнаго коровьяго навоза. Если ямы велики, то садить въ нихъ по два и по три дерева вмѣстѣ.

Весеннія работы.

Мѣсяцъ апрѣль.

Садка деревъ хлыстиками; подготовленье грядъ для сѣянья деревъ,

въ одно время съ копаньемъ и ораньемъ на огородъ и баштанъ, и сажанье сѣменъ, въ одно время съ огородинной.

Послать въ Ярески нарубить хорошихъ вѣтвей тополя, осокора, лозы желтой и красной. Щевлюху лозу садить у самого пруда, утыкавши хлыстиками весь берегъ по эту сторону пруда и по ту, въ той части, которая ближе къ гребли.

Большими хлыстами и вѣтвями садить тополь и вербу повыше,— тополь въ одну стѣну по направленію пруда, въ мѣстѣ, уже означенномъ, выше пасѣки, и по ту сторону до кирпичнаго завода. Равнымъ образомъ также въ подкрѣпленье, гдѣ деревья рѣдки и нѣтъ тѣни, какъ-то—на большой алеѣ, на сторонѣ къ анбарамъ.

Май.

Подчистка деревъ снизу, срѣзанье вѣтвей нижнихъ, которыя всѣ употреблять на заплетку плетня въ тѣхъ мѣстахъ пруда, гдѣ осунулась земля и обнажила весьма сильно древесные корни.

Привозъ купья изъ болотъ въ Яворивщинѣ для укрѣпленія береговъ по эту сторону въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода грозитъ подмыть корни.

Чистка дорожекъ и саду, кошенье травъ и проч. и проч.

Послѣдующія работы.

Въ случаѣ, если времени будетъ довольно и сверхъ означенныхъ работъ успѣютъ сдѣлать еще, то вотъ кякія работы слѣдуетъ произвесть, которыя, въ противномъ случаѣ, могутъ быть отложены къ будущему 1849 году:

Копанье рва и посѣвъ въ немъ желудей за церковью, по направленію деревъ, идущихъ отъ рощи къ мельницамъ; ровъ не глубокъ но широкъ. Ширина въ $1^1/_2$ аршина, глубина въ $^1/_2$ аршина; желуди садить на днѣ рва, присыпавъ ихъ только на $^1/_4$ аршина землею, чтобъ стекала вода.

Разведенье небольшихъ рощей, или просто деревъ семьями по 7, или десяти деревъ вмѣстѣ: 1-е, по всей дорогѣ въ Яворивщину и за городинами и рвами отъ скота, на днѣ которыхъ не пропускать са-

дить желудей; 2-е, на склонѣ, идущемъ къ малому пруду, въ означенныхъ мѣстахъ садить наиболѣе простой тополь, который въ весеннее время можно просто вѣтвями.

IX.

Набросокъ начала безыменной трагедіи изъ англійской исторіи.

Дѣйствіе I.

Народъ толпится на набережной.

Одинъ изъ народа. Ай, что ты такъ спѣшишь! Пустите хоть душу на покаянье.

Другой изъ народа. Да посторонитесь, ради Бога!

Голосъ третій. Эхъ, какъ продирается! Чего тебѣ? ну, море, вода; больше ничего. Что́, не видалъ никогда? Думаешь, такъ прямо и увидишь короля?

(*Одинъ*). Ну, теперь Богъ намъ дастъ, авось будетъ лучшее время, когда пріѣдетъ король. Вотъ не прогонитъ ли собакъ Датчанъ.

(*Другой*). Ты откудова, братъ?

(*Третій*). Изъ графства Гертингаль, Томъ Турнилъ яорлъ.

(*Другой*). Не знаю.

(*Третій*). Бѣжалъ изъ Кондингама.

(*Первый*). Знаю. Гдѣ монахинь сожгли? Ахъ, страхъ тамъ какой! Такого нехристіянства и отъ Жидовъ, что распяли Христа, не было.

Женщина изъ толпы. А что́ же тамъ было?

(*Третій*). А вотъ что́. Когда узнали монахини, что уже подступаетъ Игваръ съ Датчанами, которые, тетка, такой народъ, что не спустятъ ни одной женщинѣ, будь хоть немного смазлива... дѣло женское, ты понимаешь... такъ игуменья вотъ святая... такъ точно, святая... уговариваетъ монахинь и сама первая изрѣзала себѣ все лицо; да, изуродовала совсѣмъ себя. И, какъ увидѣли эти звѣри, (что) нѣтъ хорошихъ лицъ, то такъ (монастыря) не оставили, а пережгли огнемъ всѣхъ монахинь.

Голосъ. Боже ты мой!

Голосъ въ толпѣ. Эхъ, Англосаксы!

Другой голосъ. Слышъ, народъ проклятый. Конечно, нечистая сила.

(*Третій*). Чтò, какъ въ вашемъ графствѣ?

(*Первый*). Чтò въ нашемъ графствѣ! Вотъ я другой мѣсяцъ обѣдни не слушалъ.

(*Третій*). Какъ!

(*Первый*). Всѣ церкви пусты, епископа со свѣчой не сыщешь. Отъ Датчанъ дурно, а отъ нашихъ еще хуже. Всякой тамъ подличаетъ съ Датчаниномъ, чтобы больше земли притянуть къ себѣ. А если какой-нибудь яорлъ убѣжитъ этой проклятой чужеземной собачьей власти и поддастся въ покровительство тану, думая, что если платить повинности, то уже лучше своему, чѣмъ чужому,— еще хуже: такъ закабалятъ его, что и Бретонъ такого рабства не зналъ. Ну, наконецъ мы пріободримся немного. Теперь у насъ, говорятъ, будетъ такой король, какъ и не бывало, — мудрый, какъ въ писаніи Давидъ.

(*Третій*). Отчего жъ онъ не здѣсь, а за моремъ?

(*Другой*). А гдѣ это за моремъ?

(*Первый*). Въ городѣ Римѣ.

(*Третій*). Зачѣмъ же тамъ онъ?

(*Третій*). Тамъ онъ обучается, потому что умный городъ, и выучился, говорятъ, всему, всему, чтò ни есть на свѣтѣ.

Другой голосъ. Какой городъ, ты сказалъ?

(*Первый*). Римъ.

(*Третій*). Рима не знаешь? Ну, уменъ ты!

(*Первый*). Да чтó это Римъ? тамъ, гдѣ святѣйшій живетъ?

(*Третій*). Ну, да. Пресвятая Дѣва! еслибъ довелось побывать когда-нибудь въ Римѣ! Говорятъ, городъ больше всей Англіи и дома изъ чистаго золота.

Другой. Мнѣ не такъ Римъ, какъ бы хотѣлось увидѣть папу. Вѣдь посуди ты: нѣтъ никого на свѣтѣ, какъ папа. И епископъ, и самъ король ниже папы. Такой святой, что какіе ни есть грѣхи, то можетъ отпустить.

(*Первый*). Вонъ слышишь ли? кто-то гокоритъ, что видѣлъ папу.

Голоса народа на другой сторонѣ. Ты видѣлъ папу?

Брифринъ изъ толпы. Видѣлъ.

(*Голоса народа*). Гдѣ жъ ты его видѣлъ?

(*Брифринъ*). Въ самомъ Римѣ.

(*Голоса народа*). Ну, какъ же? Что̀ онъ? Какой?

Народъ сталпливается въ ту сторону.

Голоса. Да пустите! Ну, чего вы лѣзете? не слышали разсказовъ глупыхъ?

Брифринъ. Я разскажу попорядку, какъ я его видѣлъ. Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мнѣ всего только половину гидесы земли. Тогда я сказалъ себѣ: »Зачѣмъ тебѣ, Брифринъ, сынъ Квикельма, обработывать землю, когда ты можешь оружіемъ добиться чести«? Сказавши это себѣ, я поѣхалъ кораблемъ къ французскому королю. А французскій король набиралъ себѣ дружину изъ людей самыхъ сильныхъ, чтобъ охраняли его въ случаѣ сраженія, или когда выѣдетъ куда, то и они бы выѣзжали, чтобы, если посмотрѣть, такъ хорошій видъ былъ. Когда я попросился, меня приняли. Латы лучше не во сто мѣръ нашихъ. Кольчуги такія жъ, какъ и у насъ, только не всё желѣзныя. Въ одномъ мѣстѣ — смотришь — рядъ колецъ мѣдныхъ, а въ другомъ и серебряныя. Мечъ при каждомъ; стрѣлъ нѣтъ, только копья. Топоръ больше чѣмъ въ полъ-пуда, — о, куды больше! а желѣзо такое, что у стараго Вульфинга на бердышѣ ни къ чорту не годится!

Вульфингъ изъ толпы. Знай себя!

(*Брифринъ*). Вотъ мы отправились съ французскимъ королемъ въ Римъ, чтобъ папѣ почтеніе отдать. Городъ такой, что никакъ нельзя разсказать; а домы и храмы Божьи не такъ какъ у насъ строятся, что крыши вострыя, какъ копье; нѣтъ, а вотъ круглыя совсѣмъ, какъ-бы натянутый лукъ, и шпицовъ вовсе нѣтъ. А стѣны вездѣ, и такъ много и рѣзьбы, и золота... великолѣпіе такое—такъ и ослѣпило глаза. Да, теперь на счетъ папы скажу. Въ одинъ вечеръ пришелъ товарищъ мой, Нѣмецъ Арнуль, славный воинъ... перстней у него и золотыхъ крестовъ, добытыхъ на войнѣ, куча, и на гита-

рѣ такъ славно играетъ... »Хочешь, говоритъ, видѣть папу«?—Ну, хочу. — »Такъ смотри же, завтра я приду къ тебѣ пораньше. Будетъ самъ папа служить«. Пошли мы съ Арнулемъ. Народу по улицамъ — Боже ты мой! больше чѣмъ здѣсь. Римлянки и Римлине въ такихъ нарядахъ — такъ и ослѣпило глаза. Мы протолкались на лучшее мѣсто, но и тамъ, еслибы я немножко былъ ниже, то ничего бы не увидѣлъ за народомъ. Прежде всѣхъ пошли мальчишки лѣтъ десяти, со свѣчами, въ вышитыхъ золотомъ платьяхъ, и какъ вышли они—такъ и ослѣпили глаза. А (полъ).... (') былъ выстланъ краснымъ сукномъ, краснымъ, краснымъ вотъ какъ кровь... ей Богу, такое красное сукно, какого я и не видалъ. Еслибъ изъ этого сукна да мнѣ верхнюю мантію, то вотъ, говорю вамъ передъ всѣми, что не только бы свой новый шлемъ, что съ каменьемъ и позолотою, который вы знаете, но, еслибы прибавить къ этому тусбрую, которую промѣнялъ Кенфусъ рыжій за гнѣдого коня, да бердышъ и рукавицы стараго Вульфинга, и еще коня въ придачу — ей Богу, отдалъ бы за эту мантію! Красная, красная, какъ огонь ..

Голосъ въ народѣ. Чортъ знаетъ чтó! Ты разсказывай объ папѣ, а какая нужда намъ до твоихъ мантій?

Вульфингъ, изъ толпы. Хвастунъ! расхвастался!

Брифринъ. Сейчасъ. Вотъ, вслѣдъ за ребятами пошли тѣ — какъ ихъ? Они съ одной стороны сдаютъ на епископовъ, только не епископы, а такъ какъ наши таны, или бароны въ рясахъ.... Не помню, шепелявое какое-то имя. То эти всѣ таны, или епископы, какъ вышли—такъ и ослѣпили глаза. А какъ показался самъ папа, то такой блескъ пошелъ—такъ и ослѣпилъ глаза. На епископахъ-то все серебрянное, а на папѣ золотое. Гдѣ епископы выступаютъ, тамъ серебрянный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой; гдѣ епископы стоятъ, тамъ серебрянной полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой.

Голосъ изъ толпы. Бровингъ, корабль, ей Богу, корабль!

Всѣ бросаются, Брифринъ первый, и тѣснятся гуще около набережной.

(') Нѣсколько словъ не прочитано. *Н. М.*

Голоса въ толпѣ. Да ну, стой! — Ради Бога! задавили! — Да дайте хоть пазадъ выбраться!

Голосъ женщины. Ай, ай! косолапой медвѣдь, руку выломилъ! Ой, пропустите, кто въ Христа вѣруетъ, пропустите!

Брифринъ, оборачиваясь. Чего лѣзешь на плечи? развѣ я тебѣ лошадь верховая? Гдѣ жъ король? гдѣ жъ корабль? Экая тѣснота!

Голосъ въ народѣ. Да нѣтъ корабля никакого! Кто выдумалъ, что король ѣдетъ?

(*Голосъ въ народѣ*). Да кто же? ты говорилъ!

(*Брифринъ*). И не думалъ.

(*Голосъ въ народѣ*). Да кто жъ сказалъ, что король? — Это Шпингъ сказалъ, что король ѣдетъ. — Эй, Шпингъ! зачѣмъ ты сказалъ, что король ѣдетъ?

(*Шпингъ*). Ей Богу, любезный народъ, совсѣмъ было похоже на корабль!

(*Брифринъ*). Впередъ молчи, дуракъ, если не хочешь самъ поплысть.

Старуха, пролѣзая. Нашли, чего толпиться: вѣдь ничего нѣтъ.

Брифринъ. Ба, Кудредъ! откудова пріятель?

Кудредъ. Изъ дому.

(*Брифринъ*). Короля видѣть пришелъ?

(*Кудредъ*). И побольше чѣмъ видѣть.

(*Брифринъ*). А что́ еще?

(*Кудредъ*). Жалобу самому королю.

(*Брифринъ*). На кого?

(*Кудредъ*). На королевскаго тана Этельбальда.

(*Брифринъ*). Ты шутишь, братецъ.

(*Кудредъ*). Нѣтъ, не шучу.

Голоса въ народѣ. Вишь, на Этельбальда жалуется. — Онъ съ ума сошелъ. Да онъ вѣдь сильнѣе всѣхъ въ королевствѣ.—Воиновъ и богатства у него больше, чѣмъ у короля.

Экбертъ. Кто несетъ жалобу на Этельбальда, тотъ подай мнѣ руку; хотя ты простой яорлъ, а я танъ, но я пожимаю, потомучто ты честный человѣкъ. Я тебѣ буду помогать.

Кисса. Эй, другъ, напрасно ты связываешься съ (Эстельбальдомъ).

Брифринъ. За что́ жъ жалуешься?

(*Кудредъ*). За что? Этельбальдъ, хоть и королевскихъ тановъ всѣхъ старше, но подлецъ и мошенникъ. Когда Датчане ворвались въ Весексъ и начали грабить, я прибѣгнулъ къ нему, свиньѣ. Думалъ: онъ богачъ и столько имѣетъ земли, что не за что́ ему обижать меня. Я обѣщался ему, если надобность, первому явиться въ его войскѣ.... (¹) А онъ, мошенникъ, какъ только Датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ меня въ свои рабы. За что́ я долженъ ему мостить чертовскій мостъ къ его замку и на моихъ двухъ лошадяхъ, самыхъ непородныхъ, возить фашинникъ? И теперь, когда я отлучился по надобности въ графство Генсганъ, онъ взялъ мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше двухъ гидесъ, и отдалъ въ ленъ какому-то (вассалу); а мнѣ отдалъ двадцать шаговъ песчанику за кладбищемъ. »Вотъ тебѣ, говоритъ, земля«! — Да развѣ я, старый плутъ, рабъ твой? Я вольный яорлъ. Я, еслибъ только захотѣлъ, прикупилъ еще два гидеса земли да выстроилъ церковь и домъ, я бы самъ былъ таномъ! Никто, по законамъ англосакскимъ, не можетъ обидѣть и закабалить вольнаго человѣка. Развѣ я сдѣлалъ какое преступленіе?

(*Брифринъ*). Да ходилъ ли ты съ жалобою въ вашъ ширгемотъ?

(*Кудредъ*). Подлецы всѣ; держутъ его сторону.

(*Брифринъ*). Ну, да все-таки какъ же порѣшили?

(*Кудредъ*). Вотъ тебѣ бумага, если прочтешь.

(*Брифринъ*). Что́ ты? такъ у васъ судьи пишутъ? Слышь ты, народъ? писанная бумага! У насъ во всемъ ширствѣ, да и выше, во всемъ Весексѣ, ни одинъ ширъ, ни альдерманъ не умѣетъ писать. Ишь ты, какіе каракульки! Тутъ гдѣ-нибудь должно быть A B C, я ужъ знаю: меня было начиналъ учить одинъ церковникъ.

Туриилъ Вульфингу. Я думаю, нѣтъ мудренѣе науки, какъ письмо. Попы все-таки прочтутъ.

(¹) Нѣсколько словъ не прочитано. *Н. М.*

Брифринъ, обращаясь къ Киссѣ. Высокородный танъ, прочтика; ты, вѣрно, знаешь.

Кисса. Поди прочь, я тебѣ не попъ.

Гунтингъ. Давай, я прочту.

Турнилъ. Кто онъ?

Вульфингъ. Не знаю.

Голосъ. Это, видишь, тотъ, что былъ школьнымъ учителемъ. Да теперь Датчане разорили школу.

(*Гунтингъ*) *читаетъ.* »Да будетъ вѣдомо: Schirgemot Агельмостангъ, въ графствѣ Герсфордъ, во время царствованія Этельреда«... А, при покойномъ королѣ! храбрый былъ король; всю жизнь бился съ этими Датчанами. [*Продолжаетъ*]. »Гдѣ засѣдали: Дунстанъ епископъ, Кеорликъ альдерманъ, Варвикъ, его сынъ, и Эсквинъ, сынъ Центвина, и Турнилъ косоглазый, какъ комиссары короля, засѣдали..«

Вульфингъ. Слышишь, Турнилъ? это ты!

Турнилъ.. Развѣ я косоглазый?

(*Гунтингъ*) *продолжаетъ.* »Въ присутствіи Бринингa шерифа, Ательварда де Фрома, Леофгега де Фрома чернаго, Гадрига де Штока и всѣхъ тановъ графства Герсфорта, Кудредъ, сынъ Эгвиновъ представилъ суду противъ высокороднаго графа и тана королевскаго, въ томъ, что якобы онъ, Кудредъ, отъ него высокороднаго графа Этельбальда...«

Въ народѣ крикъ и давка. Пусти, пусти! Куда теперь (')... Батюшки, батюшки, тресну! со всѣхъ сторонъ придавили.

Высокій болтаетъ вверху руками. Что эти бабы лѣзутъ, желалъ (бы я знать)!

Брифринъ. Чего народъ лѣзетъ! [*Продирается*].

(*Кто-то въ толпѣ*). Да взбѣленился просто: никого нѣтъ. Какой-то дуракъ пронесъ опять, что корабль короля...

Кудредъ, кричитъ. Бумагу, бумагу, бумагу дай!.. Экой трусъ, изорвалъ!

(') Слово не прочитано. *Н. М.*

Кисса. Да кто сказалъ, что корабль ѣдетъ?

(*Голоса*). Я не говорилъ. — Я не говорилъ. — Опять, вѣрно, Шпингъ.

Шпингъ. Нѣтъ, высокородный танъ, и языкомъ не поворотилъ.

Брифринъ. Ей Богу, глупой народъ! Ну, что́, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ король?

Вульфингъ. А самъ, небось, первый полѣзъ.

Брифринъ. Что́ жъ? только посмотрѣть.

Одинъ изъ народа. Вотъ таны поѣхали на лошадяхъ. Это, вѣрно, встрѣчать короля.

Рыцарь на лошади. Дорогу, дорогу! Народъ, посторонись.

(*Экбертъ*). Кому дорогу?

(*Рыцарь*). Посторонись, говорятъ тебѣ. Дорогу высо(randomно-му) королевскому тану Этельбальду!

Экбертъ. Отнеси ему эту пощечину. *Бьетъ его и убѣгаетъ*.

Рыцарь кричитъ. Мы увидимъ, проклятой длиннорукой чортъ!

(Слѣдуетъ пробѣлъ, и потомъ — въ концѣ страницы):

А я разскажу королю, что ты Жидъ, а не христіянинъ, язычникъ невѣрный,—что ты никогда не крестишься. Я знаю, кому ты молишься: у тебя на дому есть деревянный болванъ, ты ему цѣлуешь руки, язычникъ скверный! Тебѣ нужно монастырское покаяніе, если не могъ....

—

(*Вульфингъ*). Вонъ поѣхалъ графъ Эдвинъ. Видѣлъ?

(*Турнилъ*). Видѣлъ. Славное вооруженіе.

(*Вульфингъ*). Вонъ Этельбальдъ. Смотри, какой около него строй стоитъ: въ толпѣ рыцарей, какъ въ лѣсу. Ей Богу, еслибъ хотѣли, побили бы Датчанъ!

(*Турнилъ*). Отчего жъ не хотятъ?

(*Вульфингъ*). А такъ; вѣрно, держатъ руку непріятелей.

(*Турнилъ*). Ну, вотъ!

(*Вульфингъ*). Почему жъ не побить? Вѣдь нашихъ впятеро будетъ больше. Если собрать всѣхъ Саксоновъ и Англовъ, то однихъ

всадниковъ будетъ на всю дорогу отъ Лондона до Іорка; а Датчанъ всѣхъ на всѣхъ трехъ тысячь не будетъ.

(*Турнилъ*). Э, любезный пріятель мой! какъ твое имя? Вульфингъ?

(*Вульфингъ*). Вульфингъ.

(*Турнилъ*). Такъ будемъ пріятелями.

Вульфингъ. Вотъ тебѣ рука моя.

Турнилъ. Не говори этого, любезный Вульфингъ: имъ помогаетъ нечистая сила,—тотъ самый сатана, о которомъ читалъ намъ въ церкви священникъ, что искушаетъ людей. Они, братъ, и море заговариваютъ: вдругъ изъ бурнаго сдѣлаегся тихо, какъ ребенокъ; а захотятъ—начнетъ выть, какъ волкъ.... Народъ опять стѣснился, да и самые таны махаютъ шапками. Посмотримъ: вѣрно, король наконецъ ѣдетъ.

Голосъ въ народѣ. Ну, теперь корабль, такъ корабль!

Турнилъ. Опять пошли тѣсниться!

Голосъ. Корабль съ тремя вѣтрилами! Зачѣмъ дерешься.... (¹).

(*Вульфингъ*). Вонъ и люди, какъ мухи, стоятъ на палубѣ.

(*Турнилъ*). А что́ жъ не видно корабля?

(*Вульфингъ*). Гдѣ жъ его теперь увидишь? Людей многое множество. Вонъ что-то блеснуло передъ солнцемъ.

(*Турнилъ*). Скоро идетъ корабль; видно, что заморской работы. Вонъ, какъ окошечки блестятъ! У насъ такихъ кораблей нѣтъ.

(*Вульфингъ*). Это должны быть, что блестятъ, таны.

(*Турнилъ*). Нѣтъ, вонъ тотъ больше блеститъ. Смотри, какой шлемъ, какое богатое убранство!

(*Вульфингъ*). Это всё тѣ таны, что пріѣхали за нимъ въ Римъ съ посольствомъ.

(*Турнилъ*). Гдѣ жъ король? вѣдь король (долженъ быть) въ коронѣ.

Вульфингъ. Да еще не короновался.

(*Турнилъ*). А вонъ, снялъ шляпу.... Таны машутъ.... Виватъ, король!

(¹) Не прочитаны два слова. *Н. М.*

Весь берегъ кричитъ: Виватъ, король! Здравствуй король!

(*Турнилъ*). Вонъ, вновь машутъ.... Здравствуй король!

Народъ. Зравствуй, король!

Всадникъ на лошади. Разступись, народъ! *Машетъ алебардой*.

Народъ пятится. Прижатые кричатъ.

(*Вульфингъ*). Кто это?

(*Турнилъ*). Танъ Канумфъ, сынъ Эгальдовъ, танъ изъ Медлисекса, славный воинъ.

Корабль подходитъ къ самому берегу. За столпившимся народомъ, видны однѣ только головы.

Альфредъ, сходя съ корабля. Здравствуйте, добрые мои подданные!

(*Народъ*). Здравствуй, король! виватъ!

Король и свита подымаются на лошадяхъ въ народъ.

Народъ. Виватъ! виватъ! король!

Альфредъ. Благодарю васъ, мои добрые. Я самъ не меньше радъ видѣть васъ и мою отцовскую землю Англосаксонію.

Эгбертъ. Слышишь? Англосаксонію! Онъ, вѣрно, не знаетъ, что Мерси и Эстъ-Англъ уже не наши.

Король уѣзжаетъ. Таны и народъ съ восклицаніями тянутся за нимъ.

(*Вульфингъ*). Молодецъ король; видной, рослой, лучше всѣхъ. Какъ онъ славно выступалъ, словно.... (1)! Я думаю, латы его стоятъ больше, чѣмъ жизнь. Пойдемъ, посмотримъ.

(*Турнилъ*). Постой, зачѣмъ же идти? Намъ за ними не угнаться: они на лошадяхъ и во всю рысь поѣдутъ въ Іоркъ.

(*Вульфингъ*). Отчего жъ не въ Лондонъ?

(*Турнилъ*). Видишь, въ Лондонѣ приготовятъ все какъ слѣдуетъ, а когда приготовятъ, тогда и поѣдетъ.

Эгбертъ, возвращаясь. Нѣтъ, я не хочу быть послѣднимъ. Я такой же танъ. У меня тоже было въ услуженьи 16 тановъ Сит-

(1) Не прочитано. *Н. М.*

кундмановъ [Sithcundman]. Правда, я потерялъ много въ войну, у меня теперь нѣтъ этого; но я защищалъ землю нашу. Отчего графы Эдвигъ, Канульфъ, не говоря уже о собакѣ Этельбальдѣ, молокососъ сынъ его, почему они имѣютъ право провожать короля въ первомъ ряду? Отчего я долженъ слѣдовать еще за двумя танами? Я хотѣлъ было сбить плута съ сѣдла копьемъ, да не хотѣлъ только сдѣлать этого при королѣ.

Кисса. Дьяволъ ему на шею! Я радъ по крайней мѣрѣ, что король пріѣхалъ. (Прогонимъ) Датчанъ опять за море, освободимъ опять Эстъ-Англъ, Мерси и Нортумберландъ также: хоть и разоренная страна, однакоже есть добрыя земли для скота и для пашенъ.

(*Эгбертъ*). Мнѣ король понравился; добрый молодецъ! Пойду къ нему прямо и суну ему руку, по древнему саксонскому обычаю. Скажу: »Король, вотъ тебѣ рука! при первой надобности, всегда приведу 14 тебѣ всадниковъ, вооруженныхъ добрыми конями, и самъ пятнадцатый; а надежный ли человѣкъ—вотъ, видишь, сколько рубцовъ у меня!« Пойдемъ, Кисса, выпьемъ за его здоровье. Эй, Кудредъ! тебя обидѣлъ Этельбальдъ. (Положись на) меня. Будь завтра въ Лондонѣ, спроси тана Эгберта, тана изъ графства Сомерсетскаго. Меня знаютъ.

—

(*Тамъ же, на набережной*).

Кудредъ. Ну, теперь, я думаю, король укротитъ немножко тановъ.

(*Вульфингъ*). Да что жъ? король вѣдь король и можетъ сказать тану: »Отдай такую-то землю, я тебѣ приказываю.« Что скажетъ Вителагемотъ?

(*Кудредъ*). Да, безпорядковъ, вѣрно, будетъ меньше. Что ни скажетъ, а всё будетъ лучше. По крайней мѣрѣ можно будетъ по дорогѣ пройдти безопасно. Чѣмъ живешь, Вульфингъ?

(*Вульфингъ*). Одинъ гидесъ земли держу отъ тана.

(*Кудредъ*). Платишь хлѣбомъ?

(*Вульфингъ*). Нѣтъ, еще никогда не маралъ рукъ своихъ въ землѣ.

(*Кудредъ*). Кто жъ ты?

(*Вульфингъ*). Пастухъ. Шесть десятковъ овецъ и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если же хочешь.... (¹) отдохни у меня. Ты будешь ѣсть сыръ и молоко, какихъ не сыщешь во всемъ Весексѣ; а завтра раннимъ утромъ мы отправимся въ Лондонъ смотрѣть королевскій праздникъ. Глядь-(ко), а его народъ опять смотритъ? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голосъ въ народѣ. Корабль, опять корабль!

(*Вульфингъ*). Въ самомъ дѣлѣ корабль! Чтò жъ это, вѣрно, съ королевской свитой?

Турнилъ. Вишь, уже не такія мачты и паруса, совсѣмъ не такъ сдѣлано. Да постой, разсмотримъ поближе: и народъ какъ-будто не такъ одѣтъ.

Одинъ изъ толпы всплескиваетъ руками. Саксонцы, убѣжимъ, убѣжимъ!

Кудредъ. Чтò такое?

(*Турнилъ*). Морской король!

(*Кудредъ*). Нѣтъ, это таны.

Турнилъ. Какъ христіянинъ, не лгу! Развѣ вы не видите, что датскій король?

Народъ. Ай, точно Датчане!—Вонъ машутъ, чтобы остались!—Да какъ бы не такъ! бѣжимъ, друзья!

Всѣ въ безпорядкѣ убѣгаютъ (²).

Корабль видѣнъ у берега. Руальдъ виситъ на мачтѣ.

Голосъ Губбо. Перекидай канатъ.

(¹) Слово не прочитано.

(²) Послѣ этого въ подлинникѣ нѣтъ пробѣла. *Н. М.*

Руальдъ съ верховъ. Кормщикъ, бери ниже: тамъ мѣль.

Нормандъ плыветъ, съ канатомъ въ зубахъ.

Руальдъ. Еще ниже, еще ниже. А народъ проклятый весь разбѣжался. Норманъ, хватай круючкомъ. Стой!

Губбо сходитъ съ корабля. Ну, вотъ мы и въ Англіи. Тащите старшую лодку на берегъ.

Вытаскиваютъ лодку.

Губбо. Чтò, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли намъ Ингвара, или теперь налетѣть и окропить наши доспѣхи алою, какъ вечерняя заря, передъ бурнымъ вечеромъ заря, кровью Саксонцевъ, а?

(*Руальдъ*). Наши копья готовы: (но) не лучше ли, конунгъ мой Губбо, послать провѣдать и узнать о числѣ непріятелей?

(*Губбо*). Это ты, Руальдъ, говоришь! тебя, видно, не море пеленало. За эти слова тебя стòитъ вышвырнуть въ море. »Какой храброй когда спрашиваетъ о числѣ?« говорилъ отецъ мой Лодбродъ, побѣдившій на 33 сраженіяхъ.

(*Руальдъ*). Губбо, сынъ Лодбродовъ! ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы съ братомъ Гримуальдомъ срамили себя передъ дружиною? Развѣ я когда-нибудь въ жизни грѣлся у очага, или спалъ подъ кровомъ? развѣ платье мое не на мачтѣ сушилось, а на постелѣ?

(*Губбо*). Прости, Руальдъ. Братъ твой Гримуальдъ былъ славный воинъ. Мы лишились друга (и) храбраго товарища. Великій Оденъ! какая была буря и битва! Вѣтеръ оборвалъ... (¹) наши платья, и морскія брызги, какъ острые ножи, пронзали разгорѣвшіяся лица наши! Клянусь моимъ мечомъ и копьемъ, ничего бы не пожалѣлъ за такую участь! Теперь Гримуальдъ пируетъ съ легіономъ храбрыхъ; самъ Оденъ наливаетъ ему чашу изъ широкаго черепа и говоритъ ему: »А сколько ты, Гримуальдъ, получилъ ранъ на послѣдней битвѣ?«—»Ранъ 17 и 4«, отвѣчаетъ Гримуальдъ.... (²)—

(¹) Слово не прочитано.

(²) Два слова не прочитано. *Н. М.*

Вотъ тебѣ, Гримуальдъ, безсмертныя лани, съ лоснящеюся, какъ сесебро, шерстью. Веселись, храбрый витязь, поражая ихъ далеко достающимъ копьемъ.«—Слушай, Стемидъ, теперь (не) время; но когда будемъ пировать на попратыхъ (въ) пыл(и) саксонскихъ трупахъ и зажжемъ альбіонскіе дубы, ты спой намъ пѣсню о подвигахъ Гримуальда. Знаешь, какую пѣсню? такую, чтобъ въ груди встрепенулось все... отвага... самое бѣшенное веселье, и рука схватилась за рукоятку меча. Но слѣдуетъ теперь сказать вамъ, мои товарищи, что̀ мы будемъ дѣлать. Англія — земля хорошая: скота, пажитей и земель въ ней много. Въ Нортумберландіи и въ Мерси, гдѣ уже поселились соотечественники наши..... но здѣсь жилища обильны вс(ѣмъ), церкви богаты, и золота въ нихъ много—каждому достанется на золотую цѣпь. Мечи у Англосаксовъ славные; они достаютъ ихъ издалека. Мы можемъ себѣ выбрать любые мечи и копья, и все вооруженіе. А что́ еще я скажу? Больше всего нравятся, товарищи, мнѣ и вамъ англосаксонскія дѣвы бѣлизною лица, какъ наши скандинавскіе снѣга, окропленные кровью молодыхъ ланей. Но стойте, товарищи; въ Англіи воиновъ, которые станутъ подъ мечомъ и копьемъ на коняхъ, несмѣтное множество. Только изъ нихъ Оденъ никого не приметъ въ Валгалу къ себѣ, потому что они презрѣнные христіяне. Помните и то, что нынѣ будутъ наши соотечественники, и какъ только нападемъ съ одной стороны, они нападутъ съ другой. Видите ли, какъ тутъ хорошо и тепло? Въ нашей Скандинавіи нѣтъ этого. Тутъ зимы всего только два мѣсяца.

Руальдъ. Я себѣ отвоюю лучшій за́мокъ во всей Англіи. Девять десятковъ англосаксонскихъ рабовъ будетъ прислуживать мнѣ за чашею пиршества.

(*Одинъ изъ воиновъ*). Что̀, конунгъ Губбо, правда ли, что есть гдѣ-то земля еще теплѣе?

(*Губбо*). Есть.

(*Одинъ изъ воиновъ*). И что зимы совсѣмъ не бываетъ?

Губбо. Ну, этого нѣтъ, чтобы зимы не было; зима есть. Нужно, однакожъ, попробовать. Мы съ тобою, Эдгадъ, пустимся по полямъ далѣе. Скучно долго жить на одномъ мѣстѣ. Чтобы и тамъ, по ту сторону океана, вспоминали насъ въ пѣсняхъ. Клянусь сей

моей сбруей, пріѣдемъ мы туда на вызолоченномъ кораблѣ; красная какъ огонь мантія, и вся будетъ убрана дорогими каменьями. Шлемъ... крыло на немъ будетъ, какъ вечерняя звѣзда, сіять. Потомъ пріѣду къ первой царевнѣ въ мірѣ, скажу: »Прекрасная царевна, конунгъ пріѣхалъ, горя любовью къ твоимъ голубымъ очамъ. Его рука поразила сто и сто десятковъ витязей; и пришелъ конунгъ Губбо взять тебя этою самою рукой вмѣстѣ съ приданымъ, которое приготовилъ тебѣ престарѣлый отецъ твой. Виватъ, корабль Губбо!. виватъ и вы товарищи! Теперь идемъ. Вы два, Авлугъ и Ролло, оставайтесь беречь лодки, а мы никому не спустимъ и насытимъ кровью мечи наши, пока есть....

—

Альфредъ, окруженный танами и графами королевства. Благодарю, благодарю васъ, благородные таны, за ваше поздравленіе. Я надѣюсь, что вы окажете мнѣ съ своей стороны всякую помощь, изгоняя варварство и невѣжество, въ которомъ тяготѣетъ Англосаксонская нація.

Эдвинъ. Я всегда готовъ. 50 вооруженныхъ всадниковъ всякую минуту можешь требовать, государь.

Этельбальдъ. Рука моя и моихъ 80 вассаловъ принадлежатъ тебѣ, государь мой.

Сигфредъ. Всякое законное требованіе государя готовъ выполнить. 20 конныхъ и 140 пѣшихъ стрѣлковъ!

Клеобальдъ. Въ моей странѣ лошадей мало, но пѣшихъ, сколько могу собрать....

(*Альфредъ*). Вы ошибаетесь, друзья: не этой помощи требовалъ (я) отъ васъ, на которую конечно всегда имѣю право. Но я разумѣлъ о томъ благодѣтельномъ просвѣщеніи, котораго нѣтъ въ Англіи; я васъ просилъ споспѣшествовать мнѣ научить Англосаксовъ... искоренить грубость нравовъ, которая, какъ старая кора, пристала къ нимъ.

Таны въ безмолвіи. Нѣкоторые разставляютъ руки, разсуждая, что̀ это значитъ.

Эдвигъ. Развѣ же ты, государь, говоришь, что Англы и Саксы грубы? Да вѣдь они покорили Англію!

(*Альфредъ всторону*). Ну, противъ этого мнѣ нечего говорить. Этотъ, кажется, кромѣ войны, и думать ни о чемъ не хочетъ. (*Вслухъ*). Видѣлъ ли ты, Эдвигъ, своего сына?

(*Эдвигъ*). Видѣлъ, государь.

(*Альфредъ*). Что́ жъ, какъ нашелъ его?

(*Эдвигъ*). Хорошъ малый, да чуть ли къ чернокнижію не пристрастенъ, и копьемъ плохо владѣетъ.

(*Альфредъ*). Нѣтъ, Эдвигъ, ты долженъ благодарить Бога за такого сына. Этотъ день побудь съ нимъ, а завтра пришли ко мнѣ. Мы съ нимъ были друзья во всю бытность въ Римѣ. Давно не видѣлъ я Англіи. Прежнее время какъ сквозь сонъ помню. Вотъ тутъ должны уцѣлѣть еще остатки римскихъ памятниковъ. Существуетъ ли та стѣна, которую выстроилъ императоръ Константинъ въ Лондонѣ, и бани, вы(строенныя) близь Іорка Римлянами?

(*Эдвигъ*). Не знаю, государь, о какихъ ты Римлянахъ говоришь.

(*Альфредъ*). Римляне—народъ, который завоевалъ Англію и которому были подвластны Бритты.

(*Эдвигъ*). Бритты были, это правда, а Римлянъ никакихъ не было.

(*Альфредъ*). Ты не знаешь, потому что не читилъ (книгъ). Римляне были народъ великій; они покорили весь міръ, и въ томъ числѣ Бриттовъ.

(*Эдвигъ*). Воля твоя, король, Римляне и живутъ въ Римѣ. Нѣтъ, король, это тебѣ солгали. У насъ есть старики, которые помнятъ, какъ покорили Саксы, народъ, котораго храбрѣе еще никого не было,—и тѣ говорятъ, что были здѣсь только Бритты.

(*Альфредъ всторону*). Ну, объ этомъ тоже нечего толковать. Хороши наши таны! (*Вслухъ*). Я, любезные мои подданные, хочу слышать отчетъ о нынѣшнемъ положеньи государства и о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ безъ меня, по кончинѣ брата моего Этельреда. Объ отдыхѣ моемъ не безпокойтесъ; отдохнуть я успѣю. Ты, Этельбальдъ, такъ какъ старшій въ государствѣ и старшій совѣтникъ въ Вителагемотѣ, разскажи мнѣ подробно все.

(*Этельбальдъ*). Все хорошо, государь; со стороны Датчанъ только худо. Впрочемъ, дорога отъ Іорка до Лондона поправлена и была мощена все время; звѣринецъ твой въ исправности; всѣ королевскіе твои латы, щиты, отцовскіе и добытые покоїнымъ твоимъ братомъ Этельредомъ, я сохранилъ въ исправности.

(*Эдвигъ*). Вретъ старой медвѣдь: лучшее копье стянулъ себѣ.

(*Альфредъ*). Ты, Этельбальдъ, говоришь о моемъ хозяйствѣ. Это дѣло пустое. Я просилъ тебя разсказать, какъ государство, въ какомъ положеніи. Графъ Эдвигъ, въ какомъ положеніи государство?

(*Эдвигъ*). Яорлы и бретонскіе рабы не выплачиваютъ полей, очень опустошенныхъ Датчанами; не на что вооружить рыцаря; лошади— мерзость.

(*Альфредъ*). Зачѣмъ вы позволили Датчанамъ взять Мерси и Эстъ-Англію?

(*Эдвигъ*). Что́ жъ дѣлать, король? Покойный король, братъ твой, храбро стражался, да силы его перетянула сила. Они знаются съ дьяволомъ; съ ними изъ моря приходятъ морскія чудовища.

(*Альфредъ*). Братъ мой Этельредъ сражался, какъ должно славному, доблестному Саксонцу; но вы были виною, непокорность вассаловъ была причиною.

Сифредъ. Еслибъ я имѣлъ землю въ Эстъ-Англіи и въ Мерси, я бы защищалъ ее моею рукую и руками моихъ вассаловъ; но у меня свои земли есть.

Альфредъ. Да развѣ вы умѣли защитить свои земли? Отчего по всей дорогѣ, по которой мы ѣхали, пустыя пажити и двѣ развалившіяся церкви, и тѣ опустошены? Малолюдный (отрядъ) Датчанъ издѣвался надъ вами; а вы, хорошо вооруженные и христіяне, могли вынести это!

(*Окружающіе*). Браво,—король! Вотъ король! прозорливъ какъ орелъ!—Такого намъ нужно короля!

(*Сифредъ*). Я никогда не былъ безчестнымъ, и всегда готовъ, и еслибы графъ Мидльсексъ не поссорился со мною, я бы не выпустилъ Датчанъ, и Вессексъ и его владѣнія спасъ(бы).

(*Альфредъ*). И виною вы же, вы, черезъ свои мелкія ссоры! Мнѣ очень не нравится это ваше феодальное обыкновеніе. Богъ

знаетъ что́ такое! Всякой управляетъ, какъ ему хочется; высшему не повинуются, между собою несогласны. (Въ) государствѣ (все) должно быть, какъ въ Римской имперіи; государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, какъ ему захочется.

Одонъ потупляетъ глаза. Гмъ! я что-то не совсѣмъ понялъ это. Вѣдь (въ) Англосаксоніи всякой танъ вольный и свободный человѣкъ, развѣ возьметъ землю собственно отъ короля.

(*Альфредъ*). Отчего я не вижу здѣсь ни одного епископа? Одинъ только дряхлый старикъ и вышелъ меня встрѣтить.

(*Одонъ*). Епископъ весексій убитъ въ войнѣ съ Датчанами, а Адельстанъ изъ Кента умеръ.

(*Альфредъ*). И некому позаботиться о томъ, чтобы избрать на (его) мѣсто!

(*Сигфридъ*). Нѣтъ, король, въ томъ нѣтъ намъ укоризны. Всѣ таны нарочно собрались въ Арвальдъ, но некого было избрать: не нашли такого, который могъ бы читать Святое Письмо.

(*Альфредъ*). Будто уже въ Англіи нѣтъ ни одного священника, умѣющаго читать? Вѣдь еще отцомъ Этельвальдомъ была заведена коллегія.

(*Сигфридъ*). Коллегіи давно уже у насъ нѣтъ.

(*Альфредъ*). Гдѣ же она?

(*Сигфридъ*). Сожжена Датчанами.

(*Альфредъ*). Опять Датчане! Да что́ это за бичъ такой Датчане? Или Англія вся состоитъ изъ трусовъ, или въ самомъ дѣлѣ Датчане... (*Входитъ вѣстникъ*). Что̀ это за человѣкъ? что́ ты?

(*Вѣстникъ*). Король!

(*Альфредъ*). Что́?

(*Вѣстникъ*). Датчане ворвались и грабятъ Лондонъ.

Король въ изумленіи. Какъ легки на поминѣ! Ну, господа таны и графы, теперь намъ приходится сію минуту думать о вооруженіи. Нечего дѣлать, нужно все отложить въ сторону.

(*Эдвигъ*). Я готовъ, всѣ вассалы при мнѣ, государь.

Этельбадъ. Для тебя, государь, все радъ перенесть.

Арвальдъ. Въ одну минуту буду снаряженъ. *Уходитъ.*

(*Альфредъ*). Да, шумно начинается мое царствованіе! Дайте же

всѣ вы, благородные таны, клятву — ни пяди земли не уступать Датчанамъ.

(*Таны*). Да, клянемся, Спасителемъ Іисусомъ и Дѣвой Маріей клянемся!

(*Альфредъ*). Я хочу сейчасъ осмотрѣть войска ваши. (*Въ сторону*) Ну, король, яви теперь дѣятельность духа. Вотъ тебѣ то поле, которое ты рвался воздѣлать! Много работы предстоитъ. Страшная перспектива: внести туда пламенникъ наукъ и познаній, гдѣ ихъ въ поминѣ нѣтъ, гдѣ нѣтъ букваря во всемъ государствѣ; подвести подъ законы и укротить своевольное неустройство этихъ безпокойныхъ магнатовъ, глядящихъ лѣснымъ (звѣремъ); а въ добавокъ и на плечахъ непріятель. Дай, Боже, силы! *Уходитъ*.

Цеолинъ. Какъ мнѣ нравится король!

Эдринъ. Ты не знаешь его еще, Цеолинъ, хорошо: это Богъ, а не человѣкъ.

Эдвигъ. Что́, Кедовръ? у тебя всѣ вооружены?

(*Кедовръ*). Всѣ.

(*Эдвигъ*). Что́ король? вѣдь кажется молодецъ?

(*Кадовалла*). Да, кажется, храбръ, да что-то такъ...

(*Эдвигъ*). Что́?

Кадовалла. Мудреной что-то.

Дѣйствіе II.

Альфредъ, графъ Этельбальдъ, графъ Эдвигъ, Цеолинъ, Кедовалла, съ толпою воиновъ, входятъ на сцену.

Альфредъ. Мнѣ еще не вѣрится, чтобъ мы были побѣждены. Горсть, разбойничья шайка, не больше,—и передъ этой шайкой не могли устоять 2 тысячи феодаловъ, цвѣтъ саксонской націи, и 10 тычячь пѣшихъ! Что́ скажете вы на это, благородные таны, столпы этой націи?

Графъ Эдвигъ. Король, распусти насъ. Я соберу всѣхъ слугъ моего замка, самъ выгоню моихъ вассаловъ. Пусть каждый сдѣлаетъ то же.

(*Альфредъ*). Графъ, ты сѣдъ волосомъ и даешь такой ссвѣтъ! Нѣтъ, благородные таны, все теперь зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашей рѣшительности. Уступимъ — мы потеряемъ все, возростимъ гордость непріятельскую и увѣренность въ ихъ непобѣдимости. Вы видѣли, какъ они неслись въ битвѣ. Одинъ шагъ назадъ—и дерзость ихъ возрастетъ, какъ Голіаѳъ. Бароны, одно намъ средство. Здѣсь нечего думать объ отступленіи. А нападемъ съ этими же самими силами, пока не узнала о нашемъ пораженіи нація.

(*Эдвигъ*). Король, ты видѣлъ самъ, что наша храбрость не заслуживала упрека. Я никогда не думалъ о своей жизни; но, клянусь Пресвятой Матерью, за нихъ стоитъ демонъ! Я видѣлъ самъ, какъ его темный образъ мчался рядомъ съ этимъ непобѣдимымъ Губбо. Мои вассалы въ первый разъ поблѣднѣли отъ страха.

(*Альфредъ*). Какое черное невѣжество вѣетъ отъ.... (¹) Тебя, я знаю, не увѣришь, потому что твоя душа въ старой корѣ; но только видно, что (вы) недавно приняли христіанскую вѣру и ничего не смыслите въ ней. Вы испугались злого духа: развѣ злой духъ можетъ устоять противъ Бога? развѣ есть что́ на свѣтѣ больше христіянскаго Бога? Вы видѣли, съ какимъ крикомъ и устр(емленнымъ) копьемъ стремились въ наши ряды эти морскіе люди,—а отчего? потому что поминутно призывали языческаго Бога Одена, который пыль и прахъ предъ Богомъ христіянскимъ. А вы не надѣетесь. Какіе вы христіяне? За васъ Христосъ и Пресвятая Дѣва.... *Король идетъ.* Ни двухъ шаговъ земли Датчанамъ!

Часть народа и всадники. Король, Датча̀не! Стой, гонятся!

(*Альфредъ*). Всѣ таны ни съ мѣста! Далеко Датчане?

(*Народъ и всадники*). По пятамъ нашимъ.

(*Альфредъ*). Во имя святой Маріи, не подвинемся, какъ каменныя скалы.

—

(¹) Слово не прочитано. *Н. М.*

Врывается на сцену дружина Датчанъ. Саксонцы встрѣчаютъ ихъ копьями и начинается сѣча.

Губбо. Сыны Одена! не полонъ будетъ пиръ нашъ, если мы не сокрушимъ Англосаксовъ.

(*Альфредъ*). Англосаксы! не забывайте,—съ нами Христосъ и Марія.

Губбо. Ригальдъ Ринальдъ, (зачѣмъ) гремитъ твой мечъ? Мало искръ вышибаетъ твое копье изъ непріятельскихъ латъ.

(*Ригальдъ Ринальдъ.*). Нѣтъ, король Губбо, кровь отъ вражескихъ труповъ отуманиваетъ твой взоръ.

Опральдъ. Оденъ! готовь мнѣ мѣсто въ Вальгалѣ.

Альфредъ. Хрістіяне! крѣпитесь ; святой Георгій на бѣломъ (конѣ) за насъ.

Губбо. Оденъ! рука моя дымится кровью, а Ингвара нѣтъ со мною. Ригальдъ Ринальдъ, зачѣмъ избитый шлемъ твой... не дрожатъ ли твои перси?

(*Ригальдъ Ринальдъ*). Еще станетъ, король мой Губбо... Вотъ тебѣ, собака! Сыны Одена доставятъ тебѣ череповъ на пиршественныя чаши.

(*Альфредъ*). За Марію, за Христа, Англосаксы!

Губбо. Уста мои запеклись, языкъ сохнетъ, а Ингваръ мой не летитъ на помощь.

(*Ринальдъ, падая*). Оденъ! готовь мнѣ мѣсто въ Валгалѣ.

(*Эдвигъ*). Вотъ тебѣ, собака Датчанинъ! *Протыкаетъ ему голову копьемъ.*

Альфредъ. Англосаксы ! побѣда за нами.

Губбо. О, нѣтъ, не будетъ (этого), Альфредъ, по коихъ поръ мечъ мерцаетъ вь рукахъ моихъ!

Альфредъ. Остановитесь Датчане! сдавайся Губбо, и положи твое оружіе.

Губбо. Никогда! ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами!

(*Альфредъ*). Мнѣ не нужно, Губбо, твоей свободы; я не отнимаю (ея) и на два слова.

Губбо..... (¹) *Обѣ стороны опускаютъ копья.*

(*Альфредъ*). Я готовъ заключить съ тобой миръ и пощадить остатокъ твоихъ товарищей, съ тѣмъ чтобы ты теперь же немедленно отправился за море (и) принесъ клятву, по обычаю твоей религіи, никогда не являться у береговъ Англіи. Оружіе все при васъ остается; все, чтó ни имѣете на себѣ, не будетъ тронуто.

(*Губбо*). Король Альфредъ, я соглашаюсь.

(*Альфредъ*). И такъ, храбрый (конунгъ), произнеси клятву.

(*Губбо*). Клянусь... (²) Оденомъ, моею сбруею, моимъ вызубреннымъ мечомъ, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будемъ нападать на твои владѣнія! а когда не выполню моей клятвы, да будетъ желѣзо какъ мѣдь на латахъ нашихъ! да обратятся наши копья на насъ же самихъ!

Альфредъ. Слышите вы всѣ клятву? Губбо, ты свободенъ — ступай. Твои ладьи ждутъ у береговъ.

Губбо. Пойдемъ, товарищи! намъ не стыдно глядѣть другъ на друга: мы бились храбро. Не сегодня, завтра, — не здѣсь, въ другомъ мѣстѣ, нанесутъ наши ладьи гибель непріятелямъ... (³).

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

(¹) Два слова не прочитаны.

(²) Слово не прочитано.

(³) Три слова не прочитаны.

Н. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ I.

Стран.

I.

Предки Гоголя.—Первыя поэтическія личности, напечатлѣвшіяся въ душѣ его.—Характеристическія черты и литературныя способности его отца.—Первыя влиянія, которымъ подвергались способности Гоголя.—Отрывки изъ комедій его отца.—Воспоминанія его матери 1

II.

Пребываніе Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.—Дѣтскія проказы его.—Первые признаки литературныхъ способностей и сатирическаго склада ума его.—Воспоминанія самого Гоголя о его школьныхъ литературныхъ опытахъ.—Школьная журналистика.—Сценическія способности Гоголя въ дѣтствѣ.—Страсть къ книгамъ 18

III.

Переписка съ матерью во время пребыванія въ гимназіи:

Стран.

нужда въ деньгахъ; — желаніе учиться музыкѣ и танцамъ; — участіе отца въ направленіи способностей Гоголя;—смерть отца;— отчаяніе Гоголя;—опасеніе за здоровье матери;—сроки полученія денегъ изъ дому;—склонность къ сельскому хозяйству и садоводству; — ученическія сочиненія;—гимназическій театръ;— характеристика отца и горячая любовь къ нему; — страсть къ книгамъ; — заботы о костюмѣ; — высокія стремленія Гоголя-школьника. — Письма къ Г. И. Высоцкому: одиночество;—сарказмы ;—мечты о будущемъ. — Письмо къ матери о страданіяхъ отъ людей и воздаміи добромъ за зло. — Записная книга Гоголя-гимназиста 29

IV.

Переѣздъ въ Петербургъ. — Инстинктъ таланта.—Письмо къ матери о петербургской жизни. — Значеніе матери въ жизни Гоголя. — Просьбы къ ней о матеріалахъ для сочиненій. — Первыя попытки въ стремленіи къ извѣстности. — Сожженіе поэмы въ стихахъ. — Выписки изъ нея. — Неудавшееся желаніе поступить въ число актеровъ. — Первая любовь. — Поѣздка за море. — Гоголь-юноша характеризуетъ самого себя. — Пребываніе въ Любекѣ и Травемундѣ. — Воспоминанія Гоголя объ этой поѣздкѣ въ 1847 году 59

V.

Гоголь поступаетъ на службу и дѣлается домашнимъ наставникомъ. — Характеристическія черты его въ качествѣ домашняго наставника. — Первыя статьи, помѣщенныя въ журналахъ. — Успѣхъ »Вечеровъ на Хуторѣ«. — Переписка съ матерью: просьсьбы о сообщеніи ему этнографическихъ свѣдѣній о Малороссіи; — затруднительныя денежныя обстоятельства;— реестръ прихода и расхода; — порядокъ жизни; — занятія живописью ; — взглядъ на свои бѣдствія; — »Вечера на Хуторѣ«;—исполненіе нѣкоторыхъ надеждъ 83

VI.

Воспоминанія Н. Д. Бѣлозерскаго. — Служба въ Патріотическомъ институтѣ и въ С. Петербургскомъ университетѣ. — Воспоминанія г. Иваницкаго о лекціяхъ Гоголя.—Разсказъ товарища по службѣ. — Переписка съ А. С. Данилевскимъ и М. А. Максимовичемъ: о »Вечерахъ на Хуторѣ«; — о Пушкинѣ и Жуковскомъ; — о любви;—о товарищахъ-землякахъ;—

Стран.

объ изданіи малороссійскихъ пѣсень;—о петербургскихъ литераторахъ;—о страсти къ малороссійскимъ пѣснямъ; — о перемѣщеніи на службу въ Кіевъ.—Воззваніе Гоголя къ генію наканунѣ новаго (1834) года 100

VII.

Продолженіе переписки съ М. А. Максимовичемъ: объ »Исторіи Малороссіи«; —о малороссійскихъ пѣсняхъ;—о Кіевѣ;—объ »Арабескахъ« и »Исторія Среднихъ Вѣковъ«;—о »Миргородѣ«.—Переписка съ М. П. Погодинымъ: о всеобщей исторіи, о современной литературѣ, объ исторіи Малороссіи. — Переписка съ матерью въ 1833 — 1835 годахъ: практическое направленіе писемъ;—воспоминанія дѣтскихъ впечатлѣній;—сужденіе о литературѣ 130

VIII.

Книги, въ которыхъ Гоголь писалъ свои сочиненія. — Начатыя повѣсти.—Гоголь посѣщаетъ Кіевъ. — Аналогія между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни . . . 161

X.

Любовь къ Нѣжинскому лицею (письмо къ Н. Д. Бѣлозерскому). — Письма къ М. С. Щепкину о постановкѣ »Ревизора«. — Внутреннія страданія комика. — Причины выѣзда за границу 179

XI.

Гоголь за границей.—Письмо къ бывшей ученицѣ (поѣздка изъ Лозанны въ Веве).—Жизнь въ Римѣ.—Письмо къ П. А. Плетневу о римской природѣ.—Второе письмо къ ученицѣ (съ наброскомъ статьи »Римъ«).—Объясненіе побудительныхъ причинъ къ перепискѣ съ женщинами.—Воспоминанія А. О. С—ой о встрѣчѣ съ Гоголемъ за границею. — Чтеніе первыхъ двухъ главъ перваго тома »Мертвыхъ Душъ.—Смерть Пушкина . . 189

XII.

Два письма къ сестрамъ о Римѣ.—Третье письмо къ ученицѣ: о Германіи, о Петербургѣ, о римскихъ древностяхъ, о романическихъ происшествіяхъ въ Римѣ.—Четвертое письмо къ ученицѣ: о болѣзни графа Іосифа Вьельгорскаго, опять о Германіи, о Гамлетѣ и Каратыгинѣ. — Отрывокъ изъ дневника

Стран.

Гоголя: »Ночи на Виллѣ«.—Письма къ сестрамъ о матери, о воспитаніи характера, о жизни въ деревнѣ, обѣщаніе пріѣхать къ выпуску изъ института.—Анекдоты о Гоголѣ 210

XIII.

Письма Гоголя къ А. С. Данилевскому: о кофейныхъ домахъ по марсельской дорогѣ;—о разныхъ интересовавшихъ его пьесахъ и книгахъ;—о петербургскихъ пріятеляхъ; — о юбилеѣ Крылова; — о чайныхъ вечерахъ въ Римѣ; — о современномъ воспитаніи;—утѣшенія другу въ его потерѣ;—о разстройствѣ здоровья и порядкѣ жизни въ Римѣ; — о представленіи »Ревизора« въ Полтавѣ и нерасположеніи Полтавцевъ къ его автору; — объ утратѣ юношеской свѣжести чувствъ;—объ изученіи Рима съ Жуковскимъ;—о смерти графа Іосифа Вьельгорскаго. — Письма къ матери о замѣчательныхъ предметахъ за границею 233

XIV.

Записки С. Т. Аксакова о Гоголѣ: возвращеніе въ Москву;—перемѣна въ наружности; — поѣздка въ Петербургъ; повѣсть »Аннунціата«; — выѣздъ за границу.—Заботы о семействѣ. — Письма: къ П. И. Р—ой—о приготовленіи сестры къ жизни; къ А. С. Данилевскому—о домашнихъ обстоятельствахъ и пріѣздѣ матери въ Москву;—къ матери объ архимандритѣ Макаріи; къ С. Т. Аксакову—объ удобствахъ лѣченія; къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ о переводахъ съ иностранныхъ языковь; къ М. С. Щепкину—о передѣлкѣ итальянской комедіи для русской сцены. 251

XV.

Болѣзнь Гоголя въ Римѣ. — Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ и къ П. А. Плетневу.—Взглядъ на натуру Гоголя.—Письмо къ С. Т. Аксакову въ новомъ тонѣ. — Замѣчаніе С. Т. Аксакова по поводу этого письма. — Другое письмо къ С. Т. Аксакову: высокое мнѣніе Гоголя о »Мертвыхъ Душахъ«.—Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ. — Письма къ Н.Н.Ш***** 265

XVI.

Второй пріѣздъ Гоголя въ Москву. — Еще большая перемѣна въ немъ.—Чтеніе »Мертвыхъ Душъ«.—Статья »Римъ«.—Грустное письмо къ М. А. Максимовичу. — Мрачно-шутливое

Стран.

письмо къ ученицѣ.—Безпокойства и переписка по случаю изданія »Мертвыхъ Душъ«. — Гоголь опредѣляетъ самъ себя, какъ писателя. — Письмо къ ученицѣ о его болѣзненномъ состояніи. — Продолженіе записокъ С. Т. Аксакова: Гоголь объявляетъ, ито ѣдетъ ко Гробу Господню;—прощальный обѣдъ;—отъѣздъ изъ Москвы. — Воспоминанія А.О.С.—ой. — Чтеніе отрывковъ изъ печатныхъ »Мертвыхъ Душъ« и комедіи »Женидьба« 287

XVII.

Письмо къ С. Т. Аксакову изъ Петербурга. — Заботы о матери (Письмо къ Н. Д. Бѣлозерскому). — Письма къ С. Т. Аксакову: о пособіяхъ для продолженія »Мертвыхъ Душъ«; — о первомъ томѣ »Мертвыхъ Душъ«; — о побужденіяхъ къ задуманному путешествію въ Іерусалимъ. — Письмо къ матери о томъ, какая молитва дѣйствительна. 304

XVIII.

Писько къ А. С. Данилевскому о »Мертвыхъ Душахъ. — Продолженіе переписи съ М. С. Щепкинымъ—о постановкѣ на сцену пьесъ: «Утро Дѣловаго Человѣка«, »Тяжба«, »Игроки«, »Лакейская« и »Ревизоръ съ Развязкой«.—Письма къ П. А. Плетневу: о денежныхъ дѣлахъ, о критикѣ »Мертвыхъ Душъ« и о запрещеніи брать изъ нихъ для передѣлки на сцену.—Письмо къ бывшей ученицѣ—о сообщеніи толковъ касательно »Мертвыхъ Душъ« 316

XIX.

1843-й годъ. — Воспоминанія Ѳ.В.Чижова. — Письма къ Н.Н.Ш*****, къ С. Т. Аксакову — о »Мертвыхъ Душахъ«, къ Н. Д. Бѣлозерскому—о сообщеніи свѣдѣній для продолженія »Мертвыхъ Душъ« и къ П. А. Плетневу — о внутреннемъ актѣ творчества. 328

—

Томъ II.

Стран.

XX.

Воспоминаніе А. О. С—ой жизни Гоголя въ Риммѣ и въ Ниццѣ; — Переписка съ С. Т. Аксаковымъ и съ Н. Н. Ш***. 1

XXI.

Какимъ казался Гоголь для незнавшихъ и чѣмъ онъ былъ для знавшихъ его; — Переписка по поводу его желанія пожертвовать частью своихъ доходовъ для помощи бѣднымъ талантливымъ людямъ. 17

XXII.

Переписка съ поэтомъ Языковымъ и А.О.С—ой: шутка рядомъ съ высокими предметами; — взглядъ Гоголя на самаго себя; — актъ творчества, совершающійся посредствомъ молитвы;—опроверженіе обвиненій въ двуличности;—артистъ и христіянинъ;—отзывъ Гоголя на вопросъ; Русской онъ, или Малороссіянинъ? — общій смыслъ »Мертвыхъ душъ« 34

XXIII.

1845-й годъ. — Гоголь болѣнъ.—Письма о болѣзни къ Н. Н. Ш*** и С. Т. Аксакову.—Высочайшее пожалованіе Гоголю по 1000 рублей серебромъ на три года.—Письмо къ министру народнаго просвѣщенія.—Лѣченіе холодною водою въ Грефенбергѣ. Гоголь въ Прагѣ.—Письма изъ Римма и изъ другихъ городовъ, выражающія физическое и душевное состояніе Гоголя, предшествовавшіе появленію »Переписки съ Друзьями«.—Первое впечатлѣніе, произведенное »Перепискою«. 45

XXIV.

Письма къ П. А. Плетневу по поводу изданія »Переписки съ Друзьями«: тайна, въ которой должно было быть сохранено дѣло; — расчеты на большой сбытъ экземпляровъ; — высокое мнѣніе автора о значеніи книги; — искренняя преданность къ Царствующему дому; — о нуждающихся въ помощи; — кому послать экземпляры: — объ изданіи »Ревизора съ Развязкой«; — сожалѣніе о перемѣрѣ редакціи »Современника«; — о сообщеніи толковъ и критическихъ статей;—о второмъ изданіи »Переписки съ Друзьями«; — о малодушіи стремленія къ добру; — взглядъ Гоголя на самого себя и на дружескія связи съ знатными

Стран.

людьми;—отношеніе »Переписки съ Друзьями« къ »Мертвымъ Душамъ« 62

XXV.

Переписка Гоголя съ С. Т. Аксаковымъ по поводу »Переписки съ друзьями«. — Суровый пріемъ книги. — Жалобы и оправданія Гоголя. — Письма къ критику 94

XXVI.

Благосклонные отзывы о »Перепискѣ съ Друзьями«.—Письма о ней Гоголя къ Ф.Ф.В***, Н.Н.Ш*****. А. С. Данилевскому, князю В.П.Л**, П. А. Плетневу и отцу Матвѣю. . 113

XXVII.

Письмо къ П. А. Плетневу объ изданіи »Современика« въ новомъ видѣ: — значеніе этого журнала подъ редакціею П. А. Плетнева; — воспоминанія Гоголя объ участіи своемъ въ изданіи »Современника« при Пушкинѣ; — указаніе лучшихъ сотрудниковъ для »Современника« въ новомъ видѣ;—опредѣленіе самого себя, какъ писателя, въ строгомъ смыслѣ; — объ источникѣ поэзіи; — жажда душевной исповѣди.—Письма къ М. С. Щепкину о постановкѣ на сцену »Ревизора съ Развязкой». — Предувѣдомленіе къ четвертому и пятому изданіямъ »Ревизора«.— Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ о воспитаніи племянника. 142

XXVIII.

Путешествіе въ Іерусалимъ.—Конвоированье черезъ пустыни Сиріи.—Побудительныя причины къ путешествію.—Внутреннее перевоспитаніе.—Понятія о службѣ.—Письма о путешествіи въ Іерусалимъ: къ Н.Н.Ш*****, П. А. Плетневу, А. С. Данилевскому, Жуковскому и отцу Матвѣю. 164

XXIX.

Чувства Гоголя по возвращеніи въ мѣста его дѣтства. — Продолженіе »Мертвыхъ Душъ«.—Описаніе деревни Васильевки и усадьбы Гоголя.—VI статья »Завѣщанія«.—Замѣтки Гоголя для передѣлокъ и дополненія »Мертвыхъ Душъ«. — Два письма къ С. Т. Аксакову. 190

XXX.

Переѣздъ въ Москву.—Посѣщеніе Петербурга.—Жизнь въ

Стран.

Москвѣ. — Любимыя малороссійскія пѣсни. — Переписка изъ Москвы съ П. А. Плетневымъ, А. С. Данилевскимъ и отцомъ Матвѣемъ.—Воспоминанія С. Т. Аксакова и А. О. С—ой.— Чтеніе второго тома »Мертвыхъ Душъ« 206

XXXI.

Путешествіе на долгихъ въ Малороссію.—Проектъ путешествія по монастырямъ.—Взглядъ С. Т. Аксакова на Гоголя.— Воспоминанія Ѳ.В. Чижова и А.В. Марковича. — Пребываніе въ Одессѣ.—Знакомство съ Н.Д.Мизко. 230

XXXII.

Возвращеніе въ Москву.—Послѣднія письма къ роднымъ и друзьямъ.—Разговоръ съ О.М.Бодянскимъ.—Смерть г-жи Хомяковой.—Болѣзнь Гоголя.—Говѣнье.—Сожженіе рукописей и смерть. 248

Приложенія:

I. Дворянскій протоколъ Гоголя. 271
II. Письма Гоголева отца къ Директору Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, В. Г. Кукольнику 272
III. Прошеніе Гоголя въ конференцію гимназіи. 273
IV. Отмѣтки успѣховъ Гоголя въ наукахъ и поведеніи. . . 274
V. Отрывокъ изъ журнала, веденнаго надзирателями гимназическаго пансіона во время требыванія въ немъ Гоголя. 274
VI. Классныя упражненія Гоголя. 275
VII. Аттестатъ. 277
VIII. Распредѣленіе садовыхъ работъ на осень 1848 года и весну 1849. 278
IX. Набросокъ начала безыменной трагедіи изъ англійской исторіи. 281

[library stamp]

ОПЕЧАТКИ ВО 2-МЪ ТОМѢ.

стр.	*строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ.*
33	4	будешъ	будемъ
49	16	Гефенбергъ	Грефенбергъ
57	35	встрѣтивъ	встрѣтилъ
61	14	мыслѣ	смыслѣ
67	23	проходило	приходило
77	30	дуло	дѣло
90	12	такими закими замѣчаніями	такими замѣ-чаніями
93	25	надлежащимъ	не надлежащимъ
102	35	не призналъ	не признанъ
109	33	его	ею
113	16	Примиритесь	Примитесь
170	4	навевеній	наведеній
179	9	Вяжу	вижу
210	21	танта	таланта

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Gogolja, Nikolaja Vasil'eviča

Zapiski o žizni Nikolaja Vasil'eviča Gogolja, sostavlennaja iz
vospominanij ego druzej i znakomych i iz ego sobstvennych pisem V 2 tomach.
S portretom N. V. Gogolja
Bd.: 2

S.-Peterburg 1856

Biogr. 3082 v-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10068715-6